ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Сапрынская Дарья Викторовна

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ/СССР И КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ УЙГУРОВ И ДУНГАН (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX-ГО – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВЕКА)

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Быков Андрей Юрьевич

Москва, 2025

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Уйгуры и дунгане в системе международных отношений в Центральной Азии в последней трети XIX-го – начале XX века 28

1.1.Зарубежная и отечественная историография и источники 34

1.2. По обе стороны границы: положение уйгуров и дунган в Западном и Восточном Туркестане в конце XIX века 109

1.3. От шариатского управления к имперскому: категоризация и специфика управления иноверцами в Центральной Азии 133

Глава 2. На стыке эпох и идеологий: уйгуры и дунгане в период политической трансформации Центральной Азии на рубеже XIX–XX веков 151

2.1. Национальный вопрос в конце XIX – начале XX века: китайский и российский подходы 154

2.2. Локальное осмысление национального: джадидские изыскания 171

2.3. Туркестанское единство: региональные проекты и их идеологи 191

Глава 3. На пути к социалистической идее: уйгуры и дунгане в первой трети XX века 209

3.1. Политика в отношении национальных меньшинств в Советских Средней Азии и Казахстане и в Китайской Республике 219

3.2. Конструирование национальностей: переписи, термины и практика классификации 252

3.3. Уйгуры и дунгане в первые годы СССР и Китайской Республики 264

Заключение 282

Список литературы 290

Приложения 333

ВВЕДЕНИЕ

Современная Центральная Азия[1] представляет собой поликонфессиональный и полиэтничный регион, народы которого исторически находились во взаимосвязи с несколькими государственными образованиями и их правовыми системами. Располагаясь на перекрестке различных культурных традиций, социальных укладов и административных систем, население Центральной Азии проходило различные этапы и формы трансформации этнокультурной идентичности. В этноконфессиональных группах региона этот процесс мог протекать как синхронно, так и диахронно, быть схожим или качественно отличаться. В результате этих процессов была сформирована современная этнополитическая карта Центральноазиатского региона.

Актуальность исследования обусловлена протекающими в настоящее время этнополитическими процессами в Центральной Азии. После распада СССР произошло становление национальных государств, в связи с которым ряд исследователей ставит вопрос о возникновении нового субъекта международных отношений – Центральной Азии. Каждая из стран региона по-разному подошла к формированию этнической политики с учетом специфики и опыта этнокультурного взаимодействия. В Российской Федерации, Китае и странах Центральной Азии существует собственная политика в отношении этнических меньшинств, ее первичная цель состоит в сохранении государственной целостности и предотвращении сепаратизма на этнической основе. Этнические общности по-разному воспринимают условия, продиктованные рамками этнополитического курса своей страны: от стремления к наделению национально-территориальными автономиями с разным статусом до обретения суверенитета. Несмотря на различное отношение властей стран региона к процессам этнокультурного развития этнических сообществ, тема остается

[1] Под термином «Центральная Азия» представляется не современное политическое понятие пяти республик бывшего СССР, а географическое представление региона, включающее в себя северо-западные области современного КНР, Республики Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и др. Аналогичным для российской и советской историографии является термин «Средняя Азия». Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 3–5.

одной из наиболее обсуждаемых в СМИ и в научно-экспертном сообществе, определенные аспекты тематики остаются гласно и негласно табуированными. В этой связи исследование различных административных подходов к решению национального вопроса является актуальным, помимо прочего оно позволяет выявить уровень напряженности в этноконфессиональной сфере и оценить эффективность проводимой этнополитики в исторической ретроспективе в сравнении с текущими процессами и прогнозами на средне- и долгосрочную перспективу.

Научная новизна определяется:

- развитием исследований, описывающих проблемы этнокультурной идентичности и ее трансформации[2]. Несмотря на то, что в академическом дискурсе присутствуют работы, посвященные отдельно проблемам национальной истории уйгуров и дунган[3], в данной работе фокус смещен в сторону изучения общего опыта прохождения этапов изменения идентичности указанных народов под действием этнокультурной политики российской и китайской администраций;

---

[2] Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности: монография. СПб. : Алетейя. Ист. кн., 2007.

[3] См.: Сыроежкин К. Л. Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. Алматы, 2015; Турсун Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии / под ред. А. И. Нарынбаева. Бишкек: Tesis, 1999; Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Harvard University Press, 2016 (на англ. яз.); Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023; Сушанло М. Я. Дунгане: (Ист.-этногр. очерк) / АН КиргССР. Отд. востоковедения. Фрунзе: Илим, 1971.

Уйгуры Синьцзяна делятся на локальные группы (юрт) по специфике территории проживания, а также говорящих на различных наречиях, отличающихся по формам традиционной одежды, фольклору и др.: кашгарцы, хотанцы, или таглыки, аксуйцы, лобнорцы, турфанцы, комульцы и др. Также следует указать на наименования, распространенные в исследуемый период, например, алтышахарцы или алтышарцы (жители шести городов Восточного Туркестана), таранчи (илийцы или кульджинцы) – тюркоязычное земледельческое население региона. См.: Дмитриев С. В. Уйгуры // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/uigury-cdfb56/?v=6987244 (дата публикации: 17.04.2023). Дунгане представляют собой часть мусульман Китая, известных под именованием «хуэйцзу», термин «дунганин» в основном распространен на территории Западного Туркестана или используется отечественной наукой в отношении китайских мусульман. См.: Комиссаров С. А. Хуэй // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/khuei-6ec197/?v=10687654 (дата публикации: 20.01.2025).

- введением в научный оборот ряда исторических источников, непосредственно иллюстрирующих проблему национального строительства среди этнических меньшинств, среди которых особую ценность представляют неопубликованные материалы и труды востоковеда Залмана Львовича Амитина-Шапиро[4];

- выделением этапов изменений этнокультурной политики России/СССР и Китая в отношении уйгуров и дунган;

- определением основных закономерностей и проблем международного характера, связанных с изменением правового и политического положения указанных этнических сообществ.

Объектом исследования является этнокультурная идентичность уйгуров и дунган в Центральной Азии. Объединение дунган и уйгуров в единый объект исследования вызвано тремя факторами:

1) оба этноса оказались разделенными Российской и Цинской империями и их правопреемниками РСФСР/СССР и Китайской Республикой;
2) обе этнические группы объединяет общность исторической судьбы: практически параллельное участие в Антицинских восстаниях в последней трети XIX века, переселение значительной части в пределы Российской империи, несколько последующих волн трансграничной миграции в последней трети XIX-го – первой трети XX века;
3) участие обеих этнических групп в процессе национального строительства как по отдельности, так и совместно в рамках единой общности, в частности, в

[4] МАЭ РАН, Ф. 40. Коллекция рукописей, полевых и других материалов сотрудников МАЭ за 1828–1993 гг. Оп. 1, пп. 1 – Амитин-Шапиро. Единица хранения содержит в себе оригинал статьи с пометками автора под названием «Об уточнении наименований некоторых национальных меньшинств Среднеазиатских республик» для сборника «Советская этнография», № 2, однако, как указано в предисловии, статья была снята издательством по политическим причинам. Об этом свидетельствует письмо помощника ответственного редактора З. Смирновой.

общих проектах, связанных с формированием единой нации – уйгуры, куда были включены и дунгане, в первой трети XX века[5].

Предметом исследования выступает политика российской и китайской администрации в отношении этнокультурной идентичности уйгуров и дунган и реакция на нее соответствующих сообществ.

Целью исследования является сравнительный анализ этнокультурной политики Российской и Цинской империй, СССР и Китайской Республики в отношении уйгуров и дунган в период последней трети XIX-го – первой трети XX века с точки зрения их влияния на трансформацию правового положения и этнокультурной идентичности указанных народов.

В рамках исследования поставлены следующие **задачи**:

1) определить этапы и особенности этнокультурной политики России и Китая в регионе в отношении уйгуров и дунган;

2) проанализировать правовое положение уйгурской и дунганской общин в последней трети XIX-го – первой трети XX века в составе российского и китайского государств;

3) выявить подходы к определению правового статуса уйгуров и дунган региональными, имперскими (российской и китайской), китайской республиканской и советской политико-административными системами;

4) определить влияние административно-правовых реформ и эволюции институтов самоуправления в последней трети XIX-го – первой трети XX века на формирование этнической идентичности уйгров и дунган; выявить, каким образом эти изменения повлияли на кристаллизацию представлений о группе, территориальной принадлежности и политическом положении.

[5] См., напр.: РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405. С. 2–7. Докладная записка председателя Джетысуйского областного комитета революционного союза уйгур Туркестана Хашима Ходжаева.

5) раскрыть влияние идей мусульманского обновленчества и тюркского национализма, а также каналы их распространения на изменение этнокультурной идентичности уйгуров и дунган;

6) классифицировать исследования отечественных и зарубежных авторов, изучавших этнические общности уйгуров и дунган, с учетом их социокультурных характеристик, определить их влияние на процесс нациестроительства.

Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении исследовательской проблемы в кроссрегиональном контексте в исторической динамике. Исследование позволяет представить трансформацию понятийного аппарата, административных мер, а также выявить периоды и специфику реализации этнокультурной политики в региональном измерении.

Практическая значимость исследования представлена возможностью использования его в учебно-методической работе и научно-экспертной деятельности. Кроме того, настоящее исследование является основой для продолжения научных изысканий.

Хронологические рамки исследования охватывают период последней трети XIX-го – первой трети XX века. Выбор такого временного отрезка обусловлен спецификой процессов, которые составляют предмет диссертационного исследования – трансформацию правового положения и этнокультурной идентичности уйгуров и дунган. Нижняя граница определена существованием на территории разных государственных образований (Российской империи, империи Цин, Йеттишара, кратковременное существование самостоятельных мелких тюркских и дунганского государств) этнических групп, постепенная консолидация которых привела к формированию определенного положения уйгуров и дунган в рамках разных правовых систем. Важнейшими событиями второй половины XIX века, определившими этноцентристский вектор политогенеза в рамках изменения положения этнических групп, стали образование Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 году, признание Бухарским эмиратом российского

протектората в 1873 году, Мусульманское восстание 1862–1878 годов и миграция части населения Восточного Туркестана в Западный[6], а также процессы делимитации и демаркации российско-китайской государственной границы. Верхняя граница знаменуется завершением процесса национально-территориального размежевания и формирования республик и автономных образований меньшего уровня в Средней Азии и Казахстане (1924–1936 годы), в результате которой многие этнические группы региона получили новый правовой статус в рамках утвердившегося в этнографии и воспринятого советским правительством подхода, предусматривавшего ранжирование этносов на народности, народы и нации и закрепление за ними соответствующих административно-территориальных образований (автономное поселение / волость / уезд / район – область / край /автономная республика – союзная республика), а также образованием на территории Синьцзяна Восточно-Туркестанской (Исламской) Республики. Процессы нациестроительства сопровождались созданием специальных политических (легальных и нелегальных) и административных органов на этнической основе, появлением и утверждением в административной лексике названий, ставших и самоназваниями современных этносов – «уйгуры» и «дунгане». Советская модель нациестроительства (коренизация, создание письменностей, автономий и др.) напрямую влияла на формирование идентичности и правового статуса уйгуров и дунган. В Китае в 1920–1930-х годах процесс этнической самоидентификации уйгуров и дунган развивался во многом под влиянием советского проекта. Вместе с тем существовали и явные отличия: ханьская и республиканская китайская администрации, не отрицая процесса этнической консолидации в указанный период, отвергали идею национальной автономии. Кроме того, процесс этнической консолидации в Синьцзяне протекал в значительной степени на религиозной и пантюркистской основах, в то время как советская власть

[6] РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 48. О восстании дунганей в Западном Китае. 8 января 1866 – 27 марта 1867 г.; РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 99. О восстании дунганей, о возвращении китайских эмигрантов на родину и о разграблении байджигитовских киргизов китайскими калмыками. Ч. 1; РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 100. Ч. 2.

стремилась противопоставить процесс нациестроительства процессам исламизации и объединения разрозненных этнических групп на панисламской и пантюркистской основах.

В работе произведен сравнительный анализ политики российской/советской и цинской/китайской республиканской администраций по вопросу репрезентации уйгуров и дунган в рамках обозначенных систем. Важным результатом и финальной точкой исследования является 1936 год, когда произошло официальное закрепление терминов «уйгуры» и «дунгане» в советской этнографической и административной лексике и признание за ними определенного статуса и национальных прав. Несмотря на то, что важнейший этап в национальном строительстве для исследуемых народов на территории Китая произошел с 1944 года после появления (Второй) Восточно-Туркестанской Республики и продолжился после создания КНР в 1949 году, в диссертации этот период не является предметом анализа, поскольку национальная политика в период 1940-х годов формировалась в условиях новой геополитики и международного порядка. Более того, этнополитика КНР, основанная на иных идеологических и административных принципах, требует отдельного подхода и выходит за рамки заявленной проблематики.

Географические рамки исследования включают в себя территории Русского (Западного) Туркестана, а также Синьцзян (Западный край) или Китайский (Восточный) Туркестан в период конца XIX-го – начала XX века, после 1917 года – Туркестанскую АССР, Хорезмскую и Бухарскую НСР, ставшие впоследствии республиками Средней Азии и Казахстана, а также территории, находившиеся под управлением Ян Цзэнсиня – губернатора Синьцзяна после Синьхайской революции 1911 года, территории провинций Ганьсу, Цинхай в период Китайской Республики[7].

[7] Использование топонима «Туркестан» во второй половине XIX века предполагало обозначение территорий современных республик Центральной Азии (Западный или Русский Туркестан), Афганского Туркестана, Синьцзяна – Восточного или Китайского Туркестана. Туркестан // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016.

Апробация настоящего исследования проводилась в ходе чтения лекций и проведения семинаров по истории стран Центральной Азии в ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, а также в рамках обсуждений на заседаниях кафедры стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА, Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, и отдела истории Востока Института востоковедения РАН, выступлений на 13 международных конференциях.

Основные положения и выводы диссертации изложены в опубликованных тезисах и статьях. Так, результаты работы докладывались на ежегодных научных конференциях «Ломоносовские чтения» (2020–2025), «Ломоносов», а также на конференциях, проводимых в Алтайском государственном университете, Eurasian Insights EISCAS Final Conference (22–24 September 2021) «Past, current and upcoming dynamics in the Central Asian region, and their (possible) impacts for Europe», Самаркандском государственном университете и др. Четыре статьи вышли в научных журналах, входящих в список, рецензируемый ВАК. По означенной тематике была осуществлена работа по гранту для молодых кандидатов наук (МК-636.2020.6 «Анализ влияния трансформации этнорелигиозного фактора в контексте формирования и модификации национальной идентичности тюркских народов России и стран Центральной Азии и Кавказа, прогнозирование возможных рисков и угроз национальной безопасности») в качестве соисполнителя, а также в качестве исполнителя реализован грантовый проект Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) – Международный научный симпозиум «Историко-культурная центральность Центральной Азии и наследие больших и малых караванных дорог» 2022 года.

Методологической основой диссертации в значительной степени является конструктивистский подход, который применяется в диахронической ретроспективе с учетом терминологии и понятий, свойственных отдельно взятой эпохе. В полном смысле этот подход можно ассоциировать с высказанной идеей британского историка Э. Дж. Хобсбаума о том, что конструирование национальности и национализма,

происходящее сверху, невозможно без учета чаяний и интересов простого человека, понимания его надежд и убеждений[8]. Автор также полагается на подход Р. Брубейкера, который пытается переосмыслить групповой конструктивизм, переходя к анализу этничности без групп[9]. Важным положением в работе Р. Брубейкера является определение процессов этнизации, расизации и национализации не как субстанциальных сущностей, а в качестве практических категорий, которые должны осмысляться как политические, культурные и др. явления[10]. При этом исследователь не отрицает существования наций, рас, этничности, а говорит об обстоятельствах, необходимых для появления этих категорий; в его представлении важнее обстоятельства, а не сам факт группы. Этот подход отражается в диссертационном исследовании следующим образом. Во-первых, представляется, что трансформация идентичности исследуемых групп происходит в связи с действием систем, в качестве которых автор видит российскую и китайскую политико-административную организации, а самосознание конкретных народов является элементом воздействия различных обстоятельств – политических, культурных, социальных и иных. Важно учитывать, что при определении элементов системы и структурных связей внутри нее тщательного внимания требует установление объективных и субъективных факторов, влияющих на функционирование всей системы, вплоть до приобретения ею новых качеств[11], проявлением чего может рассматриваться появление новых групповых форм идентичности и/или обретение ими элементов правовой субъектности, а также автономии и/или суверенитета. Взаимодействие соседствующих территориально аналогичных национальных элементов систем в разных политико-административных

---

[8] Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 9–10 (на англ. яз.).

[9] Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 14–29.

[10] Там же. С. 29–43.

[11] Ипполитов Г. М. Системный подход к познанию истории: Дискуссионные размышления о некоторых аспектах многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 192–199.

системах вносит в эту умозрительную конструкцию дополнительные факторы. Во-вторых, в исследовании не отрицается факт существования уйгуров и дунган как отдельных этнических групп с собственной историей этногенеза / национальной историей, общность этих групп формулируется в связи с единством политических, социальных и прочих обстоятельств, которые являются движущими причинами в трансформации и их идентичности.

Параллельно с синхронным применяется и диахронный метод с выявлением отдельных периодов, демонстрирующих эволюцию процессов политогенеза и нациестроительства, а также выделяются отдельные этапы развития категориального аппарата и сбора сведений российской наукой об исследуемых общностях, уточняется терминологическая специфика наименования того или иного народа в разные периоды в различных локациях.

В работе также использовался сравнительно-исторический метод: одной из ключевых проблематик работы является изучение отношения к меньшинству в рамках регионального, имперского и советского контекстов. При рассмотрении документов государственных органов, газет, мемуарного комплекса использовался источниковедческий анализ с применением ретроспективного метода. При обработке демографических и других статистических данных в работе применялись количественные методы анализа.

Использование терминологии «национального» применительно к исследуемым народам становится возможным только с 20-х годов XX века. До этого времени более корректным термином являлся «этническая общность», понимать под которой следовало «группу людей, обладающих общим самосознанием, а также обычно общими языком и чертами культуры»[12]. В работе употребляются как локальные этнонимы, так и специфичные употребления наименований, свойственные различным политическим системам России и Китая.

[12] Тишков В. А. Этническая общность // Большая Российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2017. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/4916954 (дата обращения: 10.11. 2021).

В работе используется **терминологический аппарат**, характеризующий проблему исследования и отражающий разные научные школы и методологию их изучения. Текст работы включает следующие понятия: *«нация», «национальные меньшинства», «этническая общность», «меньшинство», «разделенные народы», «транснациональные этнические группы», «идентичность»* и *«этнополитика»*, в отношении которых в существующих исторических, социологических и этнологических трудах нет единой трактовки. Поэтому целесообразно представить то, как они понимаются представителями различных методологических направлений, а также автором настоящего диссертационного исследования.

Одним из базовых терминов, который раскрывает исследуемую проблематику, является понятие *«нация»*. В современной науке этот термин имеет разные концептуальные наполнения. В исследованиях, основанных на методологии **эссенциализма** или же **примордиализма, нация** выступает категорией *a priori*. Так, в работах отечественных исследователей сформулирован ряд концепций, активно применяющих понятие «нация» [13] . К ним следует отнести теорию этносов Ю. Бромлея [14] , учение об этносе С. Широкогорова [15] , теорию пассионарности Л. Гумилева [16] . Эти подходы периодически используются и современными специалистами, но в целом превалирует критическая оценка эссенциализма, что нашло отражение в работах С. Панарина[17], В. Шнирельмана[18] и В. Тишкова[19]. Другая коннотация присуща **конструктивизму**, где нация видится социальным конструктом

[13] Обобщенное представление о советской теории этносов содержится в кн.: Филиппов Р. В. Советская теория этноса: историографический очерк. М. : Институт Африки РАН, 2010.

[14] Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.

[15] Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923.

[16] Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ Москва, 2008.

[17] Панарин С. А. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Вестник Евразии. 2006. № 1. С. 45–57.

[18] Шнирельман В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под ред. Е. И. Пивовара. Вып. 2. М., 1999.

[19] Тишков В. А. Очерки теории этноса и политики этничности. М., 1997. С. 90–94.

или, с подачи одного из самых ярких представителей этого направления – Б. Андерсона[20], «воображаемым сообществом». Среди трудов представителей этого направления выделяются оригинальностью трактовки Э. Геллнера [21], Э. Дж. Хобсбаума[22], Дж. Холла[23]. Среди отечественных исследователей наиболее интересны построения в рамках данного подхода С. Н. Абашина[24]. Третье представление о формировании нации в качестве результата конкретных исторических условий предлагает **инструменталистский подход**, определяющий национальную принадлежность как ситуативную роль (Д. Белл[25], М. Н. Губогло[26] и др.).

Отдельно стоит выделить концепцию Х. Кона о типологии национализмов, где гражданский национализм представлен западным вариантом (Великобритания, США, Франция, Нидерланды, Швейцария), а этнический – восточным (Германия, Восточная Европа, Россия)[27]. Несмотря на то, что представители современной зарубежной науки отказались от его основной идеи (см. работы У. Кимлика[28], Р. Брубейкера[29] и др.), в статьях и монографиях ряда отечественных авторов сохраняется тенденция регионализации в исследованиях о «национальном».

---

[20] Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1983. P. 20–31 (на англ. яз.).

[21] Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

[22] Hobsbawm E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983 (на англ. яз.).

[23] Hall J. Nationalisms, Classified and Explained // Notions of Nationalism. Budapest, 1995. P. 8–28 (на англ. яз.).

[24] Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности: монография. СПб., Алетейя. Ист. кн., 2007.

[25] Bell D. Ethnicity and Social Change // Ethnicity Theory and Experience. Cambridge; Massachusetts, 1975 (на англ. яз.)

[26] Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003.

[27] Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1994. P. 3–24, 329–334 (на англ. яз.).

[28] Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford University Press, 1995 (на англ. яз.).

[29] Брубэйкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2000. № 1-2. С. 28–29.

Восприятие национализма как некоторого «уравнителя» этнического, культурного и социального факторов присутствует в работе К. Калхуна. Автор представляет появление национализма как механизм, который, опираясь на существовавшие идентичности и традиции, трансформирует их в новом значении[30]. Вопрос, связанный с отношениями этничности и национализма, раскрывает Э. Смит. Он акцентирует внимание на разнородном восприятии «этнического» и «национального» в науке, полагая, что они могут представляться дополнениями друг для друга или же, наоборот, могут противопоставляться. Смит указывает на необходимость рассмотрения истории и этничности не как второстепенных явлений, а скорее в качестве фундаментальных истоков в развитии национализма[31].

Регионализм и этнический фокус присутствуют в таких работах о восточных сообществах, как, например, фундаментальный труд «Нации и национализм на мусульманском Востоке» под редакцией В. Я. Белокреницкого и Н. Ю. Ульченко[32]. Осмысление понятия «нация», в представлении В. Я. Белокреницкого, вступает в конфликт со спецификой восточных общностей: если западное понимание нации исходит из принципов гражданственности, то восточное – строится на принципе подданства[33]. Нация как модель модернизации анализируется в рамках исследований о политических процессах в странах Азии и Африки, в таком изложении она рассматривается как «нация-государство» с учетом восточной специфики[34].

---

[30] Калхун К. Национализм / пер. А. Смирнова. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 107–108.

[31] Смит Э. Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. С. 93–95.

[32] Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. М. : ИВ РАН, 2015.

[33] Белокреницкий В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Россия и мусульманский мир. 2017. № 6. С. 83–106.

[34] Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 9–27; Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы: научно-методический комплекс / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект, 2011.

Особое значение имеет подход, сформулированный в лоне марксизма, а именно сталинское определение этапов формирования нации (племя – народность – народ – нация), который транслирует понятие о нации как об «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада»[35]. Этот подход чрезвычайно важен для понимания того, каким образом ранжировались национальные меньшинства в составе нового государства. С другой стороны, И. В. Сталиным сформулирована и разница в положении национальных меньшинств: миноритарные группы в зависимости от модели государства существовали в разных условиях, которые могли учитывать или, наоборот, не обращать внимания на их интересы. Если в «развитых демократиях» этнические меньшинства, находясь вне своих национальных границ, «перемалывались» требованиями рынка, «плавились» в котлах формирования исключительно гражданских наций, то советская теоретическая модель, очевидно, представляла ряд преимуществ: в социализме государство определялось не национальным вопросом, а действовало согласно классовым принципам, поэтому национальный вопрос стоял в графе «преодоления», а не «пестования», что происходило в капиталистическом лагере с целью эксплуатации.

Подход к этому направлению в Китае был связан с советскими представлениями, опираясь на которые, китайские коммунисты развивали идеи социализма. При этом нельзя не отметить, что появление «национального» из мира европейской философии в Китае случилось раньше прихода к власти КПК и прошло долгий путь от распространения западных идей через японскую интеллектуальную среду до социалистических идеалов. Зачастую концептуальные подходы с конца эпохи Цин и до прихода КПК к власти были представлены в формате непрямого интеллектуального спора, участниками которого выступали: Лян Цичао, Сунь Ятсен,

[35] Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М. : Госполитиздат, Л. : тип. «Печ. Двор», 1950.

Чжан Тайянь, Цзоу Жун, Чэнь Тяньхуа и др.[36] Нация в китайском представлении могла фигурировать в следующих аспектах:

1) для обсуждения агрессивной природы империализма и указания на опасность разделения Китая (борьбы против маньчжур и Цин);

2) для выражения национального самоуважения и национальной гордости, объяснения необходимости национальной независимости;

3) для изучения истории этнических групп Китая и социального развития;

4) для представления концепции «нация» и объяснения феномена «национализма»;

5) аргументация национальной автономии;

6) понятие нация могло подменять другие категории, например, расу или этничность[37].

На протяжении последних десятилетий в странах региона вместе с ростом национальной идентичности наблюдается развитие теоретических подходов к ее осмыслению, а также применение различных методологических подходов к объяснению ряда процессов и методик поиска и анализа информации. Одна из таких работ посвящена досоветскому восприятию идентичности, в частности, палитрам самоидентификации в Бухаре до начала XX века. Авторы указывают на то, что в регионе существовала многофакторная система идентификации населения. Она формировалась не только в контексте локальной идентичности или идентичности оазисов («бухарец», «ташкентец»), но и на основе ряда других представлений:

---

[36] Ли Сяосю. Вань Цин фаньи юй миньцзу гоцзя сянсян: и сянсян дэ гунтунти лилунь вэй цзи чу [Перевод в конце династии Цин как способ воображения нации: на основе теории «воображаемых сообществ»]: диссертация на соискание ученой степени PhD / руководитель Gregory B. Lee, Dongfeng Wang. Lyon; Гуанчжой: Universite Jean Moulin (Lyon 3); Universite Sun Yat-sen, 2013. – Дата защиты: 29.05.2013. URL: https://scd-resnum.univ-lyon3.fr/out/theses/2013_out_li_x.pdf. (《晚清翻译与民族国家想象：以“想象的共同体”理论为基础》, 2013) (на кит. яз.).

[37] Чэнь Ли, Пэн Улинь. Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 1 цзюань. [Избранные статьи по изучению современной китайской национальной истории: 1 т.]. Бэйцзин Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. С. 1–22. (陈理、彭武麟.《中国近代民族史研究文选（上）》.北京: 社会科学文献出版社,2013) (на кит. яз.).

племени, семейства, этноса или религии, большинство горожан и оседлых жителей прекрасно знали свое происхождение и регулярно обращались к нему. Фактически речь ведется о множественной или сложной идентификации. Так, бухарцы или самаркандцы в то же время считали себя узбеками, таджиками, арабами, ирани, евреями, туркменами и пр. Поэтому при характеристике того, что является «этносом» на пространстве Востока, существовала своя собственная категоризация, которая в значительной степени отличалась от европейского осмысления идентичности и этничности[38].

Важно подчеркнуть, что понятие «*нация»* и его эволюция рассматриваются авторами в диахронической ретроспективе: если во время империи всякая этническая общность определялась «вероисповеданием», «народностью» и, конечно же, подданством, а также сословными, региональными признаками, то в отношении «новых» народов СССР был сформулирован иной подход, обозначенный в рамках сталинской методологии. Подобное было свойственно и эволюции китайского представления, где от категории подданных империи местное население перешло к концептуально иным представлениям о своем статусе в государстве[39].

Одним из терминов при работе с указанными этническими общностями (уйгуры, дунгане) является понятие *«разделенные народы»,* которое обозначает не только их разделение границами разных государств (Российская и Цинская империи, СССР и Китайская Республика), но и специфическую систему управления указанными народами – переселенческий или статус иностранного гражданина для уйгуров и дунган. Отметим, что не только исследуемые народы находились в

[38] Бабаяров Г., Асанов Э. Был ли этническим досоветский город? О палитрах идентичности Бухары начала XX века // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. LAP Lambert Academic Publishing. Republic of Moldova Europe / под ред. Ш. Камолддин. Вып. 6. 2021. С. 44–52.

[39] Чэнь Ли, Пэн Улинь. Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 3 цзюань. [Избранные статьи по изучению современной китайской национальной истории: 3 т.]. Бэйцзин Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. (陈理、彭武麟.《中国近代民族史研究文选（上、中、下册）》.北京: 社会科学文献出版社,2013) (на кит. яз.).

подобном положении, но и большая часть населения Центральной Азии, поэтому пример уйгуров и дунган заслуживает отдельного внимания с целью характеристики разнородности условий и факторов разделения различных этнических общностей региона.

Термин «меньшинство»[40] используется в тексте работы для обозначения иного правового положения указанных народов, которые не всегда находились в меньшинстве в демографическом/численном выражении, но их политико-правовой и административный статус подразумевал отсутствие доступа к определенным формам участия в политическом управлении и системной поддержки своей идентичности. При этом для разных периодов этот феномен осмыслялся в хронологической динамике: сначала с позиций подданства, а затем гражданства.

Среди работ, которые анализируют специфику управления меньшинством в Российской империи с учетом проблемно-хронологического принципа, стоит отметить исследования Н. Е. Бекмахановой[41], Ф. Т. Тухтаметова[42], Д. Ю. Арапова[43], А. Ю. Бахтуриной [44] и др. Несколько иным методологическим подходом

---

[40] Меньшинство – культурно, этнически или расово обособленная группа, которая сосуществует с более доминирующей группой, но подчиняется ей. Поскольку этот термин используется в социальных науках, эта подчиненность является главной определяющей характеристикой группы меньшинства. Таким образом, статус меньшинства не обязательно коррелирует с численностью населения. В некоторых случаях население одной или нескольких так называемых групп меньшинств может во много раз превышать численность доминирующей группы, как это было в Южной Африке при апартеиде (ок. 1950–1991 гг.). См.: Britannica, The Editors of Encyclopaedia. «minority». Encyclopedia Britannica, 23 Feb. 2024. URL: https://www.britannica.com/topic/minority (дата обращения: 25.02.2024) (на англ. яз.).

[41] Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: послед. четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М. : Наука, 1980.

[42] Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: (Вторая половина XIX века). М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. Уфа : Башк. ун-т, 1999.

[43] Императорская Россия и мусульманский мир: конец XVIII – начало XX в.: сборник статей / под ред. Д. Ю. Арапова. М. : Наталис, 2006.

[44] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственое управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

руководствуются исследователи А. М. Эткинд[45], Д. Схиммельпеннинк Ван дер Ойе[46], раскрывающие специфику инкорпорирования азиатских частей в Российской империи сквозь постколониальную оптику. Автор настоящего исследования придерживается традиционного подхода, который доминирует в отечественной историографии. При этом в тексте исследования используется ряд концептуальных представлений, которые также применяются в западной историографии с опорой на работу Б. Андерсона[47], по причине необходимости обобщений действий российской и китайской администрации в отношении исследуемых этнических общностей.

Положение меньшинства по-разному интерпретируется в региональной политике Российской и Цинской империй. В российском пространстве происходило очевидное культурное давление: изначально исламские сообщества в составе империи рассматривались индифферентно, после Андижанского восстания, которое произошло в 1898 году и носило радикальный характер, ислам стал восприниматься властями в качестве угрозы[48].

Для китайской политики отношение формулировалось системой наместничества и восприятия жителей как «*вайфань*» 外藩[49] – народов, которые могли иметь прямую зависимость от империи, положение «внешнего» вассала или непостоянные контакты с китайской стороной. Это понятие было характерно для исследуемого периода, но нужно отметить существование и других представлений,

---

[45] Эткинд А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. 4-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

[46] Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М. : РОССПЭН, 2019.

[47] Anderson B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1983 (на англ. яз.).

[48] Записка С. Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д.Ю. Арапова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7(155). М. : Изд-во Русская панорама, 2003. С. 198–209.

[49] Кузьмин С. Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом // Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 46.

например, роль концепции Мандата Неба[50] в легитимации власти хань, треминов «*ся»* (夏）и *«мань»* (蛮）[51], которые служили для обозначения древних китайцев и некитайцев и сформировались еще в IV веке до н.э., а также иных идей, раскрывающих историю национального внутри китайской цивилизации. Другой категорией в системе традиционных китайских политических представлений служил диалог или противостояние «хуа и чжи бянь» (華夷之辨), что в переводе означает различие между китайцами и варварами[52]. Актуализация диалога/противостояния «хуа-и» тесно связана с кризисными периодами в китайской истории, когда требовалось продемонстрировать различие между китайской и другой культурой. Сама по себе идея китайской нации в исследованиях часто представляется эволюцией и преодолением «хуа-и» как идеи дифференциации.

Эволюция национального вопроса и этнополитики рассматривается в период Цинской династии и Китайской Республики, который включает эксперименты 1920–1930-х годов, после чего этот процесс резко трансформировался и привел к формированию основных принципов осуществления районной национальной автономии в КНР к 1952 году с их последующей модернизацией[53].

---

[50] Одно из центральных понятий для китайской политической культуры, которое служило легитимации власти и источником этноцентризма. См.: Крил Х. Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / пер. с англ.: Р. В. Котенко. СПб. : Евразия, 2001. С. 73.

[51] Термин «ся» подразумевал китайскую общность, тогда как «мань» характеризовал других – в китайском представлении варваров. См.: Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. : Наука, 1978. С. 273.

[52] Хань Син. Хуа и чжи бянь цзи ци цзинь дай чжуань син. [Различия между китайцами и варварами и их трансформация в современную эпоху] // Дунфан Луньтань [Восточный форум] – Бэйцзин : Чжунго жэньминь дасюэ госюэюань, 2014 (5) [Пекин: Школа китайских исследований, Китайский университет Жэньминь, 2014, №5]. С.1–8. URL: https://inlnk.ru/VoLlJ6 (дата обращения: 11.12.2024). (韩星《华夷之辨及其近代转型》//东方论坛 - 北京:中国人民大学国学院, 2014, 5 期) (на кит. яз.).

[53] Ставров И. В. Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-realizatsiya-etnopolitiki-i-rayonnoy-natsionalnoy-avtonomii-v-knr (дата обращения: 11.12.2024).

Еще один из методологических подходов, отражающих изменение осмысления категории «меньшинство» в академическом дискурсе, связан с постколониальным направлением и subaltern studies. *«Субалтерн»*, вошедший в оборот с «Тюремных тетрадей» А. Грамши[54], в контексте постоколониального прочтения означает всякую группу в зависимом, угнетаемом положении, культурно подчиненную метрополии. Особенность этой категории в постколониальных исследованиях напрямую связана с понятием о «невидимости» таких групп и их эксплуатации. Особую значимость subaltern studies получили в исследованиях региона Южной Азии при анализе колониальной истории на предмет фиксации культурного неравенства. Авторы таких исследований деконструируют идеологическое господство метрополий с целью предоставить «голос» субалтернам, то есть предоставить политические и иные права меньшинству. В современных исследованиях, посвященных региону, подобного рода подходы используются при интерпретации роли обновленческих тенденций в исламе, например, джадидизма[55]. В такого рода исследованиях джадидизм представлен как способ адаптации к идеям, исходящим из центра империи. Поэтому в данной работе предпринята попытка анализа роли и значения различных обновленческих течений, определение их актуальности для Восточного Туркестана и его политической жизни. Наиболее ярко эти идеи и их предтеча отражены в работах тюркских интеллектуалов, таких как Ю. Акчура[56], З. В. Тоган[57], С. Максуди[58] и др.

---

[54] Грамши А. Тюремные тетради. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf (дата обращения: 04.05.2022).

[55] Джадидизм – культурное, политическое течение мусульман России, направленное на разработку и внедрение новометодной системы образования с включением светских предметов обучения. См.: Халид А. Национализация революции в Средней Азии: Трансформация джадидизма, 1917–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

[56] Акчурин Ю. Üç Tarzı Siyaset [Три вида политики]. Анкара, 1976 (на тур. яз.).

[57] Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 2. Уфа : Китап, 1998.

[58] Sadri Maksudi'nin Hayat Hikayesi [История жизни Садри Максуди]. İstanbul, 1979 (на тур. яз.).

Термин «идентичность» также составляет поле для интерпретации. После его появления в XIX веке в работах Дж. Локка и Д. Юма он получил широкое хождение благодаря трудам представителей школы психоанализа, особенно после публикации работ Э. Эриксона. Под идентичностью в таких исследованиях подразумевалось «самоопределение, самобытность, психофизическая целостность личности, общности и общества»[59]. В дальнейшем исследователи концентрировались на соотношении идентичности и фактора группы, включая конфессиональную, национальную и др. характеристики.

Сегодня конструктивистская трактовка понятия особенно популярна, она реализована, например, в работах Э. Марка, Э. Гидденса[60]. В этих исследованиях трансформация идентичности связана с процессом модернизации. Постмодернистская трактовка, предполагающая флюидность, переменчивость факторов идентичности, представлена в работах З. Баумана и Г. Дебора[61], в социологических работах Дж. Мида и Г. Блумера[62]. В отечественных исследованиях применяются различные методы, в том числе отличные от идей, которые популярны в западных исследованиях[63].

---

[59] Эриксон Э. Детство и общество / пер. с англ. Обнинск, 1993; Он же. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М., 1996.

[60] Marc E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la societé. P., 2009 (на франц. яз.).; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М. : Академический проект, 2003.

[61] Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005; Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.

[62] Мид Дж. Г. Философия настоящего / пер. с англ.; под науч. ред. В. Г. Николаева. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014; Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М. : Изд-во МГУ, 1984. С. 173–179; Он же. Коллективное поведение / пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / сост. Е. И. Кравченко; под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 90–115; Он же. Социальные проблемы как коллективное поведение / пер. И. Ясавеева // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / сост. и общ. ред. С. А. Ерофеева; 2-е изд., доп. и перераб. Казань : Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 150–159 и др.

[63] Кочетков В. В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1; Полякова Н. Л. «Идентичность» в современной социологической теории // Вестн. моск.

Для данной работы особенно важна категория территориальной идентичности (самосознания), которая предполагает отождествление себя с территорией проживания, часто ее синонимом служит понятие региональной идентичности[64].

Последний термин, который необходим для понимания методологии и содержания исследования, — это этнополитика или этническая политика, реже этот же термин используется в формулировке «этнокультурная политика»[65]. Этнополитика является этнологической и политологической категорией, представляет собой изучение этнического фактора в политике, определение роли этнических групп и их непосредственного участия в государственных процессах и, наоборот, роли государства в жизни этнических общностей, обеспечения личных прав отдельных этносов и коллективных интересов всего населения страны[66].

Автор данной работы вводит этот термин для объяснения действия государственной власти в рамках процесса инкорпорирования этнических общностей в единое правовое и культурное пространство. Под действием этнокультурной политики администрации население получает определенные права, систему управления, происходит трансформация и/или появление языковой политики, а также предоставление этническим общностям автономий, квот и пр. Отметим, что в современных исследованиях этот термин одинаково применим для измерения действия государственной власти на этнические общности в период Российской

ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 4; Сергейчик Е. М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 1; Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 1.

[64] Чернявская О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник ВятГУ. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-ponyatiya-territorialnoy-identichnosti (дата обращения: 24.07.2024).

[65] Зорин В. Ю., Степанов В. В. и др. Этнокультурные процессы и этническая политика // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2019); https://old.bigenc.ru/ethnology/text/5550736 (дата обращения: 19.07.2024).

[66] Тишков В. А., Шабаев Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М. : Издательство Московского университета, 2011. С. 13–20.

империи[67] и СССР[68]. Тождественная терминология используется и в китайской историографии[69]. При этом за рамками настоящей работы остается трактовка отдельных исследовательских направлений этнополитики – методов аккультурации и адаптации, изучения этнических конфликтов и пр.

Структура работы выстроена с учетом проблемно-хронологического принципа, согласно которому поэтапно рассматривается процесс взаимодействия администраций России и Китая с исследуемыми этническими общностями в последней трети XIX-го – 30-х годах XX века, история пребывания указанных народов на территории и в составе Российской и Цинской империй, а затем и в составе республик СССР и Китайской Республики. Диссертационное исследование состоит из введения, трех тематических глав, заключения, библиографии и приложения.

Положения, выносимые на защиту

1. В XIX веке региональная этнополитика России и Китая в отношении исследуемых народов формировалась в рамках российского подхода к «инородцам» в Западном Туркестане и «вайфань» – в китайском Туркестане. Если для Цин восприятие окраинных земель было исторически унаследовано от предыдущей династии Мин и формулировалось подходом к этим народам как к вассальным, то российская политика исходила из задач определения подданства в рамках всей империи в зависимости от этноконфессиональных отличий. В регионе на местном уровне доминировало шариатское право, а основным маркером разделения и

---

[67] Бушуев В. А. Имперская этнополитика и модель государственно-конфессиональных отношений: консервативный доктринально-правовой проект // Философия права. 2010. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-etnopolitika-i-model-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnosheniy-konservativnyy-doktrinalno-pravovoy-proekt (дата обращения: 11.04.2024).

[68] Аманжолова Д. А. Советская этнополитика между идеологией и реальностью (1929–1941 годы) // Сервис +. 2013. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-etnopolitika-mezhdu-ideologiey-i-realnostyu-1929-1941-gody (дата обращения: 11.04.2024).

[69] У Цинэ. Цун до юань до ти дао до юань и ти цзу цюнь чжэн чжи син тай дэ лю бянь юй Чжун го ли ши дэ цзинь дай чжуань син [От «множества» к «единству в многообразии» – эволюция этнических политических моделей и современная трансформация истории Китая]. URL: https://mingqing.sinica.edu.tw/en/Academic_Detail/922 (дата обращения: 11.04.2024) (吳啟訥．《從「多元多體」到「多元一體」——族群政治型態的流變與中國歷史的近代轉型》(на кит. яз.).

самоидентификации долгое время по обе стороны российско-китайской границы было разделение на правоверных и неверных, а также на кочевников и оседлых.

2. Уйгуры и дунгане находились в одинаковых условиях идентификации их властями и самоидентификации. После серии мусульманских восстаний середины XIX века и переселения в Туркестанский край в Российской империи первоначально они имели статус переселенцев, но уже на рубеже XIX–XX веков часть уйгурских и дунганских поселений считались коренными, в то время как новые миграционные потоки получали статус переселенцев. Это провоцировало определенное противостояние между старожилами и переселенцами, не способствуя их этнической консолидации.

3. Изменение политики Китая и России по отношению к указанным этническим общностям было связано с историческими событиями в регионе: мусульманскими восстаниями, геополитическим соперничеством держав, революциями, процессами делимитации и демаркации границы. При этом, если советская модель изменила свой подход к национальному вопросу, то для Китая в исследуемый период бóльшее значение имел статус Синьцзяна как неотъемлемой части единого китайского государства.

4. Закрепление этнонимов «уйгуры» и «дунгане» за этническими общностями, идентифицировавшимися с многочисленными другими наименованиями (текущей локализацией или местом исхода), произошло в первой четверти XX века под действием советской этнополитики и этнографических изысканий. Несмотря на то, что эти этнонимы встречались в различных письменных источниках, географических топонимах и названиях государственных образований с периода Средневековья, их этнонимическое употребление могло иметь иную трактовку. Административно-территориальные термины, которые распространили на этнографические группы, очень быстро были восприняты ими в качестве самоназвания, используемого до настоящего времени.

5. Процесс нациестроительства среди уйгуров и дунган в значительной степени являлся следствием целенаправленной политики советских властей. Этот процесс отражал общие идеи о решении национального вопроса, отстаивавшиеся большевиками, но имел и специфические черты, связанные со стремлением использовать проживание уйгуров и дунган как на территории СССР, так и в Китае для демонстрации позитивного имиджа советского строя.

6. В политике по отношению к мусульманам Синьцзяна китайское руководство опиралось на конфессиональную специфику. И только с образованием Синьцзян-Уйгурского автономного района в составе КНР за уйгурами и дунганами административно были закреплены те же названия, что использовались в соседних советских республиках Средней Азии и Казахстана.

7. Важную роль в уточнении наименований в процессе национального строительства в регионе сыграла отечественная наука: от исследования топонимики и географии региона до введения в публичный оборот ряда этнонимов. Все эти позитивные достижения послужили развитию советской этнографии и этнополитики, стали основой для названий новых советских народов и наций, использовавшихся при образовании новых административно-территориальных единиц различного уровня в составе СССР.

Глава 1. Уйгуры и дунгане в системе международных отношений в Центральной Азии в последней трети XIX-го – начале XX века

Наибольшее число представителей уйгурской и дунганской общностей в конце XIX века проживали в двух частях Центральноазиатского региона: в Западном Туркестане, вошедшем в состав Российской империи, и в Синьцзяне (Восточном Туркестане), рассматривавшимся китайским властями собственной территорией, но далеко не всегда таковым являвшимся. Уйгуры и дунгане, наряду с казахами, киргизами и другими этносами, во второй половине XIX-го – начале XX века были представлены и в среднеазиатских ханствах, вошедших в состав Российской империи с особым статусом. Также некоторое время они составляли основу государства Якуб-бека. Находясь по обе стороны границы, народы региона закономерно занимали пограничное положение и в том числе поэтому попадали в орбиту действия разных административных структур, руководствовавшихся зачастую отличными принципами управления. В Российской империи дунгане и уйгуры были отнесены к категории оседлых инородцев[70]. В империи Цин их статус регламентировался несколько иначе и соответствовал категории *«вайфань»*. В среднеазиатских ханствах статус этих народов специально не определялся, но увязывался с их мусульманской религиозной принадлежностью, здесь также доминировали их территориальная и хозяйственная идентификации.

Формированию такого положения предшествовало массовое расселение мусульман Синьцзяна по территории Западного Туркестана, в значительной степени ставшее следствием военного похода кокандского хана Мухаммед-Али (1822–1842) на Кашгар и последовавшее переселение в Ферганскую долину ок. 70 тыс. кашгарских мусульман (также часть уйгуров). Часть переселенцев позднее вернулись в Кашгар[71].

---

[70] Инородцы – жители Сибири и Средней Азии, юго-восточной и северо-восточной части Европейской России, а также евреи иудейского вероисповедания. См.: Инородцы // Большая российская энциклопедия. Т. 11. М., 2008. С. 398.

[71] Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М. : Ин-т российской истории РАН, СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 28;

Существенную роль также сыграли мусульманские восстания в империи Цин[72] и вхождение в состав Российской империи территории среднеазиатских ханств вместе с зависимыми от них этническими группами[73]. Так, локализация переселенцев из числа уйгурской и дунганской общин была связана с районами Туркестана[74] (Семиречье, Ферганская долина) и его конкретными уездами: Токмакским, Ташкентским, Андижанским, Ошским, Джаркентским и Верненским. Более того, в Семиреченской области для переселенцев из Восточного Туркестана было образовано пять волостей: Джаркентская, Кетменская, Аксу-Чарынская, Малабаевская и Карасуйская[75].

Вплоть до начала XX века этнизация, то есть использование самоидентификации, основанной на этничности, среди подавляющей массы населения была достаточно низкой[76]. В регионе существовали собственные категории идентификации. В рассматриваемый период в Центральной Азии важными характеристиками оставались этноплеменные категории «жуз», «ел», «ру», «уруғ». Параллельно внешняя и внутренняя идентификация в регионе строилась по

РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 169. Л. 20–32. О принятии в русское подданство кочевых калмыков, каракалпаков и других выходцев из Китая.

[72] Уйгуро-дунганское восстание в 1864–1877 годы, серия мусульманских мятежей, охвативших провинции Шэньси и Ганьсу, в результате которых произошел массовыĭ исход китайских мусульман из Поднебесной. См.: Дмитриев С. В. Уйгуро-дунганское восстание 1864–77 // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 726.

[73] В 1868 году Бухарский эмират признал вассалитет Российской империи (Русско-бухарский договор 1868 года). В 1873 году Бухарский эмират был признан протекторатом России (Шаарский договор 1873 года), в этом же году Хивинское ханство признало вассалитет – в тексте договора буквально «покорным слугой императора всероссийского» (Гендемианский мирный договор 1873 года).

[74] Использование топонима Туркестан во второй половине XIX века предполагало обозначение территорий современных республик Центральной Азии (Западный или Русский Туркестан), Синьцзяна – Восточного или Китайского Туркестана. См.: Туркестан // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 535.

[75] Балтабаева А. М., Рахматулла Б. Ш. Вопросы народного образования среди уйгурского, дунганского населения Казахстана в советский период // Наука и современность. 2010. С. 83.

[76] Масанов Н. Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. АН СССР. Наука, 1993. С. 99–103.

географической принадлежности. Например, для жителей Восточного Туркестана типичными определениями служили категории территориальной идентичности: турфанец, кашгарец, комулец и прочие [77], выделялась и хозяйственная принадлежность – таранчи (землепашцы)[78]. Другая составляющая была связана с религиозной идентичностью (мусульманин, православный, иудей) – наиболее выраженная в именовании дунганей как хуэйцзу (мусульмане на территории Китая). Существовала и местная специфика, описанная в очерках видного востоковеда академика С. Ф. Ольденбурга, которая была выражена в принятых прозвищах-фамилиях («лакамах»). Например, жители Хами могли называться кок иштан (синие штаны), Турфана – бурны жок (безносые) и т.д.[79] Эти прозвища, звуча уничижительно, в действительности могли иметь символически-охранительную коннотацию.

Кроме того, вместе с политической трансформацией региона в период Новой и Новейшей истории в Центральной Азии происходили изменения подходов к параметрам идентификации населения [80]. Только экономическая модернизация

---

[77] Уйгуры Синьцзяна делятся на локальные группы (юрт) по специфике территории проживания, а также говорящих на различных наречиях, отличающихся по формам традиционной одежды, фольклору и др.: кашгарцы, хотанцы, или таглыки, аксуйцы, лобнорцы, турфанцы, комульцы и др. Также следует указать на наименования, распространенные в исследуемый период, например, алтышахарцы или алтышарцы (жители шести городов Восточного Туркестана), таранчи (илийцы или кульджинцы) – тюркоязычное земледельческое население региона. См.: Дмитриев С. В. Уйгуры // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/uigury-cdfb56/?v=6987244 (дата публикации: 17.04.2023).

[78] Таранчи – наименование оседлого тюркоязычного народа, составлявшего большинство населения Кульджи. Эта группа образовалась в результате выселения из Восточного Туркестана уйгуров в Илийскую долину во второй половине XVIII века при занятии региона китайскими войсками. В период занятия Илийского края русскими войсками таранчи переселились на территорию Семиречья. См.: Туркестанские ведомости. 1894. № 36 (1274). 22 мая. С. 2–3.

[79] Ольденбург С. Ф. «Лакамы» – прозвища жителей городов Восточного Туркестана. Пг. : тип. Росийской академии наук, 1917. С. 93–94.

[80] Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: послед. четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М. : Наука, 1980; Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг.: монография. М.-СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019; Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М. : Новый Хронограф, 2020; Халид А. Создание Узбекистана: нация, империя и революция в раннесоветский период : [12+] / пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб. : Библиороссика; Бостон : Academic Studies Press, 2022;

региона, совмещенная с идеями «национального» и курсом этнополитики, привела в начале XX века к выделению этничности в качестве детерминирующего фактора самоидентификации.

Таким образом, в отношении исследуемых общностей существовало как минимум несколько категорий, объясняющих их принадлежность: административные, связанные с действием властей в регионе, категории, объясняющие территориальную или хозяйственную принадлежность, религиозные и ряд самоназваний, которые также могли служить в качестве форм идентификации населения.

Численность народов в составе Российской империи можно проследить по результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года[81]. Согласно ее данным, общая численность населения Сыр-Дарьинской области составляла 1 478 398 человек, из которых сартов[82] и тюрков (в эту группу могли входить таранчи или другие выходцы из Восточного Туркестана) было 144 275 и 158 675 человек[83], отдельно в число жителей включались китайцы, исповедующие ислам, их численность определялась в 499 человек.

Схожая ситуация наблюдается с данными по Семиреченской области: при общем количестве 987 863 жителей китайцы-мусульмане (в будущем – дунгане) составляли 14 130 человек. В Семиречье также проживали одни из представителей тюркоязычных мусульман Восточного Туркестана – таранчи (часть уйгуров) – в

Центральная Азия в составе Российской империи / Абашин С. Н. и др.; отв. ред.: С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

[81] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905.

[82] Согласно В.В. Бартольду, под сартами понимались оседлые узбеки и равнинные таджики, которые носили данное название до 1917 года. Область их проживания – Ферганская долина, Хорезм, Ташкент, а также Южный Казахстан. См.: Бартольд В. В. Сарты. Соч. Т. 2, ч. 2. М., 1964; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. Остроумов Н. П. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1890.

[83] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 86: Сыр-Дарьинская область. 1905. С. 4–13.

количестве 55 999 человек. На территории Ферганской области общая численность населения составляла 1 572 214 человек, из них мусульман – 1 557 057 человек. Китайцы-мусульмане составляли 1640 человек. В Самаркандской области число жителей составляло 860 021 человек. Среди языков указывается «таранчийский» – 28 человек, из которых 11 проживали в Самарканде и 17 – в Ходженте. Таранчи также упоминаются в составе Мервского уезда Закаспийской области. Здесь их число равнялось 425 человек. На Акмолинскую область на 682 608 жителей приходилось 438 983 «турецко-татарских» народностей, среди языков которых указываются сартский вслед за именованием этнической общности, а также узбекский и др. Вероятно, что в Акмолинской области выходцев из Восточного Туркестана, по официальным данным, не было совсем, а если были, то единицы. Можно констатировать отсутствие точных данных по количеству переселенцев из Восточного Туркестана, дисперсно проживавших в различных областях азиатских провинций империи, что связано в первую очередь с особенностями методики проведения переписи, когда отнесение происходило по вероисповеданию, языку и виду хозяйственной деятельности.

Согласно данным Н. Абдусематова, численность тюркской общины китайского Туркестана на начало XX века составляла ок. 30 млн человек[84], их положение было достаточно сложным. Абдусематов указывал, что «большая часть населения невежественна и относится к числу отсталых мусульман на арене мира культуры. Потому что у них нет учебных заведений и типографий, которые расширяют мысль и познания, освещают разум нации…»[85] В статье 1912 года этот же автор приводит уже

[84] Шура. 1911. № 20. С. 617–618. Примеч. авт.: указанное число населения китайского Туркестана скорее всего приведено Назарходжой обобщенно, может включать народы, исповедующие ислам. Согласно данным, приведенным Джеймсом А. Миллуордом, по цинским переписям число уйгуров в регионе могло достигать 320 000 тыс. Население по китайским переписям зачастую было представлено по числу домохозяйств – по переписи 1818 года уйгурских домохозяйств насчитывалось 63 767. См.: Millward J. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. New York : Columbia University Press, 2007. P. 299–300 (на англ. яз.).

[85] Там же.

более конкретные данные о таранчах в Семиречье, заявляя, что в области их число достигало 8 тыс. человек[86].

Достаточно трудно установить общую численность уйгурского и дунганского населения. Если первые могли входить в состав тюркских народностей разных областей, то дунгане уже в тот момент могли считаться отдельно, их численность составляла приблизительно 16 269 человек, а численность обозначенных как «таранчи» – 56 452 человек. На китайской территории численность также в оценках весьма существенно варьировалась от общего числа мусульман от 30 млн до конкретных хозяйств в числе 320 000 и других данных. Можно сделать вывод о безусловном перевесе числа исследуемых общностей в китайском Туркестане, что не мешало тем, кого вскоре будут называть дунганами и уйгурами, проживавшими в гораздо меньшем количестве в Западном Туркестане, выступить в качестве активного субъекта советской этнополитки. Процесс этнизации в Западном Туркестане был тесно связан с процессом регламентации правового положения. Для администраций и русского, и китайского Туркестана важно было точное соотнесение приграничного населения с определенными группами. При этом пограничное положение для самого населения порождало сложность процесса этнической консолидации.

Наконец, особое значение в трансформации этнокультурной идентичности населения сыграл одновременный с политической модернизацией процесс накопления знаний о специфике края, его географии и народах. Именно он являлся источником данных для формирования и проведения этнополитики в регионе, он же составил фундамент исторических, востоковедческих, этнографических изысканий о Центральной Азии.

[86] Шура. 1912. № 6. С. 177.

1.1.Зарубежная и отечественная историография и источники

Степень изученности проблемы

Исследованию проблем трансформации этнокультурной идентичности у дунган и уйгуров под действием этнополитики России и Китая посвящен комплекс работ отечественных, китайских, центральноазиатских и специалистов из других стран. Целесообразно проанализировать группы работ, разделив их по тематическому принципу:

1) подходы к исследованию этнополитики / национальной теории в Российской империи / СССР и Цинской империи / Китайской Республике;

1.1. труды, которые репрезентуют непосредственно трансформацию уйгурского и дунганского сообществ;

2) исследования, характеризующие российско-китайские отношения;

2.1. работы, посвященные изучению региональной (туркестанской) истории.

Обращаем внимание, что часть работ, которые могут рассматриваться в качестве историографических, в настоящем исследовании отнесены к историческим источникам, поскольку их авторство, содержание и другие характеристики позволяют классифицировать их и как обобщающие труды, и как труды, авторы которых являлись непосредственными участниками событий, оказывая прямое влияние на процесс нациестроительства / формирование этнополитики в регионе. Более того, многие из этих авторов являлись чиновниками различного уровня. Такие работы можно отнести к делопроизводственной документации с выделением их в отдельный подвид данного вида источников.

1. Значительный историографический массив представлен исследованиями, затрагивающими проблему национального и ее проекцию на другие этнические общности. Отметим, что в отечественной и зарубежной историографии существуют различные теоретические подходы, которые представляют процесс формирования нации (конструктивизм, примордиализм, инструментализм), уже изложенные

автором во введении при описании методологии исследования. Этнические меньшинства в отечественных и европейских трудах обычно представлены в качестве иллюстративных блоков к общетеоретическим построениям процесса национального строительства[87]. В противовес и в дополнение им региональные труды включают определенную область исследований с опорой на актуальную хронологию[88].

Выделим работы, которые рассматривают национализм через сопоставление европейского понимания нации и особенностей восприятия этого понятия на Востоке. Среди современных исследований таковым является коллективный труд «Национализм в мировой истории» под редакцией В. А. Тишкова[89]. В этой работе тематическая глава С. Н. Абашина отведена Центральной Азии. С. Н. Абашин показывает, что процесс формирования национализма в регионе проходил своеобразно, отражая скорее представления местной элиты[90].

В отношении России такими работами можно назвать исследования А. Каппелера, раскрывающего историю России как полиэтничного государства, где специфика российской истории представлена не как летопись многонационального государства, а как русская национальная история. При этом советская историографическая традиция характеризуется им уже в ключе парадигмы «дружбы

---

[87] Агдарбеков Т. А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1990; Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане : сборник статей / ред. коллегия: акад. отв. ред. С. З. Зиманов и др. Алма-Ата : Наука, 1977; Кулматов К. Национально-государственное строительство в Средней Азии и Казахстане 1917–1927 гг. (проблемы истории и историографии): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. М., 1992.

[88] Кабиров М. Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1975; Гасанлы Джамиль П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949: монография. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. Қазақстан дүнгендері / Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, А. К. Камалов, З. С. Имярова. Астана, 2016 (на казах. яз.).

[89] Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007.

[90] Абашин С. Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов / Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 351–360.

народов». Каппелер выделяет роль национальных элит в сохранении аппарата подчиненности Российской империи, где предоставление привилегий становится инструментом обеспечения лояльности нерусских элит[91].

Другой подход в отношении национального в России характерен для А. И. Миллера. Так, в «Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования» автор указывает, что методологические сложности в исследовании национализма связаны с «региональным подходом», то есть вычленением конкретной области из общеимперской карты, где размещается этническая общность или представлено современное государство, с последующим последовательным его изучением. Историк изначально конструирует регион, учитывая этнический и территориальный факторы, а уже затем выстраивает последовательность и методы их исследования[92].

Соотношение региональной политики и проблем генезиса национального в Российской империи является разработанным направлением в отечественной историографии. Исследователи исходят из широкого круга вопросов, например, положения мусульман или этнических меньшинств в России. Д. Ю. Арапов формулировал положение мусульман сквозь призму государственной политики Российской империи с опорой на значительный корпус новых источниковых материалов [93] , Л. М. Дамешек анализирует этнический фактор в империи с региональным фокусом[94], В. С. Дякин делает упор на формирование национальных вопросов: «еврейского», «мусульманского», «армянского» и пр. При этом автор

[91] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем. С. Червонная. М. : Прогресс-Традиция: Традиция, 2000.

[92] Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М. : Новое лит. обозрение, 2006.

[93] Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.): монография / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. М. : [МПГУ], 2004.

[94] Дамешек Л. М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении : сибирский вариант (XVIII–XX вв.). Иркутск : Издательство ИГУ, 2022.

воспринимает конфессиональные вопросы наравне с этническим[95]. Все исследователи исходят из представлений, что в период империи власть опирается на ситуативные решения и в зависимости от той или иной тенденции/региона и направляет национальную проблематику в нужное для себя русло. Продолжением этого подхода являются работы А. Ю. Бахтуриной, посвященные проблеме управления окраинами в период Первой мировой войны, а также вопросам изменений, происходившим внутри мусульманской общины и управления ею. Автор отмечает отсутствие консолидированного подхода в «мусульманском вопросе» вплоть до 1917 года по причине, с одной стороны, продолжения политики Кауфмана, а с другой – в результате противоречии между МВД и Военным министерством[96].

В исследования Центральной Азии серьезный вклад внесли сибирские ученые. Особое значение имеют работы А. В. Ремнева, в которых автор на примере эволюции политики самодержавия в Сибири, Степном крае и на Дальнем Востоке демонстрирует специфику российского подхода к управлению отдаленными областями империи. Научным достижением автора является введение представления о регионе как отдельной области изысканий, другими словами, отображения действия царской власти в символическом «пространстве власти». Для Ремнева те, кто осуществлял политику, и те, на кого эта политика направлена, не являются одним целым, более того, к первой группе автор причисляет не только администрацию, но и множество других акторов – путешественников, военных и прочих. Фокус его внимания сосредоточен на пересечении интересов администрации и общества, когда те или иные национальные сценарии дополняют имперскую политику, продолжают ее или напрямую противостоят ей[97].

---

[95] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб. : ЛИСС, 1998.

[96] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственое управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 298–299.

[97] Ремнёв А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.

Советская этнополитика и конкретно национальные проекты стали предметом изысканий ряда исследователей. Стоит отметить цикл работ Д. А. Аманжоловой[98]. Особое место в работах Д. А. Аманжоловой отведено описанию автономистских течений в Центральной Азии, подходам советского руководства к национальному вопросу и роли в них интеллектуальной элиты [99] . Работы по национально-территориальному размежеванию в регионе И. Б. Бочкаревой включают этнополитические процессы в Средней Азии, раскрывают палитру идей о национальном вопросе. Авторская позиция раскрывает общий подход большевиков к решению национального вопроса в регионе, где основной задачей выступал отказ от общетюркского, которому противопоставлялся местный национализм как производное новых политических сил и единой территории[100]. Комплекс вопросов о национально-территориальном размежевании рассмотрен в статье А. Ю. Быкова. Автор ставит задачей раскрыть этапы национально-территориального размежевания, отмечая, что в советской и современной историографии существует восприятие процесса реформирования как одномоментной трансформации. Продлевая процесс национального размежевания до конституционного оформления всех союзных республик в регионе, он рассматривает поэтапно процесс трансформации внешних и внутренних границ Центральной Азии, приводящих, в конце концов, к формированию национальных границ. В работе обозначены дискуссии по поводу вариантов административно-территориального реформирования региона, описаны

[98] Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг.: монография. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019; Аманжолова Д. А., Красовицкая Т. Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М. : Новый Хронограф, 2020; Аманжолова Д. А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1930-е гг. М. : Собрание, 2010.

[99] Аманжолова Д. А. Некоторые проблемы национально-территориального размежевания в Средней Азии. 1920 гг. // Вестник КазНУ. Сер. Историческая. 2023. No 1(108). С. 80–95.

[100] Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. Исторические науки и археология. 2019. № 2(106). С. 22–26; Бочкарева И. Б. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г.: причины и принципы проведения // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. С. 14–22.

многочисленные проекты как представителей местной администрации, так и союзных органов[101].

Зачастую зарубежные исследователи при анализе этнокультурной политики Российской империи / СССР рассматривают отдельные факторы, которые способствуют формулированию общей картины. Например, о роли языка как проводника национального устройства рассуждает Т. Мартин в книге «Империя „положительной деятельности“: нации и национализм в СССР, 1923–1939»[102]. По его мнению, стратегия большевиков состояла в контролируемой деколонизации, в том числе через создание письменного языка в тех регионах, где он отсутствовал или имел иную цивилизационную парадигму, как, например, ислам в Центральной Азии. В подобной культурной работе автор видит стремление к формированию субъектности этнических групп, составлявших меньшинство, что, по его мнению, говорит об СССР как об «империи положительной деятельности» [103] . Процесс выстраивания языковой политики специально рассматривался в трудах А. Н. Баскакова, О. Д. Насыровой, М. Давлатназаров [104] , Б. Келльнер-Хайнкеле, Я. М. Ландау[105] и др.

Особый подход представлен в работах Адиба Халида, посвященных особенностям обновленческих тенденций в исламе как фундаменте политической трансформации. На примере Узбекистана он описывает ход национальных реформ, которые, по его убеждению, имеют конструктивистскую основу, связанную с

---

[101] Быков А. Ю. Национально-государственное размежевание в Средней Азиии Казахстане в 1920–1930 гг.: подходы и решения // Евразийский ежегодник. 2024. № 2. С. 141–197.

[102] Мартин Т. Империя «положительной деятельности: нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О. Р. Щёлоковой. М. : РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.

[103] Там же. С. 10.

[104] Баскаков А. Н., Насырова О. Д., Давлатназаров М. Языковая ситуация и функционирование языков в регионе Средней Азии и Казахстана. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995.

[105] Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау, Я.М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие / пер. с англ. О. Богдановой. М. : Центр книги Рудомино, 2015.

качественным ростом периодической печати и появлением благодаря этому нового политического языка[106].

Этнокультурная политика Цин и последующих административных властей в Китае также выступала предметом научных изысканий. Существенная разница китайских гуманитарных исследований состоит в доминировании собственных категорий и понятий над актуальной (или модной) европейской терминологией. В частности, по отношению к исследованиям нациестроительства важную роль играет идея Поднебесной («тянься» 天下), рассматриваемая китайской историографией в качестве культурной традиции, которая является предтечей национальной идеи[107]. При этом современное национальное строительство ассоциируется с коммунистической трансформацией страны с апелляцией к марксистской методологии.

Фундаментальными изысканиями являются работы Ван Кэ[108], автор исследует эволюцию национальной политики с точки зрения представления Китая как центра мироздания. Главной задачей работы является попытка переосмыслить уход от универсалистской модели в пользу идеи государства-нации. Упор делается не только на представление теоретических процессов, но и на политический, культурный

---

[106] Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии. Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова. СПб. : Алтейя, 2021. С. 395–415; Халид А. Национализация революции в Средней Азии: Трансформация джадидизма, 1917–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 43–113.

[107] Гэ Чжаогуан. Сун дай «Чжунго» иши дэ тусянь — гуаньюй цзиньдай миньцзучжуи сысян дэ игэ юаньюань [Выраженность сознания «Китая» в эпоху Сун: к одному из дальних истоков современного национализма] // Миньцзу шэхойсюйэ яньцзю тунсюнь = Sociology of Ethnicity. 2019. Вып. 301. С. 1–10. (葛兆光.《宋代“中国”意识的凸显——关于近代民族主义思想的一个远源 》// 民族社会学研究通讯) (на кит. яз.).

[108] Ван Кэ. Сяоши дэ «гомин» цзиньдай чжунго «миньцзу» юй шао шу миньцзу дэ гоцзя жэнь тун [Исчезающая нация: дискурс «нации» в современном Китае и национальная идентичность национальных меньшинств]. – Сянган: Издательство Китайского университета, 2017. (王柯. 《消失的「國民 近代中國的「民族」話語與少數民族的國家認同》. 香港: 中文大学出版社,2017) (на кит. яз.).

контекст этой трансформации. Особое внимание уделяется последнему периоду правления династии Цин, а также идеологическому влиянию западных идей на развитие китайского национализма[109].

Теоретический подход современных китайских исследователей представлен в трехтомнике Чэнь Ли и Пэн Улинь[110]. Авторами собраны различные взгляды на историю современного Китая, начиная от заката эпохи Цин. Для настоящего исследования теоретические рамки появления идеи национального иллюстрируют работы Пань Сяньлина и Пэн Улиня, в которых авторы представляют не столько отличные корни этой идеи, сколько различные факторы, оказавшие влияние на последующее развитие национальных представлений. Для Пань Сяньлиня динамика нациестроительства этносов в Китае находится в прямой зависимости от западного влияния[111]. При этом он подчеркивает необходимость применения комбинированного подхода, а не только следование марксистским или этноцентричным схемам. Для Пэн Улиня доминантой в развитии национальных представлений является взаимодействие этнических групп, а также административная политика Цин и правительства Китайской Республики, проводившаяся в отношении национальных меньшинств[112].

---

[109] Ван Кэ. Чжунго, цун «тянься» дао минь цзу го цзя [Китай: от Тянься к национальному государству]. Тайбэй: Чжэнчжи дасюэ чубаньшэ, 2017. (王柯.《中国，从天下到民族国家》. 台湾: 政治大学出版社, 2017. (на кит. яз.).

[110] Чэнь Ли, Пэн Улинь. Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 3 цзюань. [Избранные статьи по изучению современной китайской национальной истории: 3 т.]. Бэйцзин Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. (陈理、彭武麟.《中国近代民族史研究文选（上、中、下册）》.北京: 社会科学文献出版社,2013) (на кит. яз.).

[111] Пань Сяньлинь. Дуй Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю лилунь вэньти дэ сыкао [Размышление о теоретических вопросах исследовния истории нации Китая в Новое время] // Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 1 цзюань. Под ред. Чэнь Ли, Пэн Улинь. Бэйцзин: Шэхуэй Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. С. 111-130. (潘先林. 《对中国近代民族史研究理论问题的思考》//《中国近代民族史研究文选（上）》由陈理、彭武麟主编. 北京: 社会科学文献出版社,2013) (на кит. яз.).

[112] Пэн Улинь. Гуаньюй Чжунго цзиньдай миньцзу гуаньси ши яньцзю дэ цзидянь сыкао [Некоторые размышления об исследовании межнациональных отношений Китая в Новое время]// [Размышление о теоретических вопросах исследования истории нации Китая в Новое время] // Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 1 цзюань. Под ред. Чэнь Ли, Пэн Улинь. Бэйцзин:

В другом свете в этом сборнике представлено исследование Ма Дачжэна, который подходит к решению этого же вопроса сквозь региональную призму, акцентируя внимание на положении дел в Синьцзяне. Он проводит разграничение между историей Синьцзяна и национальной историей, предлагая плюралистический подход к оценке событий в регионе[113].

Упор на развитие национальной теории среди китайских марксистов сделан в коллективном труде под общей редакцией Цзинь Бинхао. В этой работе анализируется дореволюционный этап развития национальной теории и влияние на нее западных и российских идей[114]. Основное внимание уделено деятельности первых китайских коммунистов (Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь и др.) и адаптации ими марксистских идей и текстов к китайским реалиям. Авторы рассматривают понятия «национальное освобождение», «национальное равенство», «национальное единство» как базовые понятия национальной политики[115].

В работе Инь Чжигуана, репрезентующей реализацию идеи китайской нации, прослеживается модификация этого понятия от конституционных реформ периода конца Цин к подходам в Китайской Республике и коммунистической политике[116].

Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. С. 131-145. (彭武麟. 《关于中国近代民族关系史研究的几点思考》//《中国近代民族史研究文选（上、中、下册）》由陈理、彭武麟主编. (на кит. яз.).

[113] Ма Дачжэн. Синьцзян лиши яньцзю чжундэ цзигэ вэньти [Некоторые вопросы исторического исследования Синьцзяна] // // Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 1 цзюань. Под ред. Чэнь Ли, Пэн Улинь. Бэйцзин: Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. С. 145-155. (马大正. 《新疆历史研究中的几个问题》//《中国近代民族史研究文选（上、中、下册）》由陈理、彭武麟主编). (на кит. яз.).

[114] Цзинь Бингао (чжу бянь). Чжунго миньцзу лилунь байнянь фачжань: 1900-1999 [Сто лет развития китайской национальной теории: 1900-1999]. Шэньян: Ляонин Миньцзу Чубаньшэ, 2008. (金炳镐（主编）.《中国民族理论百年发展：1900-1999》，沈阳：辽宁民族出版社 2008 年版). (на кит. яз.).

[115] Цзинь Бингао (чжу бянь). Чжунго миньцзу лилунь байнянь фачжань: 1900-1999 [Сто лет развития китайской национальной теории: 1900-1999]. Шэньян: Ляонин Миньцзу Чубаньшэ, 2008. С. 120-145. (金炳镐（主编）.《中国民族理论百年发展：1900-1999》，沈阳：辽宁民族出版社 2008 年版). (на кит. яз.).

[116] Инь Чжигуан. Чжэнчжи шицзянь чжун дэ “Чжунхуа миньцзу” гуаньнянь: Цун лисянь дао гэмин Чжунго дэ сань чжун цзычжи [Идея «китайской нации» в политической практике: три модели автономии от конституционализма до революционного Китая] // Legal Theory. 2018. URL:

Комплекс китайских исследований и источников по национальной проблематике дополняется коллективными монографиями, сборниками статей и документов, такими, как «К вопросу о национальной политике династии Цин»[117], «Собрание документов по национальному вопросу»[118] и др. Российская академическая наука также осмысливает китайские концепции. Среди отечественных историографов, занимающихся анализом этого направления, стоит выделить работы А. А. Москалева[119].

Одним из обстоятельных исследований о постановке национального вопроса в Китае является труд Г. С. Кара-Мурзы. В нем автор указывает на специфику национального состава Китая и специальных мероприятий правительства в XX веке, вызывавших среди отдельных групп населения стремление к обособлению, а у ряда этнических групп – к созданию собственной государственности[120].

Теорию и практику национальной политики Китая после Синьхайской революции описывают А. А. Москалев и В. А. Богословский[121]. В их работах, в частности, представлен переход китайской власти от близких к советской модели принципов национальной политики к собственным унитаристским идеям. Так, в работе А. А. Москвалева, посвященной эволюции китайской мысли по национальному вопросу и национализму, она прослежена сквозь призму идей китайских мыслителей и политиков Лян Цичао, Сунь Ятсена, Мао Цзэдуна и др.

---

https://www.legal-theory.org/?mod=info&act=view&id=23796 (дата обращения: 07.10.2024). (殷之光. 《政治实践中的“中华民族”观念：从立宪到革命中国的三种自治》// Legal Theory. 2018) (на кит. яз.).

[117] Юй Цзыдун. Лунь Цинчаодэ миньцзу чжэнцэ [Об этнической политике династии Цин] // Маньцзу яньцзю, 2005, 0(3). С. 45. (余梓东. 《论清朝的民族政策》. 满族研究, 2005) (на кит. яз.).

[118] Миньцзу вэньти вэньсянь хуэйбянь [Собрание документов по национальному вопросу]. Пекин: Чжунго чжуньян дан сяо чубаньшэ, 1991. (《民族问题文献集》.北京：中国中央单校出版社) (на кит. яз.).

[119] Москалев А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). М. : Наука, 1981.

[120] Кара-Мурза Г. С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. 1934. № 13. С. 46–141.

[121] Богословский В. А., Москвалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911– 1949). М. : Наука, 1984.

Концепция «миньцзу», которая в современном варианте может быть ассоциирована с понятием «нация», впервые была использована Лян Цичао в статье, описывающей японские книги по истории. При этом Лян Цичао использовал понятие «миньцзу», понимания под ним «этническую общность», а «гоминь» приравнивалось к «нации»[122]. Заимствования, как показывает А. А. Москалев, были сделаны Лян Цичао под влиянием знакомства с японской литературой[123].

Среди других авторов, которые представили свой взгляд на эволюцию национального вопроса в Китае, можно отметить подход М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова, соединивших этногенез и историю осмысления китайской цивилизацией своего положения в мире и роли во всемирной истории[124]. Аналогичный подход, но с точки зрения влияния на решение национального вопроса через генезис китайской государственности представлен в работе Л. С. Васильева[125].

Исследовательский интерес представляют работы К. Л. Сыроежкина – известного казахстанского китаеведа[126]. Его многочисленные труды охватывают различные аспекты развития современного Китая, а также историю регионов с упором на положение Синьцзяна. Одним из важных направлений Константина Львовича является исследование национальной политики в Китае от проблем формирования национальной теории до ее эволюции в рамках КПК, а также проблем этнического сепаратизма и безопасности[127].

---

[122] Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму / Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. М. : Памятники ист. мысли, 2005. С. 7–8.

[123] Там же, С. 7–8.

[124] Крюков М. В. Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М. : Наука, 1979; Они же. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М. : Наука, 1984.

[125] Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М. : Наука, 1983.

[126] Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы : б.и., 1993; Он же. Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. Алматы, 2015.

[127] Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы : б.и., 1993; Он же. Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. Алматы, 2015.

Не менее авторитетным трудом является работа японского автора Мацумото Масуми, переведенная на китайский язык и раскрывающая специфику национальной теории со времен поздней династии Цин до 1945 года. Автор представляет генезис категории «нация» через идеи различных интеллектуалов того периода (В. И. Ленина, Сунь Ятсена и др.). Мацумото Масуми использует расхожую периодизацию: поздняя Цин – появление идеи нации, основное влияние западных и японских идей, в республиканский период развиваются идеи Сунь Ятсена, за которым следует советский подход с периода доминирования на политической арене КПК. Автор указывает на двоякость в развитии идей Сунь Ятсена: попытку создания гражданской нации без учета этнической специфики при фактической доминанте ханьской культуры[128].

Сопоставляя работы о трансформации национальной политики и ее теоретическом осмыслении, представляется важным подчеркнуть различие в исторических корнях, отношении этничности и империи, а также в политической реализации идеи «нации». Исследователей объединяет то, что они представляют процесс многоэтапным, соответствующим исторической хронологии: позднеимперский, хотя в российском контексте принято рассматривать эволюцию подходов к нации со времен Екатерины II, переходный – для Китая он выражен в республиканском периоде, а для России представлен периодом Временного правительства и Всероссийского учредительного собрания; финальный этап соответствует приходу к власти коммунистических режимов. Различия касаются специфики политической реализации национальной политики. Несмотря на скорее приобретенный характер идеи для Китая из европейской/советской методологии, осуществление политической трансформации и культурный контекст государства

[128] Мацумото Масуми. Чжунго миньцзу чжэнцэ чжи яньцзю: и Цинмо чжи 1945 Нянь Дэ Миньцзулунь Вэй Чжунсинь [Исследование национальной политики Китая: с акцентом на «теории нации» с конца династии Цин до 1945 года]. Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 2003. С. 56-64. (松本真澄.《中国民族政策之研究——以清末至 1945 年的“民族论”为中心》. 北京：民族出版社 2003) (на кит. яз.).

представили эту идею в виде государственного национализма с доминантой одной общности или объединенной нации при сохранении государства в уже существующих границах. Российский/советский контекст в исследуемый период представлен через предоставление политических прав национальностям, не имевшим подобных прав. Артикуляция перехода от империи к новому типу государства в обеих странах происходила с выработкой специфической терминологии, появлением новых политических и общественных институтов.

1.1. Следующая группа историографических работ связана с процессами, иллюстрирующими трансформацию этнокультурной политики в отношении уйгуров и дунган, и исследованиями их идентичности.

Изменение этнокультурной политики России и Китая в отношении народов региона было тесно связано с политическими и экономическими целями государств. Для понимания процессов в Центральной Азии были необходимы точные сведения о жителях, их нравах, этноконфессиональном составе и хозяйственной деятельности. При этом основным вопросом, звучавшим рефреном в работах из разных эпох, являлось употребление этнонимов по отношению к указанным народам. Уточнение корректности использования этнонимов содержалось в китайских хрониках, занимало российскую науку в момент активного взаимодействия с регионом, описывалось и в других источниках о народах Центральной Азии. С этой целью в данном разделе помещен историографический обзор этнонимов, имеющих отношение не к новейшей истории, а к более ранним периодам. Именно эти термины стали использоваться для обозначения исследуемых этнических общностей во второй половине XX века.

Многие источники – летописи, записки путешественников и другие – одновременно являются историографическими работами, поскольку ставят и по-своему трактуют вопросы этногенеза и нациестроительства уйгуров и дунган.

Восточная историографическая традиция по-разному описывала происхождение и основные вехи этнополитической истории уйгуров и дунган. Отличия касались как самих этих общностей между собой, так и их генезиса в

интерпретации отдельных авторов и в разные периоды. В первую очередь стоит выделить комплекс китайских источников, где сопредельные народы виделись как подчиненные срединной китайской империи[129]. В зависимости от периода регион упоминается в названиях государств и этнических групп, современных той или иной китайской династии. Конкретно с упоминанием уйгуров в названии государственных образований стоит отметить Уйгурский каганат (744–840), особенности его распада описаны в «Цзю Тан шу» и «Синь Тан шу» (то есть в Новой и Старой истории Тан); другой этап – переселение уйгуров после распада каганата и до вхождения Уйгурского турфанского княжества в состав империи Чингисхана[130]. По этому периоду источники изобилуют топонимикой (Ганьчжоуские и Сучжоуские уйгуры), например, в новоӥ и старой хрониках периода «Пяти династиӥ» («Синь Удаӥ ши» и «Цзю Удаӥ ши»); последующие этапы характеризуются использованием территорий в названии государств, например, Яркендское Саидийское ханство, государство ходжей, Кумульское ханство, Турфанское, Йеттишар и т.д.[131]

Выделяются и отдельные повествования о народах, среди них важны упоминания о хойху [гаогюй], куда входил уйгурский компонент[132], по сведениям Иакинфа Бичурина[133], записанный в династийных хрониках Тан шу[134], Вэй шу и др.; а также ряд энциклопедий и трудов, например, «Вэньсянь Тункао» Ма Дуаньлинь при

---

[129] Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. : Айрис-пресс, 2012. С. 2–6.

[130] Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. / отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск : Наука : Сиб. отделение, 1983. С. 42–48.

[131] Наименования государственных образований на территории Восточного Туркестана.

[132] Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л. : АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. С. 249–255; Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Ч. I. СПб., 1829; Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Статистическое описание Китайской империи. Ч. 2. Манчжурия, Монголия, В. Туркестан и Тибет. СПб., 1842.

[133] Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л. : АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая.1950. С. 249–255.

[134] Лю Сюй. Старая история династии Тан (Цзю Тан шу). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/IX/Star_ist_Tan_1/text3.htm (дата обращения: 03.11.2021).

династии Юань, использованные в работе известного французского востоковеда Жозефа (Йозефа) де Гиня[135].

В местной историографии стоит выделить труд Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк» («Собрание тюркских языков»)[136], где в составе 12 тюркских племен были включены уйгуры, «расположенные между севером и югом»[137] в пределах Китая. «Usmï tarïm – название большой реки, которая течет из стран ислама в [страну] уйгур, где она теряется в песках»[138], представляется р. Тарим в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

В представлении другого видного хрониста, которому мы обязаны историей Центральной Азии, – Рашид ад-Дина – этноним «уйгур» в легендарном представлении прародителя тюрок Огуза видится следующим образом: «В то время как возникла вражда между Огузом, [его] отцом |А 10а| и дядьями из-за поклонения [единому] богу и они начали воевать [между собою], некоторые родственники Огуза объединились с ним, приняли его сторону и оказали ему помощь и содействие, а некоторые приняли сторону его отца, дядьев и братьев. Тем, которые примкнули к нему и стали его пособниками, Огуз положил имя уйгур. Слово это тюркское, и его значение на персидском языке будет следующим: „он присоединился к нам и оказал помощь и согласие“»[139].

---

[135] Guignes J. Histoire général des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, & c. avant et depuis Jésus-Christ jusqu'à présent: Précédée d'une introduction contenant des tables chronol. & historiques des princes qui ont regné dans l'Asie: Ouvrage tiré des livres chinois, & des manuscrits orientaux de la bibliothèque du roi: Suite des Mémoires de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres / Par Deguignes... Paris : Desaint & Saillant, 1756 (на франц. яз.).

[136] Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова, под ред. И. В. Кормушина; предисл. и введ. И. В. Кормушина; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. Институт востоковедения РАН: Институт языкознания РАН. М. : Восточная литература, 2010.

[137] Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / пер. с араб. А. Р. Рустамова, под ред. И. В. Кормушина; предисл. и введ. И. В. Кормушина; примеч. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. М. : Восточная литература, 2010. С. 73.

[138] Там же. С. 148.

[139] Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-Таварих). Т. 1. Кн. 1. М.-Л. : АН СССР, 1952. С. 82–85.

Для дунганской народности локальная историография представлена китайским термином «хуэйцзу» или «хуэйминь», то есть теми, кто исповедует ислам[140]. Вообще, терминологически хуэйцзу включает все мусульманское население Китая – от народов Индокитая, проживающих на о. Хайнань, до известных в российской историографии дунган, другими словами, этот термин включает несколько этнокультурных групп[141]. Хуэй происходят от мусульманских купцов (арабов, персов или согдийцов), которые начали прибывать на территорию Китая с VIII века, в первую очередь в порты Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Янчжоу. Другой путь их распространения был связан с торговой артерией Великого шелкового пути вплоть до региона Сиань. Сведения о них сохранились в китайских хрониках периодов Тан, Юань и др. В дальнейшем эти материалы стали предметом научной дискуссии и повлияли на выбор самоназваний указанных этнических общностей.

Для отечественной и зарубежной науки в период XIX века основным вопросом стало исследование генезиса этнонима «уйгур». Несмотря на то, что уйгуры были известны европейским путешественникам с XIII века, например, они упоминались Марко Поло и Плано Карпини[142], систематическое научное исследование этого народа началось лишь в XIX веке в рамках активизации изучения Центральной Азии в целом. Так, немецкий востоковед Ю. Г. Клапрот в 1812 году установил, что уйгуры являются тюркским племенем, однако только в труде архимандрита Иакинфа (Бичурина) уйгуры были отождествлены с упомянутыми в китайских источниках племенами хойху, причем встречается следование китайским источникам и именование уйгуров как хуэйхэ, уху, гаогюй[143]. Иакинф отмечал, что хойху-уйгуры являлись племенем монгольского происхождения. Однако у него в описании жителей Китая были

---

[140] Хуэй // Большая российская энциклопедия. Т. 34. М., 2017. С. 238.

[141] Кадырбаев А. Ш. «Почтенные мусульмане» – народы хуэй и дунгане // Иран-наме, научный востоковедческий журнал. 2011. № 3(19). С. 25–36.

[142] Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров [Текст]: (по китайским источникам). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1899. С. 6.

[143] Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом: с прил. карты Монголии и разных костюмов. Т. 1-2. СПб. : тип. К. Крайя, 1828. С. 16.

выделены 10 племен: 1) китайцы, 2) маньчжуры, 3) монголы, 4) туркестанцы, 5) фань, 6) цянь, 7) мяо, 8) яо, 9) ли, 10) и.

И только в 1841 году А. К. Казем-Бек в «Исследования об уйгурах», дополнив историю этноса китайскими хрониками, выявил, что хойху-уйгуры – древний тюркский народ[144].

В целом исследователи разных периодов отмечали, что термин «уйгур» имеет тюркское, монгольское или тибетское происхождение. Л. Будагов[145] считал значение слова «уйгур» монгольским – «уй/ой» в значении «лес» и «гур» как народ, приводится и китайский вариант – «смысл заключается в том, [что уйгуры] в нападении маневрировали так же стремительно и успешно, как кречет (сокол)»[146]. Подробное объяснение наименования было также поддержано В. В. Радловым, который отразил различные мнения по истории происхождения этнонима: А. Вамбери видел в уйгурах одну из наиболее развитых тюркских культур, А. К. Казем-Бек указывал на значение термина как «скопление-толпу», Ю. Г. Клапрот усматривал тюркское происхождение уйгур, а А. Э. Шмидт, наоборот, отрицал его тюркскость[147]. Одним из фундаментальных трудов, отразивших научную дискуссию вокруг этнических корней уйгуров, стала работа Д. М. Позднеева «Исторический очерк уйгуров», где основным источниковым комплексом также выступили китайские документы[148].

Другая проблема, лежащая в области исследования этногенеза, была связана с определением взаимосвязи между уйгурами Средних веков и уйгурами, проживавшими на территории Семиречья или Синьцзяна в XIX веке. Смысл этой

---

[144] Рузиев М. Возрожденный уйгурский народ. 2-е изд., доп. и испр. Алма-Ата : Казахстан, 1982. С. 10–25.

[145] Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. С. 162.

[146] Сюэ Цзюйчжэн. Старая история пяти династий (Цзю Удай Ши) Повествование об уйгурах извлечения из династийной хроники «Цзю Удай Ши», гл. 138. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/X/5dinOld/frametext4.htm (дата обращения: 03.03.2022).

[147] Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Прил. к т. LXXII «Зап. ИАН». СПб., 1893. № 2. С. 1–20. URL: https://www.bookvoed.ru/files/3515/72/83/4.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

[148] Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров [Текст]: (по китайским источникам). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1899. С. 7–10.

научной проблемы состоял в отрыве этноса от использования термина «уйгур» и переходе к самоназваниям, базировавшимся на территориальной принадлежности («кашгарлык», «турфанлык» и т.д.) или хозяйственной специализации («таранчи»). В. В. Бартольд отмечал, что «турки Восточного Туркестана не имели своего народного названия и не нуждались в нем; отдельные части народа называли себя по городам и местностям, где они жили»[149]. Советским уйгуроведением была выдвинута гипотеза, что при китайских завоевателях уйгуры назывались не иначе как просто «хуэйминь» – мусульмане, «таранчи» – землепашцы, а также «чантоу» – чалмоносцы. Отказ от использования этнонима «уйгур» был связан с исламизацией населения и вхождением в состав разных государств, подданством разным владетелям[150]. В более поздних исследованиях этот вопрос анализировался С. Г. Кляшторным, А. А. Колесниковым и М. К. Басхановым, рассматривавшими вопросы оазисного партикуляризма, в рамках которого уйгурская общность, представленная различными объединениями в городах-государствах Восточного Туркестана, имела свою политическую и социальную организацию, сохраняя относительную/полную автономию в период появления различных более крупных государственных образований[151].

Этноним «дунгане» также получил свое историографическое осмысление в местном нарративе. В отечественном востоковедении под дунганами понимается отюреченный вариант этнонима «хуэйцзу», где дунгане составляют только часть. При этом употребление термина было распространено в основном в Западном Туркестане, куда дунгане (в смысле «обращенные») оказались переселены после Мусульманского

---

[149] Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 191.

[150] Кабиров М. Н. Социальные и культурные преобразования в жизни уйгуров Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 28–42.

[151] Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: (вторая половина XIX в.). Алма-Ата : Наука, 1988. С. 41–42; Кляшторный С. Г., Колесников А. А., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата, 1991.

восстания в Китае 1856–1873 годов, а в историю народов СССР под этим этнонимом они были вписаны в период национально-территориального размежевания Средней Азии в 1920-х годах. Появлению термина «дунгане» способствовало вхождение территорий Синьцзяна в состав Цинской империи, с образованием наместничества в 1760 году в этом регионе появились китайские мусульмане-хуэйцзу[152].

Следует учитывать, что в период мусульманских восстаний второй половины XIX века в Восточном Туркестане возникали государственные образования с включением в их наименование терминов «дунган» и «уйгур». Кроме того, многочисленные русские путешественники XIX века весьма часто использовали термин «дунгане» для определения этнической группы исламизированных китайцев, переселенных в Синьцзян. Термин «уйгур» ими в тот же период использовался крайне редко, но также был известен купцам и путешественникам. Более того, Ч. Ч. Валиханов [153]называл Алтышаар не только Шестиградьем или Кашгаром, но и Уйгуристаном, хотя население он уйгурами не именовал[154]. Для него Уйгуристан – это также географическое название. Правда, он указывал, что в княжествах Хами и Турфане проживали потомки древний уйгуров. Напротив, термин «тунгени» он использовал именно для обозначения этнической группы населения, то есть дунган – мусульман, но не коренных жителей, а выходцев из «Срединной империи»[155] Хотя можно интерпретировать его сведения и в качестве относящихся к специфической конфессиональной, а не этнической группе.

---

[152] Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М. Р. Мадиван; отв. ред. О. И. Завьялова. М. : Наука – Вост. лит., 2017. С. 15–17.

[153] Чокан Чингисович Валиханов – штабс-ротмистр Военно-ученого комитета Генерального штаба Военного министерства, казахский и российский ученый и путешественник, действительный член Императорского Русского географического общества, разведчик.

[154] Валиханов Ч. Ч. Записки об организации поездки в Кашгар // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. С. 9–10.

[155] Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести городов Китаской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата : Главная редакция казах-ской советской энциклопедии, 1985. С. 143, 158–160.

Существует несколько версий значения этнонима «дунган». В связи с тем, что переселенцы исходили из внутренних территорий (северо-западные регионы) Китая, их стали называть 东干人 (дунганжэнь). Есть мнение о принадлежности термина к тюркской традиции. Например, З. В. Тоган видел в значении слова «дунган» тюркское «обращенный» (от тюркского корня «дунмак») и указывал на обращение к китайской культуре и языку мусульман тюркского происхождения и постепенную китаизацию части тюрок после падения династии Юань[156]. Важно отметить, что самоназвание дунганской общины с момента переселения в Российскую империю сохранилось таким же, как у мусульман Китая, – хуэйхуэй, хуэймин, то есть «народ хуэй», «лао хуэйхуэй» – «почтенные мусульмане». Сам по себе иероглиф 回 в китайской традиции означает «возвращение», «круг», что сближает тюркское толкование термина «дунганин» и китайское обозначение мусульман.

Дискуссия по поводу происхождения дунган в научной литературе на ранних этапах в значительной мере опиралась на расхожие местные легенды и традиции. Уже в более поздний период один из главных историографов и исследователей этого народа М. Сушанло указывал на две легенды о появлении дунган: первая представляла историю народа во взаимосвязи с китайской историографией, вторая повествовала о дунганах как о народе, ведущем свою историю от племен империи Чингисхана[157].

Первая версия происхождения дунган связывается с династией Тан. Согласно легенде, танский император Ли Ши-мин, правивший под титулом «Тай-цзун» с 627-го по 649 год, несколько ночей подряд видел тревожный сон: Белый Слон сражался с Зеленым Львом и погибал, потерпев поражение. Обеспокоенный этим, правитель

---

[156] Ahmet Zeki Velidî Togan. Umumî Türk Tarih'ine Giriş / İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. İstanbul: Aksiseda Matbaası, 1981. С. 130–131 (Ахмет-Заки Валиди Тоган «Введение в общую тюркскую историю») (на тур. яз.).

[157] Очерки истории советских дунган / АН Кирг. ССР. Отд. общей тюркологии и дунгановедения; под ред. кандидатов ист. наук М. Сушанло и Г. Г. Стратановича. Фрунзе : Илим, 1967. С. 10–11.

приказал созвать астрологов, чтобы те объяснили значение сна, к чему он ведет и как можно предотвратить бедствие. Тридцать три мудреца получили три вопроса, но никто не смог дать ответ. Сон повторился, и в этот раз император увидел во сне лицо мудреца, знающего способ избежать беды. Этот мудрец объяснил, что сон указывает на победу Зеленого Льва — символа воинствующего ислама, который должен победить и распространиться по всей территории. Чтобы предотвратить угрозу, Тан должен был поддержать эту победу и принять ислам[158].

На совете при дворе было решено отправить посольство за этим мудрецом, и для его охраны император выделил триста воинов. Через четыре года посольство достигло Медины и встретилось с пророком Мухаммедом, который в тот момент был болен и не мог принять приглашение. Вскоре он умер (в 631 году), но послал вместо себя троих полководцев – Гейса, Вэйса и Вангасы. Чтобы доказать, что полководцы были направлены самим пророком, Мухаммед сделал омовение и вытер лицо полотенцем, на котором остался его отпечаток. С этим доказательством послы вернулись к Танскому двору, и их стали называть «хуэй-хуэй», что означает «возвращающиеся». Легенда рассказывает, что Вангасы вместе с большинством арабского войска добрался до столицы Танского государства. Император радушно принял их и дал им в жены танских женщин. Потомство от этих браков, по преданию, и стало началом дунганского народа[159].

Имеется и другая версия, согласно которой Чингисхан вел свое войско на запад через перевал Сан-Таш (букв. «множество камней»). По преданию, он приказал каждому воину найти камень и сложить их в кучу слева от дороги у подножья горы. Когда армия возвращалась тем же путем, Чингисхан снова провел войска через Сан-Таш, но теперь велел собирать камни и складывать их у другого подножья. Вторая куча оказалась значительно меньше первой. Один из темников (командующий

---

[158] Там же.

[159] Очерки истории советских дунган // АН Кирг. ССР. Отд. общей тюркологии и дунгановедения; под ред. кандидатов ист. наук М. Сушанло и Г. Г. Стратановича. Фрунзе : Илим, 1967. С. 10–13.

туменом, состоящим из 10 000 воинов) грустно заметил, указывая на оставшуюся первую кучу: «Это те, кто остался там, на полях сражений». Однако Чингисхан сурово посмотрел на него и указал на вторую кучу, сказав: «Самые важные — те, кто здесь остались». С тех пор воинов стали называть «турган» — ожидающие подсчета, оставшиеся в живых.

В исследованиях отмечалась и долгая связь уйгуров и дунган в связи с использованием схожих китайских терминов «хуэй-хуэй» и «хуэй-ху»[160].

Помимо китайского варианта этногенез дунган был представлен также арабским и иранским пластами. Такое мнение возникло из-за самоназвания дунган как «лао хуэй-хуэй», то есть «людей, исповедующих ислам», и далее обязательно уточнялось, что означенный народ не имеет отношения к уйгурам или узбекам. «Лао» в этой же интерпретации означает «почетный», «наиболее последовательный», то есть дунгане воспринимались как «почетные мусульмане». Эту идею подтверждало и упоминание ислама среди дунган как «чинчжын цзяо», то есть чистого или истинного вероучения[161].

Зарождение собственной историографии среди дунган, по мнению М. Сушанло и Г. Г. Стратановича, связано с выпуском в 1916 году дунганским муллой Суйлемно на чагатайском языке брошюры «Тарыхи тунгани» («История дунган»), в которой раскрывалось распространение ислама, но практически не рассматривалась история самого народа.

Особое место в исследованиях дунган занимали труды по изучению ислама в Китае, например, работы Палладия (Кафарова)[162], труды В. П. Васильева[163] и др. В них

---

[160] Там же.

[161] Очерки истории советских дунган // АН Кирг. ССР. Отд. общей тюркологии и дунгановедения; под ред. кандидатов ист. наук М. Сушанло и Г. Г. Стратановича. Фрунзе : Илим, 1967. С. 17.

[162] Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817–1878). Китайская литература магометан / [Соч.] Покойного о. архим. Палладия, нач. Пекинск. духовной миссии (1848–1858 и 1864–1878 гг.). СПб. : Изд. иером. Николай (Адоратский), 1887.

[163] Васильев В. П. Открытие Китая и др. ст. академика В. П. Васильева: Открытие Китая и другие статьи академика В.П. Васильева: с портр. авт. // Вестник всемирной истории. 1900. Т. 8.

составлено описание распространения ислама среди жителей Китая, введены термины «мусульманин» в лице «хуэйзу», упомянуты традиции и места поклонения. Оба автора приводят сведения о восстании среди мусульман Китая, а также о влиянии этих событий на Западный Туркестан.

В этом контексте по Восточному Туркестану можно отметить работы Д. Я. Федорова и Л. Ф. Костенко. Например, Д. Я. Федоров отмечал, что синьцзянские дунгане являются выходцами из Внутреннего Китая и в крае появились впервые с армией императора Цяньлуна[164]. Л. Р. Костенко приходил к выводу, что после завоевания Джунгарии китайцами они переселили сюда из Шэньси и Ганьсу народность под названием «дунгане»[165].

Первая собственная история той части уйгурского народа, которую обозначали как «таранчи» и которые сами себя именовали «таранчи», была опубликована в 1922 году под названием «История тюрков-таранчи Или». Ее автором стал Назархожда Абдусематов (Näzärγoja Abdusemätov). Следует отметить, что отдельные статьи этого автора по исторической проблематике начали выходить раньше – с 1908 года[166].

Особое значение в деле составления истории отдельно взятых народов сыграла «внерегиональная» историография, поскольку для исследователей европейской традиции, в частности, для российских ученых, существовала необходимость представления «корней» истории. Среди ученых присутствовало «увлечение» древностью, а для государства была прямая необходимость определения географического и этнографического состава областей, находившихся в зоне

---

[164] Федоров Д. Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края: [ч. 1-2] / составлен Генерального штаба подполковником Д. Федоровым; под редакцией Генерального штаба генерал-майора Тихменева. Ташкент : Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1903 (Тип. Штаба Туркестанского военного округа). С. 149.

[165] Костенко Л. Ф. Туркестанскиĭ краиĭ. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 3. СПб., 1880. С. 93.

[166] Шура. 1908. № 16, 17, 18. Выпуски журнала на старотатарском языке доступны в электронном формате. URL: https://ebook.bashnl.ru/dsweb/View/ResourceCollection-971 (дата обращения: 23.11.2024).

интересов новой администрации. Безусловно, что «внерегиональное» осмысление базировалось на исторических трудах местной традиции, а также на работах тех европейских представителей, кто смог достичь пределов региона.

В советский период было составлено большинство трудов о национальном строительстве среди уйгуров на уйгурском языке. Например, работа А. Алахунова «Возрожденный уйгурский народ»[167], исследования А. Валидова «Массовая работа среди нацмен»[168] и М. Абдарахманова «Вдохновленные Октябрем»[169]. Специфика таких трудов связана с отражением хронологии национального строительства среди уйгуров, в этом же контексте упомянуты и дунгане. Одним из катализаторов в изменении своей этнокультурной идентичности среди указанных народов признаются мусульманские восстания в цинском Китае. Особое место занимает отражение роли советской власти и ее вклада в жизнь уйгурского населения. Представляется, что подобные работы служили ярким примером репрезентации национального взгляда на процессы, происходившие в среде уйгурского населения.

Дунганская проблематика национального строительства отражена в работах советских ученых М. Я. Сушанло и И. И. Юсупова. Сушанло составлены труды по истории дунган[170], их переселению и языку[171]. Труды Юсупова посвящены советскому национальному строительству у дунган[172]. Работы обоих авторов отражают историю переселения дунган в пределы Западного Туркестана и далее процесс национального строительства, появление национальной литературы, реформирование языка. Роль

---

[167] Яңливаштин тұғұлған уйғур хәлқи [Возрожденный уйгурский народ] / Топлиғучи А.Әләхунов. Алматы : Қазақстан, 1989 (на уйгур. яз.).

[168] Vəlidup Az millətlər arasida ammavi iş [Массовая работа среди национальных меньшинств] / Ujgurlaşturqucisi M. Qocqaruh. Səmərqən – Taşken, Өznəşr, 1930 (на уйгур. яз.).

[169] Абдарахманов Минәмжан. Октябрьдин илһамлинип [Вдохновленные Октябрем]: Улуқ Октябрь соц. революциясиниң 72 ж. Даир / Қаз.ССП «Билим» жәм-ти. Алмута : Қазақстан, 1989 (на уйгур. яз.).

[170] Сушанло М. Я. Дунгане: (Ист.-этногр. очерк) / АН КиргССР. Отд. востоковедения. Фрунзе : Илим, 1971.

[171] Сушанло М. Я. Семья и семейный быт дунган. Фрунзе : Илим, 1979.

[172] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959.

советского национального строительства по аналогии с уйгурами подчеркивается и признается в качестве культурной и политической силы.

Отметим, что эти труды характеризуют национальную политику как успех советских властей и ключевой процесс в жизни уйгуров и дунган, подчеркивая в то же время определенную недостаточность в области культурного строительства и чрезвычайно важное значение реформ национально-территориального размежевания для процессов формирования нации дунган. Авторами подчеркивался вклад представителей исследуемых народов в масштабные события, качественно трансформировавшие регион и их поддержку со стороны советской власти.

Представляется важным указать на работы, раскрывающие различные вопросы политической истории уйгуров и дунган, в которых выделяются специфические этнические характеристики изучаемых обществ, их язык и другие факторы, способные оказывать влияние на процесс этнической консолидации. Так, значимыми работами в уйгуроведении являются труды М. Н. Кабирова[173], Г. М. Исхакова[174], С. С. Губаева[175], Д. М. Матвеева[176], А. А. Асанканова[177], Г. С. Садвакасова[178],

---

[173] Кабиров М. Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана; АН КазССР, Отд. уйгуроведения при Ин-те языкознания. Алма-Ата : Наука, 1975; Кабиров М. Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.00 / Кабиров Мурза Ниязович. Алма-Ата, 1949.

[174] Исхаков Г. М., Талипов К. Т., Чвырь Л. А. Проблемы изучения истории и этнографии уйгуров // Известия АН КазССР. Сер. Обществ. Наук. № 6. Алма-Ата, 1993. С. 6–7; Исхаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками второй половины XIX в. Алма-Ата, 1975; Исхаков Г. М., Решетов А. М., Седловская А. М. Современные этнические процессы у советских уйгуров // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М. : Наука, 1980. С. 74–93.

[175] Губаева С. С. Уйгуры и дунгане Ферганской долины // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана; РАН Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 121–148.

[176] Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1899.

[177] Асанканов А. А. Уйгуры Кыргызстана = Uighurs of Kyrgyzstan =قىرغىزستان ئۇيغۇرلىرى . Бишкек, 2014.

[178] Садвакасов Г. С. Язык уйгуров Ферганской долины / АН Каз. ССР. Ин-т языкознания. Отд. уйгуроведения. Алма-Ата : Наука, 1970; Он же. К вопросу о взаимодействии уйгурских и узбекских говоров Ферганы // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.

И. Бахавудуна[179], А. М. Балатбаева и Б. Ш. Рахматулла[180] и др. Важное место занимают исследования, включающие переведенные уйгурские рукописи о политических событиях в регионе в конце XIX-го – начале XX века, введенные в научный оборот Д. И. Тихоновым[181] и Э. Шлюсселем[182].

В бывших советских республиках создавались специальные научные подразделения, основным объектом изучения которых были уйгуры и дунгане. Так, в Алма-Ате был образован Центр уйгуроведения, преобразованный в 1985 г. в Институт уйгуроведения АН КазССР. В настоящее время это направление развивается в рамках Института востоковедения НАН Республики Казахстан. Уже в постсоветской Кыргызской Республике в отдельное научное направление выделилось дунгановедение. В Институте истории был создан отдел дунгановедения, позднее трансформировавшийся в Центр дунгановедения и китаистики[183].

Несоветские подходы к объяснению процесса национального строительства представлены в труде Э. Альптекина «Тюрки – уйгуры», изданном на турецком языке. Автор раскрывает жизнь уйгурского населения во взаимосвязи с другими тюркскими народами, характеризуя процессы национального строительства с позиций доминирующего влияния на него тюркского мира[184]. Еще одной работой,

---

[179] Бахавудун И., Имин А., Баудунов А. Династия уйгурских интеллектуалов. Б7 : ОАО «Эркин-Тоо», 2012.

[180] Балтабаева А. М., Рахматулла Б. Ш. Вопросы народного образования среди уйгурского, дунганского населения Казахстана в советский период // Наука и современность. 2010. № 3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-narodnogo-obrazovaniya-sredi-uygurskogo-dunganskogo-naseleniya-kazahstana-v-sovetskiy-period (дата обращения: 07.10.2022).

[181] Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.-Л. : Издательство АН СССР, 1954. С. 146–174.

[182] Sayrami M., Schluessel E. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. Columbia University Press, 2023 (на англ. яз.).

[183] Востоковедение в Центральной Евразии: восемь путей развития / коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Быков, В. А. Кузнецов; науч. ред. М. А. Сучков. М. : МГИМО, ИВ РАН, 2024. С. 83, 92–94, 108–109; Исхаков Г. М., Кляшторный С. Г., Решетов А. М. Рахимов Т. Р. Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата : АН Казах. ССР, 1983. С. 33–43.

[184] Uygur Türkleri [Тюрки уйгуры] / Erkin Alptekin. İstanbul : Bogaziçi basım ve yayınevi, 1978 (на тур. яз.).

выполненным в схожей манере, является труд Ч. Хостлера о тюрках и советской власти. Автор показывает, как, с точки зрения тюркоязычного населения, ощущалось вмешательство советской и китайской власти в их внутренние дела, а также почему на фоне расширения взаимодействия с внешним управлением среди тюрок росло сопротивление[185].

В современных исследованиях стоит отметить сопоставление материальной культуры и этноконфессионального сознания жителей Восточного Туркестана в работах Л. А. Чвырь – крупнейшего отечественного исследователя уйгурской народной традиции. Автор показывает, что уйгурская общность, жители Восточного Туркестана, находились значительно ближе в своей этнокультурной традиции к жителям соседнего Западного Туркестана в конце XIX-го – начале XX века[186]. Отдельно Л. А. Чвырь исследует пространство самоидентификации, ставя вопросы о соотношении среди народов Туркестана мусульманских и домусульманских элементов в системе верований каждого народа. По ее мнению, структура самосознания оседлых туркестанцев представляет собой сложную, многоуровневую иерархию, в которой низший уровень представлен локальными вариантами историко-культурных общностей, за ними следуют собственно идентификация этноса (уйгуры, узбеки), что до реформ советской власти было представлено в формате территориальной идентичности (кашгарец, хотанец), верхний уровень отражает принадлежность к исламу. Поэтому самосознание у жителей Туркестана формировалось исходя их синтеза этнического, конфессионального и локально-культурного самоопределения. Л. А. Чвырь исследует ряд традиций, например, форму

[185] Хостлер Ч. Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели / пер. с анг. Г. М. Мендикуловой, сост. Б. М. Сужиков. Алматы : «Санат», 2006. С. 83–87.

[186] Чвырь Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в. Очерки историко-культурных связей. М. : Наука, 1990.

собраний «мэшрэп» и др., которые являются составными частями локально-культурного самоопределения[187].

В работе С. Н. Абашина «Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности» особую значимость для настоящего исследования имеет раздел, посвященный кашгарцам. В нем С. Н. Абашин раскрывает сюжет отражения национального самосознания жителей Малой Бухарии или Кашгара[188]. Автор демонстрирует трансформацию национального вопроса в регионе, описывает значение локального нарратива и его использование в последующем в национальной политике СССР[189]. С. Н. Абашин указывает, что вышедших с территории Кашгара могли именовать «хина», а также «таглык» или горец[190]. Также в качестве «хина» могли быть упомянуты и дунгане, которые в местной среде ассоциировались с Китаем.

Национальный взгляд на историю уйгуров представлен в трудах современного исследователя Аблета Каюмовича Камалова. А. Камалов является ярким представителем школы уйгуроведения и китаистики Казахстана. Его работы охватывают широкий круг вопросов: формирование уйгуроведения[191], первые исследования уйгурской истории[192], миграция уйгуров в Центральной Азии[193] и ряд

---

[187] Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX – XX вв.: очерки нар. ислама в Туркестане / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : Вост. лит., 2006; Чвырь Л. А. Этноконфессиональное сознание у народов Туркестана (размышления, навеянные работами Л.И. Шерстовой и Ю. М. Кобищанова) // Вестник Евразии. 2002. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokonfessionalnoe-soznanie-u-narodov-turkestana-razmyshleniya-naveyannye-rabotami-l-i-sherstovoy-i-yu-m-kobischanova (дата обращения: 23.07.2024).

[188] Великая и Малая Бухария – термины для обозначения Бухарского эмирата или Западного Туркестана. Название же Малой Бухарии относилось к Восточному или, иначе, Китайскому Туркестану. См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

[189] Абашин С. Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности: монография. СПб., Алетейя; Ист. кн., 2007.

[190] Там же. С. 53–58.

[191] Kamalov A. Uyghur Studies in Central Asia: A Historical Review // Asian Research trends. New Series. № 1. Tokyo: The Toyo Bunko, 2006. P. 3–32 (на англ. яз.).

[192] Kamalov A. Birth of Uyghur National History in Semirech'ye. Näzärγoja Abdusemätov and His Historical Works // Oriente Moderno. No. 96. 2016. P. 181–196 (на англ. яз.).

[193] Kamalov A., Clark W. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. №23(2). 2004. P. 167–182 (на англ. яз.).

других аспектов, которые имеют отношение к данной проблематике. Кроме того, он выступил автором двух справочных работ о жизни уйгуров и дунган в Казахстане[194]. Во всех этих работах в той или иной степени затрагивается проблематика национального строительства у уйгуров.

Важное значение имеют работы уже упомянутого К. Л. Сыроежкина, в ряде из которых он затрагивает процесс национального строительства среди уйгуров. Например, в работе «Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана» Константин Львович описывает процесс формирования уйгуров в качестве современной нации, сравнивает политику китайской и российской, а затем и советской властей. Исследовательский фокус направлен на анализ проблем современного положения Синьцзяна, но автор уделяет внимание и проблематике национального строительства[195].

При характеристике этнических особенностей дунган следует отметить труды З. Л. Амитина-Шапиро[196], О. И. Завьяловой и М. Р. Мадиван[197], Линь Гань[198],

---

[194]Қазақстан ұйғырлары [Уйгуры Казахстана] / Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, А. К. Камалов. Астана. 2016; Қазақстан дүнгендері [Дунгане Казахстана]/ Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, А.К. Камалов, З.С. Имярова. Астана, 2016 (на казах. яз.).

[195] Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы: б.и., 1993; Он же. Синьцзян: Большой вопрос для Китая и Казахстана: монография. Алматы, 2015.

[196] Амитин-Шапиро З. Л. К истории изучения дунган. Отд. отт. из: Труды Ин-та языка, литературы и истории. Киргиз. филиал Акад. наук СССР. 1948. Вып. 2. С. 103–117.

[197] Дунгане. История и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / Российская академия наук, Институт восточных рукописей (азиатский музей); сост. М. Р. Мадиван. М. : Наука: Восточная лит., 2017.

[198] Линь Гань. Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации // Синь цзянынэ [«Новое строительство»]. 1952. № 2, 3 / пер. с кит. Г. Н. Райской. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1954/01/eoarchive_1954_1_042_lin-gan.pdf (дата обращения: 07.10.2022).

А. М. Решетова[199], Е. И. Кычанова[200], В. П. Васильева[201], С. А. Комиссарова и А. А. Фролова[202] и др. В своем исследовании Амитин-Шапиро в основном приводит этнографические заметки о жизни дунганской общины в Центральной Азии, О. И. Завьялова и М. Р. Мадиван составляют основные документальные источники по истории дунган, включая труды В. П. Васильева. Других исследователей интересует этногенез дунган (А. М. Решетова, С. А. Комиссарова и А. А. Фролова и др.). Так, в работе Линь Ганя отражены несколько теорий этногенеза дунган. Автор указывает на неверность уйгурского и китайского происхождения дунган, подчеркивая различные этнокультурные элементы, входящие в состав этноса. В заключении статьи Линь Ганя дана рецензия советского ученого-антрополога, востоковеда Г. Г. Стратановича, который отмечает, что в 50-е годы в советском востоковедении пока еще нет материалов, отчетливо свидетельствовавших о тюркском или китайском происхождении дунган. При этом аргументы Линь Ганя о том, что дунгане и китайские мусульмане не являются равнозначными терминами, подтверждается и Г. Г. Стратановичем[203]. В более позднем исследовании Е. И. Кычанова приводятся размышления автора о тангутской роли в этногенезе дунган и также отмечается, что мысль о том, что именование дунган равнозначно с хуэй – просто китайцами-мусульманами, является неточной[204].

---

[199] Решетов А. М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации. «Этническая история народов Азии». М., 1972.

[200] Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган // Сов. этнография. 1978. № 2. С. 95–99.

[201] Бартольд В. В. Исторические и географические труды В. П. Васильева // Сочинения. М., 1977. Т. 9. С. 625−626.

[202] Комиссаров С. А., Фролова А. А. Дунгане: этнос внутри этноса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 481–484.

[203] Линь Ганьь. Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации // Синь цзянынэ [«Новое строительство»]. 1952. № 2, 3 / пер. с кит. Г. Н. Райской. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1954/01/eoarchive_1954_1_042_lin-gan.pdf (дата обращения: 07.10.2022).

[204] Кычанов Е. И. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. 1978. № 2. С. 95–99.

Среди современных трудов, также затрагивающих национальное строительство среди дунган, можно отметить работу киргизской исследовательницы Джамили Сулеймановны Маджун. Она прослеживает историю дунган в Центральной Азии с момента их переселения, уделяя более пристальное внимание вопросам участия дунган в событиях Гражданской войны, останавливаясь также на процессе их национального самоопределения в первые годы советской власти. Отличительной чертой работы является представление ключевых событий истории региона сквозь этническую призму, т.е. через участие в событиях дунганского народа[205].

Из работ представителей современной западной историографии в первую очередь стоит отметить труды Дэвида Брофи и Джеймса А. Миллуорда. Основным направлением исследований Д. Брофи выступает уйгурский национализм. Знаковой работой считается монография «Уйгурская нация: реформы и революции на границе России и Китая». Автор рассматривает различные этапы становления уйгурского народа, концентрируя внимание на том, что фундаментом уйгурской государственности выступала исламская и тюркская идентичность. Автор останавливает внимание на отдельных аспектах роли советской власти и отдельных ее органов, таких, как Коминтерн, в реализации национальной политики в Синьцзяне, стремясь определить характер китайско-советского взаимодействия в различные периоды [206] . Джеймс А. Миллуорд в работе об истории Синьцзяна, описывает национальную историю уйгуров, охватывая ее отдельные периоды. Он представляет регион на перекрестке различных цивилизаций и торговых путей, которые формируют его культурное и политическое своеобразие[207].

Исследованию китайского подхода к анализу этногенеза уйгуров и проблеме национального строительства в Синьцзяне посвящено несколько научных работ

---

[205] Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023.

[206] Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Harvard University Press, 2016 (на англ. яз.).

[207] Millward J. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. NY : Columbia University Press, 2007 (на англ. яз.).

Набиджана Турсуна. Среди них особого внимания заслуживают его диссертационное исследование[208] и вышедшая спустя несколько лет монография «Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии»[209]. Автор анализирует культурно-историческую традицию Восточного Туркестана. Главным выводом работы является представление позиции китайской историографии по истории уйгуров. Изучая работы китайских историков, таких, как Фань Сяо, Чэн Суло и др., Н. Турсун заключает, что в китайской историографии дискуссия о происхождении уйгуров находит определенное отражение в исследованиях процессов этногенеза уйгуров с констатацией их автохтонности в Восточном Туркестане. Однако, как заключает Н. Турсун, автор историографического труда, для китайских историков эта тема все же является периферийной, и гораздо большее внимание проблематике уйгурского нациестроительства уделяется в иностранной историографии, в работах советских авторов, российских исследователей и исследователей из постсоветских центральноазиатских стран[210].

Китайская историография касалась вопросов нациестроительства уйгуров, в меньшей степени – дунган, которые рассматриваются как часть народа хуэй, то есть китайских мусульман, чаще всего связывая эти вопросы с формированием автономных районов в КНР. Определенные данные по истории дунган и уйгур во второй половине XIX-го – первой трети XX века содержатся в написанных на китайском языке «Краткой истории Синьцзяна»[211] и «Краткой истории уйгуров»[212]. Диссертация тайваньского исследователя У Цинэ не совпадает по хронологии с

---

[208]Турсун Н. Китайская историография XX века средневековой истории уйгуров: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Ин-т востоковедения РАН. М., 1995.

[209] Турсун Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии / под ред. А. И. Нарынбаева. Бишкек : Tesis, 1999.

[210] Турсун Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии / под ред. А. И. Нарынбаева. Бишкек : Tesis, 1999. С. 18–22.

[211] Синьцзян цзяньчжи. Ди и цэ. [Краткая история Синьцзяна. Т.1]. Улумици. Синьцзян Жэньминь Чубаньшэ. [Урумчи: Народное издательство Синьцзяна], 1978. (《新疆简史. 第一册. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社,1978》) (на кит. яз.).

[212] Вэйуэрцзу цзяньши. [Краткая история уйгуров]. Улумици. Синьцзян Жэньминь Чубаньшэ [Урумчи: Народное издательство Синьцзяна], 1989. (《维吾尔族简史》新疆人民出版社, 1989) (на кит. яз.).

настоящим диссертационным исследованием, вместе с тем в нем затрагиваются вопросы появления Синьцзян-Уйгурского Автономного Района (СУАР). Помимо прочих вопросов автор анализировал влияние советского проекта и реформы национально-территориального размежевания в советской Средней Азии на соседние регионы Китая и развитие собственных национальных представлений у населения Западного Китая[213].

Решение национальной проблемы также раскрывает исследователь Цянь Боцюань. Автора интересует конкретный ареал появления уйгуров, он указывает, что территорией наиболее раннего проживания уйгуров является не Таримская впадина в Синьцзяне, а Монгольское плато[214].

Исследователь Ли Жудун обращается в своей работе к проблеме трансформации пространственного представления или территориальной идентичности и этнических представлений у дунган[215]. Автор приходит к выводам о том, что в основе этнической идентичности у дунган лежала региональная (территориальная) идентичность, поскольку их самоназвание формировалось в конкретной локации, а институционализация понятия «дунгане» окончательно произошла в рамках процесса национального строительства в СССР. Он отмечает, что при этом различия в региональном происхождении и термины для самоназвания сохранялись. Ли Жудун

---

[213] У Цинэ. Синьцзян: Миньцзу жэньтун, гоцзи цзинчжэн юй чжунго гэмин, 1944-1962. Голи Тайвань Дасюэ лиши сюэси яньцзю со боши луньвэн. [Синьцзян: национальная идентичность, международная конкуренция и китайская революция, 1944–1962 гг. – Phd, Национальный Тайваньский университет]. 2006. (吳啟訥.《新疆：民族認同、國際競爭與中國革命 1944 – 1962. 國立臺灣大學歷史學研究所博士論文)(на кит. яз.).

[214] Цянь Боцюань. Вэйуэрцзу дэ цзуюань цзи ци фасянди вэньти яньцзю // Синьцзян шэхуэй кэсюэ. [Исследование происхождения уйгуров и вопроса их прародины//Социальные науки Синьцзяна]. 2010. № 4. С.129-135, 142. (钱伯泉.《维吾尔族的族源及其发祥地问题研究》// 新疆社会科学,2010) (на кит. яз.).

[215] Ли Жудун. Диюй гуаньнянь юй миньцзу жэньтун и Чжун я Хуйэцзу [Dongganren] вэй чжун синь дэ као ча // Сибэй Миньцзу Яньцзю. [Пространственные представления и этническая идентичность: исследование на пример хуэйцзу (дунган) // Северо-Западное этнологическое обозрение]. 2015. №3. С. 145–158. (李如东.《地域观念与民族认同：以中亚回族（东干人）为中心的考察》// 西北民族研究, 2015) (на кит. яз.).

определяет именно советскую национальную политику в качестве основной консолидирующей силы, способствовавшей росту национального самосознания[216].

Другим примером являются современные исследования о китайских мусульманах «хуэй». Их самоидентификация и этническое представление являются предметом отдельного анализа, и они необязательно связаны с дунганами. Важно указать, что целью исследований о хуэй зачастую выступало изучение трансформации их положения/самоидентификации в условиях имперского и республиканского Китая[217]. В частности, указывается на то, что национальная идентичность хуэй претерпевала изменения – переходя от исключительно религиозной основы, со своей спецификой, отличной от уйгурской или любой другой тюркоязычной, к более близкой идее национального. Такой переход был связан с политическим и социальным пересмотром внутри групп хуэй, когда на фоне событий в регионе произошла постепенная секуляризация, по итогам которой религия стала признаком национальной идентичности, но не основой ее консолидации. В позднеимперский период хуэй продолжали ассоциировать себя через ислам и через практику с конфуцианскими текстами. Ключевую роль в этом играли исламские ученые, которые помогали интегрировать религиозное знание и китайскую философию[218]. Поэтому в Китае идентичность хуэй как народа значительной частью исследователей рассматривается результатом адаптации к изменениям в политической и социальной жизни китайского общества.

Заслуживает определенного внимания и исследование Д. Д. Вана, посвященное влиянию СССР на Синьцзян, также хронологически не совпадающее с настоящим

---

[216] Там же.

[217] Lee Yee Lak Elliot. “Muslims as ‘Hui’ in Late Imperial and Republican China. A Historical Reconsideration of Social Differentiation and Identity Construction.” Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2019. Vol. 44. № 3 (169). С. 226–263. URL: https://www.jstor.org/stable/26747456 (дата обращения: 07.10.2024) (на англ. яз.).

[218] Там же. С. 255–261.

исследованием, но дающее представление о китайских подходах образования национальных автономных районов[219].

Отдельное место в вопросе изучения национального строительства занимают проблемы взаимосвязи дунган и хуэйцзу (мусульман Китая). Обычно вопрос сравнения дунган и хуэйцзу раскрывается не столько через характеристику этих общностей, сколько посредством описания процесса появления дунган на территории Западного Туркестана. Мусульманам Китая посвящено много исследований на иностранных языках, часть из них описывает процесс расселения мусульман[220], другая раскрывает вопросы миграции и мусульманских восстаний в период Цин. В том числе этой проблеме посвящена одна из концептуальных работ корейского исследователя Ким Ходона[221]. Также существует комплекс социолингвистических работ, предметом изучения которых выступала эволюция дунганского языка[222].

Спектр проблем и вопросов, которые касаются дунганской и уйгурской общности, представлен широкой исследовательской палитрой: от выяснения точности самоназвания, вопросов определения отличий одного термина от другого до проблем, связанных с представлением властей об исследуемых группах. Китайская историографическая традиция исходит из доминанты китайской цивилизации и близости народов к ней, обобщая некоторые понятия, российская традиция следует

---

[219] Дэвид Д. Ван. СССР и создание Восточно-Туркестанской республики в Синьцзяне // Журнал Института современной истории. 1996. Вып. 25. С. 337–378.

[220] Dillon M. China's Muslim Hui community: migration, settlement and sects. Routledge, 1999 (на англ. яз.).

[221] Kim Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, 2004 (на англ. яз.); Lipman J. N. Familiar strangers: a history of Muslims in Northwest China. Hong Kong University Press, 1998 (на англ. яз.).

[222] Линь Тао. Чжун я Дунганьюй яньцзю [Исследования по дунганскому языку Средней Азии]. Гонконг : Сянган цзяо юй чубаньшэ дэ тушу [Гонконгская образовательная пресса], 2003. (林濤. 《中亚东干语研究》香港: 香港教育出版社, 2003) (на кит. яз.); Лю Лили. Хуэй(Хой)Минь Улумуци юйянь чжи [Описание языка хуэй, живущих в Урумчи]. Урумчи : Синьцзян дасюэ чубаньшэ [Издательство Синьцзянского университета], 1989. (刘俐李. 《回民乌鲁木齐语言志》乌鲁木齐:新疆大学出版社, 1989) (на кит. яз.).

позитивистскому курсу, а именно исходит из трактовки и появления новых источниковых материалов различного характера.

2. *Следующая группа историографических материалов посвящена исследованиям российско-китайских отношений.*

Среди обобщающих работ по истории международных отношений особняком стоит серия «Русско-китайские отношения в XVII–XX вв.». В ней содержатся основные документы, воссоздающие историю взаимодействия двух стран[223]. О ее значении свидетельствует тот факт, что тома, посвященные отношениям XVII века, были переведены на китайский язык.

Классическими работами, в которых собраны документы по русско-китайским отношениям, являются труды под авторством и редакцией советских исследователей Н. Ф. Демидовой[224], Л. С. Переломова[225], А. С. Мартынова[226], А. Л. Нарочницкого[227], И. С. Ермаченко[228], Б. Г. Курца[229]. В большинстве работ советских синологов внешняя политика Цинов характеризовалась как «агрессивная» или «реакционная» и

---

[223] Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: в 2 т. / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; коммент. и ист. введ. С. 5–28, В. С. Мясникова; Археогр. введ. Н. Ф. Демидовой; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов. М. : Наука, 1969–1972. 2 т.; Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1978–1990; Русско-китайские отношения в XIX веке : Материалы и док. / Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока, М-во иностр. дел РФ, Ист.-док. упр.; сост. М. Б. Давыдова и др. М. : Памятники ист. мысли, 1995; Русско-китайские отношения в XX веке: материалы и документы / Российская. акад. наук. Ин-т Дал. Востока и др. М. : Памятники ист. мысли, 2000.

[224] Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1978–1990.

[225] Переломов Л. С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.): [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М. : Изд-во вост. лит., 1962.

[226] Внешнеполитические концепции императорского Китая и методы их осуществления / Л. Переломов, А. Мартынов; пер. с рус. В. Шнеерсон. М. : Прогресс, 1983.

[227] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1 / А. Л. Нарочницкий, А. А. Губер, М. И. Сладковский, И. Я. Бурлингас; редкол.: отв. ред. Е. М. Жуков и др.; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. М. : Мысль, 1973.

[228] Новая история Китая / А. Н. Хохлов, И. С. Ермаченко, В. П. Илюшечкин и др.; под ред. С. Л. Тихвинского. М. : Прогресс, 1983.

[229] Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков : Государственное издательство Украины, 1929.

объяснялась стремлением китайских властей за счет нее найти выход из затянувшегося внутриполитического кризиса[230].

Для исследователей более позднего периода, В. С. Мясникова [231], В. Г. Дацышена[232], Ю. М. Галеновича[233], А. Д. Воскресенского[234], Е. Г. Темникова[235], И. Р. Хамзина[236], динамика российско-китайских отношений трактуется в категориях теории реализма, ставших популярными после наступления периода двусторонней разрядки. Особое место ими отводится концептуальному осмыслению международной политики, анализу различия европейского и китайского подходов, которое объясняется различиями в менталитете, политической традиции и философских построениях. Новое прочтение подкрепляется введением в научный оборот широкого круга ранее не использовавшихся источников, что позволило скорректировать оценку ряда страниц совместного прошлого.

Китайская историография также претерпевала определенную трансформацию, влияние на этот процесс оказывали как развитие науки, так и политическая

---

[230] Внешняя политика государства Цин в XVII веке / ред. Л.И. Думан; АН СССР. Ин-т востоковедения. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. С. 5.

[231] Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1987; Русско-китайские отношения 1689–1916. М., 1958; Мясников В. С. «Договорными статьями утвердили». Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996.

[232] Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография. М. : Проспект, 2017.

[233] Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. : Изограф, 2010.

[234] Воскресенский А. Д. Современные концепции русско-китайских отношений и пограничнo-территориальных проблем в России и Китае (80–90-е гг. XX в.). М. : РНФ, 1994.; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : Моск. обществ. науч. фонд и др., 1999.

[235] Темников Е. Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в.: автореферат дис. … канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 02.12.2010 / Темников Евгений Геннадьевич, Казань, 2010; Он же. Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Сер. гуманитарные науки. Кн. 4. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 203–210.

[236] Хамзин И. Р. Разрешение русско-китайского пограничного кризиса 1870–1880-х гг. в ведомственных структурах Российской империи // Китай: история и современность: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. С. 398–402.

конъюнктура того периода. С 1953 года и до периода окончательной разрядки в китайско-советских отношениях в конце 1980-х годов образ России был представлен в качестве агрессора в духе концепции несправедливого колониального гнета Китая со стороны европейских держав. Именно такая трактовка представлена, например, в многотомной работе 1976 года «История вторжения царской России в Китай». Российско-китайские отношения в ней рассмотрены сквозь призму агрессивной эксплуататорской политики России. Авторский коллектив Института современной истории Китайской академии общественных наук тематически разделил политику Российской империи в регионе на два периода: 1) XVII-й – первая половина XVIII века, основными процессами в котором авторы считают присоединение Сибири и Уссурийского края; 2) вторая половина XVIII-го – конец XIX века, апогеем которого стало заключение Петербургского договора; причем степень агрессивности политики России в эти периоды менялась, что оказывало влияние на характер двусторонних отношений[237]. Аналогичные оценки даны и в работе «Царская Россия и Северо-Восточный Китай», изданной в 1985 году[238].

С 1990-х годов происходит определенная коррекция китайского подхода, что проявляется в первую очередь в написании масштабных трудов, таких, как «Энциклопедия китайско-советских отношений», включающая анализ разноплановых договоров, материалов дипломатических сношений и многочисленных делопроизводственных документов. В работах этого времени оценки российского продвижения в Азию оказываются более сдержанными по сравнению с оценками, дававшимися в изданиях предыдущего периода[239].

---

[237] Ша Э Цинь Хуаши. [История вторжения царской России в Китай]. Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1976. (《沙俄侵华史》吉林人民出版社, 1976) (на кит. яз.).

[238] Ша Э юй Дунбэй [Царская Россия и Северо-Восточный Китай]. Чанчунь : Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1985. (《沙俄与东北》长春:吉林文史出版社, 1985) (на кит. яз.).

[239] См., напр.: Чжун-Су гуаньси цыдянь [Энциклопедия китайско-советских отношений]. Далянь, 1990. (《中苏关系词典》大连出版社, 1990) (на кит. яз.).

В 2000-е годы в рамках деятельности Института истории династии Цин при Народном университете Китая начала реализовываться инициатива по переводу иностранных исследований об эпохе Цин. Акцент делается на исследованиях развития товарно-денежных отношений, постепенной трансформации налоговой системы и других аспектах жизнедеятельности китайского общества в период правления династии Цин. Для автора эти работы представляют ценность в первую очередь в качестве источника эмпирических данных, а также позволяют проследить определенную эволюцию китайских подходов в решении национального вопроса в цинском Китае[240].

Из числа работ европейских и американских авторов, характеризующих российско-китайские отношения в исследуемый период, целесообразно отметить в первую очередь исследования британского таможенника и историка Х. Б. Морзе. В его монографии, посвященной международным отношениям Китая, содержатся важные сведения о Петербургском договоре 1881 года[241], торговых отношениях, строительстве КВЖД и др.[242] Еще один автор – Г. Говен – в своем труде раскрывает историю Китая с момента завоевания маньчжурами до 1913 года, затрагивая события, связанные со взаимодействием с Россией, в том числе в Восточном Туркестане[243].

Заслуживают отдельного внимания труды Дж. К. Фэрбэнка по современной истории Китая, дипломатии и истории развития международных отношений и эволюции китайских внутри- и внешнеполитических концепций. В его работах содержатся описания революционных событий в Китае, а также представлена роль советских властей в этих процессах[244].

---

[240] Часть работ доступна на электронном ресурсе. URL: https://book.douban.com/series/336 (дата обращения: 23.08.2023).

[241] Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / [изд. Д. Пещуров]. СПб. : Издание Министерства иностранных дел, 1889. URL: https://www.prlib.ru/item/442818 (дата обращения: 07.10.2022).

[242] Morse H. B. International relations of the Chinese empire. New York, 1917 (на англ. яз.).

[243] Gowen H. H. An Outline History Of China: From The Manchu Conquest To The Recognition Of The Republic. Boston. 1913 (на англ. яз.).

[244] Fairbank J. K. The great Chinese revolution:1800–1985. New York, 1986 (на англ. яз.).

Контекст работ отечественной и китайской историографии в значительной степени синхронизирован с политическим взаимодействием России и Китая, которое оказывало особое влияние на оценки в исторических исследованиях, предлагало определенный идеологический подход. Однако нельзя считать эти исследования односторонними или заведомо субъективными. Напротив, они внесли существенный вклад в историю изучения того или иного периода российско-китайского взаимодействия в межстрановом и региональном измерениях.

2.1. *Наконец, последняя группа работ, посвященных изучению региональной (туркестанской) истории.* В нее входят исследования о специфике положения Западного и Восточного Туркестана от его географии и топонимики до трудов, которые характеризуют проблемы политической истории.

А) Отдельные аспекты трансформации национального представления и этнополитики отражены в работах, *посвященных анализу изучения географии и топонимики края.*

Географическое исследование региона, начиная от путевых заметок и сведений о ландшафте и заканчивая полномасштабными переписями населения и хозяйств, проходившее вместе с развитием новых отраслей экономики, трансформацией социума, а иногда и параллельно с военной кампанией, составило фундамент дальнейшей политической модернизации региона. Поэтому опорными материалами при последующем формировании национальных историографий уйгуров и дунган стали труды европейской (российской) научной литературы.

С точки зрения топонимики в историографии известны разные наименования и соответствовавшие им осмысления территории региона – Мавераннахр [245] ,

[245] Мавераннахр или в европейском прочтении Трансоксиана – регион между реками Амурдарья и Сырдарья. Мавераннахр // Большая российская энциклопедия. 2011. Т. 18. С. 301.

Трансоксиана[246], Сиюй[247], Туран[248], Татария (Тартария)[249], Бухария[250], Туркестан[251], Средняя Азия, Внутренняя Азия, Центральная Азия и др.; все эти термины служили для описания исследуемой ойкумены.

Зачастую происходило заимствование того или иного термина европейской наукой из местной историографической традиции. Например, в научной литературе термин «Туркестан», пришедший со страниц персоязычной историографии и означавший «страна тюрков», появился в конце XVIII века у европейских исследователей. В административно-политический лексикон термин был введен российской администрацией в середине XIX века и официально закреплен в названиях территориальных единиц (Туркестанское генерал-губернаторство, край и пр.). Этот же термин получил свой политический расцвет в начале XX века в Турции, когда новые османы стали апеллировать к национальным идеям, заявляя о Малой Азии как о «Туркестане». Однако позже они отказались от его использования для того, чтобы не путать с Центральной Азией, известной под таким же названием. Восточный

---

[246] Трансоксиана (Мавераннахр) – регион между реками Амурдарья и Сырдарья. Термин появился в период арабских завоеваний VII–VIII века. См.: Мавераннахр // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 301.

[247] Или 西域都护府 (Протекторат западных регионов) – термин, использовавшийся в империи Хань для территории Синьцзяна и Джунгарии. См.: Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин: анатомия исторического мифа // Восток (ORIENS). 2014. № 1. С. 5–17.

[248] Тура(н) – враждебная, неиранская земля; это название обычно применялось в иранском национальном эпосе к землям за пределами Хорасана и реки Окс, впоследствии считавшимся родиной тюрков и других неиранских народов по преимуществу. Bosworth C. E. Ṭurān // Encyclopædia Iranica. 1994. P. 203, 205–209 (на англ. яз.). Термин известен еще из эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме» X–XI веков.

[249] Термин, который применялся в заподноевропейской картографической и литературной традиции для обозначения территорий от Каспийского моря до Тихого океана. См.: Горшенина С. М. Изобретение концепта Среднеѝ / Центральноѝ Азии: между наукоѝ и геополитикоѝ / перевод с французского М. Р. Маѝзульса. Вашингтон : Программа изучения Центральноѝ Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. С. 5–10.

[250] Великая и Малая Бухария – термины для обозначения Бухарского эмирата или Западного Туркестана. Название же Малой Бухарии относилось к Восточному или, иначе, Китайскому Туркестану. См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

[251] Или страна тюрков. Термин, ставший популярным в использовании в XIX-м – начале XX века. См.: Туркестан // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 535.

Туркестан соседствовал с Западным, при этом история всего Туркестана виделась исследователям взаимосвязанной[252].

Многочисленные экспедиции составили фундамент научных изысканий о народах края, стоит отметить миссии А. Шлагинтвейта[253], Ч. Ч. Валиханова[254], П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского[255], Г. Е. Грумм-Гржимайло[256], Б. Л. Громбчевского[257] и др.[258]

При этом каждое из исследований исходило из разных «отправных точек». В одних Центральная Азия виделась через призму географии: анализировались климат, горные массивы и прочие физические характеристики[259]. В других ведущим

---

[252] См.: Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана – Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 70; Сюй Цзяньин. Дун ту вэньти дэ лиши юй сяньчжуан шулунь [Вопрос Восточного Туркестана: история и современное состояние] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и общественные науки]. 2016. Т. 37. №6. С. 1–10.(许建英. 《东突” 问题的历史与现状述论》) (на кит. яз.).

[253] Адольф Шлагинтвейт (1829–1857) – разведчик, исследователь и путешественник стран Центральной Азии из Королевства Бавария. Во время путешествия в Кашгарию в 1857 году был схвачен и казнен правителем Валиханом-тюре в августе 1857 года. Подтверждение факта его смерти удалось обнаружить Ч. Ч. Валиханову в своей экспедиции в Кашгар в 1858 году.

[254] РГВИА, Ф. 447. Оп. 17. Д. 235. Л. 292–296; Валиханов Ч. Ч. Записки об организации поездки в Кашгар // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. С. 9–10; Он же. О состоянии Алтышара или шести городов Китаской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985.

[255] Пржевальский Н. М. Путешествия в Центральной Азии. М. : Эксмо, 2010.

[256] Грумм-Гржимайло Г. Е. Дунганский партизан Дан-ху Баян-хур // Исторический вестник. 1891. № 6. С. 627–632; Грумм-Гржимайло Г. Е. Описание путешествий в Западный Китай / сост. Г. Е. Грум-Гржимайло; при участии М. Е. Грум-Гржимайло. Т. 1-3. Вдоль Восточного Тянь-Шаня: с карт., 25 фототип., 5 грав. в тексте и 1 табл. / 3 т.; 29. СПб. : Имп. Рус. геогр. о-во, 1896–1907, 1896.

[257] Громбческий Б. Л. Путешествия по Центральной Азии / Б. Л. Громбчевский; редакторы-составители: Басханов М. К., Чхетиани О. Г.; переводчики: Минлос С. О., Кириллова-Маскова О. К. СПб. : Нестор-История, 2019.

[258] Россия. Туркестанский край. Полное географическое описание нашего Отечества / под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и академика В. И. Ламанского. Т. 19. СПб., 1913; Русские военные востоковеды до 1917 года = Russian military orientologists: Russian military orientologists: биобиблиогр. словарь / авт.-сост. М. К. Басханов. М. : Восточ. лит., 2005.

[259] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. : Военно-ученый ком. Главного штаба, 1882–1914. Вып. 35. 1888.

становился историко-политический подход, когда в основе изысканий лежала политическая хроника, основные события и их герои[260]. В третьих превалировало этнографическое измерение[261].

Историко-географическому определению топонимики посвящено немало трудов отечественных и зарубежных исследователей, к ним в первую очередь следует отнести работы Ю. Г. Клапрота[262], К. Риттера[263], А. фон Гумбольдта[264] и др.

Значение географических описаний было велико. Они представляли различные наименования региона и его народов в разные эпохи. Уже к первой четверти XIX века в Центральной Азии были развиты систематические картографические исследования в связи с созданием Корпусов военных топографов в Оренбурге и Омске[265]. Составлением карт занимались Военное-топографическое бюро, отделы Академии наук, важную роль в деле исследования именно Центральной Азии было отведено Русскому географическому обществу и его членам, известным путешественникам и исследователям.

В рамках военной миссии была осуществлена подготовка карты Азиатской России, составленной по сведениям Генерального Штаба полковником А. А. Ильиным. Эта карта была выпущена в 1868 году и включала всю азиатскую часть России с

---

[260] Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения, или дунгеней, в Западном Китае / Дунгане: история и культура: исследования о дунганах в России и СССР (вторая половина XIX – первая половина XX в.); сост. М. Р Мадиван; отв. ред. А. А. Сизова. М. : Наука – Вост. литература, 2021. С. 25–45.

[261] Селицкий И. В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы: [Экон.-этногр. очерки и быт. жизнь тт. таранчей и дунган]. Казань : Типо-лит. ун-та, 1905.

[262] Carte de l'Asie Centrale / dressee par M. J. Klaproth. Paris, 1833 (на франц. яз.).

[263] Риттер К. Землеведение Азии: география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т.е. Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири: [Т. 1 / соч.] Карла Риттера / пер. по поручению Рус. геогр. о-ва с доп., служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародов. с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Рус. геогр. о-ва. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1856–1874. URL: https://www.prlib.ru/item/333712 (дата обращения: 05.04.2022).

[264] Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии; перевод с франц. П.И. Бородзича; под ред. проф. Д.Н. Анучина. Т. 1. М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915.

[265] Глушков В. В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). М. : ИДЭЛ, 2007. С. 74.

упоминанием укрепленных линий, территорий кочевий Оренбургских киргизов, областей Сибирских киргизов, Туркестанского генерал-губернаторства. Отдельно был вынесен г. Оренбург, который, будучи очевидным центром, не относился к территории кочевий Оренбургских киргизов, а располагался на выделенной на карте укрепленной линии. С включением Хивинского ханства и Бухарского эмирата линия границы сдвигалась, такая же ситуация происходила и со становлением пограничной линии с Западным краем империи Цин[266].

В начале XX века начинается переосмысление представлений российской историографии и географии тюркской интеллигенции. Один из главных примеров – изыскания З. В. Тогана (1890–1970). Будучи одним из фундаментальных исследователей тюркского мира, Тоган ритически осмыслял достижения европейского знания о Центральной Азии. В одном из своих писем он подчеркивал, что В. В. Бартольд (в трудах «Туркестан», «История орошения Туркестана»), а также В. Томашек, Й. Маркварт, В. В. Григорьев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, используя арабский и исламские источники, обращаются с ними весьма «пристрастно и ущербно». З. В. Тоган упоминает 1916 год, когда он столкнулся с упущениями в их трудах: Томашек приводил исключительно китайские и греческие источники, Бартольд обращался к арабо- и персо-исламским трудам в основном домонгольского периода и недостаточно опирался на сведения послемонгольского владычества. З. В. Тоган отдельно указывал на проблему топонимики и соответственно употребления терминов, связанных с географическими представлениями для обозначения этнических сообществ: «В соответствии со своими устаревшими концепциями Бартольд и Томашек представляли, что в домонгольский период в Мавераннахре не было тюрков, перешедших к культурной жизни. По этой причине

[266] Карта Азиатской России [Карты] / сост. по новейшим сведениям Ген. штаба полк. Ильиным; испр. по 1-е апреля 1868 г. Изд. 6-е. СПб. : Ильин, [1868]. 1 л.: многокрас., доп. карта.

они во что бы то ни было старались прочитать по-согдийски[267] и по-персидски чисто тюркские названия, встречающиеся в Мавераннахре»[268].

Учитывая специфику подхода европейской школы, З. В. Тоган ставил вопрос об «устарелости» терминологического аппарата и соответственно необходимости создания правильного представления о географии региона и его жителях.

В современной историографии важнейшими работами по топонимике региона являются труды А. Г. Малявкина[269], А. Ш. Кадырбаева[270], С. М. Горшениной[271] и ряда других.

Современный историографический корпус в значительной мере направлен на описание политической истории края, по этой причине вопросы реализации политики России и Китая в Центральной Азии составляют последнюю подгруппу – *б) исследования, которые посвящены политической истории Западного и Восточного Туркестана*.

Из числа обобщающих работ по истории Западного Туркестана следует выделить труды российских историков-востоковедов С. Г. Кляшторного,

---

[267] Виноградова С. П. Согдийский язык // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 568. Согдийский язык относится к восточным иранским языкам, памятники свидетельствуют о его употреблении с I-го по XII век н.э.

[268] ЦГА РУз, Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 2633. Л. 102 об. (2) – 103 (3). Цит. по: Новая страница из жизни А.З. Валиди / Islamic area studies project, Tokyo, Japan, 2001. С. 13–16.

[269] Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск : Наука, 1981.

[270] Кадырбаев А. Ш. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в российско-советской, западной, китайской и иранской историографии // Иран-наме. 2008. № 2. С. 232–238.

[271] Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой; перевод с франц. М. Р. Майзульса. Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. С. 12–15.

Т. И. Султанова[272], Д. Ю. Арапова[273], Н. Е. Бекмахановой[274], С. Н. Абашина[275], Т. В. Котюковой[276], В. О. Бобровникова[277], А. Д. Васильева[278], А. Ш. Кадырбаева[279].

Проблеме формирования полиэтничной державы посвящена коллективная монография «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления», опубликованная в 1997 году. Безусловной заслугой этого труда является компаративный анализ административного управления в различных регионах империи, который позволил авторам сделать вывод о сохранении локальных управленческих систем. Так, в Туркестанском генерал-губернаторстве важным являлось единство управления для контроля над оседлой и кочевой частями населения. Дунгане и уйгуры представляли оседлых жителей, где в системе судопроизводства существенную роль продолжал играть шариат. В практике судопроизводства у

---

[272] Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы : Рауан, 1992.

[273] Императорская Россия и мусульманский мир : конец XVIII –начало XX в.: сборник статей / под ред. Д. Ю. Арапова. М. : Наталис, 2006; Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

[274] Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: Послед. четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М. : Наука, 1980.

[275] Узбеки / отв. ред. З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Акад. наук Респ. Узбекистан, Ин-т истории. М. : Наука, 2011; Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты / отв. ред.: С. Н. Абашин, В. И. Бушков. М. : Наука, 2004.

[276] Котюкова Т. В. От Туркестанского генерал-губернаторства к советским республикам Средней Азии: как и когда начали формироваться современные границы в Центральной Азии (к 100-летию национального размежевания в Средней Азии) // Постколониализм и современность. 2023. № 3(3). С. 43–77; Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. Т. В. Котюкова, ред. Б. М. Бабаджанов, О. А. Махмудов, С. Н. Абашин. М. : Кучково поле, 2016.

[277] Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН; составители: В. О. Бобровников [и др.]. М. : Садра, 2017.

[278] Васильев А. Д. Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI–XIX в.). М. : ИВ РАН, 2014.

[279] Кадырбаев А. Ш., Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Зайцев И. В. Очерки истории Центральной Азии: учебное пособие / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Центр Кавказа и Центральной Азии. М. : [б. и.], 2007; Кадырбаев А. Ш., Сыздыкова Ж. С. Страна на Тянь-Шане и в Прииссыккулье : очерки истории Кыргызстана с древнейших времен до начала XXI века: учебное пособие / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Институт Востоковедения РАН. М. : 4 Принт, 2019.

большинства кочевников власти использовали адаты и положения общеимперского суда. В среднеазиатских ханствах, вошедших в состав Российской империи в статусе протекторатов, были сохранены основные элементы местной системы управления и судопроизводства[280].

Отдельные события и процессы, например, мусульманское восстание и переселение дунган и уйгур на территорию Западного Туркестана, описываются в работах академика В. П. Васильева[281], О. В. Зотова[282], В. С. Кузнецова[283], А. Х. Ходжаева[284], Л. И. Думана[285], Д. А. Исиева[286] и А. Д. Васильева[287]. Они использовались автором в качестве важного источника получения эмпирических данных. Вне рамок исследования, но при этом характеризующей последующий период в истории края является работа Д. П. Гасанлы. В ней автор анализирует сталинскую политику в Синьцзяне, взаимодействие региона с СССР[288].

В поздне- и постсоветское время роль Центральной Азии во внешней политике Китая, ее основные характеристики являлись предметом изучения многих ученых

---

[280] Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / под ред. С. Г. Агаджанов и др. М. : Слав. диалог, 1997.

[281] Васильев В. П. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева: с портр. авт. // Вестник всемирной истории. 1900. Т. 8.

[282] Зотов О. В. Китаӥ и Восточныӥ Туркестан в XV–XVIII вв.: межгосударственные отношения. М. : Наука, 1991.

[283] Кузнецов В. С. Из истории освободительноӥ борьбы уйгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1. С. 130–136.

[284] Ходжаев А. Х. Цинская империя, Джунгария и Восточныӥ Туркестан: (Колониальная политика цинского Китая во второӥ половине XIX века). М. : Наука, 1979.

[285] Думан Л. И. Биянху – вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. VII. М.-Л., 1939.

[286] Исиев Д. А. Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877). М. : Наука, 1981.

[287] Васильев А. Д. Кашгария. А.Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // Мир политики и социологии. 2018. № 5-6. С. 19–40.

[288] Гасанлы Д. П. Синьцзян в орбите советской политики : Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949: монография / Джамиль Гасанлы. 2-е изд-е, стереотипное. М. : ФЛИНТА, 2016.

России и стран ближнего зарубежья: В. С. Кузнецова[289], К. Ш. Хафизовой[290], Д. А. Жоголева[291], С. Б. Кожировой[292], Д. В. Дубровской[293]. Эти работы характеризуют не только событийную хронику взаимодействия Китая и Центральной Азии, но анализируют положение региона в рамках российско-китайского взаимодействия.

Спорам вокруг положения Синьцзяна в период развертывания конфликта с западными державами в приморских областях империи Цин посвящена работа Ван Кэ. В труде этого китайского исследователя приводится масштабная политическая переписка того периода, а также данные о значении западных рубежей Китая. Автор приходит к выводу, что на ослабление власти Цин в регионе самое серьезное влияние оказала политика Российской империи. Отметим, что автор, описывая развертывание Большой игры, указывает на экономическую невыгодность активного вовлечения Цин в дела Синьцзяна[294].

В работе Бао Эрхана (Бурхана Шахиди) о Синьцзяне представлен личный взгляд на события в регионе[295]. Бурхан Шахиди с 1925 года занимал различные посты в управлении Синьцзяном, в 1930-е годы трудился в качестве консула Китая в СССР. На годы его жизни пришлись ключевые события в истории региона в XX веке:

---

[289] Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральноӥ Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1983; Он же. К истории завоевания империеӥ Цин Восточного Туркестана (50-е годы XVIII в.) // Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1979. С. 10.

[290] Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы : Гылым, 1995.

[291] Жоголев Д.А. Малые народности и великиӥ Китаӥ. М. : ИДВ РАН, 1994. С. 189–197.

[292] Кожирова С. Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000.

[293] Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна: Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. РАН. Ин-т востоковедения. М. : ИВ РАН, 1998.

[294] Ван Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 40-53. (王 柯《國際政治視野下的「新疆建省」》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期) (на кит. яз.).

[295] Бао Эрхань Шасиди (Бурхан Шахиди). Синьцзян у ши нянь [Пятьдесят лет Синьцзяна]. Бэйцзин: Вэньши цзыляо чубаньшэ [Пекин: Издательство исторических материалов], 1983. (包尔汉 沙希迪.《新疆五十年》. 北京:文史资料出版社,1983)(на кит. яз.).

падение Цин и формирование нового правительства Китайской Республики, а также и последующие – японская оккупация, приход к власти КПК. Работа отражает перепетии в судьбе Синьцзяна, а также иллюстрирует взаимодействие региона с СССР.

Осмыслению положения Синьцзяна в составе Китайской Республики посвящена работа авторов Чэнь Хуэйшэн, Чэнь Чао. В частности, авторы указывают на причины участия иностранных государств (советской власти) в политической трансформации Синьцзяна, раскрывают роль военных губернаторов в управлении краем и допуском иностранных держав во внутренние дела. В этом же ключе можно отметить другие китайские труды по истории Синьцзяна[296]. Например, работы, характеризующие положение и систему управления неханьскими народами, например, деятельность «Лифаньюань» (理藩院）или «Палаты внешних сношений». В ее ведении находились вопросы взаимодействия с Россией вплоть до подписания Пекинского договора 1860 года[297]. В ряде западных трудов деятельность этого ведомства описывается в качестве института управления колониями[298].

Особое место в изучении национальной политики Китая занимают труды, описывающие историю различных этнических общностей или регионов. Примерами такого рода исследований могут служить «Чжуаны в контексте национальной политики Китая» под авторством В. С. Глинкина[299], «Особенности положения народа

[296] Чэнь Хуэйшэн, Чэнь Чао. Миньго Синьцзян Ши [История Синьцзяна в период Китайской Республики]. Урумчи : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. (陈慧生、陈超《民国新疆史》乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1999) (на кит. яз.).

[297] Ван Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 40-53. (王 柯《國際政治視野下的「新疆建省」》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期) (на кит. яз.).; Wang Ke. The East Turkestan Independence Movement, 1930s-1940s. Гонконг : Chinese University Press, 2018.

[298] Rawski Evelyn Sakakida. Chinese society in the eighteenth century. New Haven; London : Yale univ. press. cop., 1987. P. 11–12 (на англ. яз.).

[299] Глинкин В. С. Чжуаны в контексте национальной политики Китая. Томск : Ветер, 2022.

наси в Китае: история и современность» Ю. А. Грачевой [300] , выпускная квалификационная работа бакалавра СПБГУ Ян Фань «Социально-профессиональная структура дунган»[301] и др.

Следует отметить многочисленные работы о Синьцзяне В. А. Бармина, в которых автор раскрывает историю Восточного Туркестана, его связь с СССР и роль советских властей в решении национального вопроса[302]. Его труды в полной мере раскрывают роль иностранных государств в Синьцзяне в первой половине XX века. Автор уделяет внимание роли Синьцзяна сначала в распространении идеи большевиков о мировой революции, а позднее в ее пересмотре, затрагивает вопросы сотрудничества с китайскими властями и двусторонней торговли[303]. В. А. Бармин в своих работах зачастую описывает те причины, из-за которых в Синьцзяне складывалось двойственное управление – существование в рамках империи Цин и при этом достаточно вольная собственная внешняя политика; отмечает причины возникновения постоянных восстаний против центральной власти, а также ситуацию с вовлеченностью внешних акторов в регион, например, СССР. Он также отмечает динамику (преимущественно рост) взаимодействия Синьцзяна не только с

[300] Грачева Ю. А. Особенности положения народа наси в Китае: история и современность: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.03 / Грачева Юлия Александровна; [Место защиты: Институт востоковедения Российской академии наук]. М., 2019.

[301] Ян Фань. Социально-профессиональная структура дунган. Выпускная квалификационная работа / науч. рук.: к.с.м., доц. преп. И. В. Ивлева. СПб., 2016.

[302] Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян, 1918–1941 гг.: СССР и Синьцзян, 1918–1941 гг.: (Регион. фактор во внеш. политике Совет. Союза). Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998; Он же. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999; Он же. Сотрудничество уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations : научный журнал. 2019. № 1 (3), С. 62–66; Он же. Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революции 1917 г.: [Коллективная монография] / Ю.А. Лысенко и др. Барнаул : Изд-во Алт. Ун-та, 2017.

[303] Бармин В. А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918–1949 гг.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02: защищена 27.01.2006 / Бармин Валерий Анатольевич. Барнаул, 2005; Он же. Советский Союз и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998; Он же. СССР и Синьцзян. 1918–1941 гг. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999.

традиционным Западным Туркестаном, уже прошедшим путь национально-территориального размежевания, но и с Сибирью, по мере того как советские власти «растили» кадровый потенциал среди жителей Синьцзяна. Все это неминуемо влияло на рост социальной активности и национального самосознания населения Синьцзяна[304].

Представляет интерес его работа, написанная совместно с С. В. Дмитриевым при участии В. Г. Шматова, в которой авторы ретроспективно в очерковом формате рассматривают историю региона с I тыс. до н.э. до образования Синьцзян-Уйгурского автономного района[305].

В ракурсе истории международных отношений заслуживают серьезного внимания работы В. А. Моисеева и С. В. Моисеева, освещающие историю российско-китайского взаимодействия в этом регионе в их взаимосвязи с внутренними процессами, протекавшими в мусульманском сообществе Восточного Туркестана в дореволюционный период[306]. Для понимания политогенеза уйгурского сообщества чрезвычайно важны сюжеты, связанные с формированием государства Йеттишар. В контексте национального строительства они позволяют проследить процесс консолидации отдельных групп уйгур и дунган, представить характер их политических взаимоотношений, например, противостояние групп афакия или белогорцев группам исхакия или черногорцам, а также определить влияние на

[304] Бармин В. А. Сотрудничество уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations: научный журнал. 2019. № 1 (3), С. 64–66; Он же. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2(76). С. 27–35.

[305] Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов, В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. 46. М. : ИВ РАН, 2016. С. 209–244.

[306] Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул : АзБука, 2003.

вышеперечисленные процессы вступления русской армии в Илийский край[307]. Труды Владимира Анисимовича и Сергея Владимировича в контексте данной работы являются также одними из опорных. В. А. Моисеев, работая в АН КазССР, руководил направлением по исследованиям «казахов Китая. XVIII—XX вв.», а также «политики СССР в Синьцзяне. 1917–1987 годов». Примечательной работой С. В. Моисеева является исследование о причинах и последствиях заключения русско-кашгарского торгового договора 1872 года, в котором автор подробно раскрывает состояние взаимоотношений России и государства Йеттишар. В частности, он указывает на причины, по которым Российская империя стала активнее вовлекаться в процессы в Синьцзяне и почему она отошла от невмешательства в китайско-кашгарские дела. При этом царская власть отказалась от признания правительства Якуб-бека. Другими словами, Россия трансформировала свою позицию в регионе в зависимости от обстоятельств, учитывая свои интересы в близлежащем Синьцзяне [308]. Позднее В. А. Моисеев возглавил кафедру востоковедения в Алтайском госуниверситете и самостоятельно и в качестве руководителя научного коллектива издал ряд фундаментальных трудов и сборников документов[309].

---

[307] Моисеев С. В. Взаимоотношения России и Уйгурского Государства Йеттишар в 1864–1877 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02: защищена 15.12.2003 / Моисеев Сергей Владимирович. Барнаул, 2003; Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Чокан Валиханов – востоковед. Алма-Ата : Наука, 1985; Моисеев С. В. Русско-кашгарские отношения в 60–70-х гг. XIX в. Барнаул : Азбука, 2008.

[308] Моисеев С. В. Причины и последствия заключения русско-кашгарского торгового договора 1872 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 6(110). С. 75–80. URL: https://izvestiya.asu.ru/article/view/%282019%296-12. (дата обращения: 12.02.2023).

[309] Моисев В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях (1917–1987 гг.). Алма-Ата, 1988; Он же. Российско-китайские отношения в Синьцзяне в 1917 г.: вопрос о репатриации беженцев // Вестник Новосибирского госуниверситета. 2008. № 3; Он же. Истоки китайского шовинизма // Простор. 1980. № 12. С. 94–102; Он же. Синьцзян на рубеже XIX–XX вв. // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1997; Он же. Жизнь и смерть Адольфа Шлагинтвейна // Азия и Африка сегодня. 2001. № 6. С. 41–44; Он же. Россия и цинский Китай глазами мусульманских народов Центрально-азиатского фронтира (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Европейские исследования в Сибири: мат. Всеросс. науч. конф. Вып. 3. Томск, 2001. С. 26–34; Он же. К вопросу о политике царской России и СССР в Синьцзяне в XIX – первой половине XX в. (Сравнительный анализ) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI – XXI вв. Новосибирск, 2003. Ч. II; Он же. Воспоминания А. А. Полухина о походе в Синьцзян и разгроме войск генерала А. С. Бакича в 1921 г. // Пятые востоковедные чтен. пам. С. Г. Лившица.

В работах В. А. Моисеева[310], А. Д. Воскресенского[311], В. В Галиева[312], Д. В. Дубровской[313], К. А. Сутеевой[314], Д. В. Васильева, С. А. Асановой[315] и др. ученых содержатся сведения об оценке «Илийского кризиса» в 70–80-е годы XIX века. Он составляет один из важнейших этапов в консолидации мусульман региона и рассматривается автором как ключевое событие в трансформации этнополитики России и Китая.

Особенную роль в представлении региональной истории и событий, связанных с национальным строительством дунган и уйгуров, играют труды Мяо Пушена и Тянь

Вып. 5. Барнаул, 2004. С. 68–73; Он же. Из истории основания китайских консульств в Казахстане (20-е гг. XX в.) // IV Евразийский форум. Астана, 2004. С. 18–21; Он же. К вопросу о возвращении из Китая в Российский Туркестан участников восстания 1916 г. в период правления Временного правительства // III науч. чтен. пам. Ю. С. Булыгина. Барнаул, 2005. С. 161–162; Он же. О Кульджинской школе переводчиков и толмачей // Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 3. С. 167–172; Моисеев В. А., Ерофеева И. В. В поисках Адольфа Шлагинтвейна (из истории международных связей XIX в.) // Культура немцев Казахстана: история и современность. Алматы, 1999. С. 29–42.

[310] Моисеев В. А. Дискуссия между правительством и туркестанской пограничной администрацией по вопросу о занятии Кульджи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Россия и международные отношения в Центральной Азии: сб. науч. ст. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 91–102; Он же. Из истории Илийского кризиса (занятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул : Изд-во АГУ, 1996. С. 93–108; Он же. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. С. 85–94; Он же. К истории возвращения Кульджинского края Китаю (записка полковника П.П.Матвеева) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы Всероссийской конференции. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 440–441; Он же. Карательный поход цинских войск в Синьцзян и позиция России (70-е гг. XIX в) // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 3. Барнаул, 2002. С. 100–112.

[311] Воскресенский А. Д. «Илийский кризис» в русско-китайских отношениях: новое время – новые оценки // Новые теории в изучении Китая; Т. 5: Китай в системе международных отношений (прошлое и настоящее). М. : Наука, 1990. С. 16–25.

[312] Галиев В. В. Российские консульства в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.). Алматы : Аматура, 2011.

[313] Дубровская Д. В. Илийский кризис в русско-китайских отношениях [1871–1881 гг.] // Восток: Афр.-азиат. о-ва: история и современность 1994. № 5. С. 51–63.

[314] Сутеева К. А. Некоторые аспекты административной и социальной политики России в Илийском крае Синьцзяна в 1871–1881 годах // Идеология и политика. Ч. II. М., 1986. С. 125–131.

[315] Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник РУДН. История России. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priyut-dlya-strazhduschih-migratsiya-iz-sintszyana-v-rossiyu-v-1860-1880-h-gg (дата обращения: 24.07.2024).

Вэйцзяна[316], Э. М. Мамедовой[317], Д. В. Буярова[318]. Их работы являются чрезвычайно важными в контексте исследования трансформации положения уйгурской и дунганской общностей, демонстрируют изменения внутри каждой из общин и влияние исторических обстоятельств на судьбу каждого из народов.

Нельзя не отметить комплексные исторические труды, вышедшие под редакцией А. В. Меликсетова[319], С. Л. Тихвинского[320], а также работу О. Е. Непомнина[321], в которых раскрыты многие аспекты ситуации в Восточном Туркестане во взаимосвязи с историей Китая в период конца правления династии Цин и начала республиканского периода китайской истории.

Перекликаясь с тезисами и выводами С. В. Моисеева о развитии интересов России в Синьцзяне, Д. В Васильев, Р. Ю. Почекаев, С. А. Асанова в своей монографии вводят в научный оборот сюжеты о действии Российской империи в регионе Хунза[322].

Не исчезла и традиционная для евро-американской историографии трактовка международных отношений в регионе. В трудах О. Э. Клабба[323], П. С. Хопкрика[324] и др. основной упор сделан на анализ российско-китайских отношений в Туркестане

---

[316] Мяо Пушэн, Тянь Вэйцзян. Синьцзян шиган [Очерк истории Синьцзяна]. Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 120-180. (苗普生,田卫疆.《新疆史纲》新疆人民出版社, 2004) (на кит. яз.).

[317] Мамедова Э. М. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна: со II половина XIX века до 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00. Ташкент, 1963.

[318] Буяров Д. В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11(49): в 2 ч. Ч. I. С. 25–27.

[319] Меликсетов А. В. История Китая в новейшее время. Ч. 1. Китай к началу новейшего времени. М. : МГИМО, 1980.

[320] История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т.; гл. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука: Восточная лит., 2013.

[321] Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. М. : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2005.

[322] Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. / под общ. ред. Д. В. Васильева. СПб. : Нестор-История, 2021.

[323] Clabb O. E. China and Russia: The Great Game. New York, 1971 (на англ. яз.).

[324] Хопкирк П. Большая игра против России: Азиат. синдром; [пер. с англ. И.И. Кубатько]. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004.

сквозь призму геополитического соперничества ведущих держав XIX-го – начала XX века, фактически сквозь призму «Большой игры».

Из последних работ, вышедших на Западе, особую роль играет труд А. Халида о пересечении интересов Китая и России в Центральной Азии. В нем автор представляет регион в границах Восточного и Западного Туркестана с единой политической судьбой, но по разные стороны границы [325]. Изменение акцента регионального измерения представляется чрезвычайно перспективным.

Важная роль в постсоветских работах отведена обновленческим движениям в исламе в регионе. Важными трудами для анализа джадидизма являются исследования узбекских историков Д. А. Алимовой[326], Б. Х. Эргашева[327], Н. У. Гафарова[328], в которых рассмотрены вопросы влияния новометодного образования как на образование и общественную жизнь, так и на политическую ситуацию, абсолютизируется политическая деятельность джадидов в регионе.

В значительной степени на работы центральноазиатских авторов оказало влияние воззрений А. Халида[329]. В одной из своих книг он раскрывал проблему построения единой общности в рамках идей младобухарцев, пантюркизма, пантуранизма – все эти концепции, по его мнению, так или иначе свидетельствуют о росте этнического самосознания, а также о том, что политическая надстройка

---

[325] Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2021 (на англ. яз.).

[326] Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии: Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000.

[327] Эргашев Б. Х. Из истории становления и развития общественно-политических идей джадидизма. Идеология младобухарцев: дис. … д-ра филос. наук: 09.00.03: защищена 15.05.1993; утв. 20.07.1993 / Эргашев Баходур Хожикурбанович. Бухара, 1993.

[328] Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02: Место защиты: Тадж. нац. ун-т. / Гафаров Нуманджон Усманжонович. Душанбе, 2013.

[329] Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 2021 (на англ. яз.).

способна объединять или, напротив, нивелировать этническую идентификацию, оказывая прямое воздействие на процессы нациестроительства[330].

В китайской историографии также можно найти работы о распространении джадидизма среди жителей Синьцзяна. В частности, в исследовании Рэхэмутуллы Айшан раскрывается история появления джадидского учения в крае, появление его последователей и видных фигур, например, Сайфутдина Азизова – первого председателя Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР[331]. Отметим, что влияние новометодного образования на общество Восточного Туркестана крайне редко является предметом научных изысканий.

Вопросам модернизации ислама и взаимодействия империи с этой религией посвящены индивидуальная монография П. К. Дашковского[332], а также коллективные монографии «Ислам в России и Евразии (памяти Д. Ю. Арапова)»[333] и «Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока»[334].

Определенную роль играют работы, рассматривающие вопросы демографического развития региона, на которое оказывали воздействие естественный прирост населения и миграции. В исследованиях В. М. Кабузана[335], Д. И. Дулатовой,

---

[330] Khalid A. Making Uzbekistan: nation, empire, and revolution in the early USSR / Adeeb Khalid. Ithaca; London : Cornell univ. press, 2019 (на англ. яз.).

[331] Рахметулла А. Синьцзян Вэйуэрцзу Чжайцзидэ Цзяоюй Яньцзю [Исследование джадидского образования уйгуров в Синьцзяне]: Шоши суэ вэй луньвэнь / Синьцзян Шифань Дасюэ [Синьцзянский педагогический университет]. Улумуци, 2009. С. 11-12. (热合木吐拉·艾山《新疆维吾尔族扎吉德教育研究(硕士学位论文,新疆师范大》, 2009) (на кит. яз.).

[332] Дашковский П. К. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.: монография. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2020.

[333] Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): коллективная монография / сост. и отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб. : Алетейя, 2021.

[334] Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока; редкол.: отв. ред. Э. Г. Филимонов и др. М. : Мысль, 1983.

[335] Кабузан В. М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4(19).

Н. Е. Бекмахановой[336], Н. В. Алексеенко, А. Н. Алексеенко[337], Н. Л. Краснобаевой[338], В. И. Котова[339], П. Г. Галузо[340], И. Р. Мулляджанова[341], Г. Р. Асанова (на узбекском языке)[342] и др. предпринимались попытки подсчета различных этнических групп в исследуемом регионе в хронологической динамике. Авторами введен в оборот и проанализирован значительный массив архивных источников, дан анализ миграционных процессов. Интерес представляют труды историков и демографов, вышедшие на казахском языке, в частности, работы М. Т. Татимова «Летопись в цифрах»[343] и в меньшей степени А. К. Абилева[344], в которых представлена общая характеристика социальных и миграционных процессов в Казахстане в XIX-м – начале XX века. Историческому взаимодействию Западного и Восточного Туркестана, в том числе миграционным притокам из одного в другой, посвящена также изданная на казахском языке работа эмигрировавшего из Китая в Казахстан Н. Мухаметханулы[345].

В целом, существуют серьезные наработки в изучении проблем развития национальной политики России (СССР) и Китая в отношении национальных окраин,

---

[336] Бекмаханова Н. Е., Дулатова, Д.И. Народонаселение Казахстана в первоӥ половине XIX в. в досоветскоӥ литературе // История. Вып. 6. Алма-Ата, 1973.

[337] Алексеенко Н. В. Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981; Алексеенко А. Н., Алексенко Н. В. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997), Усть-Каменогорск, 1999.

[338] Краснобаева Н. Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004.

[339] Котов В. И. Народы союзных республик СССР. 60–80-е годы. Этнодемографические процессы. М., 2001.

[340] Галузо П. Г. Туркестан – колония (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). 2-е изд., испр. и доп. Ташкент : Гос. изд-во УзССР, 1935.

[341] Мулляджанов И. Р., Вороновский Ю. В., Цепковская Т. С. Население Узбекской ССР. Ташкент : Узбекистан, 1973; Мулляджанов И. Р. Население Узбекской ССР: справочник. Ташкент : Узбекистан, 1989.

[342] Асанов Г. Р. Узбекистон ССР ахолиси. Ташкент : Узбекистан, 1987 (УзССР «Билим» жамияти) / Население Узбекской ССР. Ташкент : Узбекистан, 1987.

[343] Татимов М. Т. Летопись в цифрах. на казахском языке. Алма-Ата : Наука, 1968.

[344] Абилев А. К. Казахское общество во второӥ половине XIX в. Караганда, 1992 (на казах. яз.).

[345] Мұқаметханұлы Н. Ізденіс: тарих және замана [Исследования: история и современность]. Алматы : Мереӥ баспасы, 2014 (на казах. яз.).

в то же время проблема трансформации этнокультурной идентичности уйгуров и дунган сквозь призму развивавшихся политико-административных подходов России и Китая до настоящего времени оказывалась на периферии исследовательских интересов и в значительной мере является исследовательской лакуной. Зачастую эта тематика рассматривается сквозь призму изучения политической и этнической истории уйгуров или дунган. Характеристика их национальных идей обычно представлена в качестве фоновой информации. При этом изучение самого процесса национального строительства было актуальной темой советских исследований, где этот процесс представлялся в качестве серьезного достижения советской власти. Имперский период в качестве важной вехи роста национального самосознания и/или предтечи процесса нациестроительства представлен значительно меньшим числом работ, лишь вкраплениями представлены идеи, связанные с локальным осмыслением национального, и скорее они характеризуются поиском истории этнического происхождения указанных групп, а также их интеграцией в общеимперское пространство.

Историография исследуемого процесса представляет собой многослойную картину формирования этнической идентичности, где пересекаются локальные традиции, имперские нарративы, советская национальная политика и реформы правительства Китайской Республики. Несмотря на то, что термины «уйгуры» и «дунгане» существовали, однако они скорее служили внешним описанием, порой конструируемым политической властью или культурной традицией (китайской, русской или локальной). В имперский период ключевую роль для самих сообществ играли религиозная и территориальная, хозяйственная принадлежность, она же имела дополнительное значение при переселении с территории Восточного в Западный Туркестан. Поэтому можно говорить о доминанте вышеперечисленных характеристик и в исследованиях современников, где население именовалось как «таранчи» или «кашгарцы», а также «хуэйцзу» или «хуэймин». Это же демонстрирует историографическая традиция.

Изменения в понятийном аппарате и введение совершенно иного подхода к измерению национального происходит в советскую эпоху. Народы ближайшего Синьцзяна также оказались в сфере непосредственного влияния советской политики. В работах, освещавших ход советской национальной политики, отмечается признание за ней консолидирующей роли, способствовавшей институционализации этнонимов и созданию устойчивых идентичностей, которые экстраполируются на родственные пограничные общности. Особую роль в этом сыграли процессы коренизации государственного аппарата, культурного строительства, реформы языка, повышения уровня образования и формирования национальных литератур национальных исторических и этнографических/этнологических научных школ.

Источниковую базу исследования можно разделить на несколько групп, выделенных в соответствии с классификацией видов письменных исторических источников, предложенной И. Д. Ковальченко [346]: 1) законодательные акты и международно-правовые акты, дающие возможность проследить эволюцию международных отношений в регионе; 2) делопроизводственная документация, включая материалы различных ведомств, учреждений и неправительственных организаций; материалы обследований, экспедиций и др., которые выступили наиболее массовым видом источников, способным пролить свет на вопросы структуры общества уйгуров и дунган, их взаимоотношений с властями и другими социальными сообществами в хронологической последовательности; 3) материалы политических партий и объединений, в первую очередь представителей кадетов, джадидов, социал-демократов, особенно большевиков, а также Гоминьдана и в меньшей степени КПК; 4) статистические материалы, в частности, материалы переписей населения, которые позволяют с различной степенью достоверности верифицировать данные об этнолингвистическом и конфессиональном составе населения регионов, а также материалы российской земской статистики,

[346] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003. С. 136–138.

превратившейся благодаря деятельности Ф. И. Щербины из прикладной отрасли в научное направление, дающие помимо количественных данных еще и возможность получения информации о взглядах представителей тех или иных сообществ, их хозяйственной деятельности и характере социальных связей внутри своего сообщества и с соседними сообществами; 5) источники личного происхождения (дневники, мемуары, личные письма), к которым также стоит отнести отдельные исследовательские труды, например, военные и полевые записки, обзорные материалы отдельных областей или народностей; 6) историографические хроники, которые позволяют проследить эволюцию этнонимов; 7) материалы периодической печати, как издававшиеся в столице и крупных административно-научных центрах, так и – особенно – выходившие на местах на русском, китайском и тюркских языках; 8) применительно к настоящей работе специфическим видом источников могут рассматриваться работы этнографов, обычно являвшихся одновременно представителями администрации различного уровня. Роль этнографов в процессе нациестроительства была чрезвычайно велика.

Использовались как опубликованные, так и архивные источники. Опубликованные источники представлены в различных сборниках документов и материалов, материалах обследований и переписей, дневниках и изданных отдельно записках, материалах съездов и конференций политических партий, научных трудах, особенно вышедших из печати в первые годы советской власти, а также в приложениях к современным научным изданиям. Многие источники находятся в открытом доступе в сети «Интернет».

Часть материалов, раскрывающих положение уйгуров и дунган в исследуемый период, не опубликованы до настоящего времени. Причем часть из них уже использовалась исследователями, и на них есть ссылки в опубликованных научных произведениях. Ряд материалов впервые вводится автором в научный оборот. Архивный источниковый комплекс, использованный в диссертации, представлен следующими материалами из фондов отечественных архивохранилищ.

Из фондов федерального казенного учреждения «Государственный архив Российской Федерации» (ГА РФ):

1) Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел;

2) Ф. Р1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР;

3) Ф. Р1235. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК). Отдельно отметим материалы Оп. 130. Д. 26. Дело о работе среди национальностей в Казахской АССР и конкретно доклад заведующего отделом национальностей Президиума ЦИК КАССР У. Алиева 1935 года, в котором он раскрывает достижения и недостатки культурного строительства и работы среди уйгуров и дунган, демонстрируя общие тенденции для национальных меньшинств региона. Дело имеет обратную нумерацию листов;

4) Ф. Р3316. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР);

5) Ф. Р5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета;

6) Ф. 10073. Коллекция белогвардейских и эмигрантских листовок.

Из документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) были использованы материалы фонда:

1) Ф. 165. 1 оп. 5361 ед. хр. крайние даты: 1734, 1787, 1819–1929 (Куропаткин А. Н.);

2) Ф. 400, крайние даты: 1836–1918. Главный штаб. Оп. 1-45. В фонде содержатся документы из коллекции, собранной Азиатской частью Главного штаба за 1836–1916 годы; в частности, отчеты и сведения о военно-топографических и научных экспедициях в Среднюю Азию, Монголию, Китай, Индию. Переписка с Министерством иностранных дел об отношениях с азиатскими государствами. Сведения о пограничных инцидентах, иностранном шпионаже в Азиатской части России;

3) Ф. 447. Крайние даты: 1737–1916. Систематический каталог. Фонд содержит Военно-топографическое и этнографическое описание Восточного Туркестана / Синьцзяна / Кашгарии. Составлен Поручиком Валихановым. В нем содержатся описание путешествия Ч. Ч. Валиханова, его заметки о состоянии Восточного Туркестана;

4) Ф. 1395. Туркестанский военный округ (1867–1918), крайние даты: 1866–1920. Штаб округа. Оп. 1–5, 8.

Из рукописных материалов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН):

1) Ф. 40. Оп. 1. Рукописи, полевые и другие материалы сотрудников МАЭ за 1828–1993 годы. Этот фонд содержит в себе материалы дискуссии по поводу категоризации населения Центральной Азии, указывает на проблемный характер переписей населения в отношении уйгурской и дунганской общностей в связи с их неточным отображением. Эти архивные материалы не были введены в научный оборот до работы автора над исследованием.

Из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) привлекались документы фонда:

1) Ф. 62. Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) (Средазбюро) (1922–1934). Материалы этого Фонда наряду с материалами ГА РФ, были частично опубликованы в различных сборниках и в качестве приложений к научным трудам.

Из материалов Российского государственного исторического архива (РГИА) использованы документы фондов:

1) Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД), из которых особо содержательным оказался Отчет по управлению Степным генерал-губернаторством за 1885 год, составленный Герасимом Алексеевичем Колпаковскиим, значительная часть которого посвящена вопросам охраны российско-китайской границы, ситуации в Западном Китае и приграничных с ним районах Российской империи.

2) Ф. 1291 (Земский отдел МВД), где также важен отчет Г.А. Колпаковского за 1886 год, содержащий сведения о ротации администрации Степного края и торговых и дипломатических представителей в Чугучаке с целью использования их уникального опыта и знакомства с местной мусульнаской культурой и обычаями восточных народов.

Из Архива востоковедов ИВР РАН использовались материалы фондов:

1) Ф. 33. Кун Александр Людвигович (1840–1988). Оп. 1. Д. 175;

2) Ф. 43. Петровский Николай Федорович (1837–1908)[347]. Оп. 2. Д. 11.

Также нами привлекались картографические материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов в:

1) Ф. 192, содержащем многочисленные географические и этнографические карты региона: Оп. 2. Д. 159. Инв. № 284. Разд. Общие карты России. Этнографическая карта Азиятской России: Туркестана и Киргизских степей. Картографическое заведение А. Ильина; Оп. 3. Д. 385. 1892 год. Карта Южной Пограничной Полосы Азиатской России. Ташкент Л. XIX; Оп. 2. Д. 148. 1924 год. Административная карта С.С.С.Р. Азиатская часть. Вып. 5-й. Границы к 20 ноября 1924 года. Составлена в 1 Государственном картографическом заведении. Издание картографического отдела Народного комиссариата внутренних дел. Ленинградский гублит;

2) Ф. 1385. Барон Ф. Р. Остен-Сакен, директор департамента внутренних сношений МИД и первый директор русского архива, путешественник, концентрирующий материалы по русско-китайским отношениям и политике России в Туркестане во второй половине XIX-го – начале XX веков, а также по этнографии

[347] Петровский Николай Федорович – востоковед, консул Российской империи в Кашгаре. Ряд его писем и отчетов хранятся в РГАДА в фонде Остен-Сакена, в АРАН, ГА РФ, а также в РГВИА. Ф. 1396 «Штаб Туркестанского военного округа». Оп. 2. Ед. хр. 2209. Л. 223–230 об. Цит. по: Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем. Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского // Источник. Документы русской истории. 2002. № 6 (60); Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / отв. ред. ак. В. С. Мясников, сост. В. Г. Бухерт. М. : Памятники исторической мысли, 2010.

народов Западного и Восточного Туркестана. В частности, в работе были использованы следующие документы: Оп. 1. Д. 416. Перевод с китайского документов о конфликтах с Россией. 1858 год; Д. 446. Статьи о восстании дунган и о Западном Китае. Вырезки из газет. 1869–1900 годы; Д. 455. Документы о восстании мусульман в Западном Китае. 1876–1879 годы; Д. 449 а. Записка неизвестного лица об образовании мусульманского государства в Западном Китае. 6 ноября 1875 года; Д. 466. Материалы о деятельности русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского (письма и донесения). 1883–1904 годы; Д. 467 а. Записка Ф. Р. Остен-Сакена об обострении отношений с Китаем. 1880-е годы; Д. 658. Статья Ф. Р. Остен-Сакена «Киргизская степь и Алатау» о путешествии Шранка в 1840 году в Восточную часть Джунгарской степи. 1856 год; Д. 661. Записка неизвестного лица «Этнографические заметки о Зачуйском крае (о местных условиях политики в Средней Азии». 1865 год; Д. 693. Доклад туркестанского генерал-губернатора Глуховского об исламе в Туркестане. 1899 год.

Помимо российских архивохранилищ, использовались материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК):

1) Ф. Р-5 (Центральный исполнительный комитет Казахской АССР), где собраны материалы о национально-однородных районах, в том числе о районах компактного проживания дунган и уйгуров;

2) Ф. И-9 (Канцелярия окружного инженера Тобольско-Акмолинского горного округа г. Омск), содержащие бумаги министерства земледелия и государственных имуществ;

3) Ф. И-14 (окружной инженер Степного северного горного округа г. Омск), содержащий сведения о промышленности и видах деятельности населения;

4) Ф. И-44 (Семиреченское областное правление, г. Верный), содержащий циркуляры и распоряжения туркестанского генерал-губернатора и семиреченского военного губернатора, включая отчеты;

5) Ф. И-64 (Канцелярия Степного генерал-губернатора), где помимо прочего имеются оригиналы на казахском с переводами на русский язык межкордонных съездов биев, проводившихся для урегулирования отношений между кочевниками Западно-Сибирского (позднее – Степного) генерал-губернаторства с приграничными китайскими кочевниками, преимущественно этническими казахами, причем они сведены в своды «Эреже»;

6) Ф. Р-81 (Народный Комиссариат Просвещения Казахской АССР), где, в частности, хранятся протоколы совещаний Наркомпроса КазАССР по делам национальных меньшинств при Президиуме КазЦИКа, директивы по вопросам культурно-просветительской работы в среде национальных меньшинств, телеграммы Наркомпроса Казахской АССР, циркуляры губернских уполномоченных по делам национальных меньшинств;

7) Ф. Р-1692 (Народный Комиссариат Просвещения Казахской ССР), содержащий материалы, дополняющие и продолжающие хронологически данные указанного выше фонда.

Представляется целесообразным дать краткую характеристику и оценить информационную ценность видов и источников и даже ряда отдельных документов.

К законодательным актам отнесены официальные постановления и указы Российской империи, связанные, в частности, с административным устройством региона, его правовым регулированием, а также проекты законоположений. Сюда же отнесены кодексы, прежде всего Положения, которые принимались в регионе для совершенствования системы управления («Временное положение об управлении Туркестанской областью» 1865 года[348], «Положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей» 1867 года[349], «Временное положение об управлении в

[348] Временное Положение об управлении Туркестанской областью // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-II). Т. XL. 1865. Отд. 1. № 42372. С. 876–881.

[349] Полное собрание законов Российской империи (1871). Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 1867 от № 44078–44894. СПб. : Типография II-отделения Собственной Его

Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 года[350], «Проект Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством» 1871 года[351], «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 года[352], «Степное положение» 1891 года[353] и др.).

Также стоит указать на отдельные уставы: «Устав об управлении инородцев»[354] и «Устав о сибирских киргизах» 1822 года[355], «Уставы духовных дел иностранных исповеданий» 1857 года[356]. Значимым документом, дополняющим приведенные выше, является проект К. П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства, разработанный в период 1867–1881 годов[357].

Императорского величества Канцелярии. С. 1150. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=1150&root=2/42/1/ (дата обращения: 07.10.2022).

[350] Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1883. URL: https://www.prlib.ru/item/328769 (дата обращения: 07.10.2022).

[351] Васильев Д. В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Вестник евразийской науки. 2014. № 5(24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-upravleniya-v-russkom-turkestane-po-proektam-polozheniya-ob-upravlenii-1870-h-gg (дата обращения: 07.10.2022).

[352] Положение об управлении Туркестанского края: [утв. 12 июня 1886 г. СПБ., 1886]. С. 649–703.

[353] Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам: Степное положение двадцать пятого марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам: [Сборник]. СПб. : Зем. отд. М-ва вн. дел, 1891.

[354] Полное собрание законов Российской империи (1849). Т. 38. № 29. С. 394–416. URL: http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm (дата обращения: 07.10.2022).

[355] Устав о сибирских киргизов 1822 // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 119.

[356] Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. URL: https://runivers.ru/bookreader/book388211/#page/2/mode/1up (дата обращения: 06.02.2022).

[357] Проект всеподданнейшего отчета ген.-адьютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства: 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб. : Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885. URL: https://www.prlib.ru/item/439610 (дата обращения: 07.10.2022).

К источникам, относящимся к раннесоветскому периоду, относятся Декларация прав народов России от 2 (15) ноября 1917 года[358], обращения Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»[359], дополненные Конституциями РСФСР 1918-го и СССР 1922-го и 1936 годов. Они сопрягаются с трудами по национальному вопросу политических лидеров большевиков В. И. Ленина[360] и И. В. Сталина[361], циркулярами и постановлениями Наркомата по делам национальностей[362], протоколами, стенограммами, выписками из протоколов партийных документов: пленумов, совещаний ЦК компании Туркестана и ЦК Бухарской компартии, туркменских ответственных работников Туркестана, Бухары и Хорезма по вопросу о национально-государственном размежевании, протоколами узбекской, киргизской комиссии Среднеазиатского бюро ЦК [363] , материалами постоянной комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран[364] и другими документами и материалами. Применительно к Центральной Азии глашатаями советской концепции являлись работы и практическая деятельность И. А. Зеленского и И. С. Алкина. Исаак Абрамович Зеленский возглавлял Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) (1924–1931), а также Центральную территориальную комиссию по национально-государственному

---

[358] Декларация прав народов России 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm (дата обращения: 07.10.2022).

[359] Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина и Народного Комиссара по Делам Национальностей И.В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. № 6. С. 95–96.

[360] Ленин В. И. О национальном вопросе: сборник. М. : Прогресс; Афины : Синхрони эпохи, 1988.

[361] Сталин И. В. Национальный вопрос и марксизм. СПб. : Прибой, 1914.

[362] Ислам и советское государство (1917–1936): сборник документов. Вып. 2 = Islam and the Soviet State (1917–1936). Documents. Vol. 2 / сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М. : Изд. дом Марджани, 2010.

[363] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 101.

[364] АН СССР Комиссия по изучению племенного состава населения России // Известия. 1: Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917; АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1927.

размежеванию Средней Азии. В своей работе «Национально-государственное размежевание Средней Азии» он описывал сам ход реформы и ее значение в деле формирования национальностей региона, полагая, что именно национальный принцип является наиболее адекватным вариантом ответа на существовавшие в тот период идеологические, политические и социально-экономические вызовы [365]. Раскрывая суть реформы национально-территориального размежевания в Средней Азии, Ильяс Саидгиреевич Алкин формулировал аналогичные положения с использованием картографического материала и применением экономико-географических методов[366].

Китайские официальные законодательные акты представлены в первую очередь сводами, к каковым относятся, например, наброски Конституции, созданные еще в правление династии Цин, от 27 августа 1908 года, Временная Конституция Китайской Республики 1912 года, а также ее изменения и дополнения 1914-го и 1918 годов и новый вариант Конституции, принятый 10 октября 1923 года[367]. Все эти документы описывают положение населения. И если в ранних документах национальный сегмент еще не был выделен, то начиная с Конституции 1912 года появляются категории «народ», а далее «нация», где уточняются права и обязанности как вообще граждан Китая, так и его отдельных социальных и этнических групп. По мнению Д. В. Кузнецова, эти законодательные акты опирались на западные принципы построения Конституций и решения национального вопроса[368]. На наш взгляд, это мнение представляется небесспорным.

---

[365] Варейкис И., Зеленский И. А. Национально-государственное размежевание Средней Азии: сб. ст. Ташкент : Сред.-Азиат. изд-во, 1924; Зеленский И. А. Национальная политика в парторганизациях Средней Азии: Доклад и постановление XIV пленума Средазбюро ЦК ВКП(б). Ташкент : Правда Востока, 1927.

[366] Алкин И. С. Национально-государственное размежевание Средней Азии и VII съезд Советов СССР // Революционный Восток. 1934. № 6. С. 114–136.

[367] Конституционные акты Китая. Хрестоматия; сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенскиӣ государственныӣ педагогическиӣ университет, 2014.

[368] Там же. С. 5–7.

Среди источников, освещающих процессы эволюции основных теоретических подходов по национальному вопросу, этнополитике Китая, стоит обратить особое внимание на идею «братского единения» пяти национальностей Китая, закрепленную в указе Юань Шикая от 21 апреля 1912 года [369], вводившем в оборот термин «Республика пяти национальностей», под которыми имелись в виду ханьцы, маньчжуры, монголы, мусульмане и тибетца[370]; а также идеи Сунь Ятсена о гармонии пяти национальностей и «трех народных принципах» [371]. Важными источниками являются документы, связанные с теорией «единой китайской нации» Чан Кайши[372]; Декларации Шэн Шицая (Декларация из 8 пунктов 1934 года, новые 9 пунктов, вышедшие в этот же период, а также доктрины трех, пяти и шести великих политических курсов или великих принципов) о национальном равенстве при условии изгнания империализма [373] с последующими уточнениями; а также Программа государственного переустройства Китая, принятая 1 апреля 1924 года[374]. Серьезное значение для анализа эволюции процесса нациестроительства имеют также проекты Конституции Китая, подготовленные в 1930-е годы[375].

Вопрос переселения уйгуров и дунган из Китая отражен в ряде документов по демаркации границы, например, в таких, как Пекинскиӣ договор 1860 года, Чугучакскиӣ 1864 года, Хобдинскиӣ 1869 года и Тарбагатаиӣскиӣ 1870 года протоколы, не ратифицированный 1879 года Ливадиӣскиӣ и ратифицированный Петербургскиӣ

[369] Цит. по: Богословский В.А., Москвалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 11.

[370] Там же. С. 236.

[371] Сунь Ятсен. Избранные произведения. М. : Наука, 1985.

[372] Chiang Kai-shek. China’s Destiny. New York, 1946 (на англ. яз.).

[373] Цит. по: Богословский В.А., Москвалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 111–112.

[374] Конституционные акты Китая. Хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенскиӣ государственныӣ педагогическиӣ университет, 2014. С. 36.

[375] Там же. С. 21–63.

договор 1881 года [376] и др. Общую специфику переселения описывает корпус документов, среди которых важное значение имеют «Временные правила о крестьянских переселениях в Семиречье» 1868 года, «Правила о поземельном устройстве оседлого населения области» 1883 года, Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенного графом К. К. Паленом[377], а также разнообразные документы Переселенческого управления и комиссий по землепользованию периода вольного крестьянского переселения и периода проведения Столыпинской аграрной реформы[378].

В качестве источников статистического характера большую роль играют исследовательские работы: военная статистика и материалы обследования туземных хозяйств. Количественные характеристики состава населения Средней Азии содержатся в материалах переписей 1897-го, 1920-го, 1926 годов[379], частично были использованы данные по переписям населения СССР 1937-го и 1939 годов. Они дополняются локальными данными, такими, как материалы различных департаментов и ведомств Российской империи и советских партийно-хозяйственных органов. Например, статистические обозрения Сибири, Туркестана, Семипалатинской области и др.[380] Достоверные сведения о численности городского, сельского, инородческого и

---

[376] Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / Д. Пещуров. СПб. : Издание Министерства иностранных дел, 1889. URL: https://www.prlib.ru/item/442818 (дата обращения: 07.10.2022).

[377] Переселенческое дело в Туркестане // Отчет по ревизии Туркестанского края произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К. К. Паленом. Сенатская типография. СПБ., 1910.

[378] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. : Тип. «Экономия», 1911–1916. Т. 5: Таранчи. Ч. 1, 2. Т. 5. 1914.

[379] Приводятся по материалам электронного ресурса. URL: http://www.demoscope.ru (дата обращения: 07.10.2022).

[380] Кузьминский М. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. Материалы для статистики Российской империи при Статистическом отделении Совета МВД. СПб., 1839; Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Семипалатинск, 1900. С. 4; Введенский В. Частное землевладение в Западной Сибири // Вопросы колонизации. 1912. № 5.

переселенческого населения даны в работе Н. А. Маева, целиком посвященной описанию Туркестанского края[381].

Важными источниками по истории национального движения являются сводки по продвижению армии, особенно в ходе событий мусульманских восстаний в Китае, личная переписка и источники мемуарного характера. Характеристика населения и историко-культурного контекста приводится в работах исследователей, большинство из которых находились на административной и военной службе: Н. В. Леденева [382], Н. И. Красовского [383], М. И. Венюкова [384], Л. Ф. Костенко [385], Ф. Н. Усова [386], Л. Г. Корнилова [387], А. Н. Куропаткина (особенно по Дунганскому ханству) [388], М. А. Терентьева [389] Ю. А. Сосновского [390], А. К. Гейнса [391], Ф. К. Гирса [392], Д. Я. Федорова [393] и др., а также в многочисленных заметках и очерках

---

[381] Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник / под ред. Н. А. Маева. Вып. IV. СПб. : Туркестан. стат. ком., 1876.

[382] Леденев Н. В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.

[383] Красовский Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. СПБ., 1868.

[384] Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПБ., 1873; Он же. Очерки современного Китая. СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1874.

[385] Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 3. СПб., 1880.

[386] Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

[387] Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-стат. описания / под ред. нач. Штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова; сост. Ген. штаба подполк. Л. Г.Корнилов. Ташкент : тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903.

[388] Карта северной части Восточного Туркестана по сведениям кап. А. Н. Куропаткина и маршрутной съемке штабс-капитана Старцева в 1876 г. [Карты]. Б.м. : Воен.-топогр. отдел Глав. штаба, 1879; Куропаткин А. Н. Кашгария Историко.-геогр. очерк страны, ея военныя силы, промышленность и торговля: Труд А.Н. Куропаткина, полк. Ген. штаба д. чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1879. РГВИА, Ф. 165. Оп. 1. Д. 1968. Л. 58–83.

[389] Тереньтев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1903.

[390] Сосновский Ю. А. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах СПб. : ред. журн. «Воен. сб.», 1876.

[391] Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения или дунгеней в западном Китае // Военный сборник. 1866. № 8.

[392] Гирс Ф. К. Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Ф. Гирса. СПб. : Б.м., 1883.

[393] Федоров Д. Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края: ч. 1-2 / составлен Генерального штаба подполковником Д. Федоровым; под редакцией Генерального штаба генерал-майора Тихменева. Ташкент : Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1903. Ч. 2. 1903.

путешественников, которые активно публиковались в периодической печати, календарях и сборниках во второй половине XIX-го – начале XX века. Важные источники по миссии А. В. Каульбарса к Якуб беку приведены в приложении к указанной выше монографии С. В. Моисеева.

Важный корпус источников для определения пограничных Западному Туркестану территорий составляли военно-статистические описания Л. Ф. Костенко[394], Ф. Н. Усова[395], Л. Г. Корнилова[396] З. Л. Матусовского[397] и др.

Труды современников событий конца XIX-го – первой половины XX века А. Букейханова[398], Т. Рыскулова[399], М. Чокая[400], З. В. Тогана[401] и др. содержат важную информацию о революционных процессах, политических воззрениях, осмыслении собственной истории и идентичности представителями коренных народов региона.

---

[394] Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 3. СПб., 1880.

[395] Усов Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПБ., 1879.

[396] Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-стат. описания; под ред. нач. Штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова; сост. Ген. штаба подполк. Корнилов. Ташкент : Тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903.

[397] Географическое обозрение Китайской империи: с карт. на 4 л. и 5 прил. в тексте / [Соч.] З. Матусовского. СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1888.

[398] Букейханов А. Киргизы: формы национального движения в современных государствах / под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910.

[399] Рыскулов Т. Избранные труды / редкол.: А. Р. Ахметов и др. Алма-Ата : Казахстан, 1984; Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925.

[400] Садыкова Б. Мустафа Чокай. Алматы : Алаш, 2004.

[401] ЦГА РУз, Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 2633. Л. 101–105. Цит. по: Новая страница из жизни А.З. Валиди / Islamic area studies project, Tokyo, Japan, 2001; Тоган З. В. «Türkistan Kültür Birliği Nizamnamesive Çalışma Planı» («Устав Культурного Объединения Туркестана и рабочая программа»); Ахмет-Заки Валиди; сост. Г. А. Хисамов, Т. Н. Сагитов, Г. Г. Галимова. Уфа : Китап, 2010.

В авангарде изучения региона стояло российское востоковедение: школа В. Р. Розена[402] – В. В. Бартольда[403] – С. Ф. Ольденбурга[404] – А. Н. Бернштама[405] – А. Л. Куна[406] и др. Этнографические экспедиции, изучение историко-культурного наследия способствовали формированию первичного комплекса представлений об этноконфессиональных особенностях народов региона, художественное отображение эти представления нашли в первую очередь в «Туркестанской серии» В. В. Верещагина, частично в картинах Н. Н. Каразина и Н. Г. Хлудова, а также в фотодокументах, хранящихся в музеях, архивах и частных коллекциях России, стран Центральной Азии, Китая, Великобритании и США. Однако изобразительные материалы и кинофотодокументы несут гораздо меньший объем информации о нациестроительстве, чем письменные источники, и поэтому выступали в качестве фоновых.

Материалы периодической печати иллюстрируют этноконфессиональные процессы, объясняя положение этнических меньшинств. Наибольшей информативностью обладают издания «Шура»[407], «Туркестанские ведомости», «Туркестанское слово», «Восточное обозрение», «Новый Туркестан», «Свободный

---

[402] Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период / перевод с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2013.

[403] Задачи русского востоковедения в Туркестане: (Речь акад. В.В. Бартольда, предназначавшаяся для произнесения в торжеств. годовом собр. Акад. 29 дек. 1914 г.). Петроград : Тип. Имп. Акад. наук, 1915.

[404] Речь непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга, читана в торжественном заседании / отчет о деятельности Российской Академии 1923–1926. Пг. : Рос. гос. Акад., 1922–1929.

[405] Бернштам А. Н. История киргизского народа и Киргизстана. Инв. № 116. Фрунзе, 1944.

[406] Туркестанскиĭ альбом. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го. Часть этнографическая. Т. 3-4 / сост. А. Л. Кун. 1872.

[407] Шура, 1908–1917. Общественно-литературный журнал «Шура» («Совет») издавался в Оренбурге с 1908-го по 1918 г. как приложение к газете «Вакыт» («Время»). URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS010113736 (дата обращения 04.08.2023). Журнал «Шура» издавался с 1908-го по 31 декабря 1917 г. в Оренбурге на старотюркском языке (с периодичностью 1 раз в 15 дней). Его редактором выступал видный ученый Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936). Журнал являлся многопрофильным изданием, охватывал темы от истории до воспитания и политики. Являлся одним из наиболее авторитетных среди тюрок-мусульман России и иностранных государств.

Туркестан», «Азад Бухара», «Революция и национальности»[408], «Адабиёти совети»[409], «Садайи таранчи»[410], «Вестник Азии»[411] и ряд др.

Особо стоит указать на исследовательское значение газетных полос из первого татарского литературного журнала «Шура» (1908–1917). Например, в номерах 16, 17 и 18 за 1908 год приводится переведенный рассказ с русского языка «Кульджинский султанат и кто такие таранчи?» Переводчик фигурирует под сокращением Г. Ф. Атрибутировать текст не удалось. Текст указанного перевода имеет такое вступление: «Эту историю о возникновении среднеазиатских таранчей и учреждении ими независимого Кульджинского султаната на берегах реки Или поведал своим знакомым покойный ‘Абд ал-Басит, который является сыном сына первого султана Кульджи ‘Абд ар-Расуля». Среди искомых записок о событиях, которые описываются в газетном материале на старотатарском, похожей хронологией обладают несколько введенных в научный оборот источников: опубликованный рассказ известного востоковеда В. П. Васильева «Две китайские записки о падении Кульджи и занятии ее русскими», перевод таранчинского рассказа муллы Биляля, представленный Д. Я. Федоровым при составлении своего «Опыта военно-статистического описания Илийского края», где он поместил извлечение из труда Биляля, а также рассказ сибинца, переведенный и составленный А. А. Дьяковым. Русский оригинал текста, по которому был сделан перевод (Приложение № 1), был выпущен Матвеем Расплетаевым «Происхождение таранчей и Кульджинский султанат» в Ташкентском курьере № 154, 155 за 1908 год. Интересно, что ряд формулировок имеет некоторые расхождения. Например, в оригинале: «Так окончило свое существование наше

---

[408] Революция и национальности: Журнал Совета Национальностей ЦИК СССР. М., 1930–1937.

[409] Адабиёти совети: журнали ҳармоҳаи омави ва адаби / Органи Наркомпрос ва Союзи Нависандаҳои Советии Ӯзбекистон. Toşkent = Тошкент : Bajroqi Mihnat = Байроки Михнат, 1935–1941 (на тадж. яз.).

[410] Газеты СССР, 1917–1960: Библиогр. справочник / Всесоюз. кн. палата и др.; редкол.: ... Г. Л. Епископосов (пред.) и др. М. : Книга, 1970.

[411] Вестник Азии [Текст]: журнал Общества русских ориенталистов. Харбин : [б. и.], 1909–1929.

ребячье царство», а в переводе: «Таким образом, прекратил свое существование собиравшийся захватить половину Азии „Великий“ султанат Кульджи (который состоял из 10–15 деревень)»[412].

На страницах журнала дискуссия об этой статье была продолжена, и уже в № 6 за 1912 год была дана оценка текста уйгурским историком: «Китайцы переселили в Кульджу из кашгарского Учтурфана шесть тысяч семей сартов...». Автор статьи указал в тексте, что упоминание здесь Учтурфана ошибочно, поскольку, по его мнению, китайцы переселили шесть тысяч тюрков, отобрав по 4–5 семей сартов не из города Учтурфан, а из всех городов и деревень кашгарского вилаята. Больше всего переселенцев было из таких городов, как Кашгар, Аксу, Дулан, Хотан, Куна (كونه), Турфан и т.д.[413] Автором этой работы выступил некий Назарходжа Абдусематова, уйгурский интеллектуал, чьи работы с 1908-го по 1917 год были опубликованы в журнале под псевдонимом «Uyγur balisi» (Дитя Уйгуров)[414]. Сведения о самом авторе достаточно обрывисты, но, исходя из переписки в журнале «Шура», можно сделать вывод о месте проживания Назарходжы и основном роде его занятий. В ответ на вопрос о том, к какому сословию он принадлежит, он сам так описал род своих занятий и положение в № 23 журнала «Шура». В материале статьи было указано следующее: «Вне всяких сомнений, самое темное место Российского государства – это восточная часть Туркестана, то есть наша родина. Местное население до 1905 и 1906 годов жило, ничего не видя и не зная, во тьме, как и во времена Китая. И мы, до того[,] как наш возраст не перевалил сильно за десять с лишним лет, жили во мраке (в трудностях)». Также Назарходжа отмечал в статье род своих занятий: «В конце концов, снова под влиянием той же жизненной необходимости лет пять тому назад мы взялись за торговлю. Хоть наше занятие и представляет собой постоянную

[412] Ташкентский курьер. 1908. № 154, 155.

[413] Шура. 1912. № 6. С. 177.

[414] В зависимости от транслитерации в регионе могли использоваться вариации имени Назарходжи, например, Назархуджа Габдессамадова, Näzärγoja Abdusemätov, Абдусеметов. Автор использует вариант с транслитерацией – Назарходжа Абдусематов.

торговую деятельность, но все наши мысли и желания сводятся к тому, чтобы стать служащим (хадим)» [415] . Среди его материалов был найден обратный адрес «Ст. Подгорное. Семиреченская область, Джаркендский уезд, село Кальджат», а из обращения одного из читателей к нему следовало, что Назарходжа имеет яркендское происхождение, так как название этого города было помещено вместе с фамилией ученого.

Переводы статей об уйгурах из материалов журнала «Шура» помещены в Приложение № 1, а также использованы в тексте настоящей диссертации.

Степень достоверности различных видов источников и отдельных документов вариабельна. Верификация источников производилась как посредством сравнения различных документов, так и в рамках их внутренней критики. Используемый в настоящем исследовании источниковый комплекс представляется информативным и достаточным для решения поставленных задач.

1.2. По обе стороны границы: положение уйгуров и дунган в Западном и Восточном Туркестане в конце XIX века

Во второй половине XIX века в Центральной Азии произошел ряд ключевых событий, повлиявших на формирование этнополитической ситуации в регионе: завершился процесс вхождения территорий Западного Туркестана в состав Российской империи, Кокандское ханство было ликвидировано в 1876 году, а его территория стала Ферганской областью Туркестанского края, в 1873 году был установлен российский протекторат над Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, Цинская империя продолжила процесс выстраивания принципов управления Восточным Туркестаном[416], в частности, в 1884 году была отменена старая система

[415] Шура. 1911. № 23.

[416] Провозглашение территории в качестве имперского наместничества Синьцзян произошло в 1760 году, фактическое управление регионом в этот период базировалось в рамках военно-

косвенного управления краем («傳統間接統治體系» – чуаньтун цзянцзе тунчжи тиси) и Синьцзян получил оформление в качестве провинции Китая («省制» – шэнчжи)[417]. Уйгурская и дунганская общности, как и другие народы региона, являясь непосредственными участниками событий, находились под влиянием этнополитических подходов России и/или Китая, а также изменений, происходивших в их двусторонних отношениях.

В регионе сохранялась сложная геополитическая обстановка, связанная с противостоянием Российской империи и Великобритании, хотя и с серьезным перевесом в пользу первой[418]. Это сопреничество[419] оказало влияние на внешнюю политику Китая, который к началу XIX века обладал обширной сферой влияния, куда входила, например, Корея и др. территории. Поэтому Центральная Азия стала прямым предметом интереса китайской власти, тем более что, с точки зрения Цинов, Синьцзян

административной единицы. См.: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 162.

[417] Ван Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 40-53. (王 柯《國際政治視野下的「新疆建省」》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期) (на кит. яз.).

[418] Как полагает К. Л. Сыроежкин, влияние китайцев при Цинах на Восточный Туркестан было наиболее аккумулировано, поскольку они смогли сформировать поэтапное вхождение региона в состав государства. Начав с установления наместничества, они смогли удержать Синьцзян в составе Китая путем ограниченной самостоятельности. См.: Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы : Издательство «Дайк-Пресс», 2003. С. 97–98.

[419] Это соперничество известно под названием «Большая игра» или «the Great Game» – геополитическое соперничество Российской и Британской империи за контроль над Центральной Азией в период со второй трети XIX-го до начала XX века. Выражение «the Great (Grand) Game» впервые использовал офицер на службе Ост-Индской компании Артур Конолли, казненный в Бухаре в 1842 году по обвинению в шпионаже, на полях копии письма, отправленного британским политическим представителем в Кабуле губернатору Бомбея в 1840 году, но популярно оно стало после его использования именно Редьярдом Киплингом. Династия Цин также имела отношение к развертыванию соперничества, участвовала в этой гонке, однако ее общее ослабление на фоне действия европейских держав со стороны морских границ привело к значительному уменьшению ее роли в регионе на определенный период. См.: Сергеев Б. Ю. Большая игра, 1856–1907. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012 ; Постников А.В. Об итогах пребывания российской миссии в 1841–1842 гг. в Бухаре и о судьбе английских эмиссаров Стоддарта и Конолли // Проблемы востоковедения. 2013. № 1(59). С. 77–85 и др.

(«Новая граница») традиционно играл роль рубежа и обладал значением «пограничья» по отношению к Британской и Российской империям[420].

В этот период Великобритания вышла на границы Тибета и Синьцзяна, что обусловило повышение европейского интереса к делам китайского Туркестана. Особое внимание Великобритания уделяла Синьцзяну в качестве потенциального плацдарма для расширения своего влияния на всей территории Центральной Азии[421]. Соперничество держав было связано с процессом продвижения России в Хиву и Бухару. По этому поводу русский генерал и писатель Д. Н. Логофет отмечал, что подобное соревнование в регионе было негласно представлено в «теории буферной системы». Она подразумевала разделение владений России и Англии, но привела к ряду ошибок во взаимодействии с Бухарой и Афганистаном: с одной стороны, это было вызвано страхом перед Англией, с другой – малой осведомленностью о среднеазиатской политике[422]. Для цинского правительства также существовало представление о регионе как о буферной зоне, которая определяла отличные от китайской цивилиазции пространства и наделяла их статусом полузависимых государств или патронимических объединений[423].

Народы региона, таким образом, находились под особым вниманием различных административных систем – в первую очередь России и Китая, а также европейских держав. Столкновение различных империй, как и попытка России и Китая

---

[420] Ван Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 40-53. (王 柯《國際政治視野下的「新疆建省」》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期) (на кит. яз.).

[421] Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 165.

[422] Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб. : Рус. скоропечатня, 1909. С. 8.

[423] См., напр.: Почекаев Ю. В. К истории «Буферных осударств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1; Он же. Несостоявшийся протекторат: Восточный Туркестан в планах Российской империи (2-я половина XIX в.) // URL: https://china.ivran.ru/f/Pochekaev_R_Iu__Nesostoiavshiisia_protektorat_(Vostochnyi_Turkestan_v_planakh_Rossiiskoi_imperii,_2-.pdf (дата публикации: 2019); и др.

осуществить внутрирегиональные реформы, актуализировали необходимость проведения делимитации и демаркации внешних границ Российской империи в регионе, в первую очередь с Китайской империей.

Разграничение территорий Западного и Восточного Туркестана являлось следствием выстраивания взаимодействия российской администрации со среднеазиатскими ханствами, актуализировавшееся после ликвидации Кокандского ханства в 1876 году, ставшей реакцией на серию антиправительственных восстаний[424]. Коканд играл важную роль во внешних связях России с Китаем и входившим в его состав Восточным Туркестаном, поскольку в результате войны кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 году китайская сторона фактически оказалась данником Коканда[425]. Установление российского протектората предполагало передачу внешних сношений царской администрации, а также общего порядка административного управления при сохранении внутренней автономии некоторой трансформации. Поэтому с ликвидацией Кокандского ханства решение вопроса о границе стало востребованным, особенно на это повлияли турбулентные события в пограничном Восточном Туркестане.

К середине XIX века российско-китайские отношения уже получили юридическое закрепление, поэтому положение населения этого региона в значительной степени зависело и регламентировалось договорами о разграничении: Трактатом о торговле в Кульдже и Чугучаке 1851 года, Пекинским договором 1860 года, Чугучакским протоколом 1864 года, Хобдинским протоколом 1869 года, Тарбагатайским протоколом 1870 года, нератифицированным Ливадийским

[424] Антикокандские восстания // Большая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 47.

[425] Валиханов Ч. Ч. Сведения о войне кокандцев с Китаем в Кашгаре в 1830 г. // Собрание сочинений: в 5 т. Т. II. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 348–355; Турсунов Б. Р. Дипломатические отношения Кокандского ханства с империей Цинь // Вестник ТГУПБП. 2020. № 1(82). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskie-otnosheniya-kokandskogo-hanstva-s-imperiey-tsin (дата обращения: 27.07.2024).

договором 1879 года и, наконец, Санкт-Петербургским договором 1881 года[426].

Первым документом, регламентировавшим пограничные вопросы южной Сибири с Китаем, был Буринский договор о границах 1727 года, после этого были изменения границ в период борьбы за так называемое джунгарское наследство, когда Россия получила часть земель на берегах Зайсана, в Верхнем Прииртышье и по Нарыну с их притоками[427]. Некоторые коррективы внес и Пекинский договор 1860 года. Однако базовым документом в определении русско-китайской государственной границы второй половины XIX века в пограничных с Китаем районах будущих Степного и Туркестанского краев стал Чугучакский протокол, заключенный для исполнения Пекинского договора, но существенно скорректировавший его положения. Анализировавший его подготовку, переговорный процесс, заключение и реализацию К. В. Хахалин пришел к выводу, что линии границ, закрепленные в тот период, лишь с незначительными коррективами сохранились вплоть до конца XX века, причем российской стороне удалось провести практически все собственные инициативы в его итоговый вариант[428]. Подписание протокола решило комплекс правовых проблем. Однако принятие этого соглашения создало народам региона и ряд неудобств, связанных с тем, что при его заключении не учитывались этнографические факторы, не принимались во внимание родоплеменные связи населения района, по которому проходила гграница. Так, ст. 5 устанавливала, что казахи считаются подданными того государства, на территории которого к моменту разграничения оказались их кочевья. Такой принцип разграничения оставлял многие роды Среднего и Старшего жуза на территории Китая[429].

---

[426] Русско-китайские отношения: 1689–1916 официальные документы. М. : Изд-во восточной литературы, 1958.

[427] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год / сост. Н. Бантыш-Каменский. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1882. С. 535–536.

[428] Хахалин К. В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии в середине XVIII – середине XIX: автореф. дис. … канд. истор. наук. СПб., 2007. С. 7, 15.

[429] Русско-китайские отношения: 1689–1916 официальные документы. М. : Издательство восточной литературы, 1958. С. 54.

Другим вариантом был самостоятельный выбор подданства приграничным населением. Договоренности не учитывали традиционные маршруты кочевий и провоцировали самовольный переход границы населением как с российской, так и с цинской сторон, что создавало напряжение в межгосударственных отношениях и провоцировало мелкие конфликты местных пограничных властей между собой. Чтобы устранить проблему, были необходимы уточнения при демаркации государственной границы. В 1869–1870 годах началось проведение границы от перевала Шабин-дабага до Тарбагатайского хребта, которая была зафиксирована в различных протоколах[430]. Кроме того, регулярные перекочевки вносили путаницу в налоговую отчетность обоих государств, долгое время оставалось проблематичным и решение вопросов местного судопроизводства. Промежуточным итогом решения этих вопросов стало использование «Эреже» – съезда суда биев (народных судей), которые стали регулярно проводиться в приграничной полосе с обязательным участием в них чиновников местной российской и китайской администраций[431]. Собирались даже международные чрезвычайные межкордонные съезды, как это случилось в Чубарагаче в 1908 году, ст. 44–45 которого оговаривали возможность апелляции не только к Чугучакскому протоколу и Санкт-Петербургскому договору, но и к решениям данного съезда[432].

В значительной степени это была уникальная система. Особенности текста Чугучакского протокола и договоренностей по Чугучаку и Кульдже между российским и китайским правительствами позволяли сохранить здесь существенную автономию местного самоуправления, которое поддерживалось как представителями тюркских этнических групп, так и многими представителями местной маньчжурской

[430] Хобдинский протокол 1869 г. Тарбагатайский протокол 1870 г.

[431] Хафизова К. Международные русско-китайские съезды на границе // Мысль. 18 июня 2015. URL: https://mysl.kazgazeta.kz/news/6157 (дата публикации: 18.06.2015; дата обращения: 10.01.2025).

[432] ЦГА РК, Ф. И-64. Оп. 1. Д. 5094. Л. 173.

администрации, обходившими ссылками на эти документы указания цинских властей[433].

Последующая демаркация базировалась на условиях Петербургского договора, ратифицированного китайской стороной в мае, а российской – в августе 1881 года[434,]. В результате работы демаркационной комиссии двух стран также был подготовлен новый договор о правилах торговли[435], определен список пограничных постов, через которые могли проезжать русские и китайские торговцы. В 1915 году произошло уточнение водораздела на реке Хоргос[436]. Разграничение повлияло на то, что население, проживавшее по обе стороны российско-китайской границы, получило возможность изменения своего подданнства. Возникла уникальная ситуация, когда местные жители могли получить двойное подданство. При этом обе страны в конце XIX-го – начале XX века стремились к ограничению возможного статуса двойного подданства и двоеданничества[437], в России существовало обязательство по возвращению по первому требованию правительства[438]. Однако законодательные меры, по-видимому, еще не строго ограничивали уйгуров и дунган, находившихся по

---

[433] Почекаев Р. Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4(181). С. 162.

[434] Ситуация вокруг Кульджи и необходимость завершения процедур по разграничению волновала российскую администрацию, что отразилось в деловой переписке и материалах заседаний. Особо стоит отметить материалы совещаний о переустройстве в Азии, где участники совещания (Н. П. Игнатьев, М. Г. Черняев, М. Д. Скобелев, М. П. Тихменев) высказались за необходимость выделения Семиреченской области из Туркестанского края. Целью такого выделения являлось формирование Степного генерал-губернаторства, руководству которого в числе других задач было бы поручено заверешние указанного демаркационного процесса. См.: РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 739. Л. 40–41, 129–131. Новомаргиланский протокол 1884 года подтвердил границу по западному участку, установленную договором 1881 года.

[435] Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем, принятые согласно Санкт-Петербургскому договору 12 февраля 1881 года.

[436] Курэский протокол 30 мая 1915 года – регулировал порядок водопользования, а также предполагал выставление пограничных знаков.

[437] Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. / Алтайский гос. ун-т, Каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед. Барнаул : Азбука, 2002; Shao Dan. Chinese by Definition: Nationality Law, Jus Sanguinis, and State Succession, 1909–1980, Twentieth-Century China, 35:1, 2009. P. 4–28. (на англ. яз.).

[438] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 354–356. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 09.03.2023).

обе стороны границы, поэтому на практике часть населения могла менять свое подданство либо получать второе в связи с обострением ситуации в одной из частей Туркестана[439].

Событием, которое напрямую повлияло на изменение подданства уйгуров и дунган, стали восстания в Синьцзяне. Во второй половине XIX века в Китае сначала развернулось крупномасштабное восстание, известное как тайпинское[440]. Уже в 1864 году по стране прокатилась серия восстаний[441], охвативших Сычуань, Ганьсу, Шаньси, Шэньси и Синьцзян. Н. Н. Балкашин отмечал, что, пользуясь тайпинским восстанием, на подавление которого были направлены основные силы цинской армии, «ревностные последователи ислама, дунганы беспощадно избивали иноверных им китайцев и маньчжуров и распространили мятеж за пределами великой стены во всех мусульманских странах, подчинявшихся власти богдыхана»[442]. Нападениям со стороны повстанцев подвергались не только цинские, а вообще все немусульманские организации, русские караваны и торговые фактории в Чугучаке и Улясутае, был ранен русский консул в Кульдже К. И. Павлинов[443].

О событиях в регионе, помимо российской историографии[444], повествуют местные источники, такие как: «Тарих-и Хамиди»[445], сочинения Мухаммед Аляма, «Тарих-и Эминие» Муллы Мусы, «История Якуб-хана Аталыка» Махмуд-бека,

---

[439] Туркестанские ведомости. 14 февраля 1871. № 4. С. 19.

[440] Масштабный конфликт в Цинском Китае, известный так же как крестьянская война против маньчжурской династии в 1850–1864 годах. См.: Kim Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford University Press, 2004. С. 20–25 (на англ. яз.).

[441] Известны в литературе в качестве мусульманского или дунганского восстания. См.: Сыроежкин К. Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. С. 304–305.

[442] Балкашин Н. Н. Торговое движение между Западною Сибирью, Средней Азиею и Китайскими владениями // Записки ЗСО ИРГО. 1881. Кн. III. С. 12.

[443] Там же. С. 18–19.

[444] Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 146–174.

[445] Sayrami M., Schluessel E. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. Columbia University Press, 2023 (на англ. яз.).

«Джам ат-таварих» Хаджи Юсуфа[446] и др. Эти хроники содержат сведения о смене власти в Синьцзяне и историю упрочения позиций Якуб-бека [447] с созданием Йеттишара (1867–1878 годы)[448].

В 1863–1866 годах на этой территории возникло пять государств: Кучарское, Хотанское и Кашгарское – в Восточном Туркестане, Урумчинское (или Дунганское ханство) и Кульджинское (известное также как Таранчинский или Илийский султанат) – на территории бывшей Джунгарии. Использование этнонимичных названий в указанных государственных образованиях свидетельствовало о наличии определенного этнического большинства в числе тех, кто управлял и проживал на его территории. В отношении Дунганского ханства такое именование было связано с лежащим в основе самого ханства союзом дунганских городов, выставлявших ополчение в качестве главной военной силы[449].

Дунганское ханство и Таранчинский султанат являлись соперниками в регионе. Вплоть до 1867 года Дунганское ханство успешно расширяло свою территорию, включив города Южного Тянь-Шаня, Турфана, вплоть до Кашгара и Хами. В 1867 году таранчи усилили позиции в Или. Тогда же на северо-запад Синьцзяна начала возвращаться цинская армия.

---

[446] Тихонов Д. И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 146–174.

[447] Якуб-бек (Магомет Якуб бек Бадаулет) или в китайской традиции – Āgǔbǎi (1820–1877) – правитель государства «Йеттишар» на территории Восточного Туркестана. См.: Boulger D. M. The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet; ameer of Kashgar, London, 1878. С. 102–105 (на англ. яз.); Sayrami M., Schluessel E. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. Columbia University Press, 2023. P. 185–192 (на англ. яз.).

[448] В результате подавления антицинского движения на территории Восточного Туркестана были вначале образованы самостоятельные уйгурские (Кучинское, Кашгарское, Хотанское, Илийское) и дунганское (Урумчинское) ханства. В 1867 году с их завоеванием и объединением возникло единое государство Йеттишар. См.: Исиев Д. А. Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877). М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 3–4; Тянь Чжань Ин. Лунь Вань Цин Си Бэй Бянь Цзян Вэй Цзи Юй Цин Тин Чу Ли Дуй Цэ [О кризисе на северо-западной границе в конце правления династии Цин и контрмерах правительства Цин] // Open Journal of Historical Studies, 2023, 11(1), С. 55-60.(田占营《论晚清西北边疆危机与清廷处理对策》) (на кит. яз.).

[449] Дунганское ханство // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2005. Т. II. С. 217–218.

Эти восстания, а фактически гражданская война, продлились вплоть до 1878 года. Среди них следует особо выделить восстание в Кучаре под руководством Садык-бека и Рашид-ад-Дина, которое привело к созданию Кучарского ханства под управлением черногорских ходжей; восстание в Уч-Турфане, который вошел в состав Кучарского ханства; восстание в Урумчи, Манасе, Гучене и Турфане и объединение их в Дунганский султанат; восстание в Яркенде, Хотане, Кашагре (белогорские ходжи), а также в Кульдже, организаторами которого стали уйгуры: хаким (губернатор) Абдурасул-бек, Садыр Павлан, Алахан Султан и дунганин Ачжи-ахун; и восстание в Чугучаке. Указанные события весьма широко освещались в Российской империи, постоянно выходили публицистические материалы и заметки, позднее российская армия с целью предотвращения переноса на земли Западного Туркестана заняла Илийский край (1871–1881)[450].

В 1865 году из пределов Кокандского ханаства в Кашгар был выслан Якуб-бек, целью которого было лишить власти обосновавшихся там дунган. Положение Якуб-бека описано в рассказе Мирзы Ахмеда, введенного в научный оборот известным востоковедом и исследователем региона Н. И. Веселовским. «В то время Кашгарская область находилась под управлением дунганина Дауд-Ахуна [451] , имевшего пребывание в Урумчи, но по дальности расстояния – три месяца езды – власть Дауда в Кашгаре была ничтожна. Якуб-бек, по данной ему инструкции, должен был освободить Кашгарскую землю от дунганского владычества, но когда прибыл в Кашгар, то по недостаточной численности войска ничего предпринять не могу. Дунгане же, узнав о появлении в Кашгаре хана, пошли против него»[452].

---

[450] Моисеев В. А. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул : Изд-во «Азбука», 2000. Вып. II. С. 85–94.

[451] Ахун – в Российской империи – высшее ученое звание мусульманского духовенства. С. : Ахунд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. С. 154.

[452] Веселовский Н. И. Бадаулет Якуб-Бек аталык Кашгарский / Бадаулет Якуб-Бек аталык Кашгарский. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1898. С. 87–103.

За счет поддержки из Коканда Якуб-бек постепенно завоевывал территорию Синьцзяна, вытесняя дунган, восстание которых в результате было подавлено цинскими войсками[453].

В 1867 году возникло государство Йеттишар (Семиградье) [454] или иначе известное под именем государства Якуб-бека, объединившее на период 1867–1877 годов Кашгар, Кучу, Хотан, Яркенд, Уч-Турфан, Аксу и др. области Синьцзяна. Оно активно поддерживалось Турцией и Англией для создания противовеса российским интересам в регионе [455]. Россия также имела собственные виды на государство Якуб-бека, полагая, что оно может стабилизировать ситуацию в регионе и окажется способным предотвратить рост антиправительственных выступлений в российском Туркестане тех, кто стремился объединить повстанческие силы с антицински настроенными мусульманами Восточного Туркестана. Более того, для завязывания доверительных отношений Россия согласилась на незначительные территориальные уступки[456].

Йеттишар был разрушен после походов китайской армии во главе с Цзо Цзунтаном и российского невмешательства в этот процесс[457].

---

[453] Карательные походы (1867–1869 годов) Цин под руководством китайского военного деятеля Цзо Цзунтана привели к массовой миграции дунган из Шеньси в Ганьсу в Центральную Азию.

[454] Воскресенский А. Д. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants Année. 1994. Vol. 35. Numéro 4. P. 763–786.

[455] См.: Ван Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 41-44. (王 柯《國際政治視野下的「新疆建省」》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期). (на кит. яз.); Васильев А. Д. Османский протекторат и российская политика в Кашгаре в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. // Мир Большого Алтая. 2016. № 2(2.2). С. 373–383.

[456] Моисеев С. В. Миссия А.В. Каульбарса в Йиэттишаре и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы III Международной научно-практической конференции, 15–16 ноября 2001 г. / отв. ред. В. С. Бойко. Барнаул : Изд-во Барнаульского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 21–26.

[457] Цинский генерал Цзо Цзунтан осуществил в 1875–1878 годах поход в Восточный Туркестан против правителя Якуб-бека, своими действиями он способствовал распаду Кашгарского государства и смог продвинуть границы Цинской империи к занятому русской армией Илийскому

Прямым следствием восстаний в Синьцзяне стал подрыв торговли с близлежащей Россией, кроме того, Великобритания начала проявлять больший интерес к региону[458]. Так, туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман[459] в одном из своим писем министеру иностранных дел А. М. Горчакову 1870 года упомянул следующее: «В бытность мою в Семиреченской области в мае и июне сего года я имел возможность лично убедиться, что положение наше относительно китайских провинций – Илийской и Кашгарской – не только не упрочилось против того, что имело место осенью 1867 года[460], но даже сделалось еще более неопределенным и невыгодным вследствие постоянных смут, внутри Китая происходящих и отражающихся весьма вредно на наших пограничных делах. Я не скрываю пред Вашим Сиятельством, что не вижу другого исхода из этого тяжелого для края положения… как водворения прежних порядков в Западном крае… Полагал бы необходимым теперь же, не теряя времени и не дожидаясь прихода сюда китайских правительственных войск, принять какие-нибудь решительные меры к устранению причин, уничтоживших в последнее время всякую нашу торговлю с Западным Китаем»[461].

Опасность состояла и в том, что восстания опирались на идею «газавата», то есть борьбы за веру, и они могли охватить и Западный Туркестан[462]. В результате в 1871 году российские власти приняли решение вступить в Илийский край. Восстание

краю. См.: Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 421–424.

[458] Boulger D. M. The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet; ameer of Kashgar. London, 1878. P. 212–235 (на англ. яз.).

[459] Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – известный русский военный деятель, руководивший завоеванием Центральной Азии, а с 1867 года – генерал-губернатор Туркестана, командующий войсками Туркестанского военного округа.

[460] Говорится об экспедиции В. А. Полторацкого 1867 года, в результате которой Якуб-бек дал согласие на пребывание в его владениях старшины торговцев со стороны России.

[461] Хохлов А. Н. Дунганское восстание в Китае 1860–1870-х годов и поездка академика В. П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. 2013. № 2(28).

[462] Моисеев С. В. Исламский фактор в русско-кашгарских отношениях в 60–70-е гг. XIX в. URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/vost/4.pdf (дата обращения: 16.02.2017).

было подавлено, войска остались на территории края вплоть до 1882 года – подписания Санкт-Петербургского договора и решения цинских властей восстановить собственное управление. В историю региона нахождение российских войск на территории Китая вошло как «Кульджинский/Илийский кризис» или «временное занятие Илийского края Российской империей» [463]. Необходимость контроля над событиями в Илийском крае представлялась действительно важной для российской администрации, именно поэтому в регионе была предусмотрена система налогообложения, которая, по аналогии с Западным Туркестаном, могла включать различные хозяйствующие группы населения. Так, в регионе были введены посемейный и кибиточный налоги, сбор с кочевников предусматривался статьей 255 «Проекта Положения об управлении Семиреченскоӥ и Сыр-Дарьинскоӥ областеӥ» от 11 июля 1867 года, а посемейный являлся аналогом земельного сбора[464]. Российская империя с целью нераспространения мусульманского восстания стремилась решить ситуацию в приграничье посредством прямого вмешательства в дела края, но при этом цель состояла в недопущении экспансии власти Якуб-бека, а также подразумевалось сохранение возможности возвращения Цин в регион. Российская администрация пыталась продемонстрировать уважение к традиции региона, не проводя радикальных изменений. Некоторое время в регионе существовала возможность как для возвращения региона под власть Цин, так и для временного сохранения власти российской администрации. В российской администрации были сторонники и противники сохранения власти в крае. Первые отмечали военно-стратегическое и потенциальное экономическое значение, вторые – серьезные финансовые издержки на содержание региона и осложнение отношений с Китаем и Великобританией. Цинские власти формально всегда рассматривали регион частью Китая, но опасались физического уничтожения представителей администрации и власти местным

[463] РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 292. Л. 186–250.

[464] Почекаев Р. Ю. Особенности административного развития Илиӥского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтирноӥ модернизациеӥ // Общество и государство в Китае. 2016. № 2. С. 531–542.

мусульманским населением и возможного противостояния с Россией.

Мусульманские восстания и соперничество ханств и султанатов ограничивали возможность ведения мирной торговли в крае. Одной из причин ослабления российско-китайской торговли через Илийский край и параллельного роста контрабанды была слабость дайцинской администрации, которая обуславливалась еще и тем, что «китайские войска[,] по полугоду не получающие жалования, а при выдаче такового всегда обсчитываемы, часто возмущаются, оставляют службу и бегут в горы, где образуют вооруженные шайки и грабят… Пограничные китайские пикеты являются иногда тайными сообщниками грабителей, за что получают с последних часть похищенной ими добычи». Степной генерал-губернатор Г. А. Колпаковский в Отчете за 1885 год отмечал, что «водворить полное спокойствие на границе возможно только тогда, когда китайское правительство примет энергичные меры к уничтожению причин внутреннего беспорядка в Западном Китае и введет надлежащую дисциплину в войсках»[465].

Вместе с тем российские губернаторы, наделенные широчайшими внешнеполитическими и дипломатическими полномочиями, отмечали нецелесообразность постоянной поддержки цинского правительства в Синьцзяне, по крайней мере до того момента, когда будет налажено железнодорожное сообщение Средней Азии и ее приграничных областей с европейской Россией, в том числе для возможности быстрой мобилизации вооруженных формирований и их оперативной переброски на границу. Колпаковский отмечал, что до мусульманского восстания в Илийском крае дислоцировалось около 70 тыс. китайских войск, после вывода российских войск китайские власти дислоцировали здесь всего около 20 тыс. военных [466] . Слабость организации пограничной службы и малочисленность правительственных вооруженных формирований являлись одной из причин шатких позиций цинских властей в Восточном Туркестане, что во многом провоцировало

[465] РГИА, Ф. 1884. Оп. 223. Д. 85. 1886 г. Л. 25 об.
[466] Там же. Л. 26–26 об.

местных владетелей к сепаратизму и вооруженным антикитайским выступлениям. Этим причины недовольства китайской администрацией не ограничивались, они также лежали и в социально-экономической плоскости, например, в высоком налогообложении: установленная для неханьских народов рента-оброк могла варьироваться от 10 до 50% урожая, были трудовые и другие повинности[467].

Руководство российской губернской администрации стремилось использовать опыт российских дипломатов, накопленный ими в китайском Туркестане, для организации деятельности российских властей на местах. И наоборот, на службу в Западный Китай направлялись специалисты с опытом работы в Оренбургском и Западно-Сибирском ведомствах, зачастую с глубокой востоковедческой подготовкой, примером чего может служить личность консула в Чугучаке Николая Никаноровича Балкашина[468], рекомендованного товарищем (заместителем) министра иностранных дел А. Г. Влангали[469], который сам был известным востоковедом.

Даже после возвращения цинских властей в регион ситуация оставалась сложной. И это весьма беспокоило российские власти. Один из мятежей описывался в секретных донесениях генерального консула Николая Фёдоровича Петровского в Кашгаре от 28 апреля 1896 года. Он отмечал, что «если дунгане направятся к Кашагару и будет столкновение с китайцами около Кульджийской и Семиреченской границы, то в результате столкновения возможны два случая: если китайцы победят, дунгане бросятся в поисках убежища в Семиреченскую область, где уже многие дунгане обжились и сделали себе благосостояние. Поэтому, чтобы погранслужбы не оказались в замешательстве, им надо дать заблаговременно указания. Если победят дунгане, то в Восточном Туркестане стоит ждать беспорядков». Из донесения также

---

[467] Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. С. 197, 208, 212.

[468] См., напр.: Балкашин Н. Н. Торговое движение между Западною Сибирью, Средней Азиею и Китайскими владениями // Записки ЗСО ИРГО. 1881. Кн. III. С. 1–32; Он же. Об исследованиях Киргизской орды // Известия ИРГО. 1886. Т. XVIII; Он же. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1887. С. 61 и др.

[469] РГИА, Ф. 1291. Оп. 82. Д. 39. 1884 г. Л. 31–36 об.

следует, что в регионе сосредотачивается большое количество «новых мусульман» (почти 1/3), «то есть те китайцы и их дети, которые были обращены Якуб-беком в ислам, женились на кашгарках и стали более кашгарцами, чем китайцами». Н. Ф. Петровский при этом не указывал на опасность беспорядков в случае приближения дунган, какие сопровождали первое дунганское восстание[470].

Турбулентность в Восточном Туркестане повлияла на то, что соседний Семиреченский край стал территорией перемещения оседлого и кочевого населения – маятниковый характер миграции имел также прямую взаимосвязь с вопросами подданства. Такая ситуация побудила вернуться к практике усиления влияния представителей администрации из тюркской среды. Об этом свидетельствует, например, телеграмма министерства иностранных дел в департамент полиции от 4 января 1899 года по вопросу снабжения паспортными билетами китайских подданных, отправлявшихся из Кашгарии в Семиреченскую область[471], и ответ канцелярии степного генерал-губернатора министру внутренних дел на указанное выше прошение. В частности, генерал-губернатор Максим Антонович Таубе был «вполне согласен с предположениями Генерального консула в Кашгарии Петровского относительно 1) обязательства китайских властей выдавать китайско-подданным туземцам билеты с переводом на тюркский язык, с тем, чтобы таможенные учреждения Семиреченской области при отметке на границе таких билетов довольствовались тюркским текстом (на китайских билетах), а на русских билетах тех русских подданных, которые приезжали с билетами русских властей в Кашгарию не через Кашгар и не имеют визы Консульства, – отметкой на тюркском языке русского торгового старшины в Аксу и его печатью, которую ему необходимо будет выдать»[472].

Восстания оказали влияние на усиление миграционных процессов в регионе. В 1870 году в Синьцзяне проживало около 130 тыс. казахов, в Или кочевало порядка

[470] ГА РФ, Ф. 102. Оп. 53. Д. 82. Л. 3.
[471] ГА РФ, Ф. 102. Оп. 56. Д. 22. Ч. 6. Л. 1.
[472] Там же. Л. 3.

50 тыс. человек. В 1882 году более 5 тыс. казахских юрт (число проживающих в одной юрте оценивалось властями в среднем в 5 человек), кочевавших на территории, отошедшей Китаю, переместились в пределы России[473]. Миграция включила и другие этнические группы. Газета «Туркестанские ведомости» указывала на масштаб переселения: численность эмигрантов из Китая за 1865–1867 годы составляла до 14 тыс. человек, среди которых 8500 были кочевниками, а 5300 – оседлыми, представленными народами сибо и солонами[474]. Несколько позже часть из них в количестве 1095 человек приняла российское подданство и православие, а остальные мигрировали обратно[475].

По замечанию полковника А. Н. Куропаткина, во второй половине 1870-х годов в Кульдже население составляло 129 тыс. человек (69 тыс. мужчин и 60 тыс. женщин), в том числе: таранчей 51 тыс., киргизов 33 700, калмаков (калмыков) 16 тыс., сибо 18 200, дунган 4 тыс., китайцев 2300, сартов 2500, солонов 460, русских (кроме войск) 259 человек. Религия, язык и обычаи у них такие же, что у кашгарских сородичей, или у сартов русского Туркестана[476]. Он же отмечал, что дунгане малочисленны в Кульдже[477].

Фиксировалось несколько волн переселения дунган (с участием и уйгурской общины), произошедших в период восстаний второй половины XIX века. Первая волна включила перемещение группы Ма Да-жэна с численностью до 1000 человек с размещением в мечетях г. Оша; переселение дунган Ганьсу под предводительством Юсупа-хазрета в ноябре 1877 года в г. Пржевальск; уход 1130 человек весной 1878

---

[473] Баранова Ю. Г., Джондусов А. У. О вынужденной миграции и переходе в российское подданство различных групп мусульманского населения Кульджинского края Синьцзяна // Туган Олке. Историко-краеведческий и архивный журнал. 2006. № 1(6). С. 84.

[474] Народы тунгусо-маньчжурского происхождения. Горелова Л. М. Сибо // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 138–139; Гомбоева С. В. Солоны Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. № 1. С. 78–82.

[475] Туркестанские ведомости. 14 февраля 1871. № 4. С. 19.

[476] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 455. Документы о восстании мусульман в Западном Китае. Копии и подлинники. 1876–1879 гг. Л. 47–55 об.

[477] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 455. 1876–1879 гг. Л. 47–55 об.

года в урочище Ырдык (селение вблизи города Каракол); переселение из Шэньси под предводительством Бай Янь-ху (по-дунгански – Биянху) в 1877 году в направлении крепости Нарын, а далее перемещение их в Токмак, формирование села «Инпань», то есть военного лагеря в количестве 3314 человек[478]. Второй этап переселения (1881–1884 годы) – за первую половину 1881 года перешло от 1308 семей дунган Кульджи, в 1882 году – 587 семей численностью 2457 человек. Уже к 1883 году число переселенцев достигало 70 тыс. человек, включая таранчей, дунган и киргизов[479].

Основным занятием населения после переселения осталось земледелие, хотя многие занялись торговлей. Так, в Семиреченской области среди всех лиц, объявивших основным видом деятельности «торговлю и коммерцию», уйгур оказалось 17,21%, а дунган – 8,49% (1428 и 704 человек соответственно)[480], то есть примерно четверть торговцев области являлись выходцами из Восточного Туркестана. Причем примерно столько же в этой социальной группе сарты, среди которых также могли быть мигранты. Это свидетельствует о достаточно высоком экономическом статусе переселенцев в российском Туркестане и косвенно – об их доступе к структурам образования на местах и средствам печати.

Г. К. Гинс во время путешествия по Семиречью описывал основные виды хозяйственной деятельности таранчей и дунган, отмечая их сходство и различия: таранчи выращивали преимущественно пшеницу, а дунгане – рис, таранчи более охотно занимались торговлей, тогда как дунгане чаще занимались извозом. Вместе с тем и те, и другие занимались овощеводством и садоводством: «Земледельцы по преимуществу (самое слово таран означало хлеб), новые русские подданные быстро обжились на своих десятинных наделах и превратили их в прекрасные пашни и сады.

---

[478] Юсуров Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1961. С. 16, 29.

[479] Там же. С. 29–32.

[480] Игибаев С. К. Занятия населения Семиреченской области в конце XIX века // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы Международной научно-практической конференции (6–7 апреля 2001 г.). Усть-Каменогорск : ВКГУ, 2001. С. 13.

Дунгане поселились в тех местностях Пишпекского, Верненского и Джаркентского уездов, где можно разводить рис, таранчи только в двух последних уездах. Дунгане занимаются, кроме рисоводства, огородничеством, извозом, их лошади соперничают с русскими ломовиками, и содержанием харчевен („аш-хане“), где они искусно приготовляют местные блюда. Таранчи же помимо земледелия занимаются охотно торговлей»[481].

Цинские власти указывали, что до восстания хуэйцзу (дунган) их число в Шэньси исчислялось сотнями тысяч человек, а после событий, за исключением 20–30 тыс. человек коренного населения Сианя, все остальные ушли на Запад, часть населения погибла[482].

По данным представителя КИПСа И. И. Зарубина, к 1917 году в Семиреченской области – основной зоне их локализации в Западном Туркестане – проживали 17 646 дунган, причем 6052 из них локализовались в городах Верном и Джаркенте[483]. Таким образом, доля городского населения среди дунган составляла 34,3%, и они были одной из самых «урбанизированных» этнических групп Туркестанского края того периода.

Масса переселенцев была направлена на неорошенные земли Семиреченской области, поэтому перед ними стояла цель создания на новых землях оросительных сооружений. Российская администрация позволяла предварительно направлять от переселенцев доверенных лиц для осмотра земель, так как в этот период таранчи направлялись в регион целыми деревнями.

С конца 1880-х до 1910-х годов численность таранчей (к ним могли относить дунган) постоянно росла. Отметим, что разные источники дают не всегда одинаковую

---

[481] Гинс Г. К. Таранчи и дунгане (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1911. № 8. С. 676.

[482] Цит. по: Очерки истории советских дунган / под ред. М. Сушанло, Г. Г. Стратановича. Фрунзе : Илим, 1967. С. 37.

[483] Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Труды Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Л. : Российская академия наук, 1925. С. 20.

численность таранчинской общности, во многом по причине того, что к ним могли быть добавлены и другие выходцы из Синьцзяна. Вместе с тем фиксировался рост народонаселения. Так, в 1883 году было зафиксировано 45 373 человек, в 1892 году — 51 097, в 1897 году — 55 999, в 1900 году — 62 044, в 1905 году — 63 407, а в 1910 году — 86 426 человек[484].

По сведениям Переселенческого управления, можно составить следующую картину о карте и динамике проживания уйгуров, а точнее, отдельной группы – таранчей в отдельных областях и районах Туркестанского края. Вместе с переселением в Семиречье образовались так называемые таранчинские волости — Джаркентско-Таранчинская, Кетменскоӥ, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Карамская и Карасуйская волости. В них выделялись отдельные села таранчей. В 1909 году Джаркентско-Таранчинская волость разделилась на Аккентскую и Джаркентско-Таранчинскую волости. В Джаркентско-Таранчинскоӥ волости в 1910 году насчитывалось 15 таранчинских селениӥ — Верхниӥ Хонохаӥ, Нижниӥ Хонохаӥ, Сокур Хотун, Тышкан, Мазар. Базар-Биги, Награчи, Супотаӥ, Машур, Каш, Верхниӥ Чолокаӥ, Нижниӥ Чолокаӥ, Ладишап, Джигделик, Арустан, в которых находилось 556 хозяйств.

В Аккентскоӥ волости в 1910 году было расположено 31 селение. Эти селения были объединены в следующие «общества»: Верхниӥ Пенджии, Нижниӥ Пенджии, Кепек, Турфан, Розымамет, Худояр, Аккент, Ма-маяр, Хоргос, Солонкент, Садык и Молла-Тохта. В сумме насчитывалось 2011 таранчинских хозяйств.

В Кетменскоӥ волости были расположены селения в две линии. Большая часть располагалась у подножия Кетменских гор: Кальджат, Тегермен-Баши, Большоӥ

[484] См.: Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. : тип. «Экономия», 1911–1916. Т. 5: Таранчи. Ч. 1. 1914. С. 2–3, 6, 32–33, 62–63, 92–93; История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы : Дайк-Пресс, 2000. С. 230–254; Галузо П. Г. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 11. Алма-Ата, 1961. С. 75–125.

Ачинохо, Малыĭ Ачино-хо, Большоĭ Кетмень, Малыĭ Кетмень, Дардамты, Дулаты, Шункар, Нарынкол, Актам, Удоты и Тиермея. Селения же Добун, Сары-Булак, Косагач и Узун-там располагались в долине Или близ реки. Общее число в 1910 году составило 1252 хозяйства.

В пределах Аксу-Чарынекоĭ волости таранчи расселились в предгорноĭ полосе Кетменского хребта в местах выхода в Илийскую долину рек Чолак-Аксу, Чон-Аксу и Баян-Казак. Часть таранчеĭ расположилась на правом берегу р. Чарына. По этим рекам были созданы следующие таранчинские поселения: на р. Кичик-Аксу — Кичик-Аксу, на р. Улькун-Аксу — Улькун-Аксу, на р. Аксу — Сегез-Он и Дулаты, на р. Баян-Казак — Хонохаĭ и Оспан-юзы, на р. Чарын — Чарын. В 1910 году находилось 1366 таранчинских хозяйств.

В Малыбаевскоĭ волости были созданы селения Термекты, Каш, Чарбагачи, Малыбаĭ, Байсеит, Старыĭ Масыкиаĭ, Кайнак, Новыĭ Масыкпаĭ, Кызыл-Джигде, выселок Конгурак, а в 1907 году — селение Борбосун. Общее число к 1911 году составило 2225 хозяйств.

Левобережная сторона Чилика стала местом расселения таранчеĭ Карамскоĭ волости. Здесь ими были созданы селения Джирма-Уиĭ, Ассы, Он-Уиĭ, Ходжагул, Лабар, Верхниĭ Каратурук, Нижниĭ Каратурук, Терсн-Карасу, Киикпаĭ, Карам и выселок Тескен-Су. Итого к 1911 году в Карамскоĭ волости находилось 3141 хозяйство.

По материалам обследования туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, таранчи занимали 118 972,80 десятин земли, проживая в 54 обществах и 99 селениях[485].

---

[485] См.: Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. : тип. «Экономия», 1911–1916. Т. 5: Таранчи. Ч. 1. Т. 5. 1914. С. 2–3, 6, 32–33, 62–63, 92–93, 122–123, 152–153, 182–183, 212–213, 242–243, 272–273, 302–303, 332–333, 362–363, 392–393, 422–423, 452–453, 484–485; История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н. Э. и др. Алматы : Дайк-Пресс, 2000. С. 230–254.

Наибольшее число таранчей было сконцентрировано в Верненской и Джаркентском уездах. Причем в г. Верном проживали 5062 человек, отнесших себя к таранчам, еще 25 456 таранчей проживали в сельской местности уезда, а всего 30 518 человек, показательно, что доля городских жителей составила 16,6%, то есть была существенно выше среднерегиональной. В Джаркентском уезде численность городских таранчей была еще выше: в Джаркенте проживали 6736, а в сельских поселениях – 23 734 таранчей[486], то есть всего здесь проживали 30 470 таранчей, 22,1% из которых являлись горожанами. Всего в двух уездах в 1917 году проживали 60 988 таранчей с долей урбанизации 19,1%.

Кроме этого, миграционные процессы также были связаны с частыми «побегами» русскоподданных в пределы Китая. Китайский даотай[487] заявлял, что русские власти не проявляют должного упорства в розыске беглых русскоподданных, а он, в свою очередь, не намерен больше этим заниматься, несмотря на настоятельные обращения российского консульства [488] . В своем донесении русский консул Н. Ф. Петровский охарактеризовал население, бегущее в Илийский край, и указал на причины побегов: «1) бездействие китайских властей, не заботившихся о своевременном выдворении беглецов; 2) недостаток земель в Семиреченской области и обилие таковых в Илийском крае; 3) чувство родства между сородичами Семиречья и Илийским краем; 4) возможность легкого заработка в связи с принятыми китайцами мерами по благоустройству Илийского края. Недостаток земель в Семиречье не может служить причиной побегов, так как, например, дунгане – народ торговый и мало привязываются к земле. А таранчи не способны к постоянному и систематическому труду». Далее консул сообщал, что, «присмотревшись к нашим таранчам в Илийском

[486] Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Труды Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Л. : Российская академия наук, 1925. С. 18–19.

[487] Даотай – а) начальник округа, околоточный; б) чиновник, заведовавший какой-л. отраслью провинциального управления; дин. Цин. Перевод значения приводится согласно электронному изданию Большого китайско-русского словаря. URL: https://bkrs.info/slovo.php?ch=道台 (дата обращения: 05.02.2022).

[488] ГА РФ, Ф. 102. Оп. 49. Д. 236. Л. 2.

крае, он лично убедился, что лучший работник из них не смог вынести и двух дней работы на поле: он устает и отправляется в трехдневный отдых в тенистый сад, где проедает непроизводительно свой заработок. Засим он спешит испробовать себя в другом роде занятий – отправляется работать на кирпичный завод, берется за штукатурные и плотничные работы, но ленится и попадает в шахту на каменноугольные копи или решается на воровство, за что выдворяется в русские пределы»[489].

Н. Ф. Петровский, говоря о самоидентификации жителей Западного и Восточного Туркестана, отмечал, что на территории «коренной Средней Азии», то есть Западного Туркестана, «всякий называет себя по племени – казак, узбек, таджик», а с приходом русских стала использоваться категоризация по городу, при этом в Кашгарии (Восточный Туркестан) идентификация исходит из городских именований – кашгарец, хотанец и др.[490]

Таким образом, положение уйгуров и дунган в середине – конце XIX века определялось пересечением интересов российской и китайской политики [491] . Ключевыми событиями, определившими положение уйгуров и дунган в указанный период, стали 1) российско-китайское разграничение, 2) мусульманские восстания в Синьцзяне. Оба эти фактора обрамляло геополитическое соперничество в регионе Российской и Британской империй, получивших название «Большая игра».

На фоне восстаний возрастала консолидация населения с опорой на мусульманскую самоидентификацию. Не менее важную роль в консолидации играла собственно борьба против цинского правительства. Как местная, так и пограничная власти вынуждены были учитывать эти обстоятельства. Именно они привели к Илийскому кризису и занятию русской армией Кульджи в 1871 году, а после

---

[489] Там же. Л. 2–3.

[490] РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466. Л. 6 об.

[491] Воскресенский А. Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. С. 146–162.

оставления края русскими запустили процесс массовой миграции на территорию Западного Туркестана. При этом уйгурская и дунганская общины в представлении властей могли восприниматься единым целым, с точки зрения их принадлежности к исламу. Их этнические различия были известны обеим сторонам, например, китайская власть активно использовала их для управления краем. Оазисное проживание уйгуров и дунган формировало специфику их консолидации и было напрямую связано с территорией проживания. Например, в Дунганском ханстве основой консолидации являлись оазисные дунганские городова[492], это же подтверждала идентификация по городским оазисам, распространенная среди уйгурской общности.

Неразрешенность пограничных вопросов вызывала особое внимание к ситуации в Синьцзяне как китайских, так и российских властей. Этот фактор учитывала и британская сторона. Делимитация и демаркация границы привела к частичному снятию напряженности в вопросе подданства жителей, но создала прецедент двоеподданства и двоеданничества. Ни российская, ни китайская власти пока еще не имели четких представлений о том, каким образом стоит подходить к переселенцам, но постепенно административная практика, основанная на прецедентах, выстраивалась в определенную систему. Так, изменения в этноконфессиоальном составе населения Западного Туркестана потребовали уточнения их правового положения и определения статуса новых подданных. Такие же проблемы возникали и по отношению к народам, мигрировавшим из региона, а также к кочевникам, сезонно менявшим свою подчиненность. Исследуемые этнические общности находились в рамках действия нескольких правовых платформ, причем российская и цинская находись в процессе формирования. Традиционное судопроизводство продолжало регламентировать жизнь местного населения на низовом административном уровне вплоть до 1917 года, а значительная часть биев и казиев была интегрирована в имперские структуры по обе стороны российско-китайской границы, хотя и с

[492] Дунганское ханство // Казахстан. Национальная энциклопедия. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2005. Т. II. С. 217–218.

существенными локальными отличиями.

1.3. От шариатского управления к имперскому: категоризация и специфика управления иноверцами в Центральной Азии

До прихода российских властей и качественного изменения политики цинской администрации в регионе действовала правовая система, основанная на шариате и адатах. В среднеазиатских ханствах доминировал ханафитский мазхаб[493] – одно из четырех основных суннитских направлений исламского права, считающееся старейшим. Судопроизводство зачастую велось, опираясь на труд Бурхануддина аль-Маргинани (1123–1197) «Аль-Хидая фи шарх бидая аль-мубтади» **(**«Руководство по комментированию „Начала для начинающего“»). Аль-Маргинани являлся среднеазиатским теологом и мыслителем, создателем одной из самых известных книг по ханафисткому фикху. Этим же источником в качестве базового пользовались мусульмане Восточного Туркестана. Поэтому в юридических вопросах пространство Западного и Восточного Туркестана было чрезвычайно схожим. В частности, единым был подход к представителям других конфессий[494]. Параллельно с ханафитским мазхабом функционировали и другие богословско-правовые школы.

Член Степной комиссии, известный этнограф-востоковед генерал-лейтенант Александр Константинович Гейнс, находившийся в крае в канун мусульманского

[493] Эпонимом ханафитского мазхаба стал арабский богослов и правовед Абу Ханифа. Признает Коран, хадисы, иджма, кыяс, истихсан (юридическое предпочтение) и урф (нормативные обычаи) в качестве источников права. См.: Соколов О. А. Ханафиты // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/khanafity-12e797/?v=8330438 (дата публикации: 11.09.2023); С. М. Мазхаб // Ислам. Энциклопедический словарь; отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Наука. ГРВЛ, 1991. С. 152.

[494] Хидая: Комментарии мусульманского права / перевод с англ. Т. 4; под ред.: Н. И. Гродеков. Ташкент : Типо-литография С. И. Лахтина, 1893. С. 289–293, гл. V. О браках неверных. С. 218–227; гл. VI. О распоряжениях зиммиев.

восстания, указывал, что «дунгени[495] являются суннитами»[496], но придерживаются разных толков: шафиитского[497] и ханафитского мазхабов. Он же своими сведениями подтверждал общность мусульманского права Западного и Восточного Туркестана, отмечая в то же время некоторые локальные особенности. В частности, в мечетях Восточного Туркестана молитва, как и в Западном, читалась на арабском, но комментарии и уточнения давались на китайском языке[498].

О степени влияния ислама на жизнь этнических групп того периода можно судить по следующим свидетельствам. В «Опыте военно-статистического описания Илийского края» подполковника Дмитрия Яковлевича Федорова, изданном в 1903 году, при описании веры таранчей подчеркивалось, что они усердные мусульмане, но при этом не являются пропагандистами ислама [499] . В статье Назарходжи Абдусематова в журнале «Шура» за 1911 год о национальной истории сартов китайского Туркестана указывалось, что внутреннее управление в значительной степени было сосредоточено в руках религиозного (духовного) лидера

---

[495] Так А. К. Гейнс именовал дунган, утверждая, что это название использовалось русскими, жившими в тот период близ границ Китая.

[496] Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения или дунгеней в Западном Китае // Военный сборник. 1866. № 8. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1860-1880/Gejns_A_K/text1.htm (дата обращения: 14.03.2022).

[497] Шафийский мазхаб – одно из четырех основных суннитских направлений исламского права. Эпонимом мазхаба является арабский ученый Мухаммад аш-Шафии (767–820). Шафиитский мазхаб признает Коран, хадисы, иджма, высказывания асхабов и кыяс в качестве источников права. В Средние века шафиитский мазхаб был распространен на Ближнем Востоке, однако с расширением Османской империи был вытеснен ханафитским мазхабом. Шафиитская школа также имела множество приверженцев в Средней Азии, однако ослабила свои позиции в эпоху правления шиитской династии Сефевидов. См.: Соколов О. А. Шафииты // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/shafiity-f0273f/?v=8334882. (дата публикации: 11.09.2023).

[498] Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения или дунгеней в западном Китае // Военный сборник. 1866. № 8. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1860-1880/Gejns_A_K/text1.htm (дата обращения: 14.03.2022).

[499] Федоров Д. Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края: [ч. 1-2] / составлен Генерального штаба подполковником Д. Федоровым; под редакцией Генерального штаба генерал-майора Тихменева. Ташкент : Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1903. Ч. 2. 1903. URL: https://rus-turk.livejournal.com/161086.html (дата обращения: 01.03.2023).

«А‘лам ахунда»[500]. Сей «А‘лам ахунд», по замечанию автора, решал каждое судебное дело, точно следуя канонам шариата. Это долгое время устраивало администрацию. Государственные чиновники не противодействовали «А‘лам ахунду», напротив, оказывали ему всяческое содействие. В результате сложилась система управления, в рамках которой мусульмане могли совершенно свободно проводить общественные собрания (меджлис), не встречая со стороны властей каких-либо препятствий[501].

Даже после переселения в Семиреченскую область традиционная система управления дунган и уйгуров осталась прежней. Например, взаимоотношения между членами сельской общины регулировались выборными представителями, известными как мирабы (старосты)[502]. Каждое сообщество избирало или назначало арычного старосту, который следил за состоянием арыков и их исправностью. Он также отвечал за распределение воды среди членов общины в соответствии с правилами, установленными на общих собраниях. И в этом отношении прослеживались параллели со среднеазиатским обществом. Схожие экологические условия проживания, идентичность видов хозяйственной деятельности, этническая и религиозная близость порождали близкие или вообще одинаковые социальные институты и систему местного управления и самоуправления.

Сельские общины дунган объединялись в религиозные группы, каждая из которых имела свою мечеть, где имам и мезин (муздаин) играли ключевые роли, а шанло (старосты) занимались вопросами брака, свадеб и похорон. Шанло собирали средства для нужд мечети. В административной структуре уйгуров и дунган действовали казии и аксакалы, которые исполняли поручения царской власти в отношении китайских подданных. Казий судил по адату (нормам обычного права) по делам, связанным с бытовыми и антирелигиозными правонарушениями. Судья у

---

[500] «А‘лам ахунд» – муфтий или же шейх ал-ислам.

[501] Шура. 1911. № 20. С. 617–618.

[502] Остроумов Н. П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства / [Соч.] Н. П. Остроумова. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1879. С. 19–22.

казахов и киргизов назывался бий, а у уйгуров и дунган – казий[503]. Казии у сартов судили преимущественно по шариату.

В Цинской империи управление той или иной этнической общностью зависело от целей администрации и состояло в уже упомянутом выше понятии «вайфань», которое подразумевало определенную форму вассалитета. В частности, этим термином могли называть жителей подвластных территорий, «внешних» вассалов или тех, кто представлял, с точки зрения Цин, лишь формальную зависимость, а также государства или народы, которые имели периодические контакты с китайской властью [504] . В списки таких стран, например, были включены Голландия и Португалия[505]. Система установления формы вассалитета состояла в установлении даннических отношений, то есть приезда «варваров» с данью ко двору императора. Одним из традиционных китайских подходов являлся стратагемный тезис о том, что политику к внешнему контуру необходимо осуществлять так: «руками варваров обуздывать варваров» (тактика «и и чжи и») [506] . От предыдущих династий Цин унаследовала также систему «цзими» (羈縻制), которая представляла собой один из привычных подходов китайцев к управлению своими вассалами. Она предполагала особую политику империи по отношению к неханьцам, введение нетипичных названий административных единиц, где управление осуществлялось не китайскими чиновниками, а местными правителями. В ряде случаев такая система сочеталась с китайским подходом – «цаньши» (蚕 食), то есть постепенным включением (поеданием) соседних земель[507].

---

[503] Там же.

[504] Кузьмин С. Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношений империи Цин с Монголией и Тибетом. Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 46–47.

[505] Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 153.

[506] Там же.

[507] Сыроежкин К. Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. С. 28.

Сохраняла свое значение и древнейшая концепция противостояния «ся – и»: китайцев – некитайцам[508]. Китаизация варваров была возможна, что закономерно вело к размыванию концепции противостояния «ся – и»[509]. Это порождало другой феномен – отношения ханьцев и варваров в географическом отделении одних от других, получившем название 内诸夏外夷狄 («нэй чжуся вай и ди»), означавшее буквально «внутри китайцы – снаружи варвары»[510].

Термин «*фаньго*» (藩国), то есть вассальное государство, также использовался для подчиненных государств и народов. Основную власть в провинциях в начале XX века сосредоточили в своих руках провинциальные губернаторы – сюньфу, над которыми могли стоять генерал-губернаторы (цзун-ду)[511].

Существенная разница в положении Западного и Восточного Туркестана состояла в формате управления регионом: если российская власть включила в состав самой империи территории Западного Туркестана, и лишь в среднеазиатских ханствах был установлен протекторат, то империя Цин имела иную систему управления.

Еще с эпохи Тан в Восточном Туркестане (Сиюй или Си-юй духу-фу 西域都護府 – в китайской традиции обозначение Западного по отношению к центральным областям Китая, региона) была установлена система наместничества (духу), а позднее в 1884 году территория Синьцзяна как «новая граница» была оформлена в отдельную

---

[508] Хань Син. Хуа и чжи бянь цзи ци цзинь дай чжуань син. [Различия между китайцами и варварами и их трансформация в современную эпоху] // Дунфан Луньтань [Восточный форум] – Бэйцзин : Чжунго жэньминь дасюэ госюэюань, 2014 (5) [Пекин: Школа китайских исследований, Китайский университет Жэньминь, 2014, №5]. С.1–8. URL: https://inlnk.ru/VoLlJ6 (дата обращения: 11.12.2024). (韩星《华夷之辨及其近代转型》//东方论坛 - 北京:中国人民大学国学院, 2014, 5 期) (на кит. яз.).

[509] Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. : Наука, 1978. С. 273.

[510] Крюков М. В. Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М. : Наука, 1984. С. 202.

[511] Ду Бинбин. Реформа административного аппарата Империи Цин: 1901–1911 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.03: защищена 28.12.2006 / Ду Бинбин. М., 2006. С. 30.

провинцию внутри империи Цин[512]. Поэтому статус неханьских народов в составе Цин мог толковаться по-разному в зависимости от периода, но при этом принцип превосходства Поднебесной над другими народами сохранялся[513]. Важной вехой в истории управления неханьскими народами явилась смена политического курса от «косвенного управления краем» или «управления согласно обычаям» [514] к провинциальной системе, постепенно трансформировавшей регион. Тактика поглощения региона наследовала указанные ранее принципы «цаньши» и другие, поэтому долгое время китайская администрация опиралась на военную силу и насильственную аккультурацию, поскольку местное население дистанцировалось от традиционной китайской культуры, будучи тесно связанным с исламским и тюркским миром. Отдаленное расположение края породило в особенно тяжелые годы для Цин дискуссию об управлении им. Например, на фоне Илийского кризиса 1871–1881 годов в правительстве Китая происходила борьба между различными группами, которые предлагали различные варианты решения судьбы Илийского края. Синолог Д. В. Дубровская посвятила этой борьбе исследование, указав на различные позиции внутри властей. Дилемма «обороны северо-западной границы» Цзо Цзунтан, или «оборона побережья» Ли Хунчжана [515], переросла в выбор между военным или мирным разрешением кризиса[516].

---

[512] Хафизова К. Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы : Гылым, 1995. С. 45–47.

[513] Rawski E. S. Chinese society in the eighteenth century. New Haven; London : Yale univ. press, Cop. 1987 (на англ. яз.).

[514]Чжао Юньтянь, Чэн Чуньдэ. Люэлунь циндай цяньци дэ “инь су эр чжи”. Цинхай Миньцзу Сюэюань Сюэбао. [Описание концепции раннецинского периода «Управлять с учетом [местных] традиций». Цинхайский институт национальностей. Вестник (гуманитарная серия)]. 1983, №2. С.72-75. (赵云田、成崇德：《略论清代前期的“因俗而治”》，《青海民族学院学报》1983 年第 2 期) (на кит. яз.).

[515] Ли Хунчжан – влиятельный сановник, участвовавший в подавлении восстания тайпинов. См.: Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – начало XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. С. 421–424.

[516] Дубровская Д. В. Борьба в правящих кругах Цинской империи по вопросу о политике в Синьдзяне, 60–70-е гг. XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1988.

С момента присоединения Синьцзяна цинское правительство видело в нем в первую очередь военный плацдарм, у границ которого стояли постоянные пикеты и караулы, а высшие офицеры-маньчжуры исполняли функции военного и гражданского управления[517]. Преобладание мусульманского населения в регионе изначально формировало систему косвенного управления краем, поэтому в составе администрации присутствовала уйгурская знать в лице беков[518].

Китайское правительство использовало ряд конкретных шагов для упрочнения своих позиций в Синьцзяне: во-первых, миграцию ханьцев и их расселение по периметру внешней границы, во-вторых, привлечение местной элиты к управлению краем, в-третьих, применение принципа «руками варваров обуздывать варваров», акцентируя клановые, этнические и региональные различия[519]. В газете «Голос» за 16 августа 1880 года по поводу системы управления Цинов отмечалось, что китайцы укрепились в регионе благодаря своей обычной системе: «Не трогать главных предводителей, если они не продолжают борьбу и в известной мере принимают одежду, косу и обычаи китайцев. Вследствие этого предводители, уже ненавидимые своим народом, как изменники, делаются лучшим орудием для китайцев, которые прикрываются ими как будто национальным управлением»[520]. Система управления складывалась так, что китайская власть «устанавливала контроль посредством ответственности своим имуществом, головою и семейством за всякий проступок людей, им подвластных или находящихся в их округе, так что местное население становится постоянными должниками казны», в свою очередь, местным прощалось всякое коварство и взяточничество[521].

---

[517] Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 162–163; Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы : Гылым, 1994. С. 142–148.

[518] Там же. С. 165.

[519] Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы : Издательство «Дайк-Пресс», 2003. С. 97–98.

[520] РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 446. Л. 13–13 об.; Регель А. Положение дел в Западном Китае // Голос. 16 августа 1880.

[521] Там же.

Установление китайской власти имело свои последствия для представителей неханьского населения региона: они облагались высокими налогами, их рента-оброк составляла от 10 до 50% урожая, неханьцы несли трудовые повинности по починке дорог, устройству оросительной системы и другие. С целью снабжения расквартированных китайских войск они сдавали золото, медь, фрукты, предметы обихода и прочее[522]. Это положение подтверждают сведения посланника Матвея Арапова, направленного в 1764 году с экспедицией к султану Средней Орды Аблаю. Он писал, что местное население испытывает «несносное притеснение от податей», а также страдает от переселения вглубь китайской территории[523]. Именно из-за этого переселения возникла илийская группа уйгуров, известных до 20-х годов XX века под наименованием таранчи-землепашцы[524].

Положение таранчей раскрывает статья «Происхождение таранчей и Кульджинский султанат» в «Ташкентском курьере» за 1908 год, автор которой изначально опирался на текст на старотатарском в переведенном материале «Кульджинский султанат и кто такие таранчи?» (см.: Приложение № 1). Описание жизни таранчей здесь раскрывалось с точки зрения их начального переселения в количестве 6 тыс. семей кашгарских сартов в 1758 году из Учтурфана в Кульджу.

Цель переселения состояла в том, чтобы они обеспечивали потребности расквартированных маньчжурских войск. Расселение таранчей происходило в Кульдже и деревнях Ямату, Арустань, Хонохай, Хоргос, Чулукай, Каш, Сиптай, Улантай, Гольджат, Кетмень, Ошнахо и Дабун. Жителям Дабуна было особо велено защищать таранчей от нападения с запада, то есть со стороны русских владений. Управление строилось по аналогии с системой бекства, такой же, которую китайцы

---

[522] Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. С. 197, 208, 212.

[523] Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 166; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1961. С. 665–666.

[524] Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. С. 164–165.

использовали и в других областях в уйгурской среде. «Хакимбек» или «бек», почетный таранчи, получал жалование в 300 лан[525] серебром в год. Он обладал широкими полномочиями: имел право взимать налоги с соплеменников в установленным самовольно объеме, мог арестовывать и конфисковать имущество, лишать жизни без суда. Китайцы никогда не принимали жалоб на него. Преимущественно из своей родни он выбирал помощников в лице ишикага (советника), шанбеги (казначея), мураба (чиновника для выполнения поручений). Они все должны были отращивать волосы и заплетать косу, как китайцы, при этом остальные таранчи именовались «чан-ту» (чалмоносцы или «большеголовые»), ношение кос и чалмы среди них было запрещено[526].

Население Синьцзяна в последующем было отягощено проигрышем Первой опиумной войны в 1842 году, после которой страна должна была выплатить контрибуцию в размере 21 млн юаней[527]. Все жители страны, включая мусульман, были обременены тяжелыми налоговыми сборами, что вызывало серьезное недовольство и привело к серии мусульманских восстаний 1864 года[528], в частности, на территории Синьцзяна было образовано несколько самостоятельных мусульманских владений: Кучинское ханство, Хотанское падишахство, Таранчинское султанство, Дунганское ханство и др., и Синьцзян де-факто выпал на 14 лет из

[525] Лан или лян — мера веса, а также денежная единица, соответствовала 8 русским золотым. См.: Позднеев А. М. Лян // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1896. С. 274.

[526] Этот термин использовался для тюркского населения региона (узбеков, уйгуров), сегодня подразумевает одно из ойратских племен Монголии. Об историческом значении чанту (или на китайском – чантоу) указывается в: Чвырь Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX – начале XX в: очерки историко-культурных связей. М. : Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1990. С. 55, 57.

[527] Исиев Д. А. Уйгурское государство Йеттишар (1864–1877). М. : Наука, 1981. С. 12.

[528] Тянь Чжань Ин. Лунь Вань Цин Си Бэй Бянь Цзян Вэй Цзи Юй Цин Тин Чу Ли Дуй Цэ [О кризисе на северо-западной границе в конце правления династии Цин и контрмерах правительства Цин] // Open Journal of Historical Studies, 2023, 11(1), С. 55-60.(田占营《论晚清西北边疆危机与清廷处理对策》) (на кит. яз.).

системы Цинской империи [529] . Череда мусульманских восстаний и далее последовавшая в 1911 году Синьхайская революция привели к тому, что Синьцзян стал частью другого государства – Китайской Республики, просуществовавшей с 1912-го по 1949 год.

Для Российской империи проблема управления иноконфессиональными группами наиболее ярко проявлялась в вопросах подданства и прав определенных этнических сообществ.

Общей тенденцией для всех государств в XIX веке являлось использование не этнических категорий, а идентификации в связи с хозяйственной, территориальной и религиозной принадлежностью. Отметим, что понятийный аппарат о гражданской нации начал укореняться в Европе с положений английских и французских просветителей о естественном праве и общественном договоре, лозунгов французской революции «Liberté, Égalité, Fraternité»[530], в XVIII веке представление о гражданстве существовало и в царской России, однако правовые основы гражданской нации стали наиболее необходимы здесь в XIX–XX веках[531].

По мнению А. И. Миллера, идея о нации и национальном строительстве не включала в себя всех подданных империи и все ее территории[532]. Проекты, которые отражали логику национального, зачастую подразумевали различие между русской «национальной» и имперской территориями[533], заведомо ставя нерусские народы в отдельную категорию – инородцев. К этой категории относились и переселенцы

---

[529] Усманов К. А. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. // Вопросы истории. 1947. № 2. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Uigur_istocn_vosst_1864/text1.htm (дата обращения: 11.01.2021).

[530] Лозунг якобинцев в ходе Великой французской революции: «Свобода, равенство, братство».

[531] Никитина Е. Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX – начала XX в. // Журнал российского права. 2017. № 3 (243). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-grazhdanskogo-obschestva-v-trudah-rossiyskih-pravovedov-kontsa-xix-nachala-hh-v (дата обращения: 27.05.2024).

[532] Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М. : Новое лит. обозрение, 2006. С. 51–52.

[533] Там же.

дунгане и уйгуры. Администрация относилась к инородческому слою неодинаково, именно поэтому параллельно существовали различные уставы о сибирских киргизах и о сибирских инородцах, которые учитывали разные системы хозяйствования в регионе.

Инородцы находились на неоднозначном положении: с одной стороны, они были включены в общеимперское социальное и административное пространство, в рамках которого образовывались отдельные округа, области и генерал-губернаторства; с другой – их правовая субъектность была в созависимости от различных факторов: от хозяйственной деятельности и географии до конкретной политики государства. Поэтому для каждой инородческой группы работали свои принципы[534].

Одно из наиболее распространенных представлений об инородцах указывалось этнографом Л. Я. Штернбергом[535]: «(*инородцы. – примеч. автора)* – группа народов, либо совсем чужих, либо в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре»[536].

Выражение этой культуры, по мнению военного министра Д. А. Милютина, состояло в религии, языке и образовании: «После Церкви народу всего ближе к сердцу язык и школа. Желательно, чтобы по обеим этим статьям племенные интересы были удовлетворены, насколько это возможно без нарушения общих интересов всего государства»[537]. В этнографических трудах группы населения делились и по расовому

---

[534] Лиджиева И. В. Особенности системы управления инородцами в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2018. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemy-upravleniya-inorodtsami-v-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv (дата обращения: 27.05.2024).

[535] Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927) – этнограф, член-корреспондент АН СССР, с 1902-го по 1917 год являлся секретарем Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

[536] Штернберг Л. Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 520–533.

[537] Милютин Д. А. О разноплеменности в населении государств. Цит. по: «Законная государственная цель – полное объединение, слияние разных племен», публ. Д. Арапова // Источник. 2003. №1. С. 50–65.

признаку, например, у дореволюционного этнографа, записавшего эпос о казахском батыре Кобланды, продвигавшего идеи о русификации инородцев через систему области народного образования региона, А. Е. Алекторова население России представляло две расы: кавказскую, куда входили славянские и неславянские народы, и монгольскую, состоявшую из турецко-татарской, финской, монголо-маньчжурской и полярной[538].

В представлении штабс-капитана, исследователя В. В. Добромыслова инородцами являлось все нерусское население[539]. Правда, границы «русскости» определялись «теорией официальной народности» министра народного просвещения С. С. Уварова (Православие, Самодержавие, Народность). Поэтому значение понятия «инородца» пересекалось с термином «зимми» как отображением совокупности подвластных иноверцев и отдельной этноконфессиональной податной группы[540].

Со стороны Российской империи законами, которые определяли положение инородцев, являлись «Устав об управлении инородцев» 1822 года[541], «Устав о сибирских киргизах» 1822 года[542] и др.

В этих уставах определялись права и обязанности «инородцев» в зависимости от их: 1) принципов хозяйствования; 2) вероисповедания; 3) сословной принадлежности. Обретение инородцами новых прав происходило постепенно. При этом инородческому населению предоставлялась государственная защита. Так, параграф 31 главы V Устава об управлении инородцев гласил: «Строго запрещается

---

[538] Алекторов А. Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб., 1906. С. 2–3.

[539] Добромыслов В. В. Инородцы в России. М. : Тип. Общества распространения полезных книг, 1907. С. 1–8.

[540] Koçunyan Aylin. The Millet System and the Challenge of Other Confessional Models, 1856–1865 // Ab Imperio. 2017. Vol. 2017, no. 1. P. 59–85. Project MUSE, doi:10.1353/imp.2017.0004; Braude Benjamin. Foundation Myths of the Millet System. URL: https://www.rienner.com/uploads/53e278dea4631.pdf (дата обращения: 11.01.2021). (на англ. яз.).

[541] Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. С. 394–416. URL: http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm (дата обращения: 07.10.2022).

[542] Полн. собр. законов Российской империи. Т. 38. СПб., 1830. № 29127. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/114/689.htm (дата обращения: 07.10.2022).

Россиянам самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных»[543]. В османском контексте эта защита строилась из исламской концепции «зимми» и восприятия представителей иных авраамических религий как людей Писания. Таким образом, ислам признавал и защищал немусульман при условии, что они уважают превосходство уммы, мусульманской общины.

В российских реалиях внутри категории «инородцев», согласно Уставу об управлении инородцев 1822 года, существовали следующие группы, выделяемые по их формам хозяйствования:

1) оседлые – городские жители, жители деревень, ведущие в основном земледельческий образ жизни; их преимущественно составляли торговые инородцы из числа бухарцев и ташкенцев, татары, бухтарминцы (жители территорий Юго-Западного Алтая), некоторые ясачные Бийского и Кузнецкого края, малочисленные роды представляли оседлых земледельцев;

2) кочевые – «занимавшие определенные места, по временам года переменяемые»; в них входили полукочевые-земледельцы из числа бурят, некоторых качинцев (этнографическая группа хакасов) и части других ясачных, скотоводы и промышленники, например, якуты и сагайцы (этнографическая группа хакасов)[544];

3) бродячие – «переходившие с одного места на другое по рекам и урочищам»[545].

В Своде законов Российской империи можно также встретить термин «туземец», «туземный житель» и др. Он подразумевал иное прочтение, в первую очередь основанное на противопоставлении с термином иностранный/приезжий, то есть подразумевал коренного жителя отдаленной территории. Главным отличием от термина «инородец» являлось то, что последний выступал как социально-

[543] Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1849 г. Т. 38. № 29. С. 394–416. URL: http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm (дата обращения: 07.10.2022).

[544] Там же.

[545] Там же.

экономическая категория, подразумевавшая определенную правовую регламентацию[546].

В 1892 году было издано Положение об инородцах. В нем содержались некоторые изменения, а также ссылки на законы, которые регулировали общественные отношения инородцев. В Законах о состояниях 1832-го и 1833 года выделялись сибирские инородцы (включая сибирских киргизов), кочующие инородцы Кавказской области (ногайцы, калмыки), калмыки, кочевавшие в Астраханской губернии и Кавказской области, а также евреи.

Одним из важных документов для региона являлось положение об управлении Туркестанским краем 1886 года, статья 141 которого регламентировала те деяния, за которые туземное население привлекалось к ответственности. Самым первым нарушением было преступление «против веры христианской», за которым далее следовали провинности против государства, управления и т.д.[547] Положение статьи и выделение первым нарушением всякое деяние против христианской веры показательно сближало представление меньшинства в исламской умме и имперской власти.

Положение мусульманских переселенцев в регионе напрямую было подчинено вопросам управления инородцами, регламентация их прав складывалась из общего представления об этой категории населения. После Санкт-Петербургского договора между Российской и Цинской империями 1881 года небольшая часть территорий Илийской долины отошла России, причем было заявлено о возможности свободного принятия российского подданства для всех желающих[548]. Основная проблема для переселенцев – обеспечение земельным наделом – решилась к 1883 году, когда в

---

[546] Фадеичева М. А. Этническая политика в Российской Империи XIX в. «Положение об Инородцах» // Антиномии. 2003. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-politika-v-rossiyskoy-imperii-xix-v-polozhenie-ob-inorodtsah (дата обращения: 22.03.2023).

[547] Бар. Дельвиг Б. Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиций. 1910. № 5. С. 121–140.

[548] Петербургский договор 1881 // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 57.

г. Верном были выработаны правила о поземельном устройстве оседлого населения в Семиреченской области. Согласно им, переселенцам выделялась земля: на мужскую душу надел был установлен в 10 десятин, и в течении трех лет переселенцы были освобождены от платежей, а в следующие три года платежи взымались в половинном размере. Правила были введены в действие с 1 июля 1885 года[549].

Для исследуемых обществ организационно-правовая процедура по получению российского подданства была регламентирована пограничными соглашениями с Китаем, общими правилами для инородцев, принятыми в Российской империи. В Китае подданство представителей означенных народностей было связано с внешнеполитической концепцией и взаимодействием с неханьскими народами.

На фоне мусульманских восстаний и постепенного включения Синьцзяна под более жесткий контроль цинской власти в регионе стали происходить преобразования. Из отдаленного региона он получил статус провинции и был вовлечен в китаецентричную традиционную систему управления. Это выражалось в смене статуса на провинцию, а также в использовании в качестве топонимов китайской лексики. Например, в докладах о ликвидации последствий мусульманских восстаний в Восточном Туркестане говорилось, что государственным советом были опубликованы новые китайские названия городов Синьцзяна: для Кашгара — Хуйу; для Яркенда — Цзяи; для Янгигиссар — Цзиюань; для Хота — Вэйцзин; для Аксу — Пуань; для Учтурфана — Фухуа; для Кучи — Гунпин; для Карашара — Сешунь[550].

Таким образом, этническая идентификация среди уйгурской и дунганской общностей играла далеко не первую роль, в мозаике идентификации опорными категориями были территориальная, хозяйственная и религиозная принадлежности.

---

[549] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 8–10.

[550] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы : Гылым,1994. С. 156–159.

Именно эти категории были встроены в правовые понятия этнополитики российской и частично цинской администраций[551].

Важнейшую роль в развитии представлений об этих народах сыграли объективные нужды крупных держав – Российской и Цинской империи, которые были связаны с военным делом, администрированием, пониманием локальных прав и обычаев[552].

Значимый вклад в расширение знания о народонаселении Центральной Азии, его культурной и религиозной специфике внесла российская наука. Именно в имперский период была составлена фактологическая база для последующей реорганизации местных сообществ в других категориях на основе этничности. Специфика географического определения региона и дальнейшее изучение этнодемографического состава отечественной и зарубежной наукой сформулировали ряд понятий, вошедших в широкое научное употребление в XX веке. Подобный подход был свойственен всем игрокам в регионе: Британской, Цинской и Российской империям. Созвучно этому проходил процесс «узнавания» и развенчания некоторых ложных представлений. Народы региона были выделены в категорию «инородцев», определенную юридическими статусами, при этом переселенцы в определенный отрезок сохраняли правоположение, близкое к иностранным подданным, не включенным в положение «своих» инородцев.

В связи с вышесказанным можно сделать следующие выводы.

---

[551] РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 450. Л. 13; Ли Жудун. Диюй гуаньнянь юй миньцзу жэньтун и Чжун я Хуйэцзу [Dongganren] вэй чжун синь дэ као ча // Сибэй Миньцзу Яньцзю. [Пространственные представления и этническая идентичность: исследование на пример хуэйцзу (дунган) // Северо-Западное этнологическое обозрение]. 2015. №3. С. 145–158. (李如东《地域观念与民族认同：以中亚回族（东干人）为中心的考察》// 西北民族研究,2015) (на кит. яз.).

[552] РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 450. Л. 41. Восстание китайских мусульман // Биржевые ведомости. 1874. № 43; Ли Жудун. Диюй гуаньнянь юй миньцзу жэньтун и Чжун я Хуйэцзу [Dongganren] вэй чжун синь дэ као ча // Сибэй Миньцзу Яньцзю. [Пространственные представления и этническая идентичность: исследование на пример хуэйцзу (дунган) // Северо-Западное этнологическое обозрение]. 2015. №3. С. 145–158. (李如东《地域观念与民族认同：以中亚回族（东干人）为中心的考察》// 西北民族研究, 2015) (на кит. яз.).

1. Политические события конца XIX века, такие как мусульманские восстания и процессы русско-китайского разграничения, привели к тому, что уйгуры и дунгане оказались по обеим сторонам границы, какая-то часть из них оказалась разделенной в результате Петербургского договора, другая мигрировала на территорию Западного Туркестана. Эти этнические общности оказались разделены между Российской и Цинской империями, что повлияло на их дальнейшую этническую и политическую идентификацию. Ключевым событием, повлиявшим на разницу в положении дунган и уйгуров Восточного и Западного Туркестана, стала демаркация русско-китайской границы. Этот процесс привел к официальному закреплению их положения как переселенцев и способствовал формированию новых политических и административных категорий, закрепивших разделение этнических групп между двумя государствами.

2. В разрезе этнополитики Российской и Цинской империй в конце XIX века отношение к уйгурам и дунганам формировалось на основе общего подхода к мусульманам, для которых в России и Китае существовала определенная категоризация, отраженная, в частности, в терминах «инородец» и «вайфань». Российская империя рассматривала эти группы через призму хозяйственных и этноконфессиональных особенностей, а в Китае они воспринимались как народы окраин. Трансформация политики и ее подходов стала следствием восстаний и возможной опасности таковых. Также важно подчеркнуть, что в отношении новых подданных – уйгуров и дунган – российская администрация достаточно быстро перешла от восприятия этих народов как некоренных к попытке ограничения их возможного двойного подданства. Меры по ограничению двойного подданства проводила и Цинская империя. И Российская, и Цинская империи пытались встроить территории в единое административно-правовое поле, частично опираясь на местную правовую традицию. При этом Цины форсировали некоторые изменения, стремясь уйти от географических терминов прошлой эпохи, которые заменялись китайскими топонимами.

3. До конца XIX века этничность не играла ведущей роли в самоидентификации уйгуров и дунган. Территориальная идентичность и вероисповедание, хозяйствование были основными категориями, определяющими их место в обществе. Однако политическая и экономическая модернизация региона в начале XX века привела к более активной этнизации этих групп, что стало важным фактором в их самоопределении. Здесь выделяется пример таранчей, которые из-за общности, возникшей в результате переселения в Кульджу, были объединены в одну группу в связи со своей хозяйственной деятельностью. В российском контексте в отношении общности хозяйствования в схожем смысле была представлена категория «сарт». Понятия «уйгуры» и «дунгане» использовались как представителями самих общностей, так и исследователями и администрацией, но не являлись доминирующими.

Глава 2. На стыке эпох и идеологий: уйгуры и дунгане в период политической трансформации Центральной Азии на рубеже XIX–XX веков

К началу XX века общество Западного и Восточного Туркестана прошло путь значительной трансформации. Эти два региона *де-юре* уже являлись частями Российской и Цинской империй соответственно. Однако *де-факто* отдельные территории внутри Западного и Восточного Туркестана находились в разных правовых координатах, существовала форма протектората в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, системы управления и судопроизводства в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах также несколько отличались между собой. Население региона представляло собой различные этноконфессиональные сообщества, единство которых для империй выражалось в общих социальных категориях, например, для российской действительности такой категорией был термин «инородцы». На практике у каждого из государств складывался свой подход к проживавшим в регионе народам, не исключением были исследуемые уйгуры и дунгане.

Как и прочее население Западного Туркестана, дунганские и уйгурские переселенцы столкнулись с разными определениями своего положения – от «иностранного подданного», «некоренного жителя» до «туземца», «инородца» и т.д. При этом в начале XX века в регионе актуализировался национальный вопрос, который интересовал не только администрацию и местную элиту, но стал насущным для различных социальных слоев многих этнических сообществ.

В Западном Туркестане идеи о национальном были представлены в первую очередь «мусульманским вопросом», который, по мнению известного исследователя ислама А. А. Беннигсена и его соавтора Ш. Лемерсье-Келькеже, возник как проблема интеграции мусульман в имперский контекст после присоединения Казани в 1552 году[553]. В продолжение этого мнения в современной историографии существует

[553] Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. L. Islam in the Soviet Union. New York, 1983. P. 3–19 (на англ. яз.).

мнение о функции мусульманского вопроса в качестве «национального» для периода Российской империи[554]. Для администрации Цинской империи наиболее важным был вопрос удержания территории в своем составе, а интеграция мусульман в общеимперское пространство воспринималась в традиционном ключе: эти народы представлялись менее цивилизованными, которые были наиболее удобны в сохранении закрепленного за ними на тот момент статуса[555].

Изменения, которые произошли в регионе, были связаны с революционными событиями на стыке эпох: в Восточном Туркестане они были сопряжены с восстаниями второй половины XIX века. Важнейшим событием для всего Китая была Синьхайская революция 1911 года, а сам Китай оказался в эпицентре политических изменений, происходивших на Востоке. На территории Синьцзяна также вспыхнули мятежи, охватившие различные слои местного населения. В то же время здесь они протекали менее интенсивно, чем в центральных и прибрежных провинциях. Одной из причин этого стало антикризисное управление местным руководством. Синьцзян вплоть до 1928 года находился под управлением губернатора Ян Цзэнсиня, державшего провинцию в строгом подчинении и пользовавшегося известной автономией в управлении благодаря географической отдаленности, фактору приграничного положения и личным качествам. Показательно, что сразу после его смерти начался новый этап волнений[556].

В 1920-е годы, в период Гражданской войны в России, в регион были введены советские войска для ликвидации бежавших в Синьцзян белогвардейцев. Синьцзян, несмотря на сохранение статуса провинции в рамках Китая, в значительной мере

---

[554] Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб. : ЛИСС, 1998. С. 41–44.

[555] Москалёв А. А., Богословский В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 12.

[556] Бармин В. А. СССР и Синьцзян в 1918–1941 гг. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998. С. 87–100.

находился в орбите влияния советской политики[557]. Поэтому модель национального строительства «западной окраины» Китая находилась под влиянием процессов, протекавших на территории Западного Туркестана.

Революционные события в Западном Туркестане наиболее ярко проявились в восстании 1916 года, революционных событиях 1917 года, сражениях Гражданской войны и борьбе с басмачеством, завершившись повсеместным провозглашением власти Советов на территории бывших Российской империи и Российской Республики.

Западный и Восточный Туркестан продолжали оставаться взаимосвязанными. Идеи мусульманского обновленчества, которые от задач модернизации образования перешли к идеям необходимости политической трансформации, оказали влияние на политизацию населения, определенное влияние продолжали оказывать и традиционные исламские центры региона, в первую очередь Бухара. Революция и Гражданская война интенсифицировали миграционные потоки: на территорию Синьцзяна передислоцировались представители белого движения, наиболее многочисленными из которых оказались подразделения оренбургских казаков под командованием генерал-лейтенанта А. И. Дутова, а наиболее организованными – также оренбургские казаки под командованием генерал-лейтенанта А. С. Бакича[558]. Кроме того, границу перешли отдельные части семиреченских и сибирских казаков во главе с генерал-майором Б. В. Анненковым и другие немногочисленные отряды регулярных и иррегулярных войск и бывшей пограничной стражи[559]. Частично

---

[557] Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: учебное пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 154–156.

[558] Чэнь Шуюй. 1919—1921 Нянь Ша Э байвэйцзюнь цаньбу дуй Синьцзян дэ циньжао [О набегах остатков Белой армии на Синьцзян в 1919–1921 гг.] // Сибу сюэ кань. 2023. № 20. С. 24-26. (陈姝羽《 1919—1921 年沙俄白卫军残部对新疆的侵扰》//西部学刊, 2023) (на кит. яз.).

[559] Бармин В. А. СССР и Синьцзян в 1918–1941 гг. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998. С. 87–100; Лю Лэй. Деятельность генерала Андрея Степановича Бакича и его отряда после отступления на территорию Синьцзяна // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 30–39; Коммиссарова Е. Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1935 гг.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. Барнаул, 2004.

мигрировало и мирное население, причем это были представители различных этноконфессиональных групп.

Участие дунганского и уйгурского населения в революционных событиях нельзя назвать косвенным. Во время восстания 1916 года пострадали все местные дехкане – крестьяне, к которым к тому времени уже относились таранчи и дунгане. Российская власть при решении о призыве на службу включала эти народы в категорию «годных». Решение о призыве служило поводом и одной из причин восстания. Согласно проектным материалам «Свода соображений и заключений начальников областей Туркестанского края по вопросу о призыве инородцев к исполнению воинской повинности», выходцы из Семиреченской области в лице дунган и киргиз из мещан служили в местной стрелковой бригаде. За дунганами закрепилась репутация ответственных, расторопных солдат, пригодных к службе в разведке. Массовый призыв таранчей считался несвоевременным в связи с их «малой надежностью», что могло негативно сказаться на боеготовности армии[560].

Трансформации XX века для региона были колоссальными, они оказали серьезное воздействие на исследуемые этнические общности. При этом указанные изменения происходили непараллельно и с разной степенью интенсивности в жизни уйгуров и дунган, проживавших по разные стороны российско-(советско)-китайской границы.

2.1. Национальный вопрос в конце XIX – начале XX века: китайский и российский подходы

Российские и китайские власти осознавали растущую субъектность этносов, превращение их в акторов внутренней, а иногда и внешней политики. Они видели, что эти процессы протекают в других странах. Соответственно, каждая из стран

[560] Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М. : Марджани, 2016. С. 124–127.

вырабатывала свои подходы к решению так называемого национального вопроса, учитывая внутриполитическую ситуацию и международный опыт. В Российской и Цинской империях подходы к решению национального вопроса имели общие черты, что вызвано самим объектом, по отношению к которому вырабатывались решения, географической, конфессиональной и этнической близостью нетитульного населения. Однако имелись и существенные различия в реализации их политики в национальных окраинах. Также существовали вариации решения «национального вопроса» в правительстве и руководстве окраинных губерний/провинций.

Подходы Российской империи и династии Цин к решению «национального вопроса» были направлены на сохранение целостности территории империй и оптимизации управления подвластными территориями[561].

Несмотря на политические передряги по обе стороны границы, происходил рост населения. Так, численность населения Синьцзяна в 1916 году составляла 2 млн 278 тыс. человек, к 1926 году она достигла уже 2 млн 680 тыс. человек[562], то есть за десятилетие прирост превысил 15%. В конфессиональном отношении в составе как Восточного, так и Западного Туркестана доминировали мусульмане. Западный Туркестан занимал второе место в Российской империи по численности исповедовавших ислам. Большая часть мусульман была представлена тюркоязычными народами (около 12 млн человек)[563]. При этом в администрациях среднего и высшего звеньев большинство должностей принадлежало представителям

[561] Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы : Гылым,1994. С. 142–159.

[562] Москалёв А. А., Богословский̆ В. А. Национальный̆ вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 32.

[563] Арапов Д. Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) // Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семенов. М. : ООО «Садра», 2017. С. 23; Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. С. 143.

других конфессий. И лишь нижнее административное звено преимущественно состояло из тех, кто исповедовал ислам[564].

Начало эпохальным изменениям в регионе дала Синьхайская революции 1911 года, результатом которой стало свержение династии Цин. Национальная политика новой Китайской Республики (1912–1949) по отношению к Синьцзяну в значительной мере наследовала принципы, выработанные правящими кругами династии Цин, но все же с определенными коррективами[565]. Несмотря на то, что Синьхайская революция затронула все области империи, главным лозунгом для восставших было устранение власти маньчжуров и возрождение ханьского Китая. Соответственно, подход к неханьским областям не был в центре внимания, главным оставалось право ханьцев на власть. Поэтому смысл понятия «национализм» виделся в создании государства нацией, у которой на это есть политическое право большинства[566]. Отсюда в китайской риторике можно встретить множество рассуждений о том, какое положение в рамках Китая занимают ханьцы, а также почему другие этнические группы должны быть ассимилированы в одну государственную нацию. Ханьцы и китайская культура служили эталоном, следование которому подразумевало выбор в пользу китайского государства[567].

Одним из важнейших изменений стало стирание национальных различий и стремление образовать единую гражданскую нацию. Так, в указе президента

---

[564] Арапов Д. Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.) // Мусульмане в новой имперской истории: сб. статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семенов. М. : ООО «Садра», 2017. С. 23–26.

[565] Оуян Юньцзы. Синьцзян дицюй дэ синчжэн чжэнхэ юй гоцзя тун и (1912–1916) [Административная интеграция и национальное единство в Синьцзяне (1912–1916)] // Western Regions Studies. 2025. № 1. С. 67–81. (欧阳云梓.《新疆地区的行政整合与国家统一（1912—1916年）》//西域研究, 2025) (на кит. яз.).

[566] Сыроежкин К. Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы : Издательство «Дайк-Пресс», 2003. С. 98–100.

[567] Оуян Юньцзы. Синьцзян дицюй дэ синчжэн чжэнхэ юй гоцзя тун и (1912–1916) [Административная интеграция и национальное единство в Синьцзяне (1912–1916)] // Western Regions Studies. 2025. № 1. С. 67–81. (欧阳云梓.《新疆地区的行政整合与国家统一（1912—1916年）》//西域研究, 2025) (на кит. яз.).

Китайской Республики от 21 апреля 1912 года территории Монголии, Тибета и Синьцзяна были определены как неотъемлемые части Китая. Многочисленным народам этих регионов следовало объединиться с другими народами Китая для «слияния всех в одну расу»[568].

Развитие представлений о «национальном вопросе» в начале XX века в Китае было связано с необходимостью обоснования единства государства и его жителей. После революции начала действовать доктрина «у цзу гунхэ», то есть представление о государстве как о республике пяти этносов. Позже Китайская Республика стала опираться на идеи лидера Гоминьдана Сунь Ятсена, изложенные в доктрине о «трех народных принципах»[569]: национализм, народовластие и народное благосостояние. Принцип национализма, по-китайски «*миньцзу чжуи*» (民族主義), подразумевал уход Китая от верховенствующей роли империалистических держав. Этот принцип буквально предполагал переход к гражданскому национализму и уход от этноцентризма. Смысл доктрины состоял в идее воссоздания китайской нации, которая смогла уничтожить неханьскую власть маньчжуров, и обосновании целеполагания для неханьских народов необходимости их слияния с ханьцами для спасения китайской цивилизации. Поскольку республиканским руководством признавалась существенная роль неханьцев в свержении маньчжуров, официальные власти заявляли о «равенстве» народов Китая.

В 1923 году Сунь Ятсен представил концепцию государственной нации «го цзу или гоцзя миньцзу» (国族, 国家民族)[570]. Ханьцы составили большинство государственной нации, помимо них в него также официально включались маньчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане. С учетом того, что в концепции

---

[568] Москалёв А. А., Богословский В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 11.

[569] Грачева Ю. А. Особенности положения народа наси в Китае: история и современность: автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.03. М. : ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2019. С. 17–19.

[570] Сунь Ятсен. Избранные произведения. М. : Наука, 1985. С. 377–383.

неханьцы не являлись большинством, они не играли той же роли, какую играли ханьцы[571].

Основными программными документами того периода следует считать Временную Конституцию 1912 года, а также проекты Конституций 1914-го, 1918-го и 1923 годов. В этих документах не было специальных упоминаний о неханьских национальностях. Единственным пунктом, свидетельствовавшим об этом, была статья 5 Временной Конституции 1912 года, в которой говорилось о провозглашении равноправия всего народа республики без внимания к расовой принадлежности, сословию и религии[572]. В связи с формальным признанием равноправия народов в Китае были упразднены зависимые вассальные территории (например, Внутренняя и Внешняя Монголия, Тибет) – все теперь составляло единую республику с равностатусными территориями[573]. Можно констатировать, что национализм как таковой являлся ханьским, подразумевая стирание национальных различий полиэтничного состава населения. Другими словами, неханьское население оказалось включено в новое государство – Китайскую Республику, де-факто построенную на мононациональном принципе. Как констатировала в своем диссертационном исследовании Ю. А. Грачева, Сунь Ятсен призывал малочисленные народы к слиянию

---

[571] Цзинь Бингао (чжу бянь). Чжунго миньцзу лилунь байнянь фачжань: 1900-1999 [Сто лет развития китайской национальной теории: 1900-1999]. Шэньян: Ляонин Миньцзу Чубаньшэ, 2008. С. 45-89. (金炳镐（主编）.《中国民族理论百年发展：1900-1999》，沈阳：辽宁民族出版社 2008 年版). (на кит. яз.); Мацумото Масуми. Чжунго миньцзу чжэнцэ чжи яньцзю: и Цинмо чжи 1945 Нянь Дэ Миньцзулунь Вэй Чжунсинь [Исследование национальной политики Китая: с акцентом на «теории нации» с конца династии Цин до 1945 года]. Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 2003. С. 56-64. (松本真澄.《中国民族政策之研究——以清末至 1945 年的“民族论”为中心》. 北京：民族出版社 2003) (на кит. яз.); Инь Чжигуан. Чжэнчжи шицзянь чжун дэ “Чжунхуа миньцзу” гуаньнянь: Цун лисянь дао гэмин Чжунго дэ сань чжун цзычжи [Идея «китайской нации» в политической практике: три модели автономии от конституционализма до революционного Китая] // Legal Theory. 2018. URL: https://www.legal-theory.org/?mod=info&act=view&id=23796 (дата обращения: 07.10.2024). (殷之光.《政治实践中的“中华民族”观念：从立宪到革命中国的三种自治》// Legal Theory. 2018) (на кит. яз.).

[572] Москалёв А. А., Богословский̆ В. А. Национальный̆ вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 11–12.

[573] Там же. С. 11.

с ханьцами ради спасения Китая и китайской нации, принося в жертву их самобытность и стремление к суверенитету[574].

В Синьцзяне восприятие этой идеи было связано с действующей властью. После Синьхайской революции губернатором провинции был поставлен Ян Цзэнсинь (годы правления: 1911–1928). В целом он поддерживал дружественные отношения с Российской империей, а затем и новой советской властью. При его управлении в регионе функционировало российское, а затем и советские консульства, поддерживалась весьма активная приграничная торговля[575]. На фоне нестабильности внутри Китая Ян Цзэнсинь сумел сконцентрировать личную власть в регионе и фактически стал полунезависимым правителем Синьцзяна. При этом он продолжал исповедовать принцип единого китайского государства, оставаясь сторонником власти ханьцев в регионе.

Важным для народов края был ряд его политических действий. Ян Цзэнсинь отстранил от участия в управлении на местах неханьцев в лице хаким-беков и беков, управление округами было передано ханьским даоиням, уездными начальниками также стали ханьцы. В сельской низовой администрации власть сохранялась за представителями местных мусульманских общин, но общие ограничения свидетельствовали об упрочении ханьской власти[576].

Инструментом китаизации населения рассматривалась армия, в которую в Синьцзяне набирались неханьцы [577] . На практике реализовывалась тактика дифференциации использования неханьских воинских частей. Например, в Кашгарии, где доминировали уйгуры, службу несли дунгане и, напротив, в городах с

---

[574] Грачева Ю. А. Особенности положения народа наси в Китае: история и современность: дис. … канд. истор. наук: 07.00.03. М., 2019. С. 62–63.

[575] Хао Цзяньин. Миньго шици гуаньюй Чжунго Синьцзян дуй вай гуаньси яньцзю [Исследование внешних отношений Синьцзяна в период Китайской Республики] : Phd. – Сиань : Shaanxi Normal University, 2012. (郝建英.《民国时期关于中国新疆对外关系的研究》博士学位论文) С. 37–40.(на кит. яз.).

[576] Фесенко П. И. История Синь-Цзяна. М. : МИВ, 1935. С. 250–253.

[577] Москалёв А. А., Богословский. В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 35–36.

преобладавшим дунганским населением – уйгуры. Также осуществлялись мероприятия по ограничению обучения на национальных языках. Закрывались местные мусульманские школы (за исключением начальных), стимулировалось изучение китайского языка[578]. Это вело к постепенному формированию негативных настроений в местных сообществах. В 1912 году вспыхнуло Кумульское восстание (известное также как восстание в Хами), в 1918 году – восстание в Куче. Причинами обоих восстаний стало тяжелое социально-экономическое положение уйгурского крестьянства и недовольство управлением ханьцев[579].

В российских политико-административных кругах также существовал ряд проектов, направленных на более серьезную адаптацию и включение населения Западного Туркестана в состав империи. Вес и значение «исламского фактора» выражались не только в росте числа подданных мусульман, но и во внешней политике: влияние России на северные территории Ирана, войны с Османской империей, попытки использовать этноконфессиональный фактор недружественными странами, особенно в ходе русско-японской и Первой мировой войн. Измерение национального в Азиатской части России определялось «инородческими» вопросами: «мусульманским» и «еврейским». Дополняла их также проблема, вызванная переселенческой политикой в новых областях империи – земельный вопрос имел прямую связь с национальным. Специфика российского государства определяла национальное во многих окраинах в первую очередь через призму религии. По замечанию академика В. В. Бартольда, «национальное» и «религиозное» были идентичны[580].

---

[578] Там же. С. 250–253.

[579] Мяо Пушэн, Тянь Вэйцзян. Синьцзян шиган [Очерк истории Синьцзяна]. Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 120-180. (苗普生,田卫疆.《新疆史纲》新疆人民出版社, 2004) (на кит. яз.).

[580] Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата // Бартольд В. В. Сочинения. М. : изд-во «Наука» гл. ред. восточной литер., 1966. Т. VI. С. 364–368.

Мусульманская община, находясь под управлением имперской администрации, прошла путь от отсутствия какой-либо внешней регламентации до создания конкретных институтов управления.

Система управления мусульманами России подробно описана в работах Д. Ю. Арапова[581], а также в ряде работ Д. В. Васильева[582], Т. В. Котюковой[583], П. К. Дашковского[584] и др. отечественных и зарубежных авторов[585]. Особый исследовательский интерес проявился к изучению деятельности генерал-губернаторов Туркестана и их позиционирования ислама, системы управления исламом в Российской империи и решений сопутствующих вопросов.

Начиная с правления Екатерины II, можно говорить о постепенном укреплении значения мусульманского вопроса внутри империи. Тогда по Указу 17 июня 1773 года ислам получил статус «терпимой» религии, разрешалось строительство мечетей, а православные священнослужители не могли вмешиваться в вопросы, связанные с шариатом[586]. С 1810 года была создана светская система контроля – Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Помимо этого, «мусульманский вопрос» находился в ведении Министерства иностранных дел,

---

[581] Арапов Д. Ю. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1.

[582] Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015; Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018.

[583] Котюкова Т. В. Окраина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы / Институт всеобщей истории РАН. М. : НПК, 2016; Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.): [монография] / М-во образования и науки Российской Федерации, Российский гос. ун-т туризма и сервиса, Ин-т сервиса (г. Москвы) (Фил.). М. : Энтер-Графико, 2008.

[584] Дашковскиĭ П. К., Шершнёва Е. А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западноĭ Сибири в контексте государственно-конфессиональноĭ политики во второĭ половине XIX – начале XX в.: монография / науч. ред. Т. Г. Недзелюк. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2020.

[585] Carrère d'Encausse H. Islam and the Russian Empire: Reform a. revolution in Central Asia / Hélène Carrère d'Encausse; Préf. by Maxime Rodinson; Transl. by Quintin Hoare. London : Tauris, Cop. 1988 (на франц. яз.).

[586] Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX. С. 774–777.

Военного министерства, МВД, Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и, конечно же, региональной администрации в лице генерал-губернаторов и чиновников на местах, чьей общей задачей являлась «мягкая» инкорпорация подданных мусульман в структуры Российской империи. При Екатерине II произошла фактическая смена понятия «иноверца» на «инородца», которая вместе с общим подходом к исламу как терпимой религии позволила мусульманам активно инкорпорироваться в состав властных органов, среди них появились генералы, князья, высокопоставленные чиновники и пр.[587]

Однако проблема институционализации так и не была завершена, в первую очередь потому, что в Туркестанском генерал-губернаторстве не было создано духовного управления[588]. В историографии это объяснялось разным видением управления мусульманами региона, позициями генерал-губернаторов и др.[589] Пугала власть и возможность консолидации мусульман Туркестана. В качестве особого фактора указывалось влияние иностранных проповедников и эмиссаров на местных мусульман. Перед администрацией на местах была поставлена задача недопущения ухода деятельности духовенства из-под российского контроля.

После присоединения к Российской империи помимо создания на местном уровне новых управленческих структур вводились и новые законоположения, касавшиеся мусульман. Так, в 1857 году был издан «Устав духовных дел иностранных вероисповеданий»[590]. Он определил правовой статус инородцев в империи, встраивая мусульманское духовенство в систему официальных институтов.

---

[587] Ярков А. П. «Иноземцы», «иноверцы», «инородцы» в Азиатской части России // Евразийство и мир. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inozemtsy-inovertsy-inorodtsy-v-aziatskoy-chasti-rossii (дата обращения: 27.05.2024).

[588] Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1825–1881]. Т. 47. Ч. 1. СПб., 1875. С. 379.

[589] Васильев Д. В. Мусульманская политика российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 117–126.

[590] Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857.

Для администрации «исламский фактор» воспринимался во многом в контексте внешнеполитического соперничества. С 1848 года власти пытались запретить въезд иностранного духовенства, вообще всякое сношение с иностранцами воспринималось негативно. Так, в одном из агентурных донесений по Семиреченскоǐ области о мусульманском движении, датированным декабрем 1910 года, говорилось о деятельности османского подданного Ишана Сеид Эфенди, который оказался в г. Верном в ноябре того же года и производил сборы пожертвований с благотворительной целью – оказывать денежную поддержку паломникам, прибывающим в Мекку и Медину. Постоянным местом жительства Сеида была Медина. В 1906–1907 годах он разъезжал по Семиреченской области с целью сбора пожертвованиǐ и «собрал крупную сумму» [591] . По заявлению начальника Пишпекского уезда, Ишан Сеид Эфенди был образованным, объезжал селения Семиреченской области, давая указания и разъяснения по толкованию Корана. Себя называл потомком пророка. Администрация заняла позицию наблюдателя «вообще за всеми турецко-подданными, прибывающими для сношения с [местным] мусульманским населением»[592].

Кратко стоит описать позиции нескольких генерал-губернаторов края, каждый из которых по-своему подходил к решению указанной проблемы. К. П. фон Кауфман (1867–1882), например, считал важным осуществление мероприятий в рамках политики «игнорирования» ислама. При этом он вывел Туркестан из-под управления Оренбургского духовного управления, а исследовательская деятельность при Кауфмане дала возможность сформировать представление об этноконфессиональном составе региона. В последующем его позиция трансформировалась, ислам стал рассматриваться с большим вниманием и даже подозрением. Его приемник М. Г. Черняев (1882–1884) пытался создать местное духовное управление, при нем даже действовала специальная комиссия по подготовке проекта «Правил об

[591] ГА РФ, Ф. 102. Оп. 74. Д. 240. Ч. 84. Л. 1–2.
[592] Там же.

устройстве Духовного управления и учебной части мусульман Туркестанского края»[593]. Реализация проекта оказалась невозможной, поскольку новое Положение об управлении Туркестанским краем, введенное в 1886 году, не включало статьи о контроле над исламским духовенством. Другой подход был характерен для генерал-губернатора С. М. Духовского (1898–1901). Для него покорность мусульман была шаткой, свидетельством чего служило вспыхнувшее в 1898 году Андижанское восстание[594]. В представлении Духовского мусульмане идут на войну изначально с целью отстоять свою веру, а настойчивое продвижение западной цивилизации в пределы азиатских областей только пробуждает в мусульманах дух сопротивления[595]. В его размышлениях речь идет об общемусульманских действиях против других цивилизаций, в качестве примера Духовский рассматривал ситуацию в Восточном Туркестане[596].

После Андижанского восстания администрация подготовила ряд предложений по регулированию мусульманского вопроса в Туркестане. Корпус источников по данному вопросу хранится в фонде 147 «Среднеазиатский стол» Архива внешней политики России в деле «По возбужденному Туркестанским генерал-губернатором вопросу о пересмотре узаконений, касающихся мусульманского духовного управления» (1900 год)[597]. Причина коренного перелома, как уже было подчеркнуто, лежала в беспорядках в Андижане, из которых администрацией генерал-губернатора С. М. Духовского, а также центральным правительством были сделаны

---

[593] РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1191, 1294, 1372, 1457.

[594] Восстание вспыхнуло 17 мая 1898 года среди местных жителей Андижана против российских властей. Организатор восстания – Дукчи-ишан – планировал объединение центров Ферганской области и изгнание русских из региона.

[595] Ислам в Туркестане: Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора Духовского. Ташкент, 1899.

[596] Воробьева Е. И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02: защищена 10.06.1999: утв. 15.09.1999 / Воробьева Елена Ивановна. СПб., 1999. С. 38–39.

[597] Арапов Д. Ю., Васильев Д. В. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1.

выводы об «излишнем игнорировании ислама». Недостаток надзора за делами мусульман и невозможность проводить последовательную антиисламскую административную линию свидетельствовали о целесообразности создания Туркестанского духовного правления. Это мнение было передано в Департамент иностранных исповеданий Министерства внутренних дел 17 сентября 1898 года[598]. В итоговом варианте проект Положения включил основные цели и мотивы издания положения, а также части, посвященные управлению мусульманскими учебными заведениями и вакуфами[599]. Реализация проекта отошла на второй план в связи с началом Первой мировой войны и последующими событиями внутри Российской империи: восстанием 1916 года, двумя революциями 1917 года и Гражданской войной.

Другой причиной задержки реализации подобного проекта являлись споры вокруг контролирующего органа – МВД и Военное министерство по-разному относились к региональным вопросам. Однако ни правительство, ни местная администрация одинаково не могли полагаться на консерватизм и устойчивость туркестанского мусульманского духовенства, что приводило к усилению контроля за деятельностью исламских конфессиональных школ в Туркестане. В августе 1909 года генерал-губернатором Самсоновым был издан приказ о проведении регистрации всех мусульманских школ и усилении наблюдения за ними. Подобные проекты находились в русле противодействия панисламистским течениям. Продолжением этих действий служило издание циркуляра о единстве национального происхождения учеников и преподавателей в мусульманских мектебах, и очевидно он был направлен против татарского джадидизма[600].

---

[598] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 2–7. Подлинник. Машинопись. Цит. по: Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1.

[599] АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 1267. Л. 8–10. Копия. Машинопись. Цит. по: Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1.

[600] Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственое управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 298–299.

Другим важным проектом в сфере адаптации мусульман был проект Н. И. Ильминского, предполагавший включение инородческого населения в общеимперское культурное пространство через его христианизацию, введение церковного богослужения и преподавания светских дисциплин в русско-туземных школах на национальных языках.

Николай Иванович Ильминский (1822–1892) являлся востоковедом [601] и педагогом. По итогам своих научных экспедиций на Ближний Восток стал преподавателем «противомусульманского отделения» Казанской духовной академии, ввел свою систему, которая базировалась на идее о смене веры среди мусульман Поволжья, Степного края, Средней Азии и Сибири. В основе системы лежала задача просвещения мусульман региона в первую очередь на уровне начальной школы[602].

Он писал о значении местного языка: «Потом судьба занесла меня в кочевья киргизов (казахов. – *примеч. автора*), народа кочевого, следовательно, по-нашему – полудикого, стоящего на самой низкой степени гражданственности. Грамотный киргиз – редкость, но за всем тем я с изумлением замечал в них хороших говорунов и даже импровизаторов. Это уже решительно расположило меня в пользу народного языка»[603]. Но для Центральной Азии проект по христианизациии мусульман был второстепенным, основная же задача заключалась в создании системы контроля над духовными делами мусульман. Исламский закон регламентировал жизнь общины, его институционализация помогала установлению контроля российской администрации над массой населения Туркестана[604].

---

[601] Важнейшим вкладом Ильминского в отечественную тюркологию являлось издание им рукописи «Бабур-наме» на чагатайском языке.

[602] Неизданное письмо Н. И. Ильминского о способах обучения инородцев; предисл. С. Рыбаков. СПб. : Синод. тип., 1900. С. 4–6.

[603] Там же. С. 7.

[604] Арапов Д. Ю. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1.

Похожий проект предлагал и исламовед Н. П. Остроумов[605]. В его глазах главным противником в процессе успешной интеграции населения региона в состав Российской империи была мусульманская религия. Он предлагал бороться с ней путем активного православного миссионерства. Поддерживая идеи своего учителя Н. И. Ильминского, он видел в исламе крайне опасного соперника, ссылаясь в своей аргументации даже на весьма популярное в российском обществе того периода мнение о вероятной грядущей исламизации Китая, сформировавшееся во многом под воздействием событий в Восточном Туркестане[606].

Нерешенность мусульманского вопроса оказала серьезное влияние на трансформацию политической культуры. Толчком развития этого процесса стал Манифест 17 октября 1905 года об усовершенствовании государственного порядка, легализовавший помимо прочего участие мусульман в политической жизни империи. Провозглашение Манифеста открыло возможность мусульманам заявлять о своих правах через институт Государственной думы, где образовалась Мусульманская фракция, включаться в работу общероссийских политических и даже создавать собственные партии на региональной, этнической и конфессиональной основах и легально участвовать в политической жизни государства в других формах[607]. Открывшиеся возможности интенсифицировали политизацию элит и весьма быстро привели к формированию конкретных политических требований, включавших идеи о совершенствовании принципов управления поликонфессиональным населением России.

Для Туркестанского генерал-губернаторства, Бухарского эмирата и Хивинского ханства в разной степени это означало уменьшение дистанции между окраиной и

---

[605] Алексеев И. К проблеме культурного диалога: ислам и казанское миссионерское исламоведение // сост. Р. М. Мухаметшин. Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.). Казань : Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2004. С. 46–49.

[606] Там же.

[607] Манифест 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm (дата обращения: 05.04.2023).

центром, а также расширение возможностей политического участия. Направление модернизации по образцу европейских государств способствовало созданию партийной структуры и развитию института «представительства», при этом национальная политика все еще была связана с чередой религиозных вопросов: еврейским, мусульманским и т.д.

В сфере научного знания, по мнению профессора Манчестерского университета В. Тольц, была создана научная школа со своей оригинальной методологией в лице последователей барона В. Р. Розена [608] . Изучение нехристианских конфессий опиралось на представления европейской науки, но при этом в своих исследованиях российские ученые зачастую уходили от привычной дихотомии «Восток и Запад»[609]. Российским востоковедением был изучен огромный комплекс архивных источников, составлена историческая хронология и введено в научный оборот множество терминов. И если изначально интерес к восточным окраинам носил практический характер, то последующее изучение региона послужило базой бурного развития академической деятельности и создало фундаментальную востоковедную науку. В Санкт-Петербурге и Казани, в Лазаревском институте восточных языков в Москве со второй половины XIX века шло преподавание арабского, персидского и «турецко-татарского» языков. Возникали востоковедческие школы и на окраинах Российской империи того времени[610].

Исследователи пытались объективно изучить особенности исламской цивилизации, но идея о враждебности ислама, а также невозможности совмещения западного просвещения и «магометанства» присутствовала в публичном поле[611].

---

[608] Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период / перевод с английского. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 14–18.

[609] Там же.

[610] Востоковедение в Центральной Евразии: восемь путей развития: коллективная монография. М. : МГИМО, ИВ РАН, 2024. С. 81.

[611] Остроумов Н. П. Коран и прогресс: По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Издание А. Л. Кирснера. Ташкент : Тип. Штаба Турк. воен. округа, 1901.

Можно заключить, что объединяющим российский и китайский подходы в начале XX века был ряд специфических факторов. И Россия, и Китай проводили переселенческую политику в регион. При этом Цинская династия больше уделяла внимания размещению немусульманских войсковых частей в Синьцзяне, а российская власть к этому моменту уже проводила мероприятия по крестьянскому переселению в Западном Туркестане[612]. Однако мусульманское население Восточного и Западного Туркестана составляло в регионах абсолютное большинство, с чем необходимо было считаться обеим администрациям. Мусульмане проживали в областях, с одной стороны, находившихся в отдалении от имперского центра, а с другой, имевших важное значение и в имперской, и в новой республиканской политике. Власти стремились к сохранению своих территорий: новое руководство Китая после Цин занялось вопросом доктринального осмысления многонационального состава республики, однако скорее доминировал учет интересов ханьцев. Российская империя, а потом Временное правительство и советская власть также стремились к сохранению территории, где к этому времени активно развивались процессы распространения новых политических идей, которые по-разному интерпретировались различными социальными слоями и этноконфессиональными группами. К этим факторам можно добавить и рост общей политической осознанности. В Восточном Туркестане она выражалась в серии восстаний, постоянном пассивном сопротивлении власти ханьцев, стремлении к независимому положению. На пространстве Российской империи появлялись проекты, которые подразумевали и отделение, и приобретение автономного статуса, но в отличие от Китая для российских подданных – мусульман – существовало больше легальных путей отстаивать свои права. Государственная

[612] См.: Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. С. 197, 208, 212; Котюкова Т. В. Проблемы российской переселенческой политики в Туркестане в начале XX века // ВИЖ. 2010. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rossiyskoy-pereselencheskoy-politiki-v-turkestane-v-nachale-hh-veka (дата обращения: 10.03.2022).

дума подразумевала участие представителей Западного Туркестана в решении общегосударственных и региональных вопросов.

Отличия подходов России и Китая проявлялись в так называемом модернизационном эффекте, который привнесла с собой российская администрация. Синьцзян для Китая в этот период все-таки был в первую очередь податной территорией, несшей тяжелое налоговое бремя. Китайская сторона предлагала китаизацию населения, поощряла изучение китайского языка. Российский подход был другим: здесь также было имперское налогообложение, законодательно и административно ограничивалась самостоятельность края и этноконфессиональных групп, в то же время параллельно трансформировались и росли города региона, появлялись новые отрасли и рабочие профессии, получили развитие сети русско-туземных и новометодных школ; местная элита обучалась в российских учебных учреждениях, получив весьма широкие возможности занимать должности в администрациях уездов, областей и даже отправлять должности губернского уровня, осуществлять представительство в высшем законодательном органе страны. Китай же в Синьцзяне придерживался политики ограничения образования. Например, только начальное мусульманское образование сохранялось, а далее национальное (уйгурское или дунганское) было ограничено. При Ян Цзэнсине неханьское население фактически было отстранено от управления, сохранив позиции только на низовом уровне.

Важным базисом в решении национального вопроса становилось накопление знаний, чему российская администрация уделяла значительно большее внимание, чем правительственные круги цинской и китайской республиканской администрации. Развитие этнографии и востоковедения оказывало влияние на процессы эволюции этнического самосознания. Более того, отечественная наука имперского периода в значительной степени заложила фундамент последующего национального строительства в Туркестане.

Таким образом, трансформация этнокультурной идентичности и этнополитики в отношении уйгуров и дунган в начале XX века происходили в России и Китае в разных условиях. В значительной мере эти процессы определялись действиями сначала имперских, а затем республиканских властей. Качественная трансформация политической системы, политической культуры в России привела к появлению мусульманского варианта идеологии модернизации, выражением которого для населения Туркестанского края стал джадидизм. Параллельно развивались проекты решения национального вопроса, которые выдвигались общероссийскими и региональными партиями.

2.2. Локальное осмысление национального: джадидские изыскания

Процесс поиска путей модернизации жизни мусульман региона был связан с действиями российской администрации и деятельностью татарской общины. Изменения в конце XIX-го – начале XX века коснулись всех мусульманских народов Западного Туркестана, постепенно проникнув и в жизнь Восточного.

Важнейшую роль в этом поиске сыграл джадидизм. Как явление он возник в идеях крымского татарина Исмаила Гаспринского[613] в 80-х годах XIX века, а после распространился на территории Кавказа, Урало-Поволжья, Западной Сибири, к концу XIX века проникнув и в Западный Туркестан. Изначально джадидизм, или «усул-и-джадид», предполагал модернизацию образования. Появление новометодных школ стало опорным для модернизации жизни мусульманской общины. На территории

[613] Исмаил Гаспринский (1851–1914) – крымско-татарский общественный деятель, основоположник джадидизма, просветитель, автор концепции «единства языка, действий и мысли» тюркских народов. См.: Рощин М. Ю. Гаспринский // Большая российская энциклопедия. Т. 6. М., 2006, С. 425. В общемусульманском контексте основоположником модернизации ислама принято считать Джамаль ад-Дина аль-Афгани, который выступал за пробуждение исламского мира и его консолидацию. См.: Keddie Nikki R. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyid Jamal ad-Din «al-Afghani». University of California Press, 1983 (на англ. яз.).

среднеазиатских ханств он сыграл особую роль, выйдя за пределы только культурного феномена, джадидизм стал опорой для различных политических идей[614].

Новометодные школы были популярны среди мусульман, особенно на фоне так называемых старометодных мусульманских школ, где длительное время уделялось изучению азов, к тому же практически отсутствовали светские предметы. Новометодный формат предлагал сохранение мусульманского образования с введением светских предметов (русского языка, арифметики и пр.). Развитие сети новометодных школ не могло не столкнуться с необходимостью включения национальных языков, поэтому появились различные национальные, например, таранчинские, дунганские, новометодные учреждения. К примеру, в Токмаке работала школа «Экбаль» [615] . Следует отметить, что параллельно с ростом новометодных росло число и русско-туземных школ, где обязательными были русский язык, светские предметы, а также основы мусульманской религии. Первая из них появилась в Ташкенте в 1884 году. В 1911 году их было уже 89[616]. Для сравнения: число новометодных школ к этому времени было около 50, а первые из них возникли на рубеже XIX–XX веков[617].

В статье Абдусематова за 1911 год отмечалась значимость модернизации, недоступной для массы китайских подданных. Он подчеркивал, что, скорее всего, ни в одной из цивилизованных стран Европы мусульмане не имели такой же свободы (говоря о китайском Туркестане. – *примеч. автора*), но при этом мусульмане не имели нормальной системы образования. В начале XX века китайцами были открыты

---

[614] Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000. С. 6–14.

[615] Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023. С. 159–161.

[616] Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. С. 135–137.

[617] Алихожиев М. О., Тажимирзаев Э. А. Джадидизм в Туркестане и просветительская деятельность джадидов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. № 32. С. 73.

«шутаны» (начальные школы. – *примеч. автора*), их количество в соотношении с населением было крайне незначительно, и они были на китайском языке[618].

В Синьцзяне джадидизм также получил распространение, особенно активно — на рубеже XIX–XX веков благодаря торговой деятельности татар и переселенцам из Западного Туркестана, принесшим джадидские идеи в Восточный Туркестан. Подобно Западному Туркестану, в Синьцзяне доминировала исламская система образования, которая по классическому образцу предполагала перечитывание и совершенствование знания Корана с последующим повышением уровня сложности. Параллельно ощущалось влияние китайской действительности: в условиях реформ «политики самоусиления» в Синьцзяне, как и в других провинциях Цинской империи, происходил пересмотр образовательной системы[619]. Однако для мусульманского и тюркоязычного Синьцзяна ближе и понятнее были идеи, которые приходили из Западного Туркестана. Обновление образования и у джадидов, и в китайской среде предполагало введение актуальных для эпохи предметов: для джадидов – изменение подхода к догматическим текстам, введение светских предметов, а внутри новой системы образования в Китае с 60-х годов XIX века создавались профильные учебные заведения, вводились западные науки и языки[620]. В этом отношении российские и китайские реформы в области образования были схожи, протекая практически параллельно.

Стимулом к изменениям, в том числе в образовании, для цинских властей в этот период являлся проигрыш в Опиумной войне. Это событие влияло и на Синьцзян, но также актуальной повесткой для местных являлись изменения, которые происходили на территории Западного Туркестана. Так, упомянутый выше Вали Ахунд Юлдашев

---

[618] Шура. 1911. № 20. С. 617–618.

[619] Непомнин О. Е. История Китая: эпоха Цин, XVII – нач. XX в. М. : Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2005. С. 451–461.

[620] Рахметулла А. Синьцзян Вэйуэрцзу Чжайцзидэ Цзяоюй Яньцзю [Исследование джадидского образования уйгуров в Синьцзяне]: Шоши суэ вэй луньвэнь / Синьцзян Шифань Дасюэ [Синьцзянский педагогический университет]. Улумуци, 2009. С. 11-12. (热合木吐拉·艾山《新疆维吾尔族扎吉德教育研究(硕士学位论文,新疆师范大》, 2009) (на кит. яз.).

использовал свои связи с Восточным Туркестаном не только для реализации коммерческой деятельности, но и для распространения новых знаний и литературы. Мамет Ахан, Хасим Эфенди, известный как «Хасим из Тяньцзиня», братья Мамут Якуб и Бахауддин Ахун и другие, вдохновившись джадидскими идеями, стали строить проект новой школы, который получил широкую поддержку уйгурской интеллигенции[621]. Школа была основана в 1885 году в Хотане и названа в честь братьев «Юйшань Исламская школа». Система образования в ней предполагала использование местной традиции и внедрение методов обучения, заимствованных из Крыма, Казани, Уфы и Самарканда. В школе были внедрены поурочная система обучения, разделение по возрасту и уровню знаний, проводилось обучение девочек. Эта школа стала уникальным примером соединения традиции и модернистских идей, являлась примером одной из первых джадидских школ Синьцзяна, не будучи в то же время прямой калькой поволжских и туркестанских новометодных школ. Работали и другие школы. Например, с 1894 года действовала «школа в стиле Тяньцзиня», школа при мавзолее в Илийском районе и др.[622]

После наделения манчжурскими властями Синьцзяна статусом провинции ставилась задача «окитаить» детей уйгурской элиты, включить их в управленческий аппарат, сократив издержки на само содержание этого аппарата. Цзо Цзунтан считал важнейшим средством к этому развитие конфуцианских академий (начальных школ с обучением на китайском языке), где бы обучались дети мусульман. Выпускники этих школ получали приоритет при наборе на административные должности низовой администрации. Учащиеся обязывались не только говорить по-китайски, но и носить китайскую одежду и отращивать длинную косу; «им давали назидательные китайские имена — такие, как Туй Далунь („продвинулся в изучении великих Аналектов“), Ай Сюэшу („любит читать“) или Хань Синсюэ („начинающий обучение по-китайски“)». Большинство уйгурского населения относилось к таким школам с недоверием, более

[621] Там же. С. 13–14.
[622] Там же. С. 14–16.

того, ученики часто подвергались остракизму в уйгурских общинах и даже в собственных семьях. Показательно следующее свидетельство: одному из учащихся «не дозволялось войти в родной дом, пока он не переоденется, и что мать не любила и не ласкала его, так как не могла преодолеть отвращение к его длинным волосам». В противовес конфуцианским академиям набирали широкую популярность «усули джадид» — новометодные школы[623].

Так же как в Западном, татарские предприниматели создавали новометодные школы и в Восточном Туркестане. Здесь наряду с татарами учились и дети уйгур, киргизов, казахов и др. Татарские школы существовали в Урумчи, Кульдже и ряде других городов. Помимо финансирования школы обеспечивались преподавателями, среди которых были в том числе женщины, и учебными пособиями. В 1913 году руководитель одного из известнейших джадидских медресе поволжского региона Габдулла Буби создал новометодную школу в Кульдже[624]. Следует понимать, что в начале XX века этнодемографическая ситуация в Восточном Туркестане существенно отличалась от предшествующих периодов. Период присутствия российских властей и полученные позднее по Санкт-Петербургскому договору привилегии способствовали росту представителей российского капитала в Синьцзяне. Весьма значительную часть населения ряда городов с 1880-х годов составляли «российские мусульмане». В той же Кульдже в 1908 году проживали 1650 китайцев, 16 453 уйгура и около 5300 «российских мусульман»[625], то есть около четверти населения города были

---

[623] См.: Hamada M. La transmis sion du movement nationalist au Turkestan oriental (Xinjiang) // Central Asian Studies, 1990. Vol. 9. No. 1. P. 29–48 (на англ. яз.); Smith J. Four Generations of Uyghurs: The Shift towards Ethnopolitical Ideologies among Xinjiang's Youth // Inner Asia. 2000. Vol. 2. No. 2. Special Issue: Xinjiang. P. 209, 215 (на англ. яз.); Миллуорд Дж. А. Современный Синьцзян в исторической перспективе // Вестник Евразии. 2001. № 2. С. 77–78.

[624] Муртазина Л. Р. «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов // Minbar. Islamic Studies. Т. 15. 2022. № 3. С. 642.

[625] Ицзян цзицзай [Собрание сведений об области Или] // Циндай Синьцзян сицзянь шиляо хуэйцзи. Бэйцзин : Цюаньго тушугуань вэньсянь совэй фучжи чжунсинь [Серия китайских историко-географических материалов. Пекин: Центр воспроизведения микрофильмов Национальной библиотеки Китая], 1982. № 30, С. 91-102. (《伊江集载》//清代新疆稀见史料汇辑. 北京: 全国图书馆文献缩微复制中心）(на кит. яз.).

выходцами из Российской империи. В Кульдже был образован татарский квартал – ногай махалля. Многочисленные группы татар проживали в Урумчи и Чугучаке, где в новометодных школах обучались представители различных этнических групп, в том числе дунгане и уйгуры. Учитывая торгово-ростовщическую направленность основного вида деятельности «российского мусульманского» населения, этнический состав (значительная доля татарского населения), можно предположить, что, как и в Российской империи, в их среде уровень распространения идей джадидизма был значительно выше среднего. Понятно, что новометодное образование, а позднее и политические взгляды джадидов в значительной степени в среду восточно-туркестанского населения привносились именно «российскими мусульманами».

В 1905 году на фоне роста новометодных школ в Турфане был открыт «Общенациональный комитет по реформам образования», деятельность которого предполагала расширение представительства школ в новом формате. Модернизация продолжалась вплоть до конца 1920-х годов, когда в связи с пересмотром общего подхода к Синьцзяну и определением республиканским правительством задачи его сохранения внутри Китая в регионе происходило постепенное ограничение модернистских течений школьного образования[626].

Огромное значение в развитии джадидского образования сыграла благотворительность. Помимо крупных городов, таких как Ташкент, в отдаленных районах Туркестана происходила самоорганизация различных образовательных и благотворительных обществ. Так, в 1909 году в Семиреченской области функционировало «мусульманское просветительское и благотворительное Общество Пржевальского уезда», среди его учредителей были проживавшие в городе Пржевальске (ныне – Каракол) этнические татары З. Тазетдинов, А. Ибрагимов,

[626] Там же. С. 15–18.

узбеки С. Акрамтюряев, Т. Тохтасунов, а также дунганин Ш. Ибрагимов. Деятельность общества подверглась критике и была запрещена[627].

Д. Маджун указывает, что в период до 1917 года в Пржевальском уезде в с. Ирдык действовала мусульманская организация, которая включала в себя прогрессивных представителей из дунганского духовенства (Хусеин ахун, Шарип ахун и др.). Они выступали за введение новометодных предметов и дунганского языка, предлагали переход на европейский стиль одежды. В итоге этой группе удалось открыть новометодный мектеб [628] . Как отмечает в своей диссертации Д. М. Сулейманова, большинство новометодных школ Туркестана, в которых обучались дунгане, финансировались татарами[629].

В одной из первых появившихся на территории современной Северной Киргизии новометодных школ «Экбаль», открытой в 1901 году в Токмаке на деньги местного купца Галия Узбекова, обучались не только дети киргизов, но и татар, узбеков и других этнических групп. В 1908 году здесь обучались 280 учеников, среди которых 9 – дунгане и 5 – кашгарские сарты (уйгуры). Несмотря на то, что дунганские муллы запрещали обучение по новому методу, популярность образования, в том числе джадидского, среди дунган и уйгур возрастала. Следует отметить, что в том же Токмаке в русско-туземной школе не обучалось ни одного дунганина и уйгура, в том числе по причине малой вместимости помещений школы[630]. В первой новометодной

---

[627] Гаффоров Н. У. Деятельность благотворительных обществ среднеазиатских джадидов в сфере народного образования // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (34). С. 110–121.

[628] Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023. С. 160–161.

[629] Сулейманова Д. М. Культурное строительство дунган Кыргызстана: автореф. дис. … канд. истор. наук. Бишкек, 1992. С. 8.

[630] Султаналиев Б. Т. Становление этно-конфессионального мусульманского образования на севере Кыргызстана в конце XIX – начале XX вв. // Minbar. Islamic Studies. Т. 14. 2021. № 2. С. 303–304.

школе в Верном из 18 учеников 14 были татарами, 4 казахами, 1 был уйгуром и 1 кашгарцем[631].

В начале XX века в Семиреченской области было 13 русско-туземных школ, в 8 из которых обучались уйгуры и дунгане[632].

Другие результаты образовательного процесса были связаны с подготовкой конкретных представителей исследуемых этнических групп. Многие лидеры из числа уйгур были выходцами из классических или новометодных медресе, находились в едином образовательном пространстве Западного и Восточного Туркестана. Например, первый президент Тюркской Исламской республики Восточного Туркестана Ходжа Нияз[633] получил образование в традиционной кашгарской медресе «Ханлик», его соратником в период гражданской войны был известный уйгурский советский деятель Абдулла Ахметович Розыбакиев[634], окончивший Верненскую учительскую семинарию. Премьер-министр Тюркской Исламской республики Сабит Абдулбаки Дамулла[635] получил образование в Кашгаре и Бухаре и мог находиться под влиянием идей младобухарцев. Советский деятель, заведующий подотделом национальных меньшинств Джетысуйского обкома Абдуллин Абдулла Алайдинович[636] закончил одногодичные краткосрочные педагогические курсы при школе им. Гаспринского. Бурхан Шахиди (Бао Эрхан), занимавший важнейшие государственные посты в эпоху коммунистического Китая, являлся первым

---

[631] Хисамутдинова А. Первые татарские школы города Верного. URL: https://vernoye-almaty.kz/verny/tatar-school.shtml (дата публикации: 21 октября 2020).

[632] Маджун (Мусарова) Д. С. Исламское образование у дунган Киргизстана и Казахстана: Прошлое и настоящее // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 49.

[633] Forbes A. D. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, England : CUP, 1986. P. 110–148. (на англ. яз.).

[634] Розыбакиев Абдулла Ахметович // Алма-Ата. Энциклопедия / под ред. М. К. Козыбаева. Алма-Ата : Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1983. С. 455.

[635] Forbes A. D. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, England : CUP, 1986. P. 83–128 (на англ. яз.).

[636] Абдуллин (Абдулин) Абдулла Алайдинович // Анкета 2-й Всесоюзной партийной переписи 1926 года за 12.01.27 Цит. по: РГАСПИ Ф. 17. Оп. 9. Д. 930. Л. 203. URL: https://centrasia.org/person.php?st=1261346451 (дата обращения: 03.03.2022).

Председателем народного правительства Синьцзяна, также был выходцем из известной татарской прогрессивной медресе «Мухаммадия», основанной татарским религиозным деятелем, богословом Галимжаном Баруди[637]. Поэтому можно говорить о взаимосвязи регионов через образовательную среду.

Другое значение идей мусульманского обновленчества было связано с общей региональной модернизацией, в частности, экономической и политической. Столкновение с европейской империей (железные дороги, производство, военное производство) демонстрировало отсталость Туркестана, с чем местная элита не хотела мириться. При этом для европейской мысли этого периода природа ислама зачастую воспринималась враждебно, особенно на фоне колониальных достижений. Один из исследователей национализма, французский историк религии Э. Ренан в своем выступлении в 1883 году «Наука и ислам» отметил, что «религия Магомета всегда преследовала науку и философию и под конец задушила их». Он заявлял, что «ислам – это безразличное смешение всего светского с духовным; это владычество догмата, это самые тяжелые цепи, в которые когда-либо человечество было заковано»[638]. В его представлении ислам не мог идти по пути модернистского развития, где наука – основной двигатель прогресса. Российская мысль по-разному представляла исламские сообщества, особенно это касалось внутренних регионов России. Для джадидской мысли, сформированной в модернистском ключе, наука, как и достижения европейской цивилизации, должна была быть внедрена в исламское общество. По мнению джадидов, это гарантировало развитие и сохранение собственной конфессиональной идентичности[639].

---

[637] Бурхан Шахиди — государственный и общественнй деятель, дипломат, ученый, писатель / сост. Р. Исламов, Р. Мингалиев. Казань : Жиен, 2021. С. 14–35.

[638] Ислам и наука. Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в собрании «Научной Французской Ассоциации» (основанной в 1861 г. Леверье), бывшем 29 марта в большом Сорбоннском амфитеатре / перевод – А. Ведрова. СПб. : тип. М. М. Стасюливича, 1883. С. 18–19.

[639] Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь : Тип. Спиро, 1881.

В новой советской историографии джадидизм, возникший изначально как движение по обновлению ислама через трансформацию образовательных методик и форм обучения, создание сети новометодных школ с изучением не только Корана, рассматривался как буржуазное явление, обращенное на поиск новых методов эксплуатации населения[640]. Современные исследования джадидизма рассматривают его в культурной плоскости, в том числе как вариант модернизации исламской мысли, или же в качестве политического проекта, вобравшего в себя положения идеологии панисламизма[641]. Среди известных джадидов, размышлявших о вопросах, связанных с национальным, следует особо отметить работы И. Гаспринского, А. Фитрата[642], М. Бехбуди[643], С. Айни[644] и ряда других авторов.

Исламская общность для Гаспринского рассматривалась через призму языка, культуры, печати, образования. По Гаспринскому, мусульмане Российской империи того периода политически индифферентны и отчуждены[645], поэтому их переход к какой-либо форме «гражданственности» не осмыслялся им внутри уммы. В то же время национальные интересы (согласно Гаспринскому, предопределенные религией) не могли быть полностью вытеснены русским присутствием и православным

---

[640] Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000. С. 3–12.

[641] Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Исследование джадидизма в советской и российской историографии // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. № 4. С. 121–140.

[642] Абдурауф Фитрат (1886–1938) – один из представителей джадидизма в Туркестане, основоположников современной узбекской литературы. См.: Ходжаев Ф. Избранные труды: в 3 т. Т. I. Ташкент: «Фан», 1970. С. 452–454.

[643] Махмудходжа Бехбуди (1875–1919) – один из идеологов и лидеров джадидизма в Туркестане, просветитель. См.: Кадиров М. Подвижник нового мышления Бехбуди (1875–1919) // ORIENSS. 2024. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podvizhnik-novogo-myshleniya-behbudi-1875-1919 (дата обращения: 05.12.2024); Атзамхужаев С. Туркистом мухторняти: Миллий-демократик давлат-чилик курилиши тажрибаси [Туркестанская автономия: опыт строительства национально-демократического государства] / гл. ред. Д. Алимова. Ташкент : «Маънавият», 2000 (на узб. яз.).

[644] Саддридин Айни (1878–1954) – основоположник таджикской советской литературы, один из зачинателей узбекской современной литературы. Принял участие революционных событиях. См.: Брагинский И. С., Хамракулова Х. Д. Айни // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2005. С. 313.

[645] Там же. С. 21.

миссионерством в регионе, поскольку конфессиональная идентичность «настороженно встречает всякую иную религию»[646]. Схожие идеи о формировании нации можно найти в представлениях конструктивистов.

Как уже было отмечено, идентификация дунган и уйгуров в этот период складывалась в первую очередь на основе территориальной, хозяйственной категоризации, а идеи модернистского характера переселенцы воспринимали от мажоритарных групп населения региона. В статье Назарходжи Абдусематова, изданной в 1912 году в журнале «Шура», указывалось, что «тюрки таранчи до сих пор называются в связи со своими исходными городами: кашгарцами, дуланцами, аксунцами, хотанцами, турфанцами», что, безусловно, скорее было связано не с этническими категориями[647].

В уйгурской традиции огромную роль играла печать. Отметим, что со второй половины XIX века в Китае в результате правительственных реформ стали издаваться газеты – официальные печатные органы цинской администрации. Они выходили не только в центре, но и на окраинах. Например, в Или издавалась уйгурская газета «Или вилаятинин газити» (газета Илийского вилоята), читателями которой были собственно уйгуры. Она служила осведомителем для местных жителей о реформах и текущих делах империи, через нее публиковали приказы и важные обращения. Газета выходила вплоть до 1911 года. В Чугучаке издавалась газета на среднем (общетюркском) языке (орта тил), многие муллы местных мечетей были этническими татарами [648] . Похожее направление было развито и в Туркестане – газета Туркестанского вилоята выходила там во второй половине XIX века.

---

[646] Там же. С. 22.

[647] Шура. 1912. № 6. С. 177.

[648] Решетников А. М. Татары в Китае // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-164-0 (дата публикации: 2014). С. 178–179.

Специфической особенностью представления в периодической печати региона в этот период являлось обращение к рукописной литературной традиции. Среди дунган и уйгуров, переселившихся на территорию Западного Туркестана, оставались популярными рукописные списки сочинений поэтов, переплетенные в книги. Они же служили источником и формой приобщения населения к национальной литературе. Например, в конце XIX-го – начале XX века в Семиречье широкую известность получили сочинения поэта Низамдинахуна, который с 1881-шл по 1902 год проживал в г. Джаркенте[649].

Литература и периодика в первой четверти XX века из исключительно административных и творческих рупоров обрели новую функцию – они стали источниками иного политического мышления. В 1911 году в Кульдже выходил журнал «Куряш» («Борьба») на уйгурском языке, посвященный политической жизни Илийского края[650]. Первой же уйгурской газетой в Семиречье стала газата «Садаи таранчи» («Голос таранчей»), которая выполняла функцию печатного органа уйгурско-дунганского национального комитета в 1918 году, еще до установления в регионе советской власти. Газета издавалась литографическим способом, первым ее редактором был Зариф Башири[651]. С укреплением советской власти газета перешла на новую идеологическую платформу. Несмотря на это, было издано всего 6 номеров, после чего выпуск газеты был приостановлен в связи с роспуском комитета[652].

Джадидские изыскания во многом были обращены к истории народа, в своих материалах авторы конструировали происхождение отдельных этнических общностей, это же отражала периодическая печать. Современный уйгурский

---

[649] Ерзин М. Становление и развитие уйгурской советской печати. Алма-Ата : Наука, 1988. С. 26–27.

[650] Там же; С. 28–32.

[651] Зариф Шарафутдинович Башири – татарский советский публицист, писатель. Вел активную публицистическую деятельность, имел прогрессивные взгляды. В 1918–1919 годы являлся заведующим отделом народного образования г. Джаркента.

[652] Ерзин М. Становление и развитие уйгурской советской печати. Алма-Ата : Наука, 1988. С. 27–29.

историограф А. Камалов составил примечательную работу о Назарходже Абдусематове, который в 1922 году выпустил труд «История тюрков-таранчи Или». Фактически эта работа стала первой научной историографией народа в идейном представлении эпохи модерна[653]. Автор описывал эволюцию представлений об уйгурском народе, говоря о жителях китайского Туркестана в 1911 году как о сартах, а в 1922 году – уже как об отдельной региональной группе таранчи[654]. В его исследовании еще не было представления о единстве среди разных этнографических групп Туркестана, но он развивал национальный нарратив. Издавая различные материалы о жизни таранчей, отмечая, например, в статье «Biznin turmush» (пер. с уйгурского «Наша жизнь») то, что уйгуры Туркестана утратили свое самоназвание, ассоциируя себя скорее в качестве сартов[655], Абдусематов, так же как и джадиды, подчеркивал важность периодической печати. Говоря о жителях Синьцзяна, он констатировал, что «у них нет учебных заведений и типографий, которые расширяют мысль и познания, освещают разум нации». Далее в этой же статье он писал: «Вызывает сожаление, что такой большой народ (жители Восточного Туркестана. – *примеч. автора*) не имеет нескольких тысяч приведенных в порядок начальных школ, нескольких национальных газет и типографии»[656].

Для дунган весьма актуальным был вопрос развития собственной письменности, в Китае они использовали иероглифическую систему, в религиозных текстах и мусульманских регионах могли обращаться к арабской графике. При этом существовала и особенная система письма – сяоэрцзин[657]. Она подразумевала запись китайских звуков арабской графикой. В дунганской литературе эта запись могла

---

[653] Kamalov A. Birth of Uyghur National History in Semirech'ye. Näzärγoja Abdusemätov and His Historical Works // Oriente Moderno. No. 96. 2016. P. 181–196 (на англ. яз.).

[654] Там же. P. 193–194.

[655] Там же. P. 188– 189.

[656] Шура. 1911. № 20. С. 617–618.

[657] Завьялова О. И. Язык и культура китайских мусульман-хуэйцзу // Дунгане: история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / сост. М. Р. Мадиван; отв. ред. О. И. Завьялова; Институт восточных рукописей (Азиатский музей) РАН; Институт Дальнего Востока РАН. М. : Наука – Восточная литература, 2017. С. 12–14.

упоминаться как «щёжин»[658]. В 1899 году было выпущено толкование Корана на дунганском языке, написанное в этой графике. В 1916 году на чагатайском языке была выпущена книга «Тарихи тургани» или «История дунган». Отмечается, что ее составлением занимались Эрсыфу Шафур-ахун, Линшонгуй Сулейма (Яншанло), Ма Хэщен и Алтын Гари из города Ташкента. В книге описывалось происхождение дунган от саларов, переселенных Хубилай-ханом в Китай[659].

Весьма важным представляются идеи джадидов об общенациональном. В частности, А. Фитрат обращался к народу Бухары, подчеркивая его единство и необходимость развиваться. При этом он с сожалением отмечал, что местное население «подобно баранам, в каждом отдельном случае подчиняются пастуху, то есть следуют за своими правителями, а я с уверенностью могу сказать, что мы, власть имущие люди, не потратили ни одной минуты из всей своей жизни для блага и счастья народа»[660].

О национальном рассуждал и И. Гаспринский. В «Русском мусульманстве» он указывал, что «хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из нее своем общественном быте имеют весьма крепкую, почти непреодолимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной идентичности»[661].

Рассуждения Фитрата и Гаспринского формулируют две категории самоидентификации, понятной интеллектуалам того периода, – территориальную и

---

[658] См.: Сулейманова Д. М. Культурное строительство дунган Кыргызстана: автореф. дис. … канд. истор. наук. Бишкек, 1992. С. 7; Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек. 2023. С. 153–156.

[659] См.: Сушанло М. Я. У истоков дунганской фонетической письменности // Сб. Ориенталистика в Киргизии. 1987. С. 3–5; Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023. С. 154–157.

[660] Фитрат А. Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть) / пер. с персидского А. Н. Кондратьева; под ред. проф. Д. А. Алимовой. Ташкент, 2007. С. 70–71.

[661] Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь : Спиро, 1881. С. 25–28.

религиозную идентичности, где последняя сращена с гражданской. Гаспринский объяснял сущность мусульманской общины следующим образом: «Всякая такая община представляет собой миниатюрное государство, с прочной связью частей с целым, и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма»[662].

Идеи джадидов о консолидации общества через образование и развитие языка, модернизационный характер движения воспринимались властью как политическое явление. Администрация видела в нем возможный источник сепаратизма национальных окраин. По мнению министра внутренних дел П. А. Столыпина, движение русского мусульманства, руководимого из османской Турции, приняло в тот период «угрожающий историческим задачам русской государственности характер»[663].

Не только государственные, но и многие общественные деятели России того времени с настороженностью относились к распространению идей джадидов. Так, ярым противником джадидской мысли выступал один из первых исследователей Туркестана Н. П. Остроумов. В своих статьях («Мадрасы в Туркестанском крае», «Что такое Коран?»[664] и др.) он указывал на неспособность исламского модернизма к качественным изменениям общества, критиковал изыскания И. Гаспринского и др. Этот подход демонстрировал усиление тенденции русификации национальной периферии империи (особенно в период правления императора Александра III)[665].

Как писал один из сторонников джадидизма, впоследствии один из руководителей младобухарцев и крупный советский деятель – председатель ЦИК и

---

[662] Там же.

[663] Арапов Д. Ю. Записки П. А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Восток. 2003. № 2. С. 125–128.

[664] Остроумов Н. П. Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 7. Январь. Отд. 3. С. 20, 28, 31; Он же. Что такое Коран? // https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Ostroumov/chto-takoe-koran (обращение: 05.12.2024).

[665] Исхаков С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М. : Социально-политическая мысль, 2007. С. 66–67.

СНК Узбекской ССР – Файзулла Убайдуллаевич Ходжаев, джадидизм имел исконно капиталистические цели, поэтому он смог сыграть революционную роль на том этапе развития, однако сам по себе джадидизм не имел достаточной «социальной природы» для того, чтобы быть революционным. Поэтому Ходжаев считал, что среди джадидов неслучайным было «выпячивание вперед не только национальных лозунгов, но и лозунгов панисламизма»[666].

В общей своей массе джадиды были носителями различных политических идей: туркестанские ориентировались на модернизацию, как в остальных частях империи, бухарские апеллировали к младотурецкому движению. Также перед ними стоял вопрос народного представительства в органах власти. В период первой русской революции 1905 года Средняя Азия стала местом притяжения последователей джадидизма[667]: Мунаввар Кары развивал либерально-демократические начинания в Туркестане, Убайдулла Ходжаев – в Ташкенте, Махмудходжи Бехбуди – в Самарканде, Пулат Солиев – в Коканде. Однако действия джадидов пока преимущественно все же концентрировались на сфере образования и языка. Особую роль в джадидских представлениях играла развивавшаяся в тот период весьма активно национальная пресса. Так, в Туркестанском крае появлялись многочисленные газеты: «Осиё» (пер. с тадж. Азия), «Самарканд», «Садои Туркистон» (пер. – «Голос Туркистана») и др.

В 1906 году Бехбуди предложил создание общей мусульманской партии и ее интеграцию в Российский союз мусульман. К 1917 году джадиды предприняли попытки создания собственной политической организации. В ходе Первой мировой войны в регионе возникли партии «Шурои Исломия», «Иттифок» и др.

---

[666] Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней. Азии // Избранные труды: в 3 т. / ред. колл. А. А. Агзамходжаев и др. Т. 1. Ташкент : Фан, 1970 (АН УзССР, Ин-т философии и права АН УзССР, Ин-т истории партии при ЦК КПУз, Ин-т истории АН УзССР). С. 84–86.

[667] Мирза-Ахмедова П., Рашидова Д. К изучению джадидского движения // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 7. С. 33.

Территориально туркестанские джадидские организации были разделены: бухарские джадиды, будучи единственной оппозицией в эмирате, были вне закона и сконцентрировали усилия на образовании и воспитании. Хивинские джадиды действовали легально, но также в основном в школьной сфере. Несмотря на это, а также на свою малочисленность, отсутствие конкретной программы и социальной опоры, последующая организация младохивинцев сумела вынудить хана подписать 5 апреля манифест о созыве меджлиса (парламента), дав импульс политическим реформам. Однако осенью 1917 года лидеры младохивинцев были арестованы и осуждены[668].

Основной задачей среднеазиатских джадидов было создание исламской партии в Туркестане. По мнению Бехбуди, такая организация могла бы отстаивать национальные интересы всех мусульман региона. В итоге национальные интересы закономерно перешли в государственную плоскость. «Национальное» как категория осмыслялось не в этнических терминах, а с учетом конкретных консолидирующих факторов (духовных, хозяйственных и административно-территориальных)[669].

В этот же период «национальными интересами» для дунган и уйгуров являлась необходимость отстаивания своих прав не как переселенцев, а в качестве полноправных подданных империи. Переселение в регион не прекращалось. Так, по материалам ревизии графа К. К. Палена, было известно, что количество выходцев из китайского Туркестана, оказавшихся в Семиречье, составляло 20 тыс. человек, включая в городах – 6569 и в уездах 13 464 человек. Так же как и до этого переселенцы, они наделялись царской властью землей, а те, которые оставались жить в городах, приписывались к городским мещанским обществам и получали от земских управ

---

[668] Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000. С. 9–20.

[669] Туркистон Россия ва Хитой оралиғида [Туркестан между Россией и Китаем] / Др. Боймирза Хайит [Доктор. Баймирза Хаит]. Таржимон: Б. Исабек-Урдабекли. Тақризчилар: Н. Каримов ва бошқ. Масъул мухаррир: Қ. Ражабов. Тошкент: Янги аср авлоди, 2023. С. 307–311, 347–67. *Автор этой работы являлся идеологом тюркского/узбекского национализма, сотрудничал с Третьим рейхом (на узб. яз.).

участки для усадеб. Например, в 1911 году в городе Пишпеке в мещанское общество записалось 746 дунганских семейств, в городе Пржевальске – 707 семейств[670]. Часть этих дунган арендовали землю у местных, большинство же нанимались батраками.

Судьба переселенцев волновала всю местную общину. Один из самых известных выходцев из Восточного Туркестана – купец первой гильдии, устроитель Джаркентской мечети и почетный гражданин г. Верного Вали Ахун Юлдашев (1839–1916) – сыграл значительную роль при переселении части представителей Восточного Туркестана после Илийского кризиса[671]. Будучи удостоенным множества российских наград, он лично присутствовал на коронации Николая II, составив по этому знаменательному дню специальное обращение следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество, Государь Цесаревич! Осчастливленные несказанно представшею ныне возможностью с благоговением приветствовать Ваше Императорское Высочество и прибыв для сего с вожделенно радостным торгом и беспредельной готовностью, из Джаркентского участка, Семиреченской области, с пограничной с Китаем полосы, мы, представители верно преданного и навсегда покорного Великому Белому царю, таранчинского и дунганского народа, всеподданнейше умоляем Ваше Императорское Высочество как Первородного сына нашего Всемилостивейшего монарха, повергнуть к стопам Его Императорского Величества неизменно одушевляющие нас всегда и всюду чувства беспредельной преданности и вечной, непреодолимо верной покорности нашей Великому Белому Царю, облагодетельствовавшему нас, и весь таранчинский и дунганский народ Высоким покровительством при Всемилостивейшем соизволении на принятие в среду

---

[670] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 36; Труды Института языка, литературы и истории КирФАН СССР. 1948. Вып. 2. С. 86.

[671] Kamalov A. Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech'e and the «Atu» massacre of 1918 // The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution; editors Chokobaeva Aminat, et al.1st ed. Manchester University Press, 2020. P. 229 (на англ. яз.).

верноподданных Могучего Русского Царства переселенцев-таранчей и дунган из бывшего Кульджинского района»[672].

Обращение было составлено от лица депутатов от общества таранчей и дунган, из чего можно сделать вывод, что для выходцев из Восточного Туркестана консолидация обеспечивалась компактным проживанием, возможностью вести экономическую деятельность, а также сохранением общей памяти о переселении, а не фактором их этнической принадлежности. Нельзя недооценивать значение мечети как общественного и религиозного института в жизни переселенцев[673]. Для дунган это было особенно выражено в совмещении у мечети различных функций – от правовых и судебных до воспитательных, какой-то период в мечети детей обучали владению мечом, копьем, рукопашному бою и ушу[674]. Консолидирующую роль также играла народная традиция, например, уйгурские общинные мужские собрания – мэшрэп[675].

Особую сознательность дунгане и уйгуры проявили в период кризисного 1916 года. Например, в начале июля 1916 года на Аксуйском джайлоо прошел съезд управителей и почетных лиц киргизских волостей. На этом съезде было оглашено заявление дунганского управителя Николаевской волости Булара Магуева против мобилизации населения на тыловые работы. В итоге было принято решение совместно с результатами съезда в Узунагачской волости направить Булара Магуева во главе делегации в город Верный с ходатайством об отмене призыва[676].

В ходе сопротивления из-за объявленной мобилизации из Семиреченской области 300 тыс. человек (¼ часть населения. – *примеч. автора*) покинули места

---

[672] ГА РФ, Ф. 601. Оп. 1. Д. 685. Л. 1. Адрес представителей Тарангайского и Дунганского народа наследнику великому князю Николаю Александровичу с просьбой о принятии их в русское подданство. Бархатная обложка с шелковой подкладкой.

[673] Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023. С. 148–159.

[674] Там же. С. 147–148.

[675] Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX в.: очерки народного ислама в Туркестане; Ин-т востоковедения. М. : Восточная литература, 2006. С. 117–120.

[676] Согласно донесения старшего чиновника особых поручений Н. А. Прокопова, Булар Магуев еще в 1912 году находился в должности управителя Каракунузской волости. См.: ЦГА РК, Ф. И-44. Оп. 1. Д. 20941. Л. 35–50 об.

проживания[677]. В попытке избежать голода уже в Китае переселенцы из Семиречья стали обращаться в российские консульства в Кашгаре, Чугучаке, Кульдже с просьбами о возвращении на родину. Поэтому миграция в эти годы была явлением постоянным. С установлением советской власти в регионе дунганские переселенцы продолжили направлять прошения о возвращении в Семиречье на «свои» земли. И зачастую получали положительный ответ. Так, с февраля по март 1920 года из Китая в РСФСР уехало 500 семей дунган, в начале 1921 года к ним присоединились еще 165 семей[678].

Эти события оказали серьезное влияние на процесс консолидации общества переселенцев. Отметим, что идеи консолидации преимущественно исходили от интеллектуальной элиты, перенявшей идеи исламских интеллектуалов-реформаторов центральных губерний Российской империи, особенно от казанских татар.

Китайская власть в этот период не была достаточно активной, заботилась о сохранении целостности государства. Вокруг идей о нации или национальном движении в регионе возникали сопряженные течения, как, например, пантюркизм и панисламизм. Модернистские идеи пересекли границу весьма быстро, но были адаптированы населением к специфическим местным условиям несколько позже.

Идеи исламского обновления сыграли важную роль в развитии политического сознания всего мусульманского населения региона. Дунгане и уйгуры Западного Туркестана стали непосредственными участниками джадидского движения, первоначально в качестве части реформирования образовательного процесса. Конечно, на территории Восточного Туркестана существовало традиционное мусульманское образование, но оно было ограничено начальным образованием и не предполагало широкого введения светских предметов. Последователи джадидизма

---

[677] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 44.

[678] Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Известия Саратовского университа. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 404–410.

распространили свои идеи и вне границ Западного Туркестана, в первую очередь в Восточном Туркестане, посредством открытия новометодных школ в Синьцзяне.

Важным следствием модернизационного характера джадидизма стал рост политизации сначала элитарных групп и интеллигенции, а затем и других слоев местного мусульманского населения. В регионе возникли политические проекты и получили популярность их идеологи, предлагавшие собственное видение процессов консолидации как мусульман вообще, так и отдельных этноконфессиональных групп, а также варианты общественно-политической трансформации региона. Нельзя недооценивать значение джадидов в деле формирования национальной историографии, осмысление своего прошлого было весьма популярной темой в печати того периода, оказав воздействие на процесс нациестроительства дунганской и уйгурской общностей. В недрах джадидизма зарождались как идеи нациестроительства, так и пантюркские и панисламистские идеи. Местное туркестанское население оказалось перед выбором пути. Еще более актуальным являлось решение задачи защиты своих интересов, которые в итоге были сформулированы как национальные.

2.3. Туркестанское единство: региональные проекты и их идеологи

Постепенный переход к политическому восприятию категории «нация» и принятие нового типа государства сопровождались революционными событиями в регионе. Национальные интересы народов Западного Туркестана представляли различные партии и объединения, например, партия «Шуро-и-Исламия» (Исламский Совет), младохивинцы и младобухарцы, партия «Алаш». В Восточном Туркестане такую задачу выполнял Илийский революционный комитет, который потом был заменен администрацией Ян Цзэнсиня и последующими губернаторами Синьцзяна, отстаивавшими интересы ханьцев.

Борьба за национальные права в Западном Туркестане продолжалась до провозглашения советской власти и завершения национально-государственного размежевания в Средней Азии, что совпадает с хронологическими рамками

настоящего исследования, а в Восточном продлилась вплоть до появления в 1949 году КНР и образования в ее составе в 1955 году Синьцзян-Уйгурского автономного района, что выходит за хронологические рамки настоящего диссертационного исследования.

Активизация политической борьбы в регионе пришлась на период участия Российской империи в Первой мировой войне, социально-экономические и политические последствия которого коснулись и ее азиатских частей. События в Западном Туркестане начались с крупномасштабного восстания 1916 года. Далее регион был вовлечен в революционные события. Свержение царской власти, появление Временного правительства и его падение, установление советской власти и разгон Учредительного собрания, наконец, последовавшая Гражданская война сказались как на ухудшении социально-экономического положения населения, так и на вовлечении его представителей в политические баталии того времени. Дунгане и уйгуры, так же как и другие народы региона, принимали непосредственное участие в этих событиях.

Более 1000 уйгуров в возрасте от 19 до 43 лет в 1916 году были мобилизованы на строительство фортификационных сооружений и железных дорог[679]. Особую роль сыграл процесс демобилизации населения и прибытие его в города Семиречья и Ферганы. В Верном новоприбывшие попадали под влияние пропаганды местных большевиков и уже сами становились агитаторами, работавшими среди дунганского и уйгурского населения Верненского уезда. Их дальнейшее революционизирование происходило в отрядах. В некоторых из них они составляли большинство. Например, Игнатовский отряд состоял почти целиком из красногвардейцев-дунган, отряд Мамонтова – на 30%. Похожая ситуация была в отрядах Хлебутина, Петренко и др.[680]

---

[679] Уйгуры Казахстана: на пути дружбы и поддержки казахского народа. URL: https://assembly.kz/analitika/uygury-kazakhstana-po-puti-druzhby-i-podderzhki-kazakhskogo-naroda (дата обращения: 14.03.2025).

[680] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 68.

В период двоевластия эти большевистские отряды и представители советской власти на местах призывали свергнуть Временное правительство в Семиречье[681]. На стороне Временного правительства были регулярные части, большая часть казачества и значительная часть элиты местных народов. В то же время значительная часть мигрировавших в Синьцзян после восстания 1916 года дунган и решивших вернуться в Семиречье оказалась в оппозиции местным комиссарам Временного правительства, запрещавшим переселение на прежние места жительства[682].

В период Гражданской войны (1918–1921) Семиречье стало ареной боевых действий между красными и белыми формированиями. Семиреченский фронт был образован в июне 1918 года для противодействия наступающим белогвардейским войскам, в частности, армии атамана Б. В. Анненкова, прибывшей из Семипалатинска в декабре 1918 года. У белогвардейцев было достаточно сторонников среди местного населения, но были и противники, что приводило к усилению противостояния. Ответом на наступление большевиков было создание различных антибольшевистских организаций, например, «Комитета спасения». И все же Красной Армии удалось наладить согласованные действия фронтов и не просто упрочить позиции в Туркестанской АССР, но и расширить сферу своего влияния в соседних ханствах, а потом и в Хорезмской и Бухарской республиках.

Привлечение представителей местных национальностей на фронт было осуществлено после выступления В. В. Куйбышева в январе 1920 года на V краевой партийной конференции. Он указывал на необходимость дальнейшего развертывания работы по привлечению трудящихся местных национальностей в ряды Красной Армии, по формированию национальных частей и подразделений. По мнению Куйбышева, это способствовало бы не только укреплению военной мощи республики,

---

[681] Покровский С. Н. В.В. Куйбышев в Казахстане. Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963. С. 54–55.

[682] Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 408.

но могло быть использовано и для «приобщения широких масс мусульманского населения к строительству новой жизни». Внесенные В. В. Куйбышевым предложения были одобрены партийной конференцией. После большой подготовительной работы командование Туркестанского фронта 7 мая 1920 года издало приказ о призыве в ряды Красной Армии в Туркестане 30 тыс. трудящихся призывного возраста из местных национальностей. Привлечение местного населения способствовало ускорению установления советской власти в Туркестане. К осени 1921 года вся территория бывшего Туркестанского края контролировалась большевиками и их союзиками [683].

Неудачи на фронте заставили белогвардейцев отступать в сторону Синьцзяна. Так, на территорию Восточного Туркестана после «Голодного похода» 1919 года перешли остатки армии А. И. Дутова и корпуса А. С. Бакича[684]. В ходе столкновений с переходившими границу белогвардейскими отрядами пострадали таранчинские села, расположенные вблизи Кульджи[685].

Известный в период гражданской войны «голодный поход» атамана А. И. Дутова привел белогвардейские части в Семиречье, однако после неудачной попытки закрепиться в регионе путь для белых был открыт лишь на территорию Синьцзяна. А. С. Бакич с 10–12,5 тыс. группировкой закрепился в Синьцзяне достаточно успешно и некоторое время имел серьезное влияние на местную власть[686].

---

[683] Покровский С. Н. В.В. Куйбышев в Казахстане. Алма-Ата : Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1963. С. 54–55.

[684] Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 408. С. 124; Газета «Правда». 1935. № 293. С. 2.

[685] Чэнь Шуюй. 1919—1921 Нянь Ша Э байвэйцзюнь цаньбу дуй Синьцзян дэ циньжао [О набегах остатков Белой армии на Синьцзян в 1919–1921 гг.] // Сибу сюэ кань. 2023. № 20. С. 24-26. (陈姝羽《1919—1921 年沙俄白卫军残部对新疆的侵扰》//西部学刊, 2023) (на кит. яз.).

[686] Молоков И. Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг.: учеб. пособие / Омский политехн. ин-т. Омск : ОмПИ, 1991. С. 35–66.

События Гражданской войны повлияли на жизнь всего населения края, включая дунган и уйгуров, многие из которых поддерживали как красных, так и белых. Для уйгурской общины важным являлся вопрос сохранения их соборной мечети, она представлялась козырем в рукаве для белых, хотя решение по местам религиозного культа, как и вообще антирелигиозная кампания, еще не были запущены большевиками. В 1919 году таранчинскому народу Семиречья была выдана грамота о положении их соплеменников и их поддержке. Из нее следовало, что «в дни лихолетия и тяжелых испытаний, ниспосланных судьбою на землю Русскую, Таранчинский народ, малый по численности, но сильный по духу, не пошел по ложному пути разрушения Государства Российского, а[,] согласно заветам славных предков своих[,] и учению родной ему религии мусульманской, сохранил верность Отечеству и его законам и запечатлел в борьбе с большевиками кровью многих тысяч лучших сынов своих и достоянием своим»[687].

Заслуги таранчей были высоко оценены со стороны белого движения и отмечена необходимость их поддержки: «1) оказать продовольственную помощь беженцам, нашедшим приют в издавна дружественном нам Китае 2) озаботиться снабжением пострадавшего от большевистского мятежа таранчинского населения продуктами и товарами первой необходимости 3) своевременно помочь им восстановить разрушенные большевиками хозяйства и мечети 4) отпустить бесплатно из семиреченских казенных лесных дач по двадцати корней строевого леса на каждое пострадавшее таранчинское хозяйство 5) открыть нуждающимся хлебопашцам-таранчам дешевый государственный кредит, ассигновать из средств казначейства на эти мероприятия... миллионов рублей»[688].

Кроме выделения средств власть гарантировала предоставление земли: «Министерство Земледелия имеет произвести из государственного земельного фонда наделение таранчей платными землями и другими угодьями по нормам,

[687] ГА РФ, Ф. 10073. Оп. 2. Д. 589. Л. 1.
[688] Там же.

установленным для крестьян Семиреченской области. Если же таранчи перечисляются в казачье сословие Семиреченского войска, то наделить их землями по казачьим нормам. В подтверждение изложенного повелеваю Генералу Русской армии Карцеву объявить Таранчинскому народу сию Грамоту, каковую таранчи, по возвращении в Семиреченскую область, имеют хранить в своей соборной мечети»[689].

Однако позиция таранчинского народа, как, впрочем, и других, не была однозначной. В 1920 году после окончательного поражения Семиреченская армия под командованием атамана Анненкова отступила в Восточный Туркестан[690]. В то же самое время, 24 сентября 1920 года, приказом Семиреченского областного комиссариата был сформирован Отдельный туркестанский дунганский кавалерийский полк под руководством Магазы Масанчи. Его подразделение стало одним из первых национальных регулярных отрядов Красной Армии, активно участвовавших в борьбе с белогвардейцами в Семиречье и с басмачами в регионе[691]. Судьба оказавшегося на территории вначале Семиречья, а потом и Синьцзяна атамана Дутова была печальна – он был убит в феврале 1921 года группировкой дунган и уйгуров[692].

В составе Туркестанского фронта в 1921 году действовали дунганские и таранчинские подразделения. В частности, они находились в составе 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, которая была введена в Синьцзян в 1921 году для подавления белогвардейских отрядов Бакича и банды Токарева (Гноева), дислоцировавшихся южнее Чугучака на р. Эмиль. В приказе оговаривалось, что в

---

[689] Там же.

[690] Крах Белой мечты в Синьцзяне: воспоминания сотника В.Н. Ефремова и книга В.А. Гольцева «Кульджинский эндшпиль полковника Сидорова». СПб. : Алетейя, 2016. С. 13–15, 22, 24.

[691] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 123–125.

[692] Чэнь Шуюй. 1919—1921 Нянь Ша Э байвэйцзюнь цаньбу дуй Синьцзян дэ циньжао [О набегах остатков Белой армии на Синьцзян в 1919–1921 гг.] // Сибу сюэ кань. 2023. № 20. С. 24-26. (陈姝羽《 1919—1921 年沙俄白卫军残部对新疆的侵扰》//西部学刊, 2023) (на кит. яз.).

походе использовать таранчинские и дунганские части категорически запрещено из-за их ненависти к китайцам[693].

После отступления белогвардейских отрядов в пределы Синьцзяна ситуация в регионе изменилась. Многие из местного населения негласно или тайно стали симпатизировать красногвардейским отрядам. Причина такого изменения отношения тюркских народов крылась в грабительском отношении бежавших, плохо обеспеченных продовольствием, но вооруженных и часто хорошо организованных белогвардейцев[694].

После перехода через китайскую границу в мае 1921 года генерал Бакич опубликовал обращение к местным народам Синьцзяна, среди которых упомянуты дунгане и кашгарцы. В обращении особо оговаривалось, что передислокация белогвардейских частей не направлена против местного населения и китайских властей. Вместе с тем местные власти и особенно дунгане опасались грабежей, из-за чего прятали свое имущество, приготовленное для торговли в приграничных районах[695]. Опасения не были напрасными. Уже в августе 1921 года А. С. Бакич отдал приказ об изъятии «брошенных» дунганами полей. Для уборки урожая на них привлекались местные казахи и монголы, которым за работу должна была достаться часть урожая. Скот дунган, китайцев и сартов также реквизировался. Более того, дунгане подвергались арестам, а их вооруженные подразделения в конце 1921 года было приказано преследовать и уничтожать, не давая им возможности вступать в контакт с представителями пограничной и приграничной советской власти. Более того,

---

[693] Ганин А. В. Генерал А. С. Бакич: от черногорского села Забрдже до Новониколаевска // Дело генерала Бакича. Сборник документов и материалов. Новосибирск : Управление государственной архивной службы Новосибирской области, 2022. С. 13.

[694] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 123–125.

[695] Дело генерала Бакича. Сборник документов и материалов. Новосибирск : Управление государственной архивной службы Новосибирской области, 2022. Док. № 10, 20. С. 39–40, 63–64.

в районе Шара-Сумэ вооруженные дунганские отряды даже поддержали в начале 1922 года китайские отряды в их борьбе с подразделениями корпуса А. С. Бакича[696].

В ходе этих революционных и военных событий каждое из политических движений в регионе формировало свое представление о национальном. Давая характеристику подходов к решению этого вопроса, стоит отметить, что общей тенденцией был акцент на: 1) развитие мусульманского образования и национального языка, в том числе национальных меньшинств; 2) создание национальных военных частей; 3) автономии в политике и экономике; 4) расширение числа и тиража национальных печатных изданий.

Эти идеи были выдвинуты в числе основных на Всероссийском съезде мусульман, который состоялся 1–11 мая 1917 года в Москве. Участниками собрания стали 830 делегатов из Туркестана, Кавказа, Крыма, Сибири, Хивинского ханства и Бухарского эмирата [697] . Подобные же консолидирующие идеи выдвигались делегатами съездов партии «Алаш» в июле 1917 года, сформулировавшими принципы объединения с учетом действий Временного правительства [698] и дополнительно акцентировавшими внимание на необходимости решения вопросов землеустройства местного населения.

Партия «Шуро-и-Исламия» первой предприняла попытку образования национальной автономии в регионе. Лидеры движения после Октябрьской революции создали Кокандскую автономию, также известную как Туркестанская автономия (ноябрь 1917-го – февраль 1918 года), территория которой включала бывшие области Туркестанского генерал-губернаторства. Лидерами Туркестони мухториат стали Мухамеджан Тынышпаев, Мустафа Чокаев, Соломон Герцфельд и др. Задачей партии

---

[696] Там же. Док. № 25, 53, 96. С. 68–69, 109, 166–168.

[697] Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М. : Социально-политическая мысль, 2004. С. 58–60.

[698] ЦГА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–8; Известия Омского коалиционного комитета. 1917, 25 апреля; Алаш-Орда. Кзыл-Орда, 1929. С. 27–30. Цит. по: Аманжолова Д. А. Россия и казахский автономизм. История движения Алаш / 1905–1920 гг.: автореферат. М., 1995. С. 22.

стала консолидация мусульман, но на фоне противостояния джадидов и кадимистов партия не смогла достичь нужной консолидации, более того, позднее она была объявлена большевиками контрреволюционной. В газете «Najot» (пер. с узбекск. – Спасение) 23 апреля 1917 года был опубликован «Временный устав» партии. Он включал следующие пункты: 1) просвещение среди мусульман региона и распространение реформаторских представлений; 2) консолидация мусульман Туркестана на основе принципов единства (иттихад); 3) направление проектов для Учредительного собрания по организации самоуправления среди мусульман; 4) проведение мер по сближению всех народов Туркестана и др.[699]

Уже находясь за пределами СССР, бывший лидер Туркестанской автономии Мустафа Чокаев составил ряд трудов по истории движения: «Туркестан под властью Советов (к характеристике диктатуры пролетариата)», «The basmaji movement in Turkestan» [700] и др. Он отмечал, что советская национальная политика не была реализована на практике, указав, что декларация права народов на самоопределение являлась в его представлении «революционным лозунгом большевиков, адресованным колониальным народам других империй, тогда как народы, попавшие под власть большевиков, стали жертвами политики захвата и аннексии»[701]. В своих представлениях М. Чокаев в начале своей политической деятельности придерживался подхода, обосновывавшего необходимость создания лишь автономии Туркестана в составе России, но с усилением антагонистических тенденций между ним и Советской властью его лозунги переросли в идею отделения.

Иные события разворачивались в Бухаре. С ликвидацией в 1920 году Бухарского эмирата и возникновением Бухарской народной советской республики (БНСР) на

---

[699] Said Ziyo. O‘zbek vaqtli matbuoti tarixiga materiallar (1870–1927) [Материалы по истории узбекской периодической печати]; Tanlangan asarlar, T., 1974 (на узб. яз.).

[700] Чокаев М. Туркестан под властью советов (к характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата : Айкап, 1993; Chokayev M. The basmaji movement in Turkestan // The Asiatic Review. 1928. Vol. 24 (на англ. яз.).

[701] Чокаев М. Туркестан под властью Советов (к характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата : Айкап, 1993. С. 12–18.

фоне борьбы с басмаческим движением важнейшей задачей правительства во главе с младобухарцем Файзуллой Ходжаевым стала консолидация населения[702]. Однако именно Бухара служила местом притяжения консолидации пантюркистских сил: помимо действия социалистического правительства БНСР, в 1920 году в Бухаре был образован «Национальный союз Туркестана» (Turkiston milliy birligi). Этот союз выдвигал идеи объединения тюркского мира и выделения новой общности – тюркской нации на основе единства языка, религии, традиции, литературы. Лидерами союза стали Ахмад-Заки Валиди Тоган[703], Файзулла Ходжаев, Мунаввар Кары, Абдукодир Мухиддинов, Хашим Шейх Кушбегиев, Садулла Турсунходжаев и др. Кроме выделения Туркестана в качестве отдельной области проживания всех тюркоязычных народов серьезных отличий это движение от других пантюркистских движений не имело. Подходы Национального союза к решению актуальных национальных вопросов были в целом схожи с другими проектами. Лидеры союза, в частности, предлагали сделать новое образование обладающим следующими суверенными характеристиками: 1) политическая самостоятельность, 2) демократический режим, 3) национальная армия, 4) экономическая политика в интересах автономии Туркестана, 5) развитие образования по новометодному образцу, 6) разрешение национального вопроса в зависимости от количества представителей этнических групп, 7) свобода совести, отделение светского от религиозного[704].

Подходы З. В. Тогана к решению национального вопроса были значительно глубже, чем у М. Чокаева. Политическая цель Тогана состояла в развитии

---

[702] Ходжаев Ф. Очерки революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926; Он же. К истории революции в Бухаре. Ташкент : Узбекское гос-е изд-во, 1926. С. 162–178.

[703] В результате своей революционной деятельности в Башкирии Ахмад-Заки Валиди Тоган был вынужден бежать в Туркестан от большевиков в июне 1920 года. С ноября 1920 года он начал вести активную деятельность по организации борьбы с большевиками на территории Туркестана.

[704] Eshpulatova N. S. XX asr boshida Turkistonning ijtimoiy-siyosiy va ma’naviy ahvoli, tarixiy shart-sharoitlar [Социально-политическое и духовное состояние, исторические условия Туркестана в начале XX века] // International scientific journal of Biruni. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/xx-asrda-turkistonning-ijtimoiy-siyosiy-va-ma-naviy-ahvoli-tarixiy-shart-sharoitlar (дата обращения: 25.05.2024) (на узб. яз.).

национальной борьбы в Туркестане. Формально он предлагал продолжать противостояние свергнутому в 1920 году режиму бухарского эмира и для объединения Туркестана считал необходимым создать коалицию с ведущими автономистскими проектами региона, а также включить в этот процесс лидеров басмаческого движения. Он столкнулся с сопротивлением традиционно настроенных представителей, которые, по его мнению, неверно толковали общенациональные задачи[705]. При этом в своем позиционировании и представлении противники Тогана опирались на национальное начало, которое пока еще было срощено с «исламским фанатизмом»[706].

Помимо политической деятельности З. В. Тоган получил широкую известность благодаря своим научным исследованиям. Его работы легли в основу фундаментального развития идеи тюркского единства, в значительной степени заложив основу языковой и исторической политики кемалистской Турции. Перу Вадиди принадлежат труды «Татарская литература» (1913), «Краткая история тюрков-татар» (1915), «Введение во всеобщую историю тюрков» («Umumi Türk Tarihine Giriş», 1947) и др. Всемирную источниковедческую славу ему принесло обнаружение одного из списков рукописи Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание»[707].

М. Бехбуди в своих работах заострял внимание на необходимости создания общей истории тюркоязычных народов, подчеркивая наличие сочинений на тюркском, арабском и фарси. М. Бехбуди и З. В. Тоган видели необходимость в академических

---

[705] Тоган З. В. Хотиралар: Туркистонда мустакилдик ва отодлик учун курастлар харихи. Ташкент. 2014 (на узб. яз.); Тоган З. В. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. 2. Уфа : Китап, 1998. С. 41–48.

[706] Там же. С. 58–60.

[707] Бурмистрова Т. Ю. Ахмет Заки Валиди Тоган: жизнь и творчество: [Биогр. ученого-востоковеда. Библиография] / Т. Ю. Бурмистрова; С.-Петерб. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т. М. : Славянский диалог, 1996; Тоган А.З. Воспоминания : Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры : [пер. с тур.]. Уфа : Башк. изд.-во «Китап», 1996.

изысканиях с тем, чтобы население перешло от чтения легенд и преданий к чтению истории, ратуя за переход от устной истории к изучению научной литературы[708].

Отличительной чертой деятельности всех партий того периода являлось внимание к национальным языкам. При этом существовала некоторая оторванность от реальности: воспринимая единство через религию или принадлежность к Туркестану, эти партии сами не были объединены общностью языка. Присутствие коренных тюрко- и персоязычных этнических групп, возросшее после присоединения к России славянское население и даже наличие представителей армянской диаспоры, евреев и выходцев из других стран и регионов требовало наличия некоего универсального средства коммуникации. Русские власти рассматривали в таком качестве русский язык[709].

Представители среднеазиатского сообщества предлагали и другие варианты решения этой задачи. Так, джадид Саидризо Ализода в своей статье «Каждая нация гордится своим языком» писал о том, что развитые нации ставят вопрос о заимствованиях. «В регионе, – отмечал он, – терминология приходит из русского и французского языков». На примерах использования новых слов Ализода показывал также возможность перехода на «мусульмонча», то есть мусульманский язык, который и является, по его мнению, ключом к единству[710].

По замечанию историка А. Халида, конкуренция между проектами в регионе складывалась даже на уровне употребления слов из джадидского «прогресса» и советского «совета», но именно большевики сумели использовать конфликты в регионе для укрепления своих позиций и реализации социалистического модернизационного проекта[711].

---

[708] Бехбуди М. Таърихи ихтирои башар [История изобретений человека] // Ойина. 1914. № 39. С. 924–925 (на узб. яз.).

[709] Там же.

[710] Ализода С. Ҳар миллат бо забони худ ифтихор мекунад [Каждый народ гордится своим языком]/ Ойина. 1914. № 35. С. 836–837 (на тадж. яз.).

[711] Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London : Cornell University Press, 2015. P. 1–2, 3–6, 7–10 (на англ. яз.).

Как неоднократно отмечалось, в первой трети XX века в Центральноазиатском регионе происходила консолидация, а зачастую образование нескольких крупных и средних по численности этнических групп. С целью защиты своих интересов происходила консолидация и уйгуров, и дунган. В первую очередь это проявилось в создании специальных органов и организаций. Например, в 1917 году был образован комитет «Уйгур», который в 1917 году включил в свой состав и дунган Семиречья[712]. В Джаркенте в это же время возник комитет, который именовался «Союзом Пахаря». В его состав вошли зажиточные слои села Александровка Каракольской волости и представители буржуазных кругов Пишпека. Зачастую на политическую ориентацию масс самое важное влияние оказывали их представители в действовавших органах власти. Так, поддержка местным населением Временного правительства во многом определялась позицией волостного управителя Каракунуза Булара Магуева и чиновника той же администрации Лалаза Матянью[713].

На фоне революционных событий в Европейской России и других ее частях в Западном в Восточном Туркестане также происходили определенные изменения. В конце XIX-го – начале XX века на территории Синьцзяна продолжались восстания, носившие чаще всего антиманьчжурский характер. Со свержением династии Цин ситуация изменилась только доктринально – антиманчжурские лозунги сменились антиханьскими. Неханьские народы по-прежнему занимали неравноправное положение. Развитие идей национальной самостоятельности до 1930-х годов в регионе властями было фактически табуировано. Пришедший после убийства губернатора Ян Цзэнсиня на смену ему Цзинь Шужэнь продолжил линию своего предшественника по увеличению фискальной нагрузки на местное мусульманское население[714], что отягощало его экономическое положение. В частности, он лишил

[712] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405. С. 2–7.

[713] Маджун Д. С. Дунгане Центральной Азии: история и документы. Бишкек, 2023. С. 239–240.

[714] Москалёв А. А., Богословский В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. С. 108–109.

неханьских ванов (князей) оставшихся привилегий, а из бежавших белогвардейцев было создано крупное военное подразделение расквартированной армии в Синьцзяне[715].

Администрация Синьцзяна подозревала джадидов в связях с советской властью, поэтому джадиды подвергались особому надзору. В 1922 году в «татарской» школе в Кульдже был произведен обыск, а позднее арестованы несколько учителей, правда, китайцы ошиблись в именах и арестовали не учителей, а людей с похожими именами. Аресты прошли и в Чугучаке. Власти объясняли, что ищут «письма от красных». По свидетельству непосредственных участников событий, доносы на джадидов составили боявшиеся конкуренции «уйгурские ахуны». В то же время китайские власти опасались «портить отношения» с советскими властями, поэтому через месяц после ареста обвиняемые были высланы в Джаркент[716].

Далеко не всегда идеологические интересы доминировали над экономическими и прагматическими интересами национальной безопасности. Несмотря на то, что приграничный Синьцзян являлся удобным плацдармом для возможной подготовки восстаний с перспективой расширения на юг, в 1934 году советские войска были введены в регион не для поддержания восставших, а с целью подавления восстания. Более того, находившиеся здесь белые выступили фактически на одной стороне с большевиками[717]. Тем более что руководство первой Восточно-Туркестанской республики занимало откровенно антисоветскую позицию, в том числе по причине борьбы большевиков с религией[718].

---

[715] Там же.

[716] Мухамедиева Ф. Х., Кармышева Б. Х. Воспоминания. Из прошлого татар Семиречья // Вестник Евразии. 1995. № 1. С. 150. С. 139–162.

[717] Чжун-Су Гуаньси Шиган (1917-1991) // Шэнь Чжихуа Чжубянь – Beijing : Синьхуа Чубаньшэ. [Обзор китайско-советских отношений (1917-1991).С. 189 – 234./ под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин : Издательство Xinhua.], 2007. (《中苏关系史纲（1917–1991）》. 新华出版社)(на кит. яз.).

[718] Создание первой Восточно-Туркестанской республики произошло в результате упразднения Кумульского ханства в 1930 году и последующего Кумульского восстания в 1931 году. Конфликт вспыхнул против китайской администрации, а также поддерживававших ее дунган. В итоге к 1933 году было объявлено о создании независимого государства – первой Восточно-

Революционные события начала XX века трансформировали представления различных групп о собственной идентичности, постепенно менялся подход государственных властей, появлялись не отдельные вопросы этноконфессионального характера, а закреплялось определенное политическое видение властей. В первую очередь сформировались, широко распространились и укоренились в массовом сознании идеи о «нации». Локальные проекты, структурно нашедшие выражение в образовании партийных организаций и национальных автономий, стремились представить эту категорию через единую религию, территориальную самоидентификацию и различные этнические категории. Для этих этнических общностей выделение их в конкретную группу пока осуществлялось на уровне городского самоуправления, где основные задачи лежали в области социально-экономических требований, постепенно перешедших и к политическим.

В ходе реализации модернизационных проектов местная интеллигенция стремилась трансформировать традиционное исламское, преимущественно суннитское, общество. При этом наполнение понятия «нация» первоначально исходило из этнорелигиозной самоидентификации, в связи с чем все проекты были направлены не на существовавшее в реальных географических пределах единство народов Западного Туркестана, Бухары и Хивы, а на все тюркоязычные народы, куда попадали и ближайшие жители Восточного Туркестана, а также мусульмане

Туркестанской Республики. Однако 12 апреля 1934 года в административном центре провинции, городе Урумчи, с помощью российских воинских частей, сформированных из царских офицеров, Шэн Шицай совершил переворот и захватил власть. Он сверг правительство Цзинь Шужэня и начал сотрудничать с Советским Союзом. С помощью частей Красной армии, направленных непосредственно Сталиным, опасавшимся, что независимость Восточно-Туркестанской Республики негативно скажется на стабильности советских республик в Центральной Азии, Шэн Шицай разгромил силы дунган под командованием Ма Чжунина и уйгурское движение за независимость. Таким образом, он создал просоветское правительство, номинально подчинявшееся Китаю, но фактически находившееся под контролем Москвы. См.: Tursun N. 1933 ve 1944 Yıllarında Kurulan Doğu Türkistan Cumhuriyetleri Hakkındaki Kaynaklar ve Bu Kaynakların Değeri // Uluslararası Uygur Araştırmaları Dergisi. 2020. №16. С. 233–257 [Турсун Н. Источники о республиках Восточного Туркестана, созданных в 1933 и 1944 годах, и их значение // Международный журнал уйгурских исследований] (на тур. яз.).

Поволжья и Крыма и др. территорий. Постепенно, но весьма быстро джадиды от идей модернизации образования перешли к политической деятельности, связанной сначала с распространением пантюркских и панисламистских идей. Акцент в политических проектах Западного Туркестана был перенесен на решение национального вопроса[719]. Этот же вопрос, но в интерпретации положения неханьского населения волновал и жителей Синьцзяна. Уйгуры и дунгане Западного Туркестана активно участвовали во всех крупнейших событиях начала XX века, в том числе в антиханьских восстаниях. Они создали собственные политические организации и объединения, в отдельные периоды существовали национальные вооруженные формирования (отряды) из числа дунган и таранчей. Кульминацией борьбы за национальное самоопределение в довоенный период для жителей Восточного Туркестана стало образование 1930-е годы Исламской республики Восточного Туркестана.

Для Западного Туркестана проблема выделения какого-либо этнического меньшинства долгое время находила реализацию через развитие языка и конфессиональную самоорганизацию. Например, в постановлениях и резолюциях Всероссийских мусульманских съездов местный суд и обучение должны были проводиться на языке местной народности, при этом отмечалась необходимость сохранения в учебных программах русского языка[720]. Однако общая модель работы с населением выстраивалась все же исходя из их религиозных воззрений.

Долгое время на бывшей территории Российской империи с компактным проживанием уйгуров и дунган национальных проектов не было. Появление первых

[719] Многие авторы (А. Каппелер, А. Риббер, Е. И. Воробьева и др.) полагают, что в Российской империи мусульманский вопрос – это и был национальный вопрос. Для ряда этнических сообществ это мнение может быть справедливым, но далеко не для всех. Так, например, у казахов в начале XX века этноплеменная идентификация существенно превалировала над религиозной. У дунган и уйгуров мусульманская идентификация доминировала, но важную роль играла территориальная идентификация.

[720] Фахрутдинов Р. Р. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905–1907). Казань : Изд-во Казанского пед. ин-та, 1992. С. 41–43.

таких проектов относится ко времени национально-государственного размежевания советской Средней Азии.

Объединяющими для уйгуров и дунган, находившимся по разные стороны границы, были структура и категории, в которых функционировал их социум. С той разницей, что на рубеже XIX–XX веков Китай стремился сохранить общий контроль через систему вассального управления, а Россия в этот же момент занималась модернизацией региона через более плотную инкорпорацию населения в имперские структуры. На этом фоне в регионе появились джадидские проекты, которые привели к новым идеям и росту политического самосознания населения. Среди уйгуров и дунган начали создаваться варианты национальных историй, ориентированные сначала на отдельные части народа.

Политическая трансформация после Синьхайской революции 1911 года привела к формулированию доктринальных подходов о пяти народах Китайской Республики и стремлению к единению. При этом среди народов фигурировали не сами уйгуры или дунгане, а мусульмане, что означало восприятие китайскими властями этих народов сквозь призму их религиозной принадлежности. На территории Западного Туркестана национальный вопрос формулировался параллельно с религиозным, и на фоне общероссийских и общетуркестанских процессов формировались различные объединения на этнической основе, примером чего стало появление союза «Уйгур», куда кроме уйгур вошли и дунгане.

Процесс развития национальных представлений в Туркестане был связан с различными идеями, среди которых наибольшее распространение получили в чем-то близкие джадидизм и большевистский вариант социал-демократической идеологии. Указанные идеи ярко очерчивали проблемы, которые требовали незамедлительного решения. Поэтому для местного населения эти идеи были чрезвычайно актуальными. Идеологические проекты того периода предлагали изменить следующие стороны жизни: улучшить образование, предоставить политическую автономию или обеспечить политическое участие населения в жизни государства, защитить интересы

национальной культуры и религии, решить земельный и водный вопросы. Разрешение этих вопросов в указанный период находилось в зачаточном состоянии, оформление этих вопросов стало возможным в советский период.

Глава 3. На пути к социалистической идее: уйгуры и дунгане в первой трети XX века

С приходом советской власти исследования народов советской Средней Азии и Казахстана не только не были остановлены, наоборот, они получили значительно большее внимание центра, так как способствовали национальному строительству в этом регионе. В тот период особое значение получили изыскания тюрколога С. Е. Малова[721], который в рамках съезда интеллигенции и активистов региона в 1921 году в городе Ташкенте предложил обозначение таранчи, кульджинцев и других выходцев с территории Западного Китая в качестве уйгуров[722]. Показательно, что на этот съезд были приглашены представители интеллигенции не только из ТАССР, но и из Синьцзяна[723]. В 1923 году на внеочередном заседании Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) была принята особая резолюция об использовании этнонима уйгур[724]. Впервые в переписи населения этот этноним стал фигурировать с 1926 года. По мнению С. Б. Кожировой, в 1930-х годах этот этноним получил широкое хождение в Синьцзяне[725]. По замечанию С. В. Дмитриева, среди самого населения этот термин стал укореняться только ко второй половине XX века, до этого местные жители использовали скорее территориальные категории или именовали себя «тюрками»[726]. Те же данные подтверждают сведения Латимора[727] и др.

---

[721] Абрамзон С. М. Этнографические исследования С. Е. Малова // Тюркологический сборник. 1975. М. : Издательство «Наука», ГРВЛ, 1978. С. 12–25.

[722] См.: Народы Средней Азии и Казахстана / под общ. ред. члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова. Т. 2. М., 1963. С. 488–526. Раздел о дунганах.

[723] Кокаисл П., Жоробеков Т. А., Субанов Т. Т. Уйгуры в Кыргызстане – две разные части одного народа? // Cultural Studies. 2020. № 1. С. 23.

[724] Хошамберды, К. Уйгуры. Изд-е 2-е, доп. Алматы : Мир, 2010. С. 355.

[725] Кожирова С. Б. Уйгуры Казахстана: история и современность // Uyghur Initiative Papers No. 10. December 2014. P. 3.

[726] Дмитриев С. В. Уйгуры // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/uigury-cdfb56/?v=6987244 (дата обращения: 17.04.2023).

[727] Lattimore O. Return to China's Northern Frontier // The Geographical Journal. Vol. 139. No. 2 (Jun., 1973). P. 233–242. (на англ. яз.).

Разделение дунган с уйгурской общностью также происходило в рамках научной полемики. Важнейшим шагом в решении вопроса об этом стал прошедший в 1926 году в г. Баку I Всесоюзный тюркологический съезд[728]. В работе съезда принимали участие видные деятели отечественной и зарубежной науки: В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, М. Ф. Кёпрюлю, С. Гедин и многие другие. Первый Всесоюзный тюркологический съезд не только сыграл чрезвычайно важную роль в развитии тюркологии, но и оказал прямое влияние на жизнь тюркоязычных народов. В частности, на нем были выяснены мнения исследователей и уточнены обстоятельства, которые могли бы способствовать переходу письменности тюркских народов СССР с арабской графики на латинскую, что объяснялось стремлением разрыва системы образования с мусульманской религией, с которой ассоциировалась арабица, кириллица якобы вызывала у мусульман негативные ассоциации, латиница же представлялась нейтральным алфавитом[729]. О том, что латинский алфавит может иметь значение для распространения светской идеологии, а через нее и идей социалистического строительства, свидетельствует, например, тот факт, что на Съезде демонстрировалась карта расселения тюркских народов по всему миру, отдельно был представлен фотоальбом древностей Восточного Туркестана[730]. Более того, среди 131 делегата Съезда один представлял «Уйгурскую область Западного Китая»[731].

По итогам Первого тюркологического съезда 1 марта 1926 года решением ЦИК СССР в Баку был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦКНТА). О важности образованного органа свидетельствует факт того,

---

[728] Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля – 5 марта 1926 г.: Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля – 5 марта 1926 г.: [Стенографический отчет]. Баку : [б. и.], 1926.

[729] Керимова Т. Съезд, объединивший тюркский мир // Известия НАН Азербайджана. Сер. общественных наук, 2016. № 3. С. 21–23, 26.

[730] Там же. С. 27.

[731] Абытов Б. К. Первый всесоюзный тюркологический съезд: репрессированные и расстрелянные // Turkic Studies Journal. 2023. № 2. С. 10.

что во главе него встал председатель ЦИК Азербайджанской ССР Самедага Агамали-оглы, а в его состав были кооптированы видные ученые из разных союзных и автономных республик, Москвы и Ленинграда. Сам Баку на некоторое время стал центром печати для всех тюркоговорящих народов СССР[732]. Всего в составе комитета состояло 39 членов, среди них – четверо из Узбекистана, трое – из Казахстана, по одному из Киргизии, Каракалпакии, Таджикистана и Туркмении. Первоначально на деятельность нового органа планировалось выделять 430 тыс. руб. в год, но уже на полугодие (апрель – сентябрь 1927 года) было ассигновано 1 206 687 руб. 65 коп.[733], что свидетельствует о приоритетности проекта перевода на латиницу в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Известный казахстанский востоковед А. К. Камалов выдвинул гипотезу, что относительно длительное действие в среднеазиатских республиках и Казахстане латинского алфавита у уйгур до 1946 года было связано с необходимостью влияния на уйгур в Синьцзяне, а повсеместный перевод на кириллицу совпал с требованиями СССР ко второй Восточно-Туркестанской Республике о прекращении военных действий против армии Гоминьдана[734].

Разработка алфавита проходила на фоне идей расширения национальных прав, которые виделись в развитии национального языка. Поэтому ВЦИК заботился об устройстве национальных языков, ведении на них делопроизводства, открытии школ. В 1923 году был принят декрет ВЦИК «О равноправии языков», который закреплял задачи не только в проведении национального районирования, но и в переводе делопроизводства на национальный язык, включая языки национальных меньшинств[735].

---

[732] Керимова Т. Съезд, объединивший тюркский мир // Известия НАН Азербайджана. Сер. общественных наук, 2016. № 3. С. 29–30.

[733] Стенографический отчет Первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-го до 7-го июня 1927 года. М. : Изд-е ВЦКНТА, 1927. С. 12–14.

[734] Камалов А. К. «Латинский путь» в интеллектуальной истории уйгуров Средней Азии и Казахстана // Journal of Oriental Studies. 2017. № 3(82). С. 44.

[735] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 119. Д. 6. ВЦИК. Отдел национальностей. Отчет Центральной комиссии нацменьшинств при ВЦИК за 1924–25 г. Л. 3–14.

К середине 1930-х годов утвердилось мнение, что централизация процесса формирования новых алфавитов и письменных языков вредна, таит в себе угрозу пантюркизма и сепаратизма и целесообразно этот процесс передать на места и по возможности перевести алфавиты на кириллицу. В 1937 году ВЦКНТА был ликвидирован «как выполнивший свою задачу»[736].

Еще в ходе работы Первого тюркологического съезда была выдвинута идея и обоснована целесообразность создания дунганской письменности на основе латинского алфавита с добавлением знаков, обозначавших уникальные фонемы. На просьбу о ее создании откликнулись профессор Е. Д. Поливанов, академик Л. В. Щерба и другие ученые[737]. Позже была создана специальная комиссия и разработана дунганская письменность. В 1953 году появился новый проект дунганского алфавита на кириллице, авторами которого стали синолог А. А. Драгунов и дунгановед Ю. Я. Яншансин[738].

Параллельно проводилась работа по переводу уйгурской письменности на латиницу. Весной 1928 года в Самарканде прошла Первая уйгурская лингвистическая конференция, на которой обсуждался проект нового алфавита, состоявшего из 27 букв. На второй такой конференции, прошедшей через два года в Адма-Ате, этот алфавит был официально утвержден. Однако нехватка печатных средств, в первую очередь шрифтов, приводила к тому, что арабица использовалась в средствах массовой информации и книгах параллельно с латиницей вплоть до 1936 года[739]. В 1937 году появился кириллический алфавит. В 1940 году представителями уйгурской интеллигенции Казахстана был поднят вопрос о целесообразности перевода не него

---

[736] ГА РФ, Ф. Р-7543. Оп. 1. Д. 92. 1926–1937 гг. Л. 1.

[737] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 144.

[738] Недопекина Е. М. Политический и социальный статус языков «старых» диаспор на территории СССР // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1123–1124.

[739] Садвакасов Г. С. Алфавит литературного языка советских уйгуров // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М. : Наука, 1972. С. 174–182.

уйгурского языка. Из-за бюрократических проволочек вопрос не решался до начала Великой Отечественной войны. Вновь он был поднят казахстанским наркомпросом в 1942 году, когда на кириллицу стали переводить обучавшихся в младших классах[740]. Сама латиница окончательно была отвергнута в 1947 году, когда официально состоялся перевод уйгурского языка на кириллицу. Показательно, что работа советских филологов, занимавшихся латинизацией, не прошла даром, и в Китае она использовалась уйгурами в период 1950-х – 1960-х годов, хотя и там ставился вопрос о переводе письменности уйгур на кириллический алфавит[741].

Накопление знаний об этнических общностях Центральной Азии постепенно кристаллизовало мнение ученых об их названиях и, в целом, в значительной мере повлияло на процесс национального строительства в регионе. Выдвигались идеи и разрабатывались проекты по объединению разрозненных этнических групп в новые этносы (что и произошло с созданием уйгурской нации) либо включению малых этносов в более крупные этнические объединения (многие этнические группы оказались отнесенными, например, к узбекам), изменялись названия этнических групп под лозунгом возвращения к самоназваниям (казахи, киргизы). Появлявшиеся периодически в рамках идеологии пролетарского интернационализма проекты немедленного отказа от этнических объединений в пользу общегражданской нации весьма быстро признавались нецелесообразными, ошибочными и даже вредными.

Отметим, что в начале XX века для китайского Синьцзяна этот процесс, как было упомянуто выше, лежал в плоскости сохранения целостности Китая, а его соотнесение с коммунистическими принципами произошло только после образования 1 октября 1949 года КНР. До этого времени национальная политика Китая в регионе декларировала идею равноправия, а также учета политического участия без опоры на

---

[740] Архив Президента Республики Казахстан, Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 468. Л. 2. Опубликовано в: Сатаева Ж. Из истории латинизации уйгурского алфавита. URL: https://e-history.kz/ru/news/show/4293 (дата публикации: 15.08.2028; дата обращения: 27.03.2024).

[741] Москалёв А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949–1978). М. : Наука, 1981. С. 89–91.

провинциальное или национальное происхождение, что после переворота Шэн Шицая было закреплено на законодательном уровне в принятых 14 апреля 1933 года 10 пунктах нового правительства[742].

Синьцзян в 20-е годы XX века был тесно связан с СССР рядом соглашений, в частности, Илиийским протоколом от 27 мая 1920 года. Переговоры по его подписанию проходили между уполномоченными отделами внешних сношений и внешней торговли при Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР в Туркестане, с одной стороны, и представителями Ян Цзенсиня – с другой. Протокол включил 10 параграфов, которые деклалировали установление дипломатических связей между РСФСР и Илийским округом Синьцзяна, возобновление торговли, открытие советского агентства в г. Кульдже и китайского в г. Верном. Этот же протокол утвердил отказ СССР от права экстерриториальности для русских подданных на территории Илийского округа[743]. В связи с развитием советско-китайской торговли вплоть до образования Синьцзян-Уйгурского автономного района в 1955 году Синьцзян был тесно связан со среднеазиатскими регионами СССР, местными партийно-хозяйственными органами и советским правительством.

Представления о гражданственности до прихода советской власти у основной массы инородцев-мусульман проявлялись в защите своей этноконфессиональной принадлежности. Поэтому для решения «национального» вопроса изначально советским правительством был предложен ряд поступательных задач: 1) провести буржуазно-демократическую революцию с решением национального вопроса, а далее 2) осуществить пролетарскую революцию, убрав из повестки национальный вопрос как таковой, перейти к вопросу классовому[744].

---

[742] Москалёв А. А., Богословский В. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. С. 106–110.

[743] Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М. : Госполитиздат, 1958. С. 546–548.

[744] Революция и национальный вопрос. Т. 3. Февраль – октябрь 1917. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1930. С. 301.

В значительной степени советская власть воспринимала автономистские проекты в Центральной Азии начала 1920-х годов в качестве буржуазных идей. Инициативы джадидов были во многом тождественны идеалам, созданным буржуазной интеллектуальной элитой, отражали ту стадию развития общества и общественного сознания, когда можно было реализовывать право наций на самоопределение, но в рамках исламской общности. Советский проект ставил задачей перенос фокуса с религиозного фактора на национальный для перехода к классовому обществу. Для избавления от «оков прошлого» советской властью были предприняты меры по уходу от религиозной регламентации жизни, например, переход к советской школе взамен старых религиозных – из курса преподавания были выведены религиозные предметы. Считалось, что «религия во всех ее проявлениях, начиная с ортодоксального бухарского ислама до тончайших змеевидных проявлений джадидизма, мешает и тормозит национальное развитие. Что для того, чтобы быть узбеком, уйгуром, таджиком, туркменом, киргизом, не нужно быть мусульманином, а наоборот — чтобы быть настоящим националом, нужно быть атеистом»[745].

Оформление конкретных народностей в нации, а точнее, в национальные меньшинства определило спектр их развития: советская власть обещала возможность повсеместного употребления своего языка, культурного строительства, наделения правом голоса и политического участия вне зависимости от численности того или иного народа. Этими же идеями руководствовалась в период прихода к власти и коммунистическая партия Китая, в первые годы в большей степени следуя советской модели.

Поэтому первые этапы национального строительства народы региона, имевшие древнюю историю, проходили вначале в рамках советской системы. Это отразилось в переходе к употреблению конкретных наименований: казахи, киргизы, а также

[745] Правда Востока. 1928. № 270. Цит. по: Шигабдинов Р. Н. Улама и реформы 1920-х годов в Средней Азии // Pax Islamica = Мир Ислама: Мир Ислама // Издательский дом Марджани. 2009. № 1(2). 2009. С. 54–67.

миноритарные общности – дунгане, уйгуры и др. в демографических исследованиях, переписях и в общем списке народов СССР, а также выстраивании культурной и языковой политики. После 1949 года подобный опыт начал воспроизводиться и в Китае.

В советской пропаганде народы Востока изображались угнетенными и эксплуатируемыми. Это находило отражение в прессе, решениях партийных органов разного уровня и официальных призывах к зарубежным восточным народам. Истоки этого подхода крылись в идеологии российских социал-демократов, отражением чего служит обращение СНК к народам Востока, опубликованное в начале декабря 1917 года: «Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши веровании и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех пародов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»[746] Большевики декларировали новые принципы государства, где национальные интересы обязаны уважаться, поскольку они являются законными, неотъемлемыми правами каждого из народов, которые рассматривались ими в качестве субъектов права.

При этом культурное строительство было связано с очерченным каноном: во-первых, внимание было уделено языку, далее национальной культуре и возможности получить образование на национальном языке. За этим следовало экономическое

[746] Обращение Совета народных комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября (3 декабря) 1917 г. // Ленин, Сталин. Избранные произведения 1917 года. М., 1937, С. 638–640.

участие каждого из сообществ, так как власть декларировала ликвидацию фактического экономического и культурного неравенства народов страны, являвшегося наследием и результатом политики «колониализма»[747].

Видится разумным представление опыта советского национального строительства сквозь оптику формирования конкретных меньшинств, не имевших выделенной республики в рамках СССР. Специфика такой работы, ставшая результатом накопления знаний о Туркестане, включала разработку нового понятийного аппарата. Это коснулось не только создания новых или коррекции бытовавших этнонимов, но и затронуло трансформацию географической терминологии, связанной с Туркестаном. Само понятие «Туркестан» стало быстро утрачивать свое употребление и значимость вместе с ликвидацией первой автономии в регионе – Туркестанской АССР, входившей в состав РСФСР, ставшей второй республикой, образованной в составе советской России. С целью решения национального вопроса потребовалось создание названий для отдельных республик в составе СССР, автономных республик и более мелких административно-территориальных единиц в составе нескольких федеративных республик. Появились и вошли в широкое употребление такие обобщенные политико-географические термины, как «Средняя Азия» и «Казахстан», чаще всего использовавшиеся совместно. Несмотря на то, что термин «Средняя Азия» употреблялся в дореволюционных исследованиях, он имел отличную коннотацию, представляя более широкий географический ареал. В результате проведенных реформ, связанных с национально-культурным строительством, разобщенные прежде группы таранчи (в архивных документах с периода СССР можно встретить термин – таранчийцы) и кашгарцев получили сначала наименование «уйгуры», но со временем они сами перешли к своему новому самоназванию.

[747] Декреты Октябрьской революции. Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания: (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома). М. : Партийное изд-во, 1933. С. 28.

Подход советского правительства, безусловно, был связан с идеями руководителей – В. И. Ленина и И. В. Сталина, однако региональные партийные деятели, например, упомянутый выше Ф. Г. Ходжаев[748] и противостоявший ему по многим вопросам Т. Р. Рыскулов[749], вносили существенную лепту, формулируя политику «на местах» и даже влияя на мнение московских руководителей. Республиканские органы пытались выработать уникальные механизмы решения национального вопроса. Так, в Казахстане в середине 1920-х годов орготдел республиканского Центрального исполнительного комитета (рук. тов. Арбузов) убедил исполком организовать переселение уйгур, сформировав из них «национально-однородные» советы разного уровня и соответствующую этническую адмнистрацию. На заседаниях 7–9 июля 1927 года КазЦИКа особо подчеркивалась необходимость приоритетного создания «однородных таранчинских и дунганских волостей». Ответственность за эту работу возлагалась на губисполкомы[750]. Первоначально эта идея нашла одобрение, но позднее ВЦИК признал такой подход неправильным, не рекомендовав распространять этот опыт. Более того, в 1938 году в ЦК ВКП(б) было принято решение о ликвидации искусственно созданных национальных районов и сельсоветов[751].

Проблема выяснения и уточнения терминов отражалась и в востоковедной исторической науке. В частности, хранящиеся в архивах записки З. Л. Амитина-Шапиро являются яркой иллюстрацией ожесточенных споров вокруг ряда этнонимов. Они дают возможность понять причины появления новых этнонимов, таких как «алтайцы» или «дунгане», качественной трансформации существовавших прежде этнонимов, но относившихся к другим этническим группам, в том числе таких, как

---

[748] Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев – председатель Совета Народных Комиссаров Узбекской ССР (1924–1937).

[749] Турар Рыскулович Рыскулов – Председатель Совета народных комиссаров Туркестанской АССР (1922–1924), заместитель председателя СНК РСФСР (1926–1937).

[750] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 105. Д. 464. Л. 28.

[751] ГА РФ, Ф. Р7523. Оп. 65. Д. 397. Л. 1.

«киргиз» или «уйгур», исчезновения ряда имевших хождение этнонимов («сарт», «тюрок», «кипчак», «курама» и др.) в ходе национально-территориального размежевания советских республик[752].

3.1. Политика в отношении национальных меньшинств в советских Средней Азии и Казахстане и в Китайской Республике

Советская национальная политика как конструкт, формулировавший теоретический и практический подходы, изначально отталкивалась от разработок и постановлений съездов и руководящего аппарата Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Начиная со II съезда РСДРП в 1903 году и по 1923 год национальному вопросу были посвящены шесть специальных постановлений съездов. В них и далее в советской модели национальный вопрос выступал в связке с пролетарской революцией и имел инструментальный характер[753]. Такой характер обуславливал идею о праве наций на самоопределение как инструмент в деле пролетарской революции. Фактически это право было провозглашено еще на учредительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии в 1898 году, а на съезде 1903 года социал-демократы указывали, что самоопределение народа есть право распоряжаться своей судьбой, то есть иметь политическую волю. В итоге право на самоопределение состояло из двух идей – самоопределение в зависимости от своей этнической принадлежности, а также самоопределение как гарант политического суверенитета.

Другой аспект, определявший национальный вопрос, был связан с трудовой значимостью. Нация как таковая в большевистском представлении была связана с

---

[752] Аманжолова Д. А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920–1930-е гг.: монография. М.-СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019; Олимов М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. URL : https://ca-c.org.ru/datarus/st_13_olimov.shtml (дата обращения: 19.07.2024).

[753] Сталин И. В. Об основах ленинизма // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 4-е изд., доп. М. : Партийное изд-во, 1933. С. 46–48.

отношением той или иной общности к труду, именно поэтому из нее исключались нетрудовые элементы, например, буржуазия[754]. Еще один большевистский принцип был связан с вопросом, какие именно этнические общности стоило считать нацией. В понимании руководства партии не всякий народ можно было назвать таковым: в границах РСФСР проживали народы, которые не прошли определенные стадии развития, например, тюркские народы признавались не вступившими в капиталистические отношения, то есть еще не перешедшими к той форме капитализма, где, по марксистскому определению, происходил генезис нации. Поэтому часть народностей была определена не как нации, а как национальные меньшинства[755], к таким общностям, в частности, были отнесены уйгуры и дунгане.

Нация как комплексное понятие, требующее определенный modus operandi, была задействована как в теоретической (В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, К. И. Каутский и др.), так и в практической, партийной работе. В РСФСР, а затем и в СССР активную роль играли Отдел национальностей и Административная комиссия ВЦИК, Совет Национальностей ЦИК, Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), Совет по просвещению народов нерусского языка (Совнацмен), до 1923 года существовал отдельный Народный комиссариат по делам национальностей. В разной степени к проработке этого вопроса подходили Госплан и подчинявшийся ему Совет труда и обороны (СТО), Туркестанское бюро, а затем Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б); с национально-территориальным размежеванием была связана деятельность ЦК КП Советского Союза и каждой из республик. Высшим органом, принимавшим решения, в том числе по национальным вопросам, являлись Съезды Советов и Съезды РКП(б). Работа велась системная и систематическая, деятельность практически всех органов на местах включала деятельность по решению отдельных аспектов национального вопроса.

---

[754] Фадеичева М. А. Большевистская версия решения национального вопроса // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения РАН. 2002. Вып. 3. С. 237.

[755] Кайкова О. К. Поворот в национальной политике 1935–1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2006. № 3(7). С. 116–117.

После расформирования в 1922 году Туркреспублики Постановлением ТЦИК (Туркестанского Центрального исполнительного комитета) при НКВД (Народном комиссариате внутренних дел) был организован отдел Нацмен (Национальных меньшинств), на который были возложены задачи бывшего Наркомата в отношении национальных меньшинств. Заведование этим отделом было определено в качестве обязанности председателю Совнацмена Наркомпроса, заведование отдельными национальными бюро – соответствующим Нацбюро Совнацмена. Представительство отдела Нацмена на местах осуществлялось одним из членов президиума Облисполкома (исполнительный комитет областного Совета народных депутатов). В ноябре 1923 года при утверждении штатов был введен уполномоченный по делам нацмен НКВД, на которого была возложена практически вся работа среди национальных меньшинств Туркреспублики[756].

Для реализации права нации на самоопределение (например, выделения автономии) этнической общности необходимо было быть признанной в качестве одной из этнических категорий согласно советскому ранжированию этносов: племя – народность – народ – нация. Разные этнические общности находились на разном уровне социально-экономических отношений, нуждались, по мнению советского руководства, в культурном строительстве[757], что и было определено как важная задача партийной власти на местах. Специфика терминологии выражалась в том, что в практическом плане только нации могли претендовать на статус союзной республики, народы могли получить статус автономной республики или области, а народности

[756] Докладная записка подотдела национальных меньшинств ЦК КП Туркестана, НКВД об организации, в связи с национальным размежеванием, отделов национальных меньшинств при ЦИКах республик; материалы о привлечении к земледелию местных евреев. Конец 1924 г. // РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 158. Л. 1–21.

[757] Под культурным строительством понималось проведение комплекса мер по повышению и развитию национальной культуры. На XVIII съезде ВКП(б) при подведении итогов культурного строительства в период второй пятилетки Сталин отметил, что «внедрение в жизнь всеобще-обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции, – такова общая картина культурного подъема народа». См.: Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1945. С. 14–17.

могли организовать автономный округ, район, сельский совет, поселение и подобные формы объединений. Подходит какая-либо этническая общность на роль нации, которая имеет право на создание национальной республики, или нет, стало более четко определено, начиная с 1925 года, когда был сформулирован ряд принципов размежевания. Важнейшими из них были уровень экономического развития, количество пролетариата, то есть индустриальное развитие региона, национальный принцип (доля представителей этнической группы в общей массе), а также волеизъявление самого населения. Для Центральной Азии дополнительным фактором служил доступ к воде. Учитывались также принципы исторической границы, географические условия, уровень консолидации элиты и прочие[758].

Поэтому для всех этнических общностей СССР появились новые принципы государственной этнополитики, в теории это было связано с разграничением терминов «нация» и «национальное меньшинство», к которым относились советские уйгуры и дунгане.

Изначально принадлежность к национальным меньшинствам была схожа с концепцией «инородчества» в Российской империи – нерусское население стоило считать национальным меньшинством. После Октябрьской революции Конституция РСФСР 1918 года определяла, что в новой модели отсутствует «какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничения их равноправия»[759]. Значение термина «национальное меньшинство» было уточнено в 1921 году в постановлении X съезда РКП(б). Его, как и термин «нация», предложил И. В. Сталин. В 1913 году в своем труде «Марксизм и национальный вопрос» он отметил, что под национальным меньшинством стоит понимать «отдельные текучие национальные группы, вкрапленные в инонациональные компактные большинства». Такие группы, по

[758] Быков А. Ю. Национально-государственное размежевание в Средней Азиии Казахстане в 1920–1930 гг.: подходы и решения // Евразийский ежегодник. 2024. № 2. С. 175–176.

[759] Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Статья 22. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения: 19.07.2023).

замечанию Сталина, не имели определенной территории проживания[760]. В отношении народов Туркестана такое замечание было актуально, учитывая сохранявшийся кочевой способ хозяйствования у значительной части тюркоязычных народов региона. Однако даже для всего Туркестана подобное определение не было исчерпывающим: хозяйственное деление на оседлых и кочевых все-таки подразумевало конкретные ареалы проживания сартов, узбеков, таранчи и др.

Кроме того, в определении отсутствовала этническая или языковая специфика. Для советской власти язык и национальная принадлежность как способы идентификации были важнейшими атрибутами или, как сейчас сформулировали бы, маркерами. Поэтому термины «нерусские народности» или же «некоренные жители» также имели схожее значение с обобщающим термином «национальное меньшинство» и имели весьма широкое хождение.

Согласно положению Народного комиссариата по делам национальностей от 26 мая 1921 года, определялись следующие группы национальных меньшинств:

1) национальности, которые проживали в пределах РСФСР, но не имели территориального объединения, не входили в ее состав и состав союзных республик (немцы);

2) отдельно были выделены евреи как национальное меньшинство, проживающее дисперсно[761];

3) группы, которые не имели своих национальных отделов при Наркомнаце, не входили в присутствующие в комиссариате национально-территориальные объединения[762].

---

[760] Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. М. : Госполитиздат, 1950; Л. : Тип. «Печ. двор». С. 25–26.

[761] Диманштейн С. В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // Революция и национальности: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. М. : Изд-во Коммунистической академии : Соц.-эк. ГИЗ, 1935. С. 71–74.

[762] См.: ГА РФ, Ф. 1235. Оп. 38. Д. 39. Л. 4–9; Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац 1917–1923 гг. (вместо отчета). М. : Отдел печати и информации Н.К.Н, 1924. С. 100–153.

В середине 1920-х годов был определен минимальный количественный состав групп, которые могли претендовать на как тот или иной статус этнической группы, так и на уровень соответствующей автономии в составе Советской федерации. В 1929 году этот список был уточнен конкретным определением нацменьшинств, принятым Президиумом ВЦИК и СНК РСФСР: те национальности, которые имеют прочные общности вне СССР, а на территории Союза проживают компактно (например, поляки); оторванные от своих исторических территорий проживания – татары в Средней Азии; экстерриториальные группы [763]. Термины «разделенная нация» или «разделенный народ», «диаспора» и т.п. в тот период в советской административной лексике еще не употреблялись[764].

Последний и также схожий в некотором смысле с определением «нация» принцип выделения национального меньшинства заключался в уровне экономического развития той или иной народности. Одной из формулировок, использованной для демонстрации «недостаточности», было признание партийно-государственными органами, или обращением представительных органов, или решением съездов и сходов об «отсталости». Так, в одном из таких обращений представителей уйгуров к ЦК КП Узбекистана говорилось, что «наша уйгурская нация самая отсталая нация, проживающая в Узбекистане» [765]. Подобные обращения использовались как средство получения экономических и других преференций и привилегий, а также как один из способов заострения внимания на необходимости

[763] Об утверждении Положения об уполномоченных по делам национальных меньшинств. 20 апреля 1929 г.: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. № 24–42. Отдел первый. М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, б.г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/392627-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-utverzhdenii-polozheniya-ob-upolnomochennyh-po-delam-natsionalnyh-menshinstv-20-aprelya-1929-g. (дата обращения: 20.07.2023).

[764] При этом отметим, что их использование в современной науке повсеместно и отражает расширение и изменение подходов к описанию отличного положения народов, установлению новых категорий и понятий.

[765] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 19.

проведения ускоренных социалистических преобразований, мероприятий по культурному строительству.

Большевики признавали образование наций объективным историческим процессом, но, несмотря на это, именно они запустили и подстегнули процесс нациестроительства ряда этнических групп в качестве искусственного (привнесенного извне) процесса. По сути, процесс конструирования наций в том понимании, которое вкладывал в это понятие Б. Андерсон, с использованием такого инструментария, как переписи населения, карты политико-административного деления, музеи[766] и др. элементы того, что сейчас интерпретируется как историческая память с акцентом на развитие языка, письменности и самобытной культуры.

Как отмечено выше, решение национального вопроса помогало демонтировать волновавшую еще царскую власть религиозную парадигму идентификации бывших «инородцев», а также произвести социально-экономическую модификацию общества из разрозненных групп в отдельные производственные единицы, объединенные общей этнической и классовой идентификацией. Задача преодолеть экономическую отсталость отдельных областей обосновывала значимость активизации национальной политики Советов. При работе с каждой из национальностей или национальным меньшинством выстраивалась своя собственная, особенная семантическая система. Отметим, что общей терминологической схожестью всех документов того периода было использование синонимичного ряда: «народность», «народ», «нация», а также «коренные» или «некоренные» народности и прочих терминов, указывавших на этнический фактор общностей, обычно сопрягавшийся с запросом на политическую субъектность. Хотя на определенном этапе могли быть и исключения, как это случилось с формированием Кара-Калпакской автономной области, которая была сформирована «сверху», решением всероссийских и киргизских (казахских) оганов

[766] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 16, 24. Б. Андерсон также отмечал, что теми же самыми инструментами пользовались и в коммунистическом Китае. См.: Там же. С. 174–175.

власти, и лишь позднее был организован и проведен съезд представителей каракалпакского народа[767].

Для уйгурской общности национальная организация посредством создания комитета как консолидирующего органа началась с Семиреченскоӣ области в 1917 году, где ее основными участниками на ранней стадии были таранчи и дунгане. Алтышарцы присоединились к этому процессу с 1918 года[768]. Показательно, что даже наименование области в 1922 году было изменено на Джетысуйскую. То есть ее название просто было переведено с русского на тюркский и с таким наименованием отображалось на административных картах до 1928 года; при этом подчеркивалось, что географическое название в тюркском варианте известно с XVIII века[769]. Задачи организации состояли в обеспечении местного населения доступом к образованию, возможностью политического участия, выборов делегатов для представительства в центральных органах, выделения и координации средств на политическую и просветительскую работу, решения хозяйственных вопросов, в первую очередь – выделения земельных наделов. Эти вопросы были актуальны для бедных слоев всего населения региона, включая миноритарные группы. Из данных изданий 1930-х годов на уйгурском языке можно заключить, что проблема работы среди национальных меньшинств (евреев, уйгуров и таджиков и др.) была связана в первую очередь с консолидацией этих групп на религиозной основе. В частности, отмечалось, что среди них сохранялись традиционные верования и ритуалы, а сами представители национальных меньшинств регулярно выступали против классового деления, защищая своих религиозных представителей [770] . Поэтому для последователей

[767] Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2003. P. 211–212 (на англ. яз.).

[768] РГАСПИ, Ф 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 2–7.

[769] Рогожинский А. Е. От «Жетысу» до «Семиречья»: рождение и трансформация значений // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 168.

[770] Vəlidup Ə. Az millətlər arasida ammavi iş [Массовая работа среди национальных меньшинств] // Ujgurlaşturqucisi M. Qocqaruh. Səmərqən Taşken, Øznəşr, 1930. C. 5 (на уйгур. яз.).

советской модели, в частности, уйгуров и дунган, поиск политической и культурной организации представлялся не просто обоснованным, но и необходимым.

Знаковым событием в период начала культурного строительства стал раскол в Семиречье среди алтышарцев. В 1919 году часть из представителей общины выступила за развитие национальной организации. В первую очередь эта идея оказалась популярной среди бедноты и молодежи. Аксакалы, то есть старшее поколение, ориентировались на устоявшуюся форму политического и национального представления – через китайского представителя[771].

Уйгуры, начиная со времени переселения в период Кульджинского (или иначе Илийского) кризиса в отношениях Российской империи и Китая, играли важную роль в пограничных связях двух государств. Однако вследствие радикальных изменений 1917 года и становления советской власти уйгуры стали также участниками распространения идей о социалистической революции в Синьцзяне и оказались вовлечены в гражданскую войну[772]. Советская власть, как и предыдущая, рассматривала Синьцзян в качестве зоны своего влияния[773].

Комитеты бедноты еще в 1919 году стали инициаторами проведения первого областного съезда уйгуров, в рамках которого было создано областное бюро китайских рабочих – орган, позволявший защищать интересы малообеспеченных слоев населения. Главной целью этого комитета объявлялась борьба со шпионажем и аксакальством алтышарцев. Такая миссия, безусловно, притягивала широкие массы бедноты, что вынудило старожилов из числа алтышарцев обратиться к китайской администрации в лице «карачикмэн» за содействием[774]. Китайский представитель

[771] РГАСПИ, Ф 62. Оп. 27. Д. 407. Л. 2–7. Такая форма представительства функционировала с периода Российской империи, в частности, в Синьцзяне были расположены консульства для решения двусторонних вопросов, а со стороны китайцев такую функцию выполнял наблюдатель «карачикмэн».

[772] Бармин В. А. О деятельности Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 20-х – 30-х гг. XX века // Uyghur Initiative Papers. 2014. № 9. С. 2. URL: https://www.centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/05/Uyghur-papers-9-Valeri-Barmin.pdf.

[773] Friederich M. Ostturkestan? Xinjiang? Uyghurestan? Köln, 1995. S. 6–7 (на нем. яз.).

[774] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 2–7.

прибыл в Алмату в 1920 году и побудил местные круги уйгуров выступить против революционной деятельности созданного комитета, в результате чего произошла смена самого представителя с китайского стороны, а также проведение в июне 1921 года в г. Ташкенте первого краевого съезда уйгуров, которых на тот момент представляли таранчи, алты-шахарцы и дунгане[775].

В эту организацию, названную «Уйгур», съездом был избран Центральной Революционный комитет в составе 9 человек. Ответственным секретарем был назначен таранчинец Абдулла Ахметович Розыбакиев[776].

Розыбакиев еще в 1917 году организовал «Объединенный союз мусульманских рабочих города Верного». В 1918 году он присоединился к большевикам, возглавив «Революционный союз уйгуров». В 1921 году именно эта организация стала базой для формирования «Революционного союза кашгаро-дунганских рабочих». В 1920–1922 годах Абдулла Розыбакиев являлся заведующим отделом нацменшинств ЦК РКП(б) Туркестана, оказывая прямое влияние на процесс нациестроительства уйгуров и дунган. Наконец, в 1922 году он был избран председателем Краевого бюро уйгурских и дунганских коммунистов[777].

Из материалов архивных документов РГАСПИ, связанных с деятельностью Среднеазиатского бюро, следует, что процесс консолидации уйгурских переселенцев был продолжительным, а само создание новой нации сталкивалось с рядом серьезных проблем.

В первую очередь группы уйгурских переселенцев делились между собой по территории и периоду исхода. Из докладной записки председателя Джетысуйского областного комитета революционного союза «Уйгур» Туркестана Хашима Ходжаева следует, что разные группы переселенцев именовались «старожилы и новожилы» и

---

[775] Там же. Л. 19.

[776] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 19.

[777] Пилипчук Я. В. Уйгурское национальное движение и Китай в XX веке. URL: https://ethnoglobus.az/print:page,1,1384-ujgurskoe-nacionalnoe-dvizhenie-i-kitaj-v-hh-veke.html (дата обращения: 01.04.2025).

представляли собой разные волны переселения: «Уйгурцы *(уйгуры. – примеч. автора)*[,] проживающие в Средней Азии и в КСС Р[,] насчитываются до 500 тысяч душ. Из указанного числа после размежевания Средней Азии по национальным республикам уйгурцы отошли в Узбекистан 270 тыс., в Каракиргизскую автономную область [–] 100 тыс., в КССР [–] 110 тыс. в Таджикистан и в Туркменистан [–] 20 тыс. человек. Таранчинцы обитают в бывшей Джетысуйской области и занимаются земледелием; дунгане проживают в Аулиэ-Атынском, Пишпекском уездах и в Токмакском районе, занимаясь хлебопашеством. Что касается алтышарцев в Ср. Азии, то они делятся на старожилы, кои из Кашгарии [Китай] выселились после восстания и столкновений, указанных с китайцами[,] и остались на постоянное жительство в Туркестане. Старожилы-алтышарцы составляют большинство всех выходцев из Кашгарии[,] и они занимаются земледелием, имеют свои земли и дом, проживают преимущественно в Ферганской области. Новожилы, составляющие меньшинство алтышарцев в Туркестане[,] выезжали из Кашгарии в разное время, вследствие своих разорений, благодаря тяжелым налогам и другими репрессивным мерам со стороны китайских чиновников»[778].

Другими словами, старожилы зачастую представляли дехканский слой, а новожилы – батрачество. Эта особенность предопределила разные возможности политического участия выходцев из Шестиградья, поскольку, будучи наемными работниками, они могли менять территорию проживания и зачастую прибывали в Семиречье и другие регионы на заработки, оставляя семьи на территории Синьцзяна.

Географически эти группы также представляли собой выходцев из разных регионов Синьцзяна: таранчи – уйгуры из Или зачастую могли именоваться также кульджинцами, тогда как алтышарцы были выходцами из шести городов Восточного Туркестана (Аксу, Жанашар, Кашгар, Хотан, Куча, Яркенд). Примкнувшие, опираясь на свой переселенческий статус, к этому объединению дунгане не относились к

[778] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405. Л. 7.

уйгурам. Однако в указанных документах они зачастую упоминались вместе и даже объединялись, что было обусловлено именно их совместным переселением из Восточного Туркестана в Западный.

Проблема разных групп отразилась на политическом объединении уйгуров напрямую. В указанной выше докладной записке Х. Ходжаев отмечал, что конфликт внутри сообщества состоял в «перетягивании одеяла» на свою сторону таранчи и дунган, которые определяли работу организации «Уйгур» или «Революционного союза уйгуров», не учитывая интересы алтышарцев (алтышахарцев)[779].

Еще одной причиной развала первой уйгурской организации стала оценка действий председателя. В ряде источников его работа в этот период видится в качестве одной из побед в деле национальной организации[780], однако в архивных материалах можно найти сведения о том, что существовал внутренний конфликт. В частности, А. А. Розыбакиев после одного месяца работы в качестве председателя направился в Семиречье за своей семьей, поставив, как казалось соратникам, личные интересы выше интересов сообщества, что привело к росту недоверия лично к нему и переходу определенной части уйгуров на сторону Энвера-паши[781], одного из видных деятелей младотурок, придерживавшегося пантюркистских позиций, некоторое время сотрудничавшего с советскими органами, а затем ставшего одним из лидеров басмаческого движения в Средней Азии, получившим особые полномочия от бывшего бухарского эмира Сеид Алим-хана[782].

Мятеж Энвера-паши начался в 1921 году, а завершился в 1922 году разгромом его частей Красной армией. Все это время А. А. Розыбакиев был активным строителем

---

[779] Там же.

[780] Яңливаштин тұғұлған уйғур хәлқи [Возрожденный уйгурский народ] / Топлиғучи А.Әләхунов. Алматы : Қазақстан, 1989. С. 56–72; Абдарахманов Минәмжан. Октябрьдин илһамлинип [Вдохновленные Октябрем]: Улуқ Октябрь соц. революциясиниң 72 ж. даир / Қаз.ССП «Билим» жәм-ти. Алматы : Қазақстан, 1989. С. 56–72 (на уйгур. яз.).

[781] Исмаил Энвер или Энвер-паша (1881–1922) – лидер младотурецкой партии «Единение и прогресс», участник Младотурецкой революции.

[782] Suphi Bey Y. Enver Paşa'nın Son Günleri [Последние дни Энвер-паши], Çatı Kitapları. 2007 (на тур. яз.).

новой советской власти, инкорпорированным в общественные и государственные органы. Сначала он возглавлял «Революционный союз уйгуров», переименованный позднее в «Революционный союз кашгаро-дунганских рабочих» и объединенный в 1922 году с союзом «Кошчи»[783]. Отметим, что А. А. Розыбакиев позже даже входил в комиссию по национально-территориальному размежеванию, являясь в период с 1924-го по 1934 год заместителем председателя этого органа, а в 1937 году занимал должность заместителя заведующего отделом печати и издательств ЦК КП(б) Казахстана[784], что могло создавать дополнительные возможности продвижению идеи уйгурского нациестроительства в СССР.

В период Гражданской войны главным институтом консолидации бедняцких слоев населения были комитеты бедноты, а в Средней Азии – союз «Кошчи». Формально они действовали в качестве объединений для трудовой деятельности, и необходимость их создания напрямую увязывалась с решением вопросов землеустройства, важной составляющей которого в регионе являлся возврат выведенного из оборота в пользу казачества, крестьян-переселенцев и в Запасной фонд земельного фонда. К 1915 году общее количество переданных в Семиречье казачеству пахотных угодий составляло почти 700 тыс. десятин[785]. Крестьяне-переселенцы владели к этому моменту в Туркестанском крае площадью в размере около 1 900 000 десятин[786]. Показательно, что дунгане и таранчи, переселявшиеся в Семиречье, наделялись правами землепользования, равными с русскими крестьянами-переселенцами. К началу столыпинской аграрной реформы в Семиреченской области российскими властями им было выделено 155 907 десятин, в том числе 56 972 десятин

[783] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 27. Д. 407. С. 2–19.

[784] Больше доверия: сборник / сост. С. Б. Скороходов, В. С. Шабалин. Алма-Ата : Казахстан, 1990. С. 196.

[785] Лысенко Ю. А. Проблема землеустройства Семиреченского казачьего войска сквозь призму этносоциального ресурсного конфликта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Востоковедные исследования на Алтае / Алтайский государственный университет (Барнаул). 2016. № 10. С. 11.

[786] См.: РГИА, Ф. 391. Оп. 10. Д. 1; Ташболотова С. Переселенческая политика Российской империи (на материалах Семиреченской области) // ХАБАРШЫСЫ ВЕСТНИК. 2011. № 5. Б. 53–58.

орошаемых угодий, что составляло около 18,5% от общей территории, изъятой к тому моменту под нужды всех переселенцев[787].

Проведенная в 1921–1922 годах земельно-водная реформа в целом обеспечила общее социальное равновесие в регионе. Суть реформы состояла в предоставлении трудового надела из изъятых излишков у частных владельцев бедному коренному населению. В частности, в Семиречье как в одном из наиболее плодородных, а также наиболее заселенных районов предполагалось изъять около 900 тыс. десятин земли у переселенческих и казачьих хозяйств. На изъятых площадях планировалось разместить до 80 тыс. семей. Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) фиксировал следующее количество земельных угодий: общая площадь составляла 532 928 десятин, из них отошедшими к государству считалось около 291 тыс. десятин, из конфиската – порядка 137 тыс. десятин, прочих – 103 тыс. десятин. В итоге часть этого фонда перешла к беднякам из числа местных и бедняцкому слою русских переселенцев, в том числе коренным жителям – 148 тыс. десятин, где в 1921 году стали проживать 4500 семей, а в 1922 году им было передано дополнительно еще 3471 десятин земли[788].

Земельный вопрос затрагивал и проблему переселения. С 1918 года территории Сибири, Туркестана, Степного края и Закавказья считались практически закрытыми для переселения. В тот момент наблюдался сильный рост национального движения, а также сохранилась память о событиях 1916 года. Кроме того, в регионе усугублялся экономический кризис. В условиях Гражданской войны проводилась политика военного коммунизма, концептуально запрещавшая свободное перемещение

[787] Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1. С. 28.

[788] Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы. Ташкент : Туркестанское государственное изд-во, 1923. С. 5–7.

населения внутри страны, сделав невозможным переселение в ее Азиатскую часть[789]. В результате переселение стало осуществляться централизованно.

Бóльшая часть вопросов по распределению земли регламентировалась Земельным кодексом РСФСР 1922 года. Пришлое население подразделялось на группы – плановых и неплановых. В результате снизилось экономическое и политическое давление на переселенческую кампанию. Согласно Земельному кодексу, принципами переселения считались «добровольность, свобода, которая регламентировалась плановостью, оказание государственной поддержки переселенцам»[790].

Переселение осуществлялось с 1920 года. Власти пытались максимально упорядочить этот процесс, поэтому в регион переселение старались осуществлять группами хозяйств, кооперативами или колхозами, но были и стихийные переселенцы. При этом не все области региона были доступны. Например, Семипалатинская область вообще была закрыта для переселения из-за эпидемии холеры. В регионе (сначала в Туркестанской АССР, а затем в республиках Средней Азии и Казахстане) главными претендентами на «освобожденные земли» становились выходцы из батрачества, осевшее коренное население, объединенное в союзы «Кошчи»[791], в который, как отмечено выше, влилась бывшая организация «Уйгур».

В 1925 году переселение в регион было вновь приостановлено, и усилилась кампания по переводу коренного кочевого населения на оседлость, переустройству его быта. Одновременно возобновился процесс национально-территориального размежевания[792]. С этого времени безземельные переселенцы были разделены на две

---

[789] СУ РСФСР, Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. URL: http://istmat.info/node/27646 (дата обращения: 10.01.2024).

[790] Земельный кодекс РСФСР. Раздел четвертый. URL: http://museumreforms.ru/node/13713 (дата обращения: 12.03.2023).

[791] Рыскулов. Т. Джетысуйские вопросы. Ташкент : Туркестанское государственное издательство, 1923. С. 20–21.

[792] Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 88–141.

группы: законно пользующиеся землей – переселенцы до 1918 года и до принятия закона о социалистическом землеустройстве 1919 года, а также те, кто незаконно ею пользуется и оказались на территории уже после издания закона. Так, законные переселенцы получили возможность остаться в пределах тех земель, где они проживали, а вторым земля перешла согласно их трудовой норме.

Ситуация с переселением создавала сложности в решении национального вопроса. Например, союз «Кошчи» воспринимался многими русскими крестьянами-переселенцами в качестве угрозы собственного экономического положения, поскольку этот союз обладал правом запроса на изъятие земельных излишков. Крестьяне не различали при этом этничность представителей союза «Кошчи», им было безразлично, были ли в нем дунгане, таранчи, киргизы или представители другой этнической группы[793]. Представители тюрко- и ираноязычных этнических групп считали несправедливым распределение квот в новых органах государственной власти, где вначале абсолютное большинство принадлежало представителям европейских этносов. В регионе происходили многочисленные локальные межэтнические конфликты. Кроме того, местное население также политизировалось и разделилось в своих предпочтениях: часть населения принимала активное участие в басмаческом движении, а другая часть активно ему противостояла, считая советскую власть легитимной и справедливой. Центральные органы управления и представители советской власти на местах видели в этом цели и задачи для проведения этнокультурной политики[794]. Что требовало, по мнению советских органов, скорейшей коррекции национальной политики, а именно проведения мероприятий по коренизации аппарата[795]. Коренизация/национализация советского аппарата предполагала выдвижение на ответственные посты людей коренной национальности.

---

[793] Рыскулов Т. Джетысуйские вопросы. Ташкент : Туркестанское государственное издательство, 1923. С. 34.

[794] Там же. С. 34–35.

[795] Моисеенко В. М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 88–141.

Коренизация всех органов власти не означала исключительно преобладание мажоритарной группы, напротив, она предусматривала введение кадров из национальных меньшинств, например, уйгур, русских, евреев и др. Задача состояла в вовлечении в управление всех национальностей, которые проживают в регионе, в «преобразовании местной политической жизни по формуле „национальный по форме и социалистический по содержанию“»[796]. После XII партсъезда, состоявшегося в апреле 1923 года, на котором И. В. Сталин заявил, что советская власть должна быть «понятной и родной», «не только русской, но и международной» [797] , систематически подавались сводки о национальном составе управленческого аппарата, которые должны были подтверждать соответствие этнической структуре населения его представленности в органах хозяйственного, государственного и партийного руководства. Так, в Казахстане к 1936 году в органах юстиции и прокуратуре казахи составляли 46,8% руководящего состава, русские – 32,9%, украинцы – 9,7%, узбеки – 1,6% и уйгуры – 1,1%[798]. Почти такие же доли были зафиксированы в партийном аппарате Казахской ССР в 1937 году[799]. Доля казахов в 1929 году в советских органах КАССР составляла 45%, представителей других восточных национальностей – 19%, хотя еще в 1925 году республиканские органы были коренизированы (соответствует проценту коренного населения в органах управления) всего на 8,3%[800]. До 1926 года даже существовала «процентная норма» коренизации, когда каждому предприятию и организации давалось задание, какой

---

[796] Кучкин А. П. К вопросу о коренизации советского аппарата в Казахстане в первое десятилетие существования республики (1920–1930 гг.) // Исторические записки. Издательство АН СССР. 1954. № 48. С. 202–227.

[797] Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М. : Политиздат, 1968. С. 492.

[798] Фазлыев Д. Р. Национальный состав органов советской юстиции в период с 1920 по 1930 гг. Квалификационная работа Высшей школы экономики. М., 2025. С. 7.

[799] Казиев С. Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в Советском Казахстане (1923–1936 гг.) // Омский научный вестник. 2015. № 2(136). С. 32.

[800] Лысенко Ю. А., Лысенко М. Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского госуниверситета. 2015. № 3. С. 137.

процент сотрудников определенной национальности должен быть к концу года[801]. Наибольшее внимание уделялось лицам титульной национальности. В республиках Средней Азии доля коренного населения в аппаратах всех уровней в 1932 году составляла половину[802]. Одним из основных препятствий в реализации политики коренизации аппарата стал низкий уровень грамотности. Так, в резолюции ЦК ВКП(б) от 25 мая 1929 года констатировалось, что «наличие огромного количества неграмотных среди населения Узбекистана является крупнейшим тормозом дальнейшего вовлечения масс в социалистическое строительство и коренизации госаппарата. ЦК ВКП(б) поручает ЦК КП(б) Узбекистана и Среднеазиатское бюро ЦК максимально использовать имеющиеся финансовые и материальные возможности для расширения культурной работы, в особенности для ликвидации неграмотности и издания литературы на местных языках»[803], в связи с чем политика коренизации и политика культурного строительства шли параллельно, дополняя друг друга, фактически сливаясь в единую политику по национальному вопросу.

Центральным звеном в рамках скорректированного национального курса стало проведение национально-территориального размежевания.

В интервью газете «Ак жол» Ф. Г. Ходжаев отметил, что советизация страны и преодоление трений между народностями Средней Азии происходили за счет создания автономных советских республик для отдельных национальностей. Так, с 1921 года, по его словам, в Туркестане шла подготовительная работа к созданию отдельных республик по народностям. Поэтому, когда в 1924 году был поднят вопрос о районировании страны по национальностям, считал Ф. Г. Ходжаев, «никто этому не удивился и никто не возражал против создания автономных Советских Республик,

---

[801] Кучкин А. К вопросу о коренизации советского аппарата в Казахстане в первое десятилетие существования республики (1920–1930 гг.) // Исторические записки Института истории АН СССР. Т. 48. Б.м. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 211, 225.

[802] Лю Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «Коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. С. 43.

[803] РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 3. Д. 742. Л. 12.

видя в этом процесс объединения труда с равенством национальностей»[804]. Необходимо отметить, что существовали различные взгляды на территорию каждой из национальных республик, ее центр, экономические возможности. На съездах вспыхивало много споров и прений по вопросу о районировании Средней Азии по национальным республикам, поэтому его окончательное разрешение было отложено до XIV съезда РКП(б) 1925 года[805], на практике оно продлилось дольше.

Реформа национально-территориального размежевания была нацелена на выделение отдельных республик в составе СССР. В регионе этот процесс находился в повестке с 1918 года, позднее годом начала реформы был определен 1924 год[806].

Для уйгуров и дунган эта реформа также имела важное значение в оформлении их национальных прав. В докладе 20 июля 1925 года содержится обращение уйгуров к советской власти: «С сего года, с момента создания советской власти все национальности[,] населяющие Среднюю Азию, собираются под освободительное Красное знамя советской власти, мирового пролетариата из-под рук мировой буржуазии. С организацией единственной советской власти на земном шаре, чтобы удовлетворить подлинность справедливости советской власти, она выдвинула на арену вопрос о национальном размежевании[,] в результате этого мировой пролетариат[,] познав свое освободительное право[,] в настоящее время каждая нация[,] проживающая в Средней Азии[,] живет свободно по своему обычаю и проводит свою классовую линию»[807]. Несмотря на политическое восприятие этой реформы и образование республик в зависимости от мажоритарных этнических

---

[804] РГАСПИ, Ф 62. Оп. 2. Д. 102 (перевод статьи относительно размежевания средней Азии по национальным республикам; Газета «Ак жол» от 23/6 – 24 г. за № 450; Районирование Средней Азии по национальностям / беседа с прибывшим из Москвы тов. Ходжаевым). Газета «Ак жол» являлась общественно-политическим периодическим изданием, которое в период с 1920-го по 1925 год издавалось в г. Ташкенте как орган ЦК Компартии Туркестана.

[805] Там же.

[806] «О национальном размежевании республик Средней Азии» // Постановления II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва. М. : Издание ВЦИК, 1924. С. 204–207.

[807] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 2–3.

сообществ, для миноритарных этнических сообществ вопрос их правового положения и распределения между образованными в результате национально-государственного размежевания субъектами Советской федерации не упростил решения вопроса объединения разнородных групп. Поэтому уйгуры (все еще представленные сообществами таранчи, кашгарлык, алты-шахарцами, джунгаринцами), а также дунгане в официальных обращениях к советской власти продолжали заявлять о своих правах с просьбой «преодоления отсталости» и «приобщения к общей пролетарской жизни»[808].

В своих обращениях к властям уйгуры использовали симптоматичные паттерны, свидетельствующие о развертывании (и принятии ими) советского конструкта: «Мы[,] трудящиеся[,] происходим из граждан областей „Алтыншагар" и Джунгария", проживающие в Средней Азии Советской Власти, еще не в удовлетворительной степени, мы, уйгуры[809], достигли тех правовых отношений, которые Советская власть дала трудящимся. Потому[,] что мы, трудящиеся уйгуры, в течение нескольких веков находясь под властью китайцев-империалистов Восточного Туркестана. Во всех отношениях были оторваны от научной и культурной жизни, с одной стороны – под властью собственной буржуазии, которые имели больше прав от империалистической Китайской власти, были пленными и вели таковую жизнь, с другой стороны, если сравнить наше право с правом[,] которое дала советская власть трудящимся, то мы, уйгуры, жили бесправными в темноте»[810].

Тезисы о «бесправности», «отсталости» были паттернами, которые встречались у разных национальных групп. В советской парадигме уничтожение культурной отсталости – задача национального строительства[811]. В качестве иллюстрации можно

---

[808] Там же. Л. 3.

[809] В архивных материалах по уйгурам их именование указывается: «уйгурцы», «тюкри-уйгуры», «уйгуры-таранчи», «уйгуры-кашгарцы».

[810] РГАСПИ, Ф 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 2.

[811] Якубовская С. И. Ликвидация фактического неравенства наций (на примере народов Средней Азии и Казахстана) // Исторчиеские записки / отв. ред. А. А. Сидоров. Издательство АН ССР, 1954. № 48. С. 168–188.

привести пример аргументации представителей другой народности, представлявшей этнические меньшинства региона, – бухарских евреев, которые наравне с уйгурами и дунганами переживали процесс национального строительства. В газете «Адабиёти совети»[812] указывалось, что в царской России положение евреев-трудящихся было очень тяжелым. Они были лишены политических и экономических прав. Еврейский народ считался народом «низкого уровня»[813]. При этом отмечалось, что во времена ханов и эмиров положение трудящихся евреев было еще хуже. Существовали специальные законы о евреях, запрещавшие, например, ездить верхом на лошади внутри города и т.д. Октябрьская революция положила конец неравенству народов. Она дала возможность еврейским трудящимся, как и другим советским народам, занять почетное место в руководстве и развитии партии Ленина-Сталина. Знаковым в деле национальной политики для евреев было образование Биробиджанской еврейской автономной области, основание нескольких еврейских районов в Крыму и образование местных еврейских колхозов. Открытие десятка младших и средних школ с обучением на местном языке, издание на еврейский языке книг, учебников, журналов, газет и др. факты явились яркими примерами верного решения национального вопроса[814].

К 1927 году произошло еще одно, ключевое для национальных меньшинств региона событие, а именно уравнение земельных прав. По решению Президиума ВЦИК РСФСР, в феврале 1927 года земельные права казахов, уйгуров и других национальностей и крестьян-переселенцев стали равными. В декабре 1929 года на очередном пленуме Казрайкома ВКП(б) было принято решение о возобновлении

---

[812] Адабиёти совети: журнали ҳармоҳаи омави ва адаби / Органи Наркомпрос ва Союзи Нависандаҳои Советии Ӯзбекистон. Toşkent = Тошкент : Bajroqi Mihnat = Байроки Михнат. 1935. № 12. С. 24. (на тадж. яз.).

[813] Там же.

[814] Адабиёти совети: журнали ҳармоҳаи омави ва адаби / Органи Наркомпрос ва Союзи Нависандаҳои Советии Ӯзбекистон. Toşkent = Тошкент : Bajroqi Mihnat = Байроки Михнат. 1935. № 12. С. 24 (на тадж. яз.).

переселения, в связи с чем было одобрено отмежевание 90 тыс. земельных долей с размещением на них 2154 тыс. человек[815].

Процесс разрешения земельных споров и национальных вопросов сопровождался выработкой нового терминологического аппарата. В 1918 году была образована Туркестанская АССР, включавшая все территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства. Образование Кирревкома в годы Гражданской войны ставило задачу создания системы управления территорией, куда входили Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская и часть территории Астраханской губернии, Кустанайский уезд[816]. В 1920 году была образована КАССР с территориями Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской областей, частей Омского уезда, Мангышлакский уезд Закаспийской области, часть Астраханской губернии [817], где численность составляла 625,9 тыс. человек с преобладающей долей русского населения.

Важным этапом в реформировании территории стало национально-территориальное размежевание, в результате которого в составе Казахской АССР оказалось порядка 40% бывших земель Туркестанской, Хорезмской и Бухарской республик с численностью населения почти в 1,5 млн человек. В 1926 году население Казахстана составило 6,5 млн человек с удельным весом казахского населения в 59,9%. К Казахстану перешли земли Джетысуйской губернии с численностью населения 845 260 человек, Сыр-Дарьинской – 108 6954 человек, а также Кара-Калпакской автономной области с численностью в 295 607 человек [818]. Точных данных о

---

[815] Казиев С. Ш. Переселенческий вопрос в национальной политике Советского Государства в Казахстане в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. 2014. Т. 3(26). С. 121–122.

[816] Ходатайство Кирревкома перед ВЦИК о включении Кустанайского уезда в состав Киркрая. 13 сентября 1919 г. // ЦГА РК, Ф. И-14. Оп. 1. Д. 19. Л. 1а. Заверенная копия. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/458142-hodataystvo-kirrevkoma-pered-vtsik-o-vklyuchenii-kustanayskogo-uezda-v-sostav-kirkraya-13-sentyabrya-1919-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 18.08.2023); Советы и ревкомы в Казахстане. (Октябрь 1917–1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971.

[817] Рыскулов Т. Киргизстан. Л., 1929. С. 53–55.

[818] Алексеенко А. Н., Алексеенко И. В. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск : РВК ПО «Полиграфия», 1999. С. 42–55.

численности рассеянных на территории нескольких республик (Казахстана, Киргизии и Узбекистана) уйгурах нет, поскольку часть из рассматривались как «тюрки», кто-то сознательно причислил себя к другим этническим группам. Наиболее адекватной, хотя и заниженной, видимо, следует считать оценку КИПС. Согласно данным комиссии, советские уйгуры как новая объединенная этническая общность были сформированы из таранчей, численность которых к 1920 году составляла не менее 62 303 человек, и кашгарцев (кашгарлыков), численность которых оценивалась комиссией в 39 528 человек. То есть суммарно численность уйгуров в 1920-х годах составляла не менее 101 831 человек[819]. При компактном проживании это позволяло претендовать не только на образование национально-культурных автономий на уровне районов и округов, но и на создание собственной автономной области, примером чего может служить образованная Ойротская автономная область, число жителей в которой не достигало даже 100-тысячного рубежа (в 1923 году – менее 73 тыс. человек), а коренное население составляло около половины жителей области[820]. При этом Ойротская АО была приграничной областью, и в ней протекал процесс конструирования нации алтайцев[821].

В этот же период Синьцзян находился под управлением Ян Цзэнсиня, однако после 1930-х годов в регионе были образованы Тюркская Исламская республика Восточный Туркестан (1933-1934) и Восточно-Туркестанская республика (1944-1949), поддерживаемая СССР[822]. Только в октябре 1955 года появился Синьцзян-Уйгурский

---

[819] Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. Л. : Изд-во АН СССР, 1927. (АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Труды комисии; Вып. 13.) С. 34.

[820] Белозерова М. В. К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного ун-та. 2008. № 308. С. 64.

[821] ГА РФ, Ф. Р5677. Оп. 5. Д. 408. Л. 1–18.

[822] В этот период в Синьцзяне возникли два кратковременных государственных образования. Первое – Исламская Республика Восточного Туркестана (1933–1934), которая появилась в результате Кумульского восстания и была локальным государственным образованием, противостоявшем китайской администрации и СССР. Второе – Восточно-Туркестанская Республика (1944–1949) в Или (Инин), которая образовалась при прямом содействии СССР. Получая советское

автономный район[823]. Отметим, что оба этих образования скорее консолидировались на фоне исламского и тюркского факторов, а также общей традиции, при этом большую роль играл процесс в ближайшей Средней Азии, где уже происходили реформы по национально-территориальному размежеванию. Советский пример являлся показательным: получение прав и свобод отдельными национальными группами выглядело весьма привлекательно для жителей соседнего Синьцзяна. Эти же идеи побуждали местное население солидаризироваться с советскими идеалами и участвовать в национально-освободительных восстаниях конца XIX-го – первой половине XX века[824].

Границы образованных республик Средней Азии: Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении постепенно трансформировались и все сильнее соотносились с современными. Наибольшие споры вызывали проблемы, связанные с принадлежностью городов и прилегавших к ним сельскохозяйственных районов Самарканда, Бухары, Ташкента Узбекской ССР, выделением Горного-Бадахшана и Каракалпакии и определение их административной принадлежности.

В результате проводимой российскими и советскими властями переселенческой политики регион стал многонациональным и поликонфессиональным. В нем были представлены такие этносы, как казахи, русские, украинцы, белорусы, немцы, поляки, молдаване, мордва, каракалпаки, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, армяне и др. Далеко не все они могли претендовать на получение собственных автономных образований. Важной проблемой для местного населения, помимо создания новых национальных республик, стало изменение именования национальных групп: для уйгуров – объединение их в указанную общность по языковому принципу, для дунган

снабжение, она просуществовала до образования КНР в 1949 году. См.: Brophy D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Harvard University Press, 2016. P. 173–228.

[823] См.: Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999. С. 106.

[824] Буяров Д. В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931–1934 годах // Грамота. 2014. № 11(49): в 2 ч. Ч. I. С. 25–27.

– отделение их от уйгурской организации. Все это происходило на фоне исчезновения ряда понятий, свойственных региону до этого, например, известной по Первой всеобщей переписи 1897 года категории «сарт» или же термина «тюрок» без указания конкретной этнической группы.

Реформа национально-территориального размежевания для региона стала решающей с точки зрения национального строительства. Многочисленные народы, получив возможность закрепить статус нации, обрели свои территориальные границы в виде союзных республик. Уйгуры и дунгане весьма активно участвовали в этом процессе, но с требованиями разного порядка: и те, и другие проходили советскую национальную перестройку, обращались к властям с просьбой культурного строительства, выдвигали собственные проекты создания советских автономий, но уйгуры в 1927 году обращались с просьбой о выделении уйгурско-тюркской народности «Таранчина» в автономную республику [825], что соответствовало бы статусу «народа», в то время как дунгане обращались в 1936 году с просьбой о создании всего лишь Дунганского национального района на берегах реки Чу, что рассматривалось в качестве самосознания ими себя в качестве «народности»[826].

Процесс национально-государственного размежевания был многогранным и достаточно сложным. Вначале советская власть была занята формированием новых субъектов с учетом новых социалистических наций. Экономический фактор разделения пришел после, когда стали понятны активы отдельных областей, поэтому параллельно был запущен процесс ликвидации и разграничения старых субъектов и замена их на новые. В рамках второго этапа была осуществлена корректировка статуса новых субъектов, появились пять союзных республик, одна автономная республика, и только Горно-Бадахшанская область оставила за собой статус автономной области союзной республики. В составе Казахстана были созданы два национальных автономных уйгурских района, оба в Алматинской области. По данным справочников

[825] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 122. Д. 293. Л. 3–7.
[826] ГА РФ, Ф. Р3316. Оп. 29. Д. 575. Л. 2–3.

административно-территориального деления Союза ССР, в 1934 году один из них назывался Джаркентским, с центром в г. Джаркенте, второй Чиликским с центром в с. Чилик[827], в справочнике 1935 года[828] национальные районы представлены как Уйгурский с центром в Чундже (существует до сих пор), а второй – Чиликский с центром в Чилике[829]. В Казахстане в этот период значилось 45 уйгурских и 5 дунганских однородных сельских советов, делопроизводство в которых на национальных языках велось не везде[830]. В 1931 году в Казахстане официально действовало 34 уйгурских и 5 дунганских школ, хотя и отмечался недостаток литературы на национальных языках[831]. В 1938 году число школ возросло, и уйгурских было уже 67, а дунганских 7 школ[832]. Было даже образовано специальное краевое дунгано-уйгурское совещание, на котором был поднят вопрос о том, что в большинстве уйгурских и дунганских школ обучение велось на казахском и татарском языках, отмечались также недостатки в антирелигиозном и интернациональном воспитании в них[833].

Для решения этой задачи еще в 1925–1927 годах был принят ряд решений Совнаркома РСФСР о просветительской работе среди нацменьшинств, а в 1931 году в КазАССР был образовали Комитет по делам национальных меньшинств. На Всеказахском съезде по культурному строительству, состоявшимся в том же году, было принято решение о переводе национальных школ на обучение на национальных языках, причем особо выделялся вопрос с дунганскими школами[834].

---

[827] Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года / Центр. Испол. Комитет Союза ССР. М. : Власть Советов, 1934. С. 132.

[828] Административно-территориальное деление Союза ССР: Крат. справочник на 1 сентября 1935 г. / ЦИК СССР. М. : Власть Советов, 1935. С. 133.

[829] Юсупов И. И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. С. 144.

[830] ЦГА РК, Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 106. Л. 3.

[831] ЦГА РК, Ф. Р-81. Оп. 12. Д. 410. Л. 6.

[832] ЦГА РК, Ф. Р-1692. Оп. 2. Д. 137. Л. 5–7.

[833] ЦГА РК, Ф. Р-5. Оп. 14. Д. 307. Л. 7.

[834] Шмидт В. Системы народного образования среди национальных меньшинств Казахстана // Восточный архив. 2021. № 2(44). С. 74–75.

Процесс культурного строительства среди национальных меньшинств являлся одной из важных задач и в 30-е годы XX века. Согласно докладу заведующего отделом национальностей ВЦИК У. Алиева, для развития культурной работы требовалось, например, расширение помещения уйгурского театра, печать областной газеты, строительство уйгурской школы областного значения, включение в вещание по радио передач на уйгурском языке, проведение конференции, посвященной уйгурскому языку, и ряд других действий, которые служили бы укреплению национальной культуры и защите прав уйгурской общины[835].

В ответной резолюции по докладу У. Алиева говорилось, что весь комплекс работ, посвященных культурному строительству среди уйгуров и дунган, являлся составной частью процесса по предоставлению этим народам культурной автономии и формированию отдельных новых нацменрайонов (Уйгурского, Джаркентского и Чиликского)[836]. Вместе с этим именно культурная работа являлась одним из слабых звеньев: недостаток в школах и их оборудовании, отсутствовала краевая полиграфическая база для обслуживания нужд печати среди уйгуров и дунган, также была слаба развита сеть культурно-просветительских учреждений. Дунгане в рамках этих проектов шли совместно с уйгурами, при этом особо отмечался низкий уровень их грамотности, что было связано со сложностями в культурной работе – отсутствие утвержденного варианта письменности вплоть до 1933 года[837]. По этим и другим вопросам КазЦИК предлагал конкретные действия, которые могли бы не только улучшить вопросы экономического развития, но и качественно трансформировать культурную жизнь уйгуров и дунган[838].

Несколько иначе шел процес развития идентификации уйгур в Узбекской ССР. С целью закрепления границ республики, увеличения ее масштаба, расширения полномочий руководства республики и по ряду других причин в Узбекистане

---

[835] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 130. Д. 26. Л. 42.
[836] Там же. Л. 42–63.
[837] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 130. Д. 26. Л. 256.
[838] Там же.

стремились максимально увеличить численность узбекского населения. Средством этого было в том числе причисление неузбеков к узбекам. Существуют многочисленные письменные и задокументированные исследователями устные свидетельства того, что при переписи населения в довоенный период уйгуров записывали в качестве лиц узбекской национальности[839]. Уйгуры для получения возможности продвижения по карьерной лестнице в Узбекистане часто были вынуждены объявлять себя узбеками[840]. Проявлялось это не только в ходе переписи, но и в текущей работе государственных организаций разного уровня. Так, уйгурские учителя отмечали нежелание узбекских ответственных работников печатать книги на уйгурском языке, на которые уже были ассигнованы средства из центра. В Академическом центре УзССР заявили: «Для чего уйгурцам отдельный язык и орфография. Для школы необходимо принять узбекскую орфографию, поскольку уйгурский язык на основе является узбекским», а Узгиз отказался печатать брошюру к Первомаю на уйгурском языке[841].

Определенная дискриминация по национальному признаку в отношении уйгуров в Узбекистане проявлялась и в действиях еще одной миноритарной для республики группы – татар, которые имели один из самых высоких уровней образования среди всех тюркских народов СССР того времени. В секретном докладе ОГПУ от 31 мая 1928 года о межнациональных отношениях в Узбекской ССР сообщается о письме уйгура из Сурхан-Дарьи, жаловавшегося на отказ приема в образовательное учреждение из-за того, что завотделом районного образования был этническим татарином и принимал преимущественно татар. Факт подтвердился. Ответственный работник был снят с должности. Также сообщалось о притеснениях со стороны татар в исполкоме. Факты не были единичными, что побудило

[839] Хайназаров Б. Б. История уйгурской диаспоры Узбекистана (1925–2012 гг.): дис. ... д-ра философии по истор. наукам. Ташкент, 2018. С. 34–35.

[840] Кокаисл П., Жоробеков Т. А., Субанов Т. Т. Уйгуры в Кыргызстане – две разные части одного народа? // Cultural Studies. 2020. № 1. С. 18.

[841] РГАСПИ, Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 216.

республиканские власти поставить этот вопрос в повестку. В результате уйгуры добились того, что в специальном решении о коренизации в Ташкенте был введен запрет на занятие должностей руководителей ответственных комиссий татарами[842].

Современные узбекистанские исследователи констатируют, что в результате ограничений в отношении реализации уйгурами их потенциальных прав и целенаправленных действий по включению их в состав узбекского этноса около половины уйгуров были постепенно ассимилированы, превратившись в узбеков, что и отражено в результатах переписи 1939 года, если сравнивать ее результаты с данными предыдущих переписей населения СССР[843].

Финальным аккордом в комплексе реформ по национально-территориальному размежеванию стала ликвидация национальных районов и сельсоветов [844]. В реализации «права на самоопределения» советская власть предложила национальным объединениям, которые только получали свое оформление в этой категории, возможность для выделения в отдельные районы, волости и сельсоветы по национальному признаку. Решения принимались местными властями, а потому в 1920–1930-е годы произошло резкое увеличение таких объединений. Такому многообразию способствовала политика коренизации. Однако при проведении общесоюзной реформы по национально-территориальному размежеванию стало понятно, что многие районы создавались хаотично, не все они соответствовали в своем составе национальной представленности, был также фактор численности, по которому определялась возможность организации национального района (не менее 10 тыс. жителей) или сельсовета (не менее 500 жителей). Кроме этого, существовала проблема чересполосицы, когда поселения национальных меньшинств соседствовали

[842] Там же. Л. 212–213.

[843] Хайназаров Б. Б. Указ. соч. С. 34.

[844] Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 24 января 1938 г. // РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 114. Д. 637. Л. 7.

с европейскими (по этническому составу), что делало районирование несоответствующим принципам национального самоопределения[845].

Эти реформы не могли не повлиять на уйгурское и дунганское население региона, они получили свои органы местной власти, шел процесс культурного строительства и ряд других чрезвычайно важных для национальной консолидации реформ (образования, языка и прочих). Уйгуры и дунгане не получили каких-то отдельных национальных автономий, которые указывали бы на национальный суверенитет, но при этом их политическое участие было активным в областях их проживания.

Параллельно трансформировалось отношение синьцзянских властей к национальным и идейным лидерам мусульманского населения. Администрация осознавала, что происходит регулярный обмен информацией с соплеменниками в советских республиках. Для многих представителей национальной интеллигенции решение национального вопроса в СССР стало одним из возможных вариантов решения этого вопроса в Западном Китае. Власти, представлявшие ханьцев и стремившиеся «растворить» мусульман в китайской нации через построение гражданской нации, в то же время осознавали, что необходимо учитывать реальную ситуацию на местах, в том числе роль СССР в развитии экономики региона, а также его политическое и даже военное влияние в крае. Именно поэтому провинциальное руководство часто занимало позицию такого наказания автономистов, которое бы не вызвало массового протеста местного населения, но в то же время ослабило их влияние в Синьцзяне, а именно высылку их в СССР.

В 1930-е годы произошла трансформация положения и жителей Синьцзяна. После восстания в Хами (1931–1934) в Синьцзяне к власти пришел новый губернатор Шэн Шицай. 14 апреля 1933 года им были опубликованы 10 пунктов нового правительства, в которых в том числе говорилось о равноправии всех

[845] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 130. Д. 385. Л. 1–30.

национальностей. Уйгуры, дунгане и другие национальности региона были приглашены к деятельности временного комитета. В этот период наблюдался подъем национального движения в Синьцзяне, поэтому правительство пыталось учитывать права неханьцев с целью сохранить свою власть в регионе. Показательно, что деятельность Шэн Шицая была поддержана советскими властями[846].

Советское правительство приветствовало инициативы синьцзянских провинциальных властей во главе с Шэн Шицаем по децентрализации управления и расширения автономии. Более того, на специальном совещании, состоявшемся в июле 1933 года в НКИДе под председательством заместителя комиссара по иностранным делам Г. Я. Сокольникова с участием всех заинтересованных ведомств, было подчеркнуто, что следует поддерживать целостность Китайской Республики, не оказывая поддержку повстанцам, занимающим антисоветскую позицию, в первую очередь дунганским повстанцам. В протоколе по итогам совещания отмечалось: «1. Считать неприемлемым поддерживать лозунги и политику отделения Синьцзяна от Китая. 2. Считать необходимым оказать поддержку урумчинскому правительству, пытающемуся улучшить методы китайской администрации в Синьцзяне, в частности, в деле сохранения широкой провинциальной автономии, которой пользовался Синьцзян, и в проведении той программы реформ, направленных к административной децентрализации и районной автономии населяющих Синьцзян национальностей, которые декларировались урумчинским правительством в целях достижения соглашения с руководством повстанческого движения (автономия, равенство национальностей, свободы слова, печати, союзов, выборность и т.д.). 3. В первую очередь считать необходимым оказать урумчинскому правительству активную поддержку для разгрома Ма Чжунъина и др. дунганских отрядов, представляющих собой реальный базис для планов превращения Синьцзяна в плацдарм антисоветской

[846] Чжун-Су Гуаньси Шиган (1917-1991) // Шэнь Чжихуа Чжубянь – Beijing : Синьхуа Чубаньшэ. [Обзор китайско-советских отношений (1917-1991). под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин : Издательство Xinhua.], 2007. С. 79–168. (《中苏关系史纲（1917–1991）》. 新华出版社)(на кит. яз.).

деятельности»[847]. В то же время ни синьцзянские, ни советские органы не стремились к физическому уничтожению лидеров повстанческого движения. Тот же Ма Чжунъин со своими ближайшими соратниками через год после вышеназванного совещания был интернирован в СССР, поселен на правительственной даче под Москвой и участвовал в решении вопроса о примирении повстанцев с китайскими властями в Урумчи, Хотане и Кашгаре[848].

Национальное движение в южном Синьцзяне было связано с организацией Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан (ТИРВТ). Временное правительство в Хотане в июле 1933 года приняло решение о непризнании правительства Шэн Шицая и создании своей парламентской республики и признании Хаджи Нияз хаджи президентом. ТИРВТ выступал против дунган, а также против ханьцев, провозглашая себя республикой, созданной на основе ислама, принципами государства являлись предписания Корана. Наряду с названием Тюркская Исламская Республика Восточный Туркестан существовало название «Республика Уйгуристан», но оценить этнический фактор в консолидации с учетом первого названия и использования «Уйгуристана» как географического термина достаточно сложно[849]. Наиболее выраженными факторами консолидации видятся религия и принадлежность к тюркоязычному населению.

Роль джадидов и турецких реформаторов отразилась в названии политических организаций уйгуров в Синьцзяне. По аналогии с младотурками, младобухарцами и

---

[847] Цит. по: Бармин В. А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина) // Известия Алтайского госуниверситета. 2012. № 4. С. 32.

[848] Там же. С. 33–34.

[849] Сюй Цзяньин. Дун ту вэньти дэ лиши юй сяньчжуан шулунь [Вопрос Восточного Туркестана: история и современное состояние] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и общественные науки]. 2016. Т. 37. №6. С. 1–10.(许建英. 《东突”问题的历史与现状述论》) (на кит. яз.); Зотов О. В. Восточный Туркестан (Синьцзян): на весах истории и геополитики // Россия и мусульманский мир. 2009. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnyy-turkestan-sintszyan-na-vesah-istorii-i-geopolitiki (дата обращения: 29.05.2024).

младохивинцами они называли себя младокашгарцами. Партия младокашгарцев в значительной степени копировала модель младобухарцев, в том числе потому, что долгое время находилась на нелегальном положении. Вместе с тем в ней был более силен элемент клерикализма, подчеркивая исламскую идентификацию, в титулатуре наряду с европейскими наименованиями должностей они использовали звания наместников халифа или хана[850].

Таким образом, уйгуры и дунгане двух сопредельных регионов переживали важный этап в национальном строительстве. В советских Средней Азии и Казахстане они проходили через социалистическую модель нациестроительства, получив равные гражданские права, встраиваясь в создававшуюся иерархию советских автономий, получая доступ к политической и административной власти на местном уровне, экономические преференции и возможность развития национальных языка, образования и культуры. Существовали проекты объединения дунган и уйгур в единую этносоциальную группу, были даже совместные административные органы, однако был реализован вариант раздельного нациестроительства. В правовом отношении граждане и этнические группы в СССР получили весьма широкие права, которые не всегда можно было реализовать на практике. Национальные меньшинства, к которым были отнесены дунгане и уйгуры, не могли претендовать на автономию с элементами суверенитета, но создавались условия для культурной автономии и консолидации разрозненных прежде этнических сообществ.

Уйгуры и дунгане в Синьцзяне консолидировались на основе противостояния другим этническим группам, в первую очередь ханьцам, а также друг другу, приводившего к межэтническим конфликтам. В отличие от советских органов, официальные власти Китайской Республики процесс нациестроительства уйгур и дунган максимально тормозили, полагая возможным включение мусульманского

[850] См.: Абдуллаев К. Н. От Синьцзяна до Хорасана. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 329; Зотов О. Восточный Туркестан (Синьцзян) – страна «латентного ислама» // Ислам и общественное развитие в начале XXI века. М. : ИВ РАН, изд-во «Крафт+», 2005. С. 479.

населения в процесс построения единой гражданской китайской нации на основе модели доминирования ханьцев, но на местном уровне также были вынуждены проводить определенные реформы по расширению прав неханьцев, причем и в этом вопросе определенную роль играла позиция советского руководства.

3.2. Конструирование национальностей: переписи, термины и практика классификации

Французский историк религии Эрнест Ренан в работе «Ислам и наука» указывал, что «неточное употребление названий народов и племен при изучении истории почти всегда приводит к недоразумениям» [851] . При типологическом определении и разграничении национальностей Востока советская наука руководствовалась огромным корпусом источников, составленным в период Российской империи. Сами продолжатели историографической традиции принадлежали к классической школе русского востоковедения, в контексте исследования интерес представляют работы и переписка востоковедов и исследователей Б. М. Гранде, З. Л. Шапиро, Л. Красовского, Т. Семенова, И. Зарубина и др. Все эти исследователи действовали исходя из задач, которые были поставлены еще профессором С. С. Ольденбургом в рамках его руководства комиссией по определению племенного состава населения (КИПС) в начале XX века.

В 1909 году востоковедами была создана Комиссия по определению племенного состава областей[852]. После Февральской революции она была трансформирована в Комиссию по изучению племенного состава населения России и просуществовала до 1930 года, несмотря на смену не только политического режима, но и социального строя. В 1917 году глава комиссии профессор Ольденбург, обсуждая деятельность

[851] Ислам и наука. Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в собрании «Научной Французской Ассоциации» (основанной в 1861 г. Леверье), бывшем 29 марта в большом Сорбоннском амфитеатре / перевод А. Ведрова. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883. С. 10–17.

[852] АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1927. С. 274.

группы, заявил, что «вопрос необходимости выяснить с возможной точностью племенной состав областей, прилегающих к обеим сторонам границы России в тех ее частях, которые примыкают к государствам, нам враждебным, имеет в настоящее время исключительное значение, так как мировая война ведется в значительной мере в связи с национальным вопросом»[853].

В риторике официальной власти термин «инородец» концептуализировал подход имперской России. После революции 1917 года он был заменен на термин «национальное меньшинство», что не отделяло и не противопоставляло этнические группы друг другу, а лишь указывало на их относительную малочисленность. К таким национальным меньшинствам относились различные этнические группы, как коренные, так и из представителей мигрантов, которые по своей численности составляли меньшую группу по отношению к основной массе населения и доминировавшим в крупных административно-территориальных единицах (от области до союзной республики) этническим группам.

В чем конкретно состояли проблемы определения групп, принадлежавших к национальным меньшинствам? Во-первых, поиск необходимой терминологии и ее коллективное представление. В советской модели, где за нациями было закреплено право на самоопределение, существовала возможность волеизъявления какой-либо из этнических групп о выделении себя в отдельную нацию. На деле исследованием и выявлением схожестей и расхождений между различными этническими сообществами занимались отечественные научные коллективы, и именно они в основном указывали на проблемы в этнодемографических процессах, а также в значительной степени выстраивали процесс нациестроительства. Во-вторых, очевидным для бывших «инородческих» областей Средней Азии была доминанта религиозной составляющей. Советская власть в ходе нациестроительства столкнулась с необходимостью преодолеть один из ключевых для региона типов идентичности –

[853] АН СССР Комиссия по изучению племенного состава населения России // Известия. 1: Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России. 1917. С. 8.

исламский. Советские идеи о самоопределении и строительстве национальной культуры в контексте Востока, а сюда были включены все исламские общности, предлагали свободу национальной и религиозной самоидентификации. Подобной деятельностью занимались еще джадидские представители, когда они конструктивистски выстраивали определение туркестанской общности[854]. Советская модель преследовала политические и экономические цели в создании наций, поэтому в регионе в целом сохранялась проблема «перехода от религиозного сознания к гражданскому», которая находила реализацию как за счет просвещения и идеологической работы, так и посредством административных запретов и ограничений[855].

Советская практика этнографической классификации напрямую повлияла на китайскую политику в 1950-х годах. После вхождения в состав КНР Синьцязна в регионе началась работа по определению национальностей («миньцзу шибие» – 民族识), которая основывалась на советской практике[856]. При этом и в китайской среде существовала дискуссия о фиксации единого термина для уйгуров, которая в итоге привела к использованию советского наименования локальных групп, похожая ситуация складывалась и в отношении китайских мусульман, в Китае известных как хуэйцзу, а в советской классификации – дунгане.

Переход к светской системе в Центральной Азии был не только сопряжен с выстраиванием жизни населения по новому образцу, исключающему религиозную обрядность, но включал в себя решение «женского вопроса», борьбу с безграмотностью – создание новой системы письменности и ряд других созвучных этапу нациестроительства задач. Поэтому само по себе определение терминов и

---

[854] Алимова Д. А. Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000. С. 8–14.

[855] Саидов А. А. Советское государство и ислам: история взаимоотношений (1917–1941 гг.) // Исламоведение. 2023. Т. 14. № 1(55). С. 44–47.

[856] Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. 46. М. : ИВ РАН, 2016. С. 209–244.

народностей Востока СССР было задачей как академического, так и практического характера.

Основным источником для составления этнической карты региона служили переписи населения. Списки этнических групп, которые были упомянуты в Первой всеобщей переписи 1897 года, а затем в двух советских переписях и сводках ВЦИК после объявления о создании Туркестанской республики, несколько отличались друг от друга.

По Первой всеобщей переписи 1897 года существовал ряд категорий, характеризовавших этнические и социальные общности. Общими для всех категориями распределения были сословная принадлежность, вероисповедание, языковая принадлежность. Согласно распределению, по вере в Средней Азии насчитывалось 7 001 804 мусульмана[857]. По родному языку распределение населения было таким: таранчинское – 56 412 человек; кашгарское – 71 350 человек, китайское (возможно, под него попадали и дунгане) – 16 303 человека; еще одна категория, под которую могли попасть уйгуры из Алтышахара, дунгане и представители других этнических групп, именовалась «тюркская народность без распределения». В ней оказались 236 134 человека[858].

После создания СССР материалы, которые иллюстрировали бы многонациональный состав населения, стали рупорами национальной политики. С созданием Туркестанской республики, по решению V краевого съезда Советов, в его состав вошли следующие официально зафиксированные этнические группы: 41,4%

[857] Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: 1-2. СПб. : паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. 2 т. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого). Т. 1. С. 250–251.

[858] Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года: 1-2. СПб. : Паровая типо-лит. Н. Л. Ныркина, 1905. 2 т. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого). Т. 2. С. 4–5, 14–15.

– узбеки, 19,4% – казахи, 10,8% – киргизы, 7% – таджики, 4,7% – каракалпаки, остальные – русские и другие народы[859].

Если в Первой всеобщей переписи Российской империи указывались среди прочих групп турко-татарское население, таранчи, сарты, тюрки, евреи и другие народности, то в СССР определение состава населения, а также наименование отдельных народностей изменились. Важной манифестацией, которую использовала советская власть, был уход от имперских именований, например, установление советского «казах» в противовес прошлому «киргиз» или «киргиз-кайсак». По мнению Ф. И. Голощекина, с Октябрьской революцией казахи получили полное объединение, оставив в прошлом именование в качестве «киргиз-инородцев», разделенных территориально, вытесняемых с культурных и годных к земледелию земель[860].

Постановление об образовании Туркестанской Республики с центром в Ташкенте было опубликовано в известиях ВЦИК от 13.04.1921 за № 79. В состав республики вошли Сырдарьинская, Семиреченская, Ферганская, Самаркандская, Закаспийская области и Амударьинский отдел. Площадь территории, по данным 1916 года, составила 1 299 168 кв. верст. Население – 7 201 551 человек, в том числе мужчин – 3 851 709, женщин – 3 339 342. Сельское население составляло 6 130 400, городское – 1 071 151 человек[861].

Этнографический состав Туркестанской АССР был таким: 1) таджики – 1 300 000 человек, 2) узбеки – 2 500 000 человек, 3) гальча – 30 000 человек, 4) дунгане – 120 000 человек, 5) таранчи – не установлено, 6) туркмены – 400 000 человек, 7) киргизы – 2 400 000 человек, 8) бухарские евреи – 40 000 человек, 9) русские – 500 000 человек, 10) армяне – 100 000 человек, 11) татары – 100 000 человек, 12) европейские евреи – 100 000 человек, 13) персы-афганцы – 30 000 человек. Для

---

[859] ГА РФ, Ф. Р1318. Оп. 1. Д. 443. Л. 84–87.

[860] Алексеенко А. Н., Алексеенко И. В. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. С. 42–55.

[861] ГА РФ, Ф. Р1318. Оп. 1. Д. 443. Л. 92–95.

сравнения: по данным на 1914 год, численность населения на этой же территории составляла 6 631 200 человек, в том числе мужчин – 3 581 400, женщин – 3 049 800; а по Всеобщей переписи 1897 года население составляло 5 212 428 человек, в том числе мужчин – 2 835 521, женщин – 2 376 907[862].

Исходя из данных Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года, этнографический состав населения был представлен достаточно крупными группами народов: тюркские народности, которые в 1897 году были указаны едино в связи с их регистрацией по языковой принадлежности, были поделены следующим образом: 1) тюрко-татаро-башкирская группа и 2) узбеко-казако-киргизская, с присоединением к каждой более мелких народностей, а ко второй еще и «тюрок без распределения». Из описаний тюрко-татарской группы можно найти следующие народности: татары, тюрки азербайджанские, карапапахи (возможно, подразумевались каракалпаки. – *примеч. автора*), бухарцы и др.[863]

По данным переписи 1897 года, категория «тюрок без распределения» свидетельствовала об ошибочном присоединении ряда народов к этой группе, например, иранского происхождения, а также отсутствии отдельной графы для киргизов (каракиргизов) и казахов, которые в пределах своих мест проживания могли быть указаны отдельно.

Трансформацию сведений по данным переписей можно проследить по обзорным материалам. Например, в «Обзоре Самаркандской области», который издавался в период с 1898-го по 1912 год, видно, каким образом от первичного деления по религиозному признаку к концу указанного периода этнографический состав населения был более выверенный: от магометян и иудеев до сартов, таджиков

---

[862] Там же.

[863] Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1927–1929. В 10 т. В надзаг. : Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. С. 8–18.

и прочих национальностей[864]. Аналогичные обзоры публиковались в начале XX века по всем областям Туркестанского и Степного краев.

Дополнительные сведения, характеризующие те или иные народы, можно почерпнуть в травелогах, заметках и записках об экспедициях, различных военных отчетах имперского периода о Средней Азии. Советская историография эту практику подхватила и продолжила, сформировав комплекс научных дисциплин, исследовавших проблемы этнографии, географии, народонаселения и пр. Важным отличием научных изысканий советского периода было стремление «предоставить голос» различным народам СССР. Поэтому от альбомов, аналогичных «Туркестанскому альбому» А. Куна[865], перешли к брошюрам «Труженица Востока»[866], иллюстрирующим национальную специфику каждого народа и каждой республики в составе СССР. Проблема национального строительства была включена в деятельность различных государственных и научных учреждений. Так, при Наркомнаце постоянно действовал этнографический отдел. А при отделе национальных меньшинств для изучения народностей СССР было учреждено Центральное Этнографическое Бюро, которое впоследствии было передано во Всероссийскую Научную Ассоциацию Востоковедения; отдельно функционировал Институт национальных культур Советского Востока. При учреждениях выходили специализированные сборники, справочники, журналы, энциклопедии.

Комплекс накопленных сведений о народах создал необходимость их этнографического уточнения. Одной из работ, наиболее точно демонстрирующей процесс конструирования отдельных народных групп или их объединения под

---

[864] Обзор Самаркандской области ... [по годам]. Самарканд : Самарканд. обл. стат. ком., 1891–1912. За ряд лет: Прил. к всеподд. отчету воен. губернатора. 1898–1899. С. 30, 89–92; 1899–1900. С. 62–63, 176; 1910–1912. С. 9, 87.

[865] Туркестанский альбом. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го / сост. А. Л. Кун, М. И. Бродовский, М. А. Терентьев. 1871–1872. Ч. 1-6. СПб., 1872.

[866] Смирнова В. Национальная гендерная политика в СССР в конце 1920-х гг. по материалам серии брошюр «Труженица Востока». Рукопись. С. 1–6. URL: https://www.hse.ru/data/2015/04/22/1095494330.docx (дата обращения: 30.03.2025).

определенными общими историческими терминами, стала публикация Залмана Львовича Амитина-Шапиро в сборнике № 2 Советской этнографии 1938 года. Эта работа была снята с публикации редакцией в связи с критикой отдельных вопросов по составлению переписи в СССР[867]. Из этой работы видно, что сама по себе проблема конструирования национальных меньшинств или просто выяснение обстоятельств по наименованию различных общностей были актуальными не только в научном ракурсе, но во вполне практическом, административном.

Так, в своей статье об уточнении этнографических терминов З. Л. Амитин-Шапиро указывал, что все наименования, использованные советской властью, определяют национальную политику и схожи в употреблении с предыдущим периодом. «Часто их (народностей. – *примеч. автора*) наименования изменялись и „дополнялись“, как, например, казахи назывались то кайсак-киргизами, то казаками, то казак-киригизами, но не их подлинным самоназванием – казахи. Киргизов звали бурутами, кара-киргизами, дикокаменными киргизами, но не киргизами»[868].

Таким образом, Амитин-Шапиро указывал на необходимость уточнения использовании этих «прозвищ», а соответственно, и на то, что они могли начать употребляться как самоназвания. В рассуждении на эту тему примечательными являлись еще несколько материалов, один из которых – статья Л. Красовского о том, чем стоит руководствоваться при составлении народностей СССР [869] . Из ее содержания следовало, что необходимо было ввести в широкое употребление какое-либо отличительное название, взяв для этого хотя бы существующие синонимы или самоназвание, например, крымские евреи – крымчаки, среднеазиатские – яхуди[870]. Нужда в таком специфическом употреблении была связана с появлением у этих

[867] МАЭ РАН, Ф. 40, Оп. 1 пп. 1 – Амитин-Шапиро.
[868] Там же. С. 1 (348) – 10 (357).
[869] Красовский Л. Чем надо руководствоваться при составлении списка народностей СССР? // «Революция и национальности»: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. 1936. № 4. С. 67–71.
[870] Там же. С. 4 (351).

народностей потребности в создании своего языка и письменности, печати и политического участия, что, по мнению Л. Красовского, соответствовало правам наций на их самоопределение. Эта проблема, как свидетельствует в своей статье Амитин-Шапиро, широко обсуждалась и в трудах Комиссии по изучению племенного состава населения СССР, регулярно выпускавшей сборники с описанием этнического и численного состава регионов[871].

Вслед за академическим сборником, составленным под руководством профессора И. И. Зарубина в 1925 году, утвердился ошибочный, по мнению З. Л. Амитина-Шапиро, список народностей[872]. Об этом же писали в своих трудах З. Чернякова[873] и проф. Б. М. Гранде[874]. Профессор Гранде отмечал, например, что перечень для разработок материалов Всесоюзной переписи населения 1926 года содержал в себе 188 народностей, категории «прочие» был отведен номер 189, а под 190 были отмечены народности, «неточно указанные», к ним были причислены: 1) тавлинцы, 2) кряшены, 3) тептяри, 4) уйгуры, 5) ойроты, 6) хакасы и др.

Однако уйгуры из этого списка были отражены в фактических материалах под названием групп «таранчи и кашгарцы. По переписи 1926 года они шли под этим названием, и в тех случаях, когда эти категории отсутствовали, они были отнесены к группе «уйгуров». К 1936 году, по замечанию профессора Гранде, эта народность уже была оформлена как единица со своей письменностью, то есть могла быть представлена в новой переписи уже без других упоминаний[875].

Об ошибках в процессе нацразмежевания писал и крупнейший востоковед того времени В. В. Бартольд. По его мнению, выраженному в записке «По вопросу об

---

[871] МАЭ РАН, Ф. 40. Оп. 1 пп. 1 – Амитин-Шапиро.

[872] МАЭ РАН, Ф. 40. Оп. 1 пп. 1 – Амитин-Шапиро. С. 3 (350).

[873] Черняков З. Е. Об этнографическом составе СССР // Советская этнография. Л., 1933. № 1. С. 38–57.

[874] Гранде М. Б. Материалы для уточнения списка народов СССР // «Революция и национальности»: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. 1935. № 4. С. 77–87.

[875] Там же. С. 85.

исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии», «национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь при национально-государственном размежевании Средней Азии в 1924 году, был выработан западноевропейской историей XIX века и совершенно чужд местным историческим традициям»[876].

О сложности в этнографическом измерении свидетельствовали примеры наименований других народов. З. Л. Амитин-Шапиро указывал, в частности, на следующие проблемные термины: среднеазиатские евреи – иври, яхуди, джугут или бухарские евреи используются в разных отношениях, при этом термин «джугут» является уничижительным. По его мнению, среднеазиатские евреи – условный термин, объединяющий многие бродячие группы, известные в отдельности под названием люли, мазанг, джучи. Самоназвание мазанг. В современной науке эти народности именуются цыганами и составляют отдельную группу населения в регионе. Необходимо также уточнить этническую принадлежность «ирани». В академическом списке племенного состава населения СССР «ирани» означает иранское население Мерва, принудительно выселенное после его разрушения в 1875 году. Современные ирани проживают в Бухаре и Самарканде[877].

В списке, который приводит З. Черняков, ирани представляют отдельную группу и говорят на персидском. Такое положение могло ошибочно спутать ирани и таджиков, а также бухарских евреев. Амитин-Шапиро подчеркивает, что ирани говорят не на персидском, а на узбекском говоре азербайджанского языка, так как многие из их числа являются потомками азербайджанцев, уведенных туркменами в рабство[878].

---

[876] Олимов М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток. 1991. № 5. С. 107.

[877] Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / составленный под редакцией И. И. Зарубина. Л. : Издательство АН СССР, 1927. С. 7.

[878] МАЭ РАН, Ф. 40. Оп. 1 пп. 1 – Амитин-Шапиро. С. 3–4 (350–351).

Всесоюзная перепись 1926 года, принимая без предварительного анализа и верификации данные из академического списка, включила в перечень народностей под № 170 и 171 – таранчи и кашгарцы, однако их подлинное название – уйгуры. Под этим названием они не были включены в список народностей. Поэтому часть населения попала в графу № 180 – «не указана или указана не точно». То есть большая этнографическая группа – уйгуры, проживающая в Средней Азии совместно с узбеками, казахами и др., была лишена настоящего своего наименования. В списке указывается, что уйгуры – самоназвание таранчей, принятое ими после революции вместе с кашгарцами. 31 941 человек, таким образом, составляют группу в Узбекистане под графой «не точно», и только 6 человек (по свидетельству Амитина-Шапиро) составляют в списке 171 номер, то есть образуют группы таранчи. Исследователь подчеркивает необходимость освободить список народностей от старых и даже нецензурных понятий, какие, например, используются в отношении среднеазиатских/бухарских евреев. Кроме того, особую необходимость составляло уточнение названий языков, которые помогали определить ту или иную этническую общность[879].

Из промежуточных данных материалов Всероссийской переписи 1920 года по Сыр-Дарьинской области Туркестанской республики следует, что число дунган, проживавших в Ауэлеатинском уезде, составляло всего 668 человек [880]. Эта цифра коррелирует с данными по тому же уезду, приводимыми И. И. Зарубиным, который показывал здесь в 1917 году 672 представителя дунган[881].

В то же время для раннесоветской статистики были нередки неточности. Например, из сведений Туркестанской комиссии райнирования от 1924 года следует,

[879] Там же. С. 3–8 (350–355).

[880] Материалы Всероссийских переписей 1920. Туркестанская республика. Ч. I. Поселенные итоги. Вып. III. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент : Издание ЦСУ Туркреспублики, 1923. С. 46.

[881] Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края. Труды Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран. Л. : Российская академия наук, 1925. С. 20.

что есть отдельная группа «кашгарцы», несмотря на наличие уйгуров и др. тюркских народностей, а также фигурируют группы под названием «прочее» и «неизвестно», в которых учитывались различные этнические группы. Кроме того, важно, что эта информация, скорее всего, сознательно искажалась (есть приписки внизу листов о несоответствии данных семейного и душевого учета) для выдвижения территориальных претензий к соседним этническим группам[882].

Вместе с тем игнорировать данные переписей нельзя. Так, по данным переписей можно сделать вывод, что уже в 1926 году дугане самоопределяли себя дунганами, а уйгурами очевидно самоопределяла себя лишь часть того населения, которая уже позднее станет единой уйгурской нацией. В частности, во Всесоюзной переписи населения 1926 года по Узбекской ССР от 1926 года исследуемые общности были представлены следующим образом: дунгане – 132, уйгуры – 31 941, таранчи – 6, кашгарцы – 4421, китайцы – 108[883].

В итоге только в переписи 1939 года были учтены ошибки и произведены уточнения списка народностей. Тогда же уйгуры закрепляют за собой это самоназвание; отдельно представленными становятся и дунгане. В Синьцзяне к этой проблеме возвращаются на основе советской практики в 50-е годы XX века. Стоит отметить, что советская этнография и востоковедение не ограничивались теоретическими исследованиями: составленные ими этнические списки народов Востока выполняли функцию политического инструмента. Через термины и переписи нации получали основания к приобретению политического статуса, критериями чего выступали численность, территориальное закрепление и обобщающее наименование. Советский опыт в этой сфере оказался экспортируемым и напрямую повлиял на Китай.

Научная дискуссия значительно реформировала процесс переписи населения, оказалось, что модель восприятия национальных меньшинств была недостаточной,

---

[882] ГА РФ, Ф. 3316. Оп. 18. Д. 241. О претензиях Киргизской АО к некоторым областям Узбекской ССР. 1925. Л. 15, 17, 18, 20.

[883] Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XV, Узбекская ССР. Отд. I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1928. С. 8–9.

поскольку не учитывались факторы самоназвания или единства языка и культуры различных социальных и территориальных групп и другие факторы.

Вклад советских этнографии и востоковедения в дело актуализации знания об исследуемых этнических сообществах заложил фундамент национальной политики и повлиял напрямую на ее развитие. Состоятельность советской научной школы в довоенный период способствовала оформлению существовавших тогда этнических групп в известные нам сегодня этнические сообщества, учитывая их многовековую историю, языковую специфику, хозяйственно-культурную близость и ряд других факторов.

3.3. Уйгуры и дунгане в первые годы СССР и Китайской Республики

Строительство советской общности в первой трети XX века напрямую отражалось на образе жизни и быте сообществ дунган и уйгуров. Опираясь на материалы архивных источников, можно определить те трудности, с которыми столкнулись граждане раннесоветского государства в Туркестане: Гражданская война, вопрос о национальном образовании, вопросы землевладения различных сообществ региона и другие.

Национальное строительство нашло свое отражение в многочисленных документах, значительная часть из которых до настоящего времени не опубликована и хранится в архивах. В частности, сохранилось обращение дунган Средней Азии к наркому иностранных дел Г. В. Чичерину. Из него следует, что дунгане, страдавшие от гнета китайцев, вынужденно переселились в Туркестанский край и попали под гнет российского империализма, не дававшего возможностей культурного и экономического роста нерусских национальностей.

Обращавшиеся констатировали, что советская власть начала работу по изжитию «ненормальностей во взаимоотношениях национальностей, являющихся наследием

царской политики» [884] и создала одинаковые возможности для развития и строительства социализма всем национальностям. Крупным шагом в этом направлении авторы отмечали проведение национального размежевания: «Мы, дунгане, приветствуем этот шаг, дающий возможность к быстрому экономическому и культурному росту основных народностей Средней Азии»[885]. Далее они подчеркивали, что в результате исхода из Китая и расселения в Туркестанском крае в районах, прилегавших к китайскоӣ границе, встречаются поселения дунганских крестьян, а в крупных населенных пунктах – крестьянских ремесленников. Если до размежевания они подчинялись Ташкенту, то после размежевания 50–60 тысяч дунган были разбросаны по разным республикам и не подчинены единому экономическому и административному центру. В обращении они сетовали на то, что самостоятельная народность не имеет возможности создать своӣ обособленный территориальный раӣон.

Авторы обращения отмечали, что «дунгане – самая отсталая национальность, их нужно организовывать, просвещать»[886], и доказательством своей отсталости считали отсутствие подготовленных кадров. По их мнению, если во времена Туркестанской республики малая часть дунган сумела попасть в учебные заведения, то с национально-территориальным размежеванием вопросы культурного строительства и просвещения существенно ухудшились. В качестве примера они приводили факт того, что «в этом году по разверстке [на обучение] по всей Средней Азии не попал ни один дунганин. Это обстоятельство внушает нам серьезные опасения о нашем будущем»[887].

Для дунганской и уйгурской общин чрезвычайно важной была связь с местом исхода, то есть с Синьцзяном. Во многих обращениях близость к китайской стороне

[884] ГА РФ, Ф. Р1235 Оп. 120 Д. 42, Л. 2, 4–6. Копия постановления Гомельского губернского исполнительного комитета о работе среди национальностеӣ губернии. Заявление Дунганского народа /жителеӣ Среднеӣ Азии / с просьбоӣ об усилении среди них культурноӣ работы.

[885] ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 42, Л. 4–5.

[886] Там же.

[887] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 120. Д. 42. Л. 4–7.

использовалась этими этническими группами в качестве возможности оказания влияния на население сопредельных с СССР территорий и демонстрации преимуществ советского строя. Сравнение бытности уйгур и дунган СССР с теми, кто проживал на территории близлежащего Синьцзяна, встраивалось и в противопоставление систем коммунизма и капитализма в своем самопозиционировании для советской власти: с использованием выражений «живущих под пятой китайского, а конечном счете европейского и американского капитала» [888] , «находясь под властью китайцев-империалистов Восточного Туркестана» и т.п. [889] советские дунгане выражали готовность помочь китайским дунганам встать на путь социализма, однако для осуществления этой задачи у них, как и у уйгуров, было недостаточно профессиональных кадров. «Принимая во внимание это все, мы ставим перед партией и центральной властью СССР вопрос о создании учебного заведения для дунган или в Москве[,] или в Ташкенте на 300–400 человек, сроком на 3–4 года с содержанием на средства государственного бюджета. Кроме того, необходимо провести включение отдельно дунган в ежегодные разверстки, в рабфаки, партшколы, коммунистические университеты и другие учебные заведения»[890].

С подобными просьбами к представителям советской власти на местах обращались и уйгуры. В одном из их обращений говорилось, что на 1917 год общее число уйгуров, проживавших в Узбекистане, составляло свыше 300 тысяч, из них земельных и безземельных декан – 40%, кустарей, живущих своим трудом, – 20%, батраков и мардикеров (временных рабочих) – 35%, мелких и крупных торговцев – 5%[891]. В 1918 году в Джетысуйской области уйгуры создали свою организацию и принимали участие в рядах Красной армии. Из числа алты-шахарцев были образованы

[888] Там же.
[889] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 2–3.
[890] ГА РФ, Ф. 10073. Оп. 2. Д. 589. Л. 5.
[891]РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 19–20.

отдельные полки, которые принимали участие на стороне большевиков на Самарском и Асхабадском фронтах, а некоторые погибли в борьбе с басмачеством в Фергане[892].

По свидетельству уйгурской коммунистической секции, в 1917 году во время правительства А. Ф. Керенского несколько десятков тысяч трудящихся алты-шахарцев «были проданы» туркестанскими баями на германский фронт. Из одного Андижанского уезда отправлены 27 тыс. кашмирцев. При этом жизнь мобилизованного оценивалась в 1200 руб.[893]

Политическое участие уйгурской общины было непропорциональным. Авторы записки – заместитель ответственного секретаря коммунистической секции уйгуров при Обкоме КПУз (Коммунистической партии Узбекистана) Мухамадов и ответственный секретарь коммунистической секции уйгуров при втором городском райкоме КПУз Амин-арун Юсуфи – отмечали, что основную деятельность в краевом бюро под руководством А. А. Розыбакиева вели порядка 40 тыс. таранчинцев, где алтышахарцы в составе 300–400 тыс. человек не имели даже своего представительства [894] . Одной из задач работы Крайбюро было обеспечение направления на учебу кадров. По сведениям авторов, за трехлетний период работы среди отправленных было 500–600 таранчинцев без учета участия алтышахарцев.

Необходимо указать, что заниматься решением национального вопроса было поручено Краевому бюро, которое находилось в Семиречье (Джетысу). В этой работе оно недостаточно задействовало местные низовые организации. «Ввиду этого в 1924 году после 8-го партсъезда было созвано краевое совещание коммунистов-уйгуров, живущих в Туркестане, на этом совещании алты-шахарцы и джунгаринцы разделились от тараничнцев, кашгарцев и дунганов, создавая отдельное краевое бюро при ЦККПТ, которое существовало до национального размежевания»[895].

---

[892] Там же. Л. 19–21.
[893] Там же.
[894] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 20–21.
[895] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. Л. 19.

Бюро в краткий срок удалось объединить уйгуров и отправить 96 детей в школы других республик, а при совместной работе с таранчинцами в течение нескольких лет в учебные заведения было отправлено 24 представителя алты-шахарцев[896]. «Мы, трудящиеся, проживающие в Алты-шахаре и Джунгаре, насчитывающиеся больше 25 миллионов населения, находя[сь] под игом китайского правительства и капиталистов Англии, но мы надеемся, что 3-й Коминтерн, освобождавший угнетенных трудящихся всего мира, при помощи компартии Узбекистана освободит нас от гнета»[897].

В обращении уйгуров также выражалась просьба о национально-культурном строительстве в связи с тем, что китайские власти ограничивали обучение уйгурских детей в новометодных школах. Советские уйгуры ходатайствовали за предоставление им 300 мест в разных школах Узбекистана. Более того, ими предлагалось создание «Общественного Комитета Уйгуров», проведение краевого совещания коммунистов-уйгуров для выработки плана дальнейшей работы в связи с «разбросанным положением» уйгуров после национально-территориального размежевания[898].

Решение вопроса национальных меньшинств уйгуров и дунган теперь во многом оказалось связанным с их разделением внутри новых союзных республик. В уже цитированном письме М. И. Калинину школьного работника Сабирова из г. Джаркента Джетысуйской губернии, составленном в 1927 году, подчеркивалось приграничное и трансграничное положение уйгур[899] как между Китаем и Советским Союзом, так и внутри СССР.

При обосновании целесообразности создания крупного автономного объединения уйгур приводились эмоциональные примеры их преданности советской власти и даже личной любви к вождям российского пролетариата. Так, Сабиров писал, что с приходом советской власти он вел активную просветительскую деятельность и

---

[896] Там же.
[897] Там же. Л. 19–21.
[898] Там же. Л. 21–22.
[899] Там же. Л. 3.

вместе с «татарской бригадой» принял участие в борьбе с басмачами в Ферганской области. Позднее Сабиров был принят на работу в городской Отдел просвещения. «Вся моя работа заключалась в том, что я разъяснял народу[,] как смотрит коммунизм на просвещение и что без просвещения невозможно идти вперед. Позднее, когда Вы в 1925 году посетили Марза-Чульский уезд Ташкентской области, когда[,] проезжая по Ферганской ж-д ветке, Ваш поезд приближался к станции Хилкова, я занимался в школе. Когда мне сообщили, что проедет товарищ Калинин, я собрал узбекских детей, учеников и учениц, под красным флагом и вышел встречать Вас на вокзал. Но Вы не высовывали даже головы. Я Вас не мог видеть, поэтому мы с моими учениками в великом горе вернулись домой, в школу»[900].

Он подчеркивал, что работал с детьми четырех национальностей не из корысти. Его жалование в течение 1925–1926 годов составляло 38 р. 75 к. в месяц, а он еще имел на своем иждивении семью из пяти человек. Для него на первом месте стояла идея. С опытом 20-летней работы на Востоке Сабиров изучил большой объем литературы на тюркских и русском языках, историю стран Востока, а также бытность казахов, узбеков и др. «Ввиду того, что я проживаю почти в Восточном Туркестане, который близок к Китаю, наблюдаю и анализирую все происходящие события. В результате вижу народы мелких республик, народов, которые в настоящее время идут вперед не шагом, а километрами. Но мне приходится немного остановиться еще на одном вопросе. Дело вот в чем: В Алма-Атинском и Джаркентском уездах Алмаатинской губернии существует уйгурско-тюркская народность „Таранчин“, численностью 50–60 тыс. Слово „таранчи“ значит „хлебопашец“»[901]. Далее Сабиров в письме раскрыл историю таранчей, а именно то, что они проживали в Алты-шахаре, то есть Шестиградье, однако китайская власть вынудила многих мигрировать, принудив платить высокие налоги. Оставшиеся там таранчи жили в том же рабском состоянии. Автор письма подчеркивал, что только советские таранчи получили

[900] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 122. Д. 293 Л. 4–5.
[901] Там же. Л. 5–6.

возможность жить свободно. Они занимались земледелием, «разводя более 20 видов хлебных злаков и превращая пустыни в цветущие сады». Сабиров свидетельствовал, что среди таранчи немало дельных и трезвых коммунистов. «Таранчи – удивительно смышленый̆ и разительный̆ народ. Родившиеся в 1907 году таранчи были на допризывной̆ подготовке. В течение одного месяца они занимались с таким успехом, что никоим образом нельзя считать, чтобы они отставали от русских. Своими революционными песнями они потрясают джунгарские Алатау. Если посмотрим на этот удивительно способный̆ народ, то мы не увидим у них ни артели, ни коммуны, могущих быть образцовыми. Нет порядочной̆ школы. За 10 лет революции они не имеют более[-]менее сносных учебников (существует 5–6 книг, но ни одна из них не может отвечать потребности и иметь какое-либо значение). Существует одна газета, но очень маленькая, и выходит она один раз в неделю»[902].

Однако требования о культурном строительстве и усилении этнополитической трансформации, решении вопросов Восточного Туркестана, которые выдвигали объединенные уйгуры (таранчи, дунгане и др.), не были выполнены. В Алтышагарском вилойяте Восточного Туркестана проживали значительное число таранчей. Представителям советской власти и уйгурским коммунистам жизнь их соседей виделась как существование в условиях постоянного угнетения. Поэтому пример национального строительства у советских соседей выглядел привлекательно для уйгуров по другую сторону границы. Для того, чтобы влиять на уйгуров – пролетариев Восточного Туркестана – таранчей, проживавших на территории СССР, необходимо было «дать автономную республику или область. Поднять культуру и в спешном порядке проложить железно-дорожную ветвь»[903].

Выделение таранчи автономии представлялось уйгурскими активистами таким политическим жестом, который был способен упрочить влияние коммунистической идеологии за пределами СССР. Тем более что связь между советскими и китайскими

[902] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 122. Д. 293. Л. 4–6.
[903] Там же.

таранчи была серьезной. «У тюркских народов существует традиция смотреть на своих соплеменников, хвалиться ими и перенимать от них достижения. Если местные таранчи покажут пример, то китайские таранчи живо откликнутся на это»[904]. При этом сам вопрос об автономии должен был подниматься не коммунистами-таранчи, а быть инициированным представителями других этнических групп.

Влияние на ближайший со Средней Азией Синьцзян через локальную общину действительно осуществлялось и поддерживалось местными властями. Однако решения об активных действиях в Синьцзяне не принималось из-за угроз внешнеполитического характера. Для СССР того периода более важным, чем решение «уйгурского» вопроса, считалось вступление «большого» Китая на путь коммунистического строительства через распространение в ханьском Китае коммунистической идеологии и рост влияния на китайское население КПК [905]. Мероприятия в этом направлении велись с 1924 года. Особенно остро этот вопрос встал в период советско-китайского конфликта 1929 года из-за КВЖД[906].

Проблема разрозненности уйгуров являлась камнем преткновения как при их объединении в рабочий союз, так и при культурной работе с ними. Уйгуры были разрозненны, или, как говорили тогда, «отделены друг от друга»: «таранчи от кашкарлыка, кашкарлык от дунгане, но на самом же деле они друг от друга по обычаю и характеру не отделяются, если взять кашкарлык и таранчи, то они по обычаю и характеру несколько не отличаются, а дунгане все-таки имеют отличие от таранчи и кашкарлык, но для цели им необходимо работать вместе»[907].

---

[904] Там же. Л. 6–8.

[905] Чжун-Су Гуаньси Шиган (1917-1991) / Шэнь Чжихуа Чжубянь – Beijing : Синьхуа Чубаньшэ. [Обзор китайско-советских отношений (1917-1991) / под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин : Издательство Синьхуа], 2007. С. 189–234 ()《中苏关系史纲（1917–1991）》//新华出版社) (на кит. яз.). Чжун-Су гуаньси цыдянь [Энциклопедия китайско-советских отношений]. Далянь, 1990 (на кит. яз.).

[906] История Китая / под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд., исп. и доп. М. : Изд-во МГУ, 2002. С. 496–497.

[907] ГА РФ, Ф. Р1235. Оп. 122. Д. 293. Л. 6–8.

После распада ЦК «Уйгур» уйгуры на какое-то время утратили только приобретенное общее наименование, а вместо него получили три названия: «кашкарлык, таранчи, дунгане»[908]. Затем, во время национального размежевания в Средней Азии, при ЦК Компартии Туркестана в Отделе нацменьшинства было организовано Центральное бюро кашкарлыкских коммунистов, которое тоже стремилось получить поддержку в вопросе образования автономной области, которую предлагалось выделить из существовавшей Ферганской области. Это предложение не нашло поддержки вышестоящих органов. Наоборот, вновь был распущен управляющий орган, что вызвало рост националистических настроений среди уйгурского населения региона[909].

Проблема консолидации уйгуров внутри советской Средней Азии и Казахстана, а также взаимодействие с соседями по другую сторону советско-китайской границы оставалась актуальной, усиливаясь в связи с распространением нежелательных религиозных течений.

Другой проблемой, также увязывавшейся с возможностью «экспорта идей революции», были трудовые мигранты из Синьцзяна в советском Туркестане. Нехватка трудовых ресурсов, требовавшихся для восстановления страны после гражданской войны, ограниченность финансовых ресурсов и другие факторы побудили местные власти разрешить временный въезд на территорию СССР сезонным рабочим из Китая. При этом они прибывали чаще всего в те районы, где уже находились местные, советские уйгуры. Контроль за сезонными рабочими становился не просто административной задачей, он превращался в задачу политическую. Из материалов о содержании, формах и методах культурно-бытового обслуживания пришлых из Кашгарии сельхозрабочих за 1929 год следует, что миграционные потоки имели сезонный характер. Найм осуществлялся на весенне-осенний период (около 5–7 месяцев, обычно с апреля по ноябрь). Большинство трудовых мигрантов

[908] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405. Л. 7.
[909] РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 407. С. 24–25.

принадлежали к сельским бедняцким слоям. В то же время под видом сельскохозяйственных рабочих также прибывали: а) аксакалы-старшины, выступавшие обычно в роли посредников в переселении, б) гуртовщики-торговцы и в) контрабандисты[910].

В работе с пришлым населением подчеркивалась необходимость проведения культурно-бытовых мероприятий. Так, обслуживавшие пришлых сельхозрабочих должны были ознакомить последних с местом работы и ее условиями, трудовым законодательством: КЗоТом[911], законами о сезонных рабочих и совхозах, положением о применении КЗоТа в кулацких хозяйствах, а также с «Временными правилами» в хозяйствах с подобным наемным трудом, с защитной работой профсоюзов, различных госорганизаций (сельхозсоветы, наркомтруд, сельхозинспекция, народный суд, кооперация и т.д.), с местом и значением этих организаций в советском строительстве[912].

Применялись и весьма нестандартные решения. Так, для контроля за этой работой специально создавались сети батрацких чайхан (мардыкер-чайхан) на путях перемещения сельхозрабочих. Предполагалось, что мардыкер-чайханы могут превратиться в орган культурно-бытового обслуживания сельхозрабочих. Их функции были обозначены так: информационно-справочная работа, предоставление бесплатного ночлега и еды, а также включение их в сеть действующих культурно-просветительских учреждений[913].

С учетом бытовых привычек сельхозрабочих чайханы должны были обеспечить необходимый культурный досуг, отдых и разумные развлечения (радио, читальня, кино, шахматы и шашки), а также, учитывая безграмотность большинства пришлого населения, обеспечить издание красочных плакатов по вопросам профсоюзной и законодательной защиты и проводить беседы на близкие к условиям труда и быта

---

[910] ГА РФ, Ф. Р5466. Оп. 3. Д. 322. Л. 93–94.
[911] КЗоТ – Кодекс законов и труде.
[912] ГА РФ, Ф. Р-5466. Оп. 3. Д. 322. Л. 93–94.
[913] Там же. Л. 93 об. – 94.

темы. Конечно, должны были вестись беседы о преимуществах советского образа жизни с элементами сдержанной коммунистической пропаганды.

В качестве батраков в 1929 году был разрешен переход в СССР 7 тыс. уйгур из Синьцзяна[914]. Учитывая их национально-бытовые особенности, низовым союзным органом в хлопковых районах было указано на необходимость проведения мероприятий по их обслуживанию. Советская власть стремилась вовлекать уйгур в местную политическую и культурную работу[915]. В местах значительного скопления уйгуров, работавших в дехканских хозяйствах, предполагалось включить их в состав рабочих организаций, а также следить за составом тех, кого выбирают в указанные объединения. Защита интересов прибывших батраков осуществлялась на основе существующего трудового законодательства: они заключали краткосрочные соглашения, но главным в работе с привлеченными уйгурами была трансляция преимуществ советского строя, которые, как предполагалось, они потом должны были ретранслировать за границей.

Культработа среди уйгуров была направлена на ликвидацию среди них безграмотности, знакомство с советским трудовым законодательством, политическим строем, решениями партии и правительства по национальному вопросу и с общими задачами профессионального движения. Местные органы обязывались ежемесячно отчитываться об информационной работе и проведенных среди трудовых мигрантов мероприятиях в Среднеазиатское бюро ЦК[916].

Такая работа могла обеспечить распространение идеологии за пределами советской Средней Азии, а также экономически поддержать отдельные районы. Курс на трансляцию идеи советского варианта решения национального вопроса актуализировал его и в самом СССР. Однако основная проблема решения

---

[914] Бао Эрхань Шасиди (Бурхан Шахиди). Синьцзян у ши нянь [Пятьдесят лет Синьцзяна]. Бэйцзин: Вэньши цзыляо чубаньшэ [Пекин: Издательство исторических материалов], 1983. (包尔汉 沙希迪.《新疆五十年》. 北京:文史资料出版社,1983)(на кит. яз.). С. 156.

[915] ГА РФ, Ф. 102. Оп.2. Д. 658 ч. 27. Л. 98–100.

[916] Там же.

национального вопроса уйгуров и дунган состояла в их дисперсном проживании и отсутствии территории их компактного проживания. Выделение особой автономной области натыкалось также на сопротивление руководителей ряда местных национальных исполкомов, опасавшихся как снижения собственного личного влияния, так и возможности утраты или понижения статуса автономии в связи с ее возможной трансформацией[917].

После создания отдельной секции уйгуров было оперативно принято решение о выделении дунган в отдельную от уйгуров народность. С такими просьбами неоднократно обращались представители местного населения. Так, в письме колхозников-дунган Кантского и Чуйского районов Киргизии, датируемом 1936 годом, по вопросу о целесообразности концентрации руководства дунганским населением в одной республике содержалась просьба создания Дунганского национального района на берегах реки Чу. Показательно, что обращение дунган было приурочено к принятию Конституции 1936 года и в основном содержании восхваляло достижения советского строя. В начале они указывали на страдания от гнета китайских феодалов, последовавшего за этим восстания в 1870-х годах, после которого они были вынуждены мигрировать в Семиреченскую область. Там, по их мнению, они попали под тройной гнет – русского царизма, киргизских бай-манапов и соотечественников-кулаков[918]. И только после «Октябрьской революции и ленинско-сталинской национальной политики» дунганский народ обрел свою родину, многие дунганские колхозы стали большевистскими, а дунгане – зажиточными. Далее

---

[917] Ерофеев Д. Р., Погодин С. Н., Фролова А. П. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе // Россия в глобальном мире. 2017. № 11(34). С. 168; Пилипчук Я. В. Уйгурское национальное движение и Китай в XX веке. URL: https://ethnoglobus.az/print:page,1,1384-ujgurskoe-nacionalnoe-dvizhenie-i-kitaj-v-hh-veke.html (дата обращения: 01.04.2025). Сюй Цзяньин. Дун ту вэньти дэ лиши юй сяньчжуан шулунь [Вопрос Восточного Туркестана: история и современное состояние] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и общественные науки]. 2016. Т. 37. №6. С. 1–10.(许建英. 《东突” 问题的历史与现状述论》) (на кит. яз.).

[918] ГА РФ, Ф. Р3316. Оп. 29. Д. 575. Л. 2–3.

указывалось, что раньше у них не было ни письменности, ни культуры и трудящиеся дунгане были все поголовно неграмотными[919].

С советским национальным строительством и реформированием письменности в 1930-е годы дунгане получили свой латинизированный алфавит, книги и газеты на дунганском языке, появились собственные писатели, учителя и агрономы. В каждом селении стали работать клубы, библиотеки и школы, в которых преподавали на дунганском языке. Серьезной проблемой оставалась массовая неграмотность дунган. Грамотность среди них не превышала 10%, и причина этого состояла, по мнению составителей, в «территориальной разбросанности дунганского населения» [920], решением чего могла стать этническая консолидация в рамках автономного административного образования.

В составе Российской империи дунгане проживали в Чуйской долине Семиреченской области, и после национального размежевания 1924 года часть дунган была отнесена к Казахской АССР, а другая часть осталась в Кара-Киргизской АО. Общая масса дунган состояла из выходцев из Шэньси или Ганьсу. Именно они в 1930-е годы образовали на территории Узбекистана колхозы «Лунмин Гунхо» и «Стахановский рисороб». По своему происхождению многие составляли смешанные группы с саларами (тюкроязычный народ на северо-западе Китая). Среднеазиатские дунгане делились на несколько религиозных групп, отличных по своему циклу обрядов, среди этих групп были «яхши», «яман» и последователи секты джахирия. В быту дунган сохранялись пережитки даосизма, конфуцианства и буддизма.

При малочисленности дунган – КИПС оценивала их число в 1925 году в 18 318 человек[921], в других источниках приводится примерная цифра – около 20 тыс. человек – в обеих республиках существовали параллельные учреждения для их

---

[919] Там же.

[920] Там же. Л. 3.

[921] Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. Л. : Изд-во АН СССР, 1927.(АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Труды комисии; Вып. 13.) С. 43.

культурного обслуживания: литература и газеты на дунганском языке. В Казахстане работал дунганский педагогический техникум, а в Киргизии при Центральном педагогическом техникуме функционировало дунганское отделение. Количество профессиональных кадров оставалось небольшим, так как работники были задействованы в обеих республиках. Поэтому вполне закономерной и даже рационально обоснованной идеей было выделение дунган в отдельную область или хотя бы концентрация их в одной республике. «Если бы дунганами руководила одна республика, всю работу среди дунган сконцентрировали бы в одной республике, то наша национальная по форме, социалистическая по содержанию культура развивалась бы еще более быстрыми темпами. Наша письменность нашла бы практическое применение. В дунганских сельсоветах и колхозах делопроизводство можно было бы вести на дунганском языке»[922].

В конце обращения дунганские колхозники, адресуя свое письмо «вождю и учителю Сталину», просили учесть их просьбу о концентрировании руководства в одной из республик или же объединение 9 дунганских колхозов, расположенных компактно, но разделенных рекой Чу, в один дунганский район с административным подчинением его одной из республик – Казахстану или Киргизии.

Обращение дунган получило ответ в виде «Соображения по вопросу об организации дунганского района от 29 сентября 1936 года, направленного Председателем ЦИК Киргизской АССР А. Уразбековым в Совет национальностей ЦИК СССР на имя секретаря А. И. Хацкевича»[923]. Из него следовало, что при детальном изучении вопроса была установлена «разбросанность» дунганского населения по разным районам двух республик. Отдельные дунганские населенные пункты отстояли друг от друга на сотни километров. Наибольшая концентрация уйгур фиксировалась в районе реки Чу в Казахстане и Киргизии, где проживало около 50% всех представителей этнической группы в СССР, но и здесь «их населенные пункты

[922] ГА РФ, Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 575. Л. 3–4.
[923] Там же. Л. 29–30.

отстоят друг от друга на десятки километров, что не позволяет организовать компактный, чисто дунганский район». Если бы просьба дунган была учтена, то этот район целесообразно организовать именно в долине реки Чу в составе следующих сельсоветов: от Казахской АССР – Каракунузский (дунганский), Шортюбинский (дунганский), Аукатинский (казахский) и Черноречинский (русский); от Киргизской АССР – Милянфанский (дунганский) и Аккудукский (смешанный). Центром нового района смог бы стать город Токмак, к которому экономически тяготеет основная масса дунган. Всего в районе при таком варианте могло оказаться 2206 хозяйств с населением около 10 тыс. человек. По национальному составу он был бы примерно таким: 47,6% – дунгане, 25,4% – русские, 18,6% – казахи, 7,4% – киргизы. В случае создания дунганского района он должен был находиться в Киргизской АССР, так как большинство дунганских колхозов и сельсоветов экономически тяготели именно к Киргизии. Города Фрунзе, Токмак и поселок Кант являлись основными пунктами сдачи продукции по всем обязательным поставкам и рынками сбыта для всех колхозников и единоличных хозяйств, проживавших на территории Казахстана по правому берегу реки Чу, вплоть до хребтов гор Акташ и Джеты-Джол[924].

Просьба дунган не была удовлетворена. В результате дунгане так и остались дисперсно проживающими в разных районах республик СССР, при этом наибольшее их число в настоящее время проживает на территории Кыргызской Республики[925].

В целом, стоит отметить, что несмотря на политические заявления и обращения народов, при национально-территориальном строительстве для государства с середины 1920-х годов экономические задачи довлели над остальными, в том числе над национальными и культурными. На этом неоднократно акцентировал внимание в

[924] ГА РФ, Ф. Р-3316. Оп. 29. Д. 575. Л. 29–30.

[925] Лю В. Г. Этническая и культурная идентичность дунган в полиэтнической среде // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2006. № 3(3). С. 198.

своих обращениях И. В. Сталин[926]. Не каждая просьба об организации национальной автономии могла быть удовлетворена советской властью. Причины состояли в том, что запрос о создании автономии в основном исходил от национальной буржуазии, а к моменту национально-территориального размежевания она уже была фактически удалена из регионов. Автономия представлялась такой формой, где есть классовое содержание и соответствующая экономическая необходимость. Поэтому вопрос выделения отдельных национальных меньшинств в автономные области не всегда был оправдан с позиций социалистического строительства. Другой причиной являлось стремление к унификации управления и фактической унитаризации государственного устройства. Именно поэтому даже существовавшие микроавтономии (автономные районы, волости и сельские советы) еще в довоенный период были практически повсеместно ликвидированы. В Казахстане в довоенный период существовало 2 уйгурских района, в повестке стоял вопрос об образовании автономной области. В Киргизии планировалось создание дунганского национального района. Большинство проектов по созданию новых уйгурских и дунганских административных единиц по национальному принципу реализованы не были.

Таким образом, в рамках первых лет советской власти был сформулирован подход к национальным меньшинствам. Он предполагал общие меры для всех, без серьезного учета национальной специфики. Политика коренизации и другие меры по вопросам уравнения прав национальных меньшинств, а также предоставление полномочий местным среднеазиатским республикам привели к шовинистическим движениям внутри этих республик, с которыми советская власть боролась. Несмотря на общий политический курс на самоопределение национальностей, национальные меньшинства скорее выступили «лакмусовой бумагой»: решение национального

[926] Речь И. В. Сталина при открытии совещания по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики. 10 мая 1918 г. // Сталин И. В. Сочинения. М. : ОГИЗ, 1947. С. 85–90. Впервые опубликовано в газете «Правда». № 96, 18 мая 1918 г.

вопроса исходило от самого руководства, а указанные национальные группы оставались в этот период заложниками собственных стереотипов и представлений: дунгане и уйгуры пытались самоопределиться и продемонстрировать развитие своих общностей соседнему Восточному Туркестану.

Уйгуры и дунгане советской Средней Азии и Казахстана имели достаточно связей с жителями Синьцзяна. В советской части региона национальное строительство достигло определенных успехов: от разобщенных этнических общностей (кашгарлыки, таранчи и китайские мусульмане) уйгуры и дунгане перешли к конкретному представлению и имели политические возможности защиты своих интересов. В 1936 году их этнонаименования были окончательно определены в качестве двух отличных друг от друга групп – уйгуров и дунган.

Многочисленные письменные обращения дунган и уйгуров в разные инстанции, создание нескольких собственных организаций на национальной основе подтверждают тезис, что в 1920–1930-х годах они принимали активное участие в процессе нациестроительства в регионе, стремились к созданию собственной автономии, а позднее отдельных автономий, но в силу изменения политики советской власти в области решения национального вопроса и многофакторности этого процесса они не получили отдельных автономий, превышавших статус «народностей» (по сути, национальных меньшинств). Даже образованные уйгурские автономные районы в составе КазССР были весьма скоро преобразованы в обычные территориальные районы без автономного статуса.

В расположенном рядом с советскими Казахстаном и Киргизией Синьцзяне уйгуры и дунгане в первой трети XX века продолжали оставаться в соперничавших друг с другом территориальных группах, наследовавших идентификацию периода Цинской империи. Интеграционной доминантой здесь выступала антиханьская сплоченность, которая способствовала образованию на некоторое время Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан. В этом формате государственного образования идентификация строилась на исламских и пантюркистских принципах.

Определенное влияние на процесс этнической консолидации в Синьцзяне оказали этнополитика СССР в отношении уйгуров и дунган[927].

Кристаллизация национальных интересов, как и рост политической сознательности, происходили в уйгурской и дунганской общностях, однако политические различия советских Средней Азии и Казахстана с китайским Синьцзяном создавали сложность в их консолидации, открывая в то же время весьма неожиданный спектр возможностей в экономической и культурной сферах представителям двух стран.

[927]Гунчань гоцзи, ляньгун (бу) юй Чжунго гэмин вэньсянь цзыляо сюаньцзи (1938—1943). Бейцзин: Чжунгун данши чубаньшэ, 2012. [Избранные документы о Коммунистическом Интернационале, КПСС (большевиках) и Китайской революции (1938–1943). Пекин: Издательство «История партии КПК»] (《共产国际、联共(布)与中国革命文献资料选辑(1938—1943)//北京：中共党史出版社》(на кит. яз.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальные события последней трети XIX-го – первой трети XX века оказали значительное влияние на трансформацию положения исследуемых этнических меньшинств. Эти этнические группы прошли путь политической консолидации и в истории XX века стали известны под именованиями – уйгуры и дунгане. Рассмотрев эволюцию их национального строительства в регионе в связи с политикой центральных правительств и регинальных властей России/СССР и Китая, можно заключить, что эти процессы прошли несколько этапов.

Отметим, что критерии периодизации формируются на основе совокупности нескольких характеристик. Прежде всего, это политико-административные факторы, связанные с изменением этнополитики в рамках России/СССР и Китая, например, проведение советского национально-территориального размежевания. Важное значение имеют и идеологические сдвиги, отражающие смену политических режимов и появление новых идеологий, например, переход от имперской системы к Китайской Республике или СССР. Существенную роль играют также академические критерии, которые связаны со сменой научных школ и методологических подходов: в России это движение от имперской этнографии к советской школе, а в Китае — от эмпирических описаний к фиксированному списку национальностей. Наконец, в качестве отдельного основания можно выделить изменения в идентификационных практиках, когда религиозная и хозяйственно-бытовая принадлежность постепенно уступала место этнической самоидентификации.

Первым этапом, послужившим основой социально-политическому сплочению, первоначально отнюдь не на этнических началах, стала серия мусульманских антицинских восстаний, происходивших на территории Восточного Туркестана. Антикитайские выступления, развернувшиеся в регионе в период 1862–1869 годов, создали фундамент для объединения жителей с опорой на ислам. Другим интегрирующим фактором стало именно противостояние цинским властям. Таким

образом, наличие врага и конфессиональное единство послужили первоначальным субстратом социально-политической консолидации.

Своего первого пика консолидация мусульман в приграничных с Российской империей районах достигла в период образования основанных на географическом единстве ханств: Кучарского, Хотанского и Кашгарского в Восточном Туркестане, Урумчинского и Кульджинского – в Джунгарии. Созданное в 1864 году ханство с центром в Урумчи именовалось еще и как Дунганское, а образованное в том же году государство с центром в Кульдже иначе именовалось Таранчинским султанатом. То есть эти образования отражали в своих названиях определенные этнические маркеры. В управлении ханствами состояли дунгане или уйгуры, которые зачастую воевали не только с цинами, но и друг с другом. Серьезную силу представило провозглашенное в 1867 году государство Йеттишар (Семиградья) во главе с Якуб-беком[928].

В этот же период территории Западного Туркестана постепенно входили в состав Российской империи. Первыми российскими административными единицами здесь стали внешние округа Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а затем и образованные в 1865 году Туркестанская область, а в 1867 году Туркестанское генерал-губернаторство. Процесс административного переустроительства края протекал весьма быстро на верхних и средних управленческих уровнях. Постепенно происходила инкорпорация представителей местной знати в имперские структуры. В результате сложился во многом уникальный формат – военно-народное управление. Он предполагал ведение гражданских дел на губернском и уездном уровнях военными, а на волостном и низовом – представителями местного населения с сохранением значительных элементов традиционных институтов управления и суда, включенных в имперские структуры.

[928] Воскресенский А. Д. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants Année. 1994. Vol. 35. Numéro 4. P. 763–786.

Подавление восстаний в Восточном Туркестане, сопровождавшееся сохранением внутреннего соперничества мусульман в регионе, привело к интенсификации миграции, при которой граница между Западным (Российским) и Восточным (Китайским) Туркестаном воспринималась местным мусульманским населением весьма условно. Кочевники региона постоянно перемещались, переходя линию границы. А для оседлых уйгурской и дунганской общины этот переход был событием, консолидировавшим отдельные группы, например, таранчей и дунган из Шэньси. Эти группы, обосновавшись на территории Западного Туркестана, были разделены со своими сородичами и встраивались в процессы, протекавшие в рамках российской политической трансформации окраинных регионов.

Мусульманские восстания в Восточном Туркестане были восприняты российской администрацией как серьезная потенциальная угроза, влиявшая на всю систему региональной безопасности, в том числе потому, что не исключалось распространение восстаний на подведомственные России территории Западного Туркестана. Неспособность цинской администрации взять ситуацию под контроль и необходимость стабилизации положения привели к тому, что российские власти в 1871 году вступили в пограничный Илийский край для подавления восстания. Только после снижения напряженности в Восточном Туркестане и восстановления власти цинского правительства в 1881 году был подписан Санкт-Петербургский договор, определивший очертание границ Западного и Восточного Туркестана. В 1882 году из Илийского края были выведены российские войска. Опасаясь репрессий со стороны китайских властей, около 100 тыс. жителей выразили желание покинуть край, переселившись в пределы Российской империи. Обязательство китайских властей не преследовать повстанцев несколько сократило число потенциальных мигрантов, но не предотвратило саму миграцию. Заключение Санкт-Петербургского договора позволило цинским властям усилить контроль над территорией Восточного Туркестана, где были проведены административные реформы, и в 1884 году Синьцзян получил статус одной из провинций Цинской империи. Провинциальная

администрация с целью оптимизации издержек на содержание административного аппарата и пограничной стражи активно привлекала к этому мусульманскую знать, но в отличие от России, где должности определялись посредством выборов, в Китае сложилась система назначений. Практически параллельное проведение административных реформ властями Российской и Цинской империй, основой которых стало управление, сфокусированное на территориальных началах, где низовая администрация определялась местными сообществами, выступило третьим важным консолидирующим фактором, поскольку теперь для отстаивания своих прав и закрепления определенных полномочий местные сообщества были вынуждены интегрироваться.

Следующим этапом консолидации в среде уйгуров и дунган стали революционные события в России и Китае начала XX века. Они повлекли за собой серьезные политические изменения – смену политических форм существования государств. Новые республиканские режимы предполагали поиск новых форматов политического строя для различных народов в рамках одного государства. В практическом плане это означало изменение всей системы этнополитики. Синьхайская революция в Китае, а также Февральская и затем Октябрьская революции в России привели к тому, что в регионе были в кратчайшие сроки разрушены существовавшие формы кооперации и управления. Однако еще в составе империй вызревали новые принципы государственного строительства.

В России еще в рамках Государственной Думы получили развитие политические проекты, предусматривавшие трансформацию страны на федеративных началах, причем не регионы, а этносы выступали основными субъектами федерализма. Поэтому после Февральской революции можно говорить о начале этапа конструирования наций, который происходил на общегосударственном, региональном и даже локальном уровнях. Для китайских меньшинств этот вопрос оставался в плоскости географической целостности Китайской Республики и пока не затрагивал столь существенно факторы, связанные с этничностью.

Политизация населения Туркестана привела к появлению нескольких вариантов, предполагавших различное определение общностей. Например, джадидский проект из исключительно методического, связанного с адаптацией ислама к новым социально-политическим реалиям, в том числе развития новометодных школ, весьма быстро трансформировался в ряд политических проектов, которые подразумевали активное участие населения в жизни Российской империи. Научно-этнографическое изучение края, вызванное в первую очередь военно-стратегическими, административными потребностями и необходимостью поддержки переселенческого движения русского населения, открыло путь к развитию этнической классификации и категоризации. С 1909 года начал работу специальный орган, который в 1917 году был переименован в Комиссию по изучению племенного состава населения. Просуществовавшая до 1930 года КИПС определяла, каким образом должен трансформироваться национальный облик страны, вводила корпус этнографических карт, легших в основу национально-территориального размежевания, предлагала новые названия этнических групп, их группировку или разгруппировку с другими этническими сообществами.

После Октябрьской революции эти процессы продолжили развиваться – *начался следующий этап изменений*. В бывшем Западном Туркестане проявилось несколько тенденций, определявших варианты самоопределения региона, – территориальная самоидентификация и этнизация. Появление первых автономий в составе РСФСР, таких как Сибкрай и Туркестанская АССР, предполагало объединение на основе географического/территориального принципа. Однако разобщенность интересов и рост межэтнической напряженности, появление пантюркистских и панисламистских течений не способствовали такого рода объединению. Поэтому, несмотря на разную интенсивность, этнический принцип консолидации был взят за основу в определении будущего административного деления региона. Первыми республиками, основанными на национальном принципе, стали Башкирская АССР и Киргизская (Казахская) АССР.

В Китае эти процессы протекали значительно медленнее в связи с политикой республиканских властей, направленной на укрепление положения ханьцев, что вновь стало фактором консолидации этнических меньшинств. Внутри Китая процесс нациестроительства начался несколько позже и на начальных этапах в значительной мере опирался на советский опыт. Реформы в рамках Тюркской Исламской Республики Восточный Туркестан (1933–1934) и Второй Восточно-Туркестанской Республики (1944–1949), отдельных национальных образований и даже провинциального правительства Синьцзяна, представлявшего гоминьдановское правительство Китая, являлись реакцией на советское национальное строительство. Особую роль играл исламский и тюркский фактор, вместе с тем этнический фактор становился одним из определявших и здесь. Например, республики зачастую называли «Уйгуристаном». В отличие от СССР, где не фиксировалось серьезных межэтнических проиворечий между уйгурами и дунганами, в Синьцзяне они зачастую приобретали формат вооруженного противостояния.

В рамках советского проекта остро стоял вопрос создания условий для проживания отдельных народов на компактных территориях, что считалось ярким проявлением реализации принципа права наций на самоопределение. Была создана специфичная система управления, предполагавшая многоуровневость, суверенизацию союзных и автономных республик, а также автономий уровня от областей и округов до уездов, районов, волостей и даже до национальных сельских советов. Свое выражение эта система нашла через национально-территориальное размежевание. Вновь образованные административные единицы и органы не только становились опорой советской власти, но и одновременно способствовали резкому росту национального самосознания жителей.

В этот период рост осознанности и представлений о самоидентификации происходил одновременно с реформами этнополитического уклада. И если до этого этапы подразумевали идентификацию на основе ислама и противодействия отличной по вере администрации, то теперь они подразумевали этнические принципы и

стремление к их защите, причем не в противостоянии, а в сотрудничестве с властями, которые делегировали серьезные полномочия именно через органы, основанные на этнических началах.

После проведения национально-территориального размежевания в регионе эти принципы оказали серьезное воздействие на население пограничного Синьцзяна. Идея национального проекта экспортировалась в Китай, где она начала реализацию только с приходом к власти КПК. Транзит происходил как сознательно – через распространение идеологии права наций на самоопределение трудовыми мигрантами, приезжавшими в СССР из Синьцзяна, и через распространение литературы и прочих агитационно-пропагандистских материалов, преимущественно на уйгурском языке, так и в рамках общего интереса, который проявлялся к СССР в странах Востока.

Эта идея позволила оформить уникальное положение уйгуров и дунган в статусе национальных меньшинств. Несмотря на такой статус внутри СССР и разделенность границей с сородичами, они получили общую систему координат для самоидентификации. Таким образом, процесс консолидации уйгурского и дунганского обществ находился в серьезной зависимости от политических трансформаций России и Китая, в первую очередь их политики по решению так называемого национального вопроса.

Этнодемографические показатели и данные переписей вплоть до переписи 1937 года не были выверены с точки зрения точного определения указанных сообществ. Во-первых, не было четкого разделения на уйгуров и дунган. Присутствовали разные этнические сообщества: сарты, курама, таранчи, кашгарцы, китайцы-мусульмане, тюрки и другие. Фактически среди населения долгое время не было этнической самоидентификации, определяющую роль в идентификации играли религиозная и территориальная принадлежность, а также способ хозяйственной деятельности.

Потребность в реформировании политического пространства повлияла на то, что российская наука не только сформулировала подход к выделению этнических

сообществ в отдельные национальные группы, но и дала им конкретное историко-культурное обоснование в необходимости собственной этнической идентификации. Поэтому в лоне идей мусульманского обновления появились первые историографии уйгуров (таранчи) и дунган. Собственное прочтение национальной истории актуализировалось на фоне присутствия России как модернистской силы. Однако на начальном этапе собственный взгляд на модели национального складывался из дискурса о единстве в рамках тюркского, исламского факторов или форм хозяйствования (оседлый/кочевник), нося трансграничный характер. В рамках культурного строительства в СССР произошло реформирование или объединение языка, появились исследовательские школы, а также были сформулированы два региональных направления академических изысканий: дунгановедение и уйгуроведение, которые в еще большей степени интенсифицировали процессы нациестроительства.

К первой четверти XX века уйгуры и дунгане преодолели путь от обществ, объединенных религиозным, хозяйственным, оазисным и др. характеристиками, до народов, встроенных в новую систему советской этнополитики, подразумевающую опору на этнические и классовые характеристики и регламентацию прав и возможностей для каждой общности в своем политическом развитии. Последующие шаги в трансформации уйгурской и дунганской общины в СССР были связаны с совершенствованием образования, строительством институтов культуры, то есть они уже имели фундированную основу для развития своей этнокультурной идентичности. Такую же основу для китайской этнополитики формировал непосредственный опыт СССР при выстраивании национальной политики КПК после ее образования в 1949 году, однако этот период трансформации этнокультурной идентичности уйгуров и дунган Синьцзяна находился под действием принципиально иных геополитических условий и новой системы международного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ИВР РАН, Ф. 33. Кун Александр Людвигович (1840–1988). Оп. 1. Д. 175.
2. Архив ИВР РАН, Ф. 43. Петровский Николай Федорович (1837–1908). Оп. 2. Д. 11.
3. ГА РФ, Ф. 102. Оп. 49. Д. 236.
4. ГА РФ, Ф. 102. Оп. 53. Д. 82.
5. ГА РФ, Ф. 102. Оп. 56 Д. 22. Ч. 6.
6. ГА РФ, Ф . 102. Оп. 76а. Д. 570.
7. ГА РФ, Ф. 102. Оп. 240. Д. 74. Ч. 84.
8. ГА РФ, Ф. 601. Оп. 1 Д. 685.
9. ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 38. Д. 39.
10. ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 6.
11. ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 120. Д. 42.
12. ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 293.
13. ГА РФ, Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 26.
14. ГА РФ, Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 443.
15. ГА РФ, Ф. Р3316. Оп. 29. Д. 575.
16. ГА РФ, Ф. Р-5466. Оп. 3. Д. 322.
17. ГА РФ, Ф. Р-5677. Оп. 6. Д. 385.
18. ГА РФ, Ф. Р-7746. Оп. 1. Д. 67.
19. ГА РФ, Ф. Р-7541. Оп. 2. Д. 28.
20. ГА РФ, Ф. 10073. Оп. 2. Д. 589.
21. МАЭ РАН, Ф. 40. Оп. 1. пп. 1. Амитин-Шапиро З. Л.
22. РГАДА, Ф. 192. Оп. 2. Д. 159. Инв. №284. Разд. Общие карты России. Этнографическая карта Азиятской России: Туркестана и Киргизских степей. Картографическое заведение А. Ильина.
23. РГАДА. Ф. 192. Оп. 2. Д. 148. 1924 г. Административная карта С.С.С.Р. Азиатская часть. Вып. 5-й. Границы к 20 Ноября 1924 г. Составлена в 1 Государственном

картографическом заведении. Издание картографического отдела Народного комиссариата внутренних дел. Ленинградский гублит.

24. РГАДА, Ф. 192. Оп. 3. Д. 385. 1892 г. Карта Южной Пограничной Полосы Азиатской России. Ташкент.
25. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 416.
26. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 446.
27. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 449 а.
28. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 455.
29. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 466.
30. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 467 а.
31. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 658.
32. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 661.
33. РГАДА, Ф. 1385. Оп. 1. Д. 693.
34. РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 102.
35. РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 158.
36. РГАСПИ, Ф. 62. Оп. 2. Д. 405.
37. РГВИА, Ф. 165. Оп. 1. Д. 1968э
38. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 48.
39. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 99. Ч. 1.
40. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 100. Ч. 2.
41. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 169.
42. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 292.
43. РГВИА, Ф. 400, Оп. 1. Д. 739.
44. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1191.
45. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1294.
46. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1372.
47. РГВИА, Ф. 400. Оп. 1. Д. 1457.

48. РГВИА, Ф. 447. Оп. 1. Д. 235.

49. РГВИА, Ф. 1395. Оп. 1-5. Д. 8.

50. РГИА, Ф. 1284. Оп. 223. Д. 85.

51. ЦГА РК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 106.

52. ЦГА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 51.

53. ЦГА РК. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 19.

54. ЦГА РК. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 20941.

55. ЦГА РК. Ф. И-64. Оп. 1. Д. 5094.

56. ЦГА РК. Ф. Р-81. Оп. 12. Д. 410.

57. ЦГА РК. Ф. Р-1692. Оп. 2. Д. 137.

Опубликованные источники

На русском языке:

1. Абдуллин (Абдулин) Абдулла Алайдинович // Анкета 2-й Всесоюзной партийной переписи 1926 года за 12.01.1927 URL: https://centrasia.org/person.php?st=1261346451 (дата обращения: 03.03.2022).
2. Административно-территориальное деление Союза ССР : Крат. справочник на 1 сентября 1935 г. / ЦИК СССР. М. : Власть Советов, 1935. 516 с.
3. Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года / Центр. Испол. Комитет Союза ССР. М. : Власть Советов, 1934.
402 с.
4. Алекторов, А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы. Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. СПб., 1906.
152 с.
5. Алкин, И.С. Национально-государственное размежевание Средней Азии и VII съезд Советов СССР // Революционный Восток. № 6. С. 114–136.
6. Амитин-Шапиро, З.Л. К истории изучения дунган. Отд. отт. из: Труды Ин-та языка, литературы и истории. Киргиз. филиал Акад. наук СССР. 1948. Вып. 2. С. 103–117.
7. АН СССР Комиссия по изучению племенного состава населения России // Известия. 1: Об учреждении комиссии по изучению племенного состава населения России. Л., 1917. – 2, 3 с.
8. АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Постоянная комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1927. 138 с.
9. Архив Президента Республики Казахстан, Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 468. Л. 2 Опубликовано в: Сатаева Ж. Из истории латинизации уйгурского алфавита // URL:

https://e-history.kz/ru/news/show/4293 (дата публикации: 15.08.2028; дата обращения: 27.03.2024).
10. Балкашин, Н.Н. Торговое движение между Западною Сибирью, Средней Азиею и Китайскими владениями // Записки ЗСО ИРГО. 1881. Кн. III. С. 1-32; он же. Об исследованиях Киргизской орды // Известия ИРГО. 1886. Т. XVIII; он же. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1887. 61 с.
11. Бар. Дельвиг, Б. Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиций. 1910. №5. С. 121–140.
12. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927. 256 с.
13. Бартольд, В.В. Работы по истории ислама и Арабского халифата // Сочинения. М. : изд-во «Наука» гл. ред. восточной литер., 1966. Т. VI. С. 364–368.
14. Бартольд, В.В. Сочинения Т. 2, ч. 2. М., 1964. 661 с.
15. Бартольд, В.В.Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962. 768 с.
16. Бартольд, В.В. Сочинения. Т. 5; ответственный ред. А. Н. Кононов. М. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1968. 759 с.
17. Бартольд, В.В. Исторические и географические труды В.П. Васильева // Сочинения. М., 1977. Т. 9. С. 625−626.
18. Бернштам, А.Н. Проблемы истории Восточного Туркестана – Вестник древней истории. 1947, №2. С. 52–7.
19. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана. Ч. I. СПб, 1829. 334 с.
20. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М-Л. АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. 1950. 335 с.
21. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Статистическое описание Китайской империи. Ч. 2. Манчжурия, Монголия, В. Туркестан и Тибет. СПб, 1842. 350 с.
22. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом : С прил. карты Монголии и разных костюмов. Т. 1-2. СПб. : тип. К. Крайя, 1828. 602 с.
23. Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. 419 с.
24. Букейханов, А. Киргизы: формы национального движения в современных государствах ; под ред. А. И. Костелянского. СПб., 1910. С. 575-600.
25. Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 3. Алма-Ата : Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
26. Варейкис, И., Зеленский, И.А. Национально-государственное размежевание Средней Азии : сб. ст. Ташкент : Сред.-Азиат. изд-во, 1924.
86 с.
27. Васильев, В.П. Открытие Китая и др. ст. академика В.П. Васильева : С портр. авт. // Вестник всемирной истории.1900. Т. 8. 164 с.

28. Введенский, В. Частное землевладение в Западной Сибири // Вопросы колонизации. 1912. №5. С. 79–97.
29. Венюков, М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. 547 с.
30. Венюков, М.И. Очерки современного Китая . СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1874. 524 с.
31. Веселовский, Н.И. Бадаулет Якуб-Бек аталык Кашгарский / Бадаулет Якуб-Бек аталык Кашгарский. Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1898. С. 87-103.
32. Вестник Азии [Текст] : журнал Общества русских ориенталистов. Харбин : [б. и.], 1909-1929.
33. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов; сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М. : Марджани, 2016. 936 с.
34. Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1883. 56 с.
35. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки.. М. : Изд. ЦСУ Союза СС,Р 1927-1929. 10 т. В надзаг. : Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4 : Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. 138 с.
36. Всесоюзная перепись населения 1926 года, Том XV, Узбекская ССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. Издание ЦСУ Союза ССР, М. 1928. 375 с.
37. Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем» Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского // Источник. Документы русской истории, № 6 (60). 2002. С. 98-12.
38. Газеты СССР, 1917-1960 : Библиогр. справочник / Всесоюз. кн. палата и др.; редкол.: ... Г. Л. Епископосов (пред.) и др. М. : Книга, 1970. Т. 1. Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. М.: Книга, 1970. 278 с.; Т. 2. А — И (Краевые, губернские, окружные, уездные, районные, городские, транспортные, военные и другие газеты). М.: Книга, 1976. 565 с.; Т. 3. К — О (Краевые, губернские, областные, окружные, уездные, районные, городские, транспортные, военные и другие газеты). М.: Книга, 1978. 613 с.; Т. 4. П — Я (Краевые, губернские, областные, окружные, уездные, районные, городские, транспортные, военные и другие газеты). М.: Книга, 1980. 492 с.; Т. 5. Вспомогательные указатели. М.: Книга, 1984. 263 с.
39. Галузо, П.Г. Туркестан – колония (Очерк истории колониальной политики русского царизма в Средней Азии). 2-е изд., испр. и доп. Ташкент : Гос. изд-во УзССР, 1935. 222 с.
40. Гаспринский, И. «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина» / И. Гаспринский. – Симферополь : Тип. Спиро, 1881. 45 с.
41. Гейнс, А.К. О восстании мусульманского населения или дунгеней в западном Китае // Военный сборник. 1866. №8. С. 75–96.

42. Географическое обозрение Китайской империи : С карт. на 4 л. и 5 прил. в тексте / [Соч.] З. Матусовского. – СПб. : тип. Императорской Академии наук, 1888. 87 с.
43. Гинс Г. К. Таранчи и дунгане (Очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1911. №8. С.672-708.
44. Гирс, Ф. К. Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Ф. Гирса. / Ф.К. Гирс. СПб. : Б.м., 1883. 463 с.
45. Гранде, М.Б. Материалы для уточнения списка народов СССР» // «Революция и национальности»: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. 1935. №4. С. 77–87.
46. Громбческий, Б.Л. Путешествия по Центральной Азии / Б. Л. Громбчевский ; редакторы-составители: Басханов М. К., Чхетиани О. Г. ; переводчики: Минлос С. О., Кириллова-Маскова О. К.. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. 520 с.
47. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Дунганский партизан Дан-ху Баян-хур // Исторический вестник, №6. 1891. С. 627-632.
48. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Описание путешествий в Западный Китай / Сост. Г. Е. Грум-Гржимайло; При участии М.Е. Грум-Гржимайло. Т. 1-3. Вдоль Восточного Тянь-Шаня : С карт., 25 фототип., 5 грав. в тексте и 1 табл. / 3 т.; 29. — Санкт-Петербург : Имп. Рус. геогр. о-во, 1896-1907, 1896.
49. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
50. Декларация прав народов России 2(15) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/peoples.htm (дата обращения: 07.10.2022).
51. Декреты Октябрьской революции. Т. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания : (Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома). М. : Партийное изд-во, 1933. 463 с.
52. Дело генерала Бакича. Сборник документов и материалов. Новосибирск : Управление государственной архивной службы Новосибирской области, 2022. 293 с.
53. Диманштейн С. В ответ на вопрос, составляют ли собой евреи в научном смысле нацию // Революция и национальности: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. М. : Изд-во Коммунистической академии : Соц.-эк. ГИЗ, 1935. С. 71–74.
54. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. сост. Н. Бантыш-Каменский. Казань : Тип. Императорского ун-та, 1882. 565 с.
55. Дознание, произведенное старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области по обвинению Токмакского участкового пристава штабс-капитана Кутукова в злоупотреблении им служебным положением. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1780-1800/Sabdan_Djantaev/81-100/89.htm (дата обращения: 03.03.2022).

56. Документы внешней политики СССР. Т. II. 1 января 1919 г.-30 июня 1920 г. М. : Госполитиздат, 1958. 807 с.
57. Задачи русского востоковедения в Туркестане: (Речь акад. В.В. Бартольда, предназначавшаяся для произнесения в торжеств. годовом собр. Акад. 29 дек. 1914 г.). Петроград : Тип. Имп. Акад. наук, 1915. 18 с.
58. Записка, С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (Публикация Д. Ю. Арапова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7(155). М.: Изд-во Русская панорама, 2003. С. 198-209.
59. Зеленский, И.А. Национальная политика в парторганизациях Средней Азии : Доклад и постановление XIV пленума Средазбюро ЦК ВКП(б). Ташкент : Правда Востока, 1927. 51 с.
60. Земельный кодекс РСФСР. Раздел четвертый. URL: http://museumreforms.ru/node/13713. (дата обращения: 12.03.2023).
61. Ислам в Туркестане: Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора Духовского. Ташкент, 1899. 21 с.
62. Ислам и наука. Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в собрании «Научной Французской Ассоциации» (основанной в 1861 г. Леверье), бывшем 29 марта в большом Сорбоннском амфитеатре ; перевод – А. Ведрова., СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1883. 25 с.
63. Ислам и советское государство (1917–1936) : сборник документов. Вып. 2 = Islam and the Soviet State (1917–1936). Documents. Vol. 2 ; сост., авт. предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. М. : Изд. дом Марджани, 2010. 209 с.
64. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках : сборник документов и материалов. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1961. 743 с.
65. Кара-Мурза Г. С. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. 1934. №13. С. 46-141.
66. Карта Азиатской России [Карты] / сост. по новейшим сведениям Ген. штаба полк. Ильиным; испр. по 1-ое апреля 1868 г.. — Изд. 6-е — Санкт-Петербург : Ильин, [1868]. — 1 л. : многокрас., доп. карта.
67. Карта северной части Восточного Туркестана по сведениям кап. Куропаткина и маршрутной съемке штабс-капитана Старцева в 1876 г. [Карты]. Б. м. : Воен.-топогр. отдел Глав. штаба, 1879.
68. Кашгария или Восточный Туркестан: Опыт военно-стат. описания / Под ред. нач. Штаба Туркест. воен. окр. ген.-лейт. Сахарова ; сост. Ген. штаба подполк. Корнилов. - Ташкент : тип. Штаба Туркестан. воен. окр., 1903. 445 с.
69. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV – XIX вв. Алматы : Гылым, 1994. 272 с.
70. Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 190 с.

71. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Статья 22. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm (дата обращения: 19.07.2023).
72. Костенко, Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Т. 3. СПб., 1880. 303 с.
73. Красовский, Л. Чем надо руководствоваться при составлении списка народностей СССР?» // «Революция и национальности»: ежемесячный журнал Совета национальностей ЦИК СССР и Коммунистической академии. 1936. №4. С. 67-71.
74. Красовский, Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. СПб., 1868. 264 с.
75. Крах Белой мечты в Синьцзяне: воспоминания сотника В. Н. Ефремова и книга В. А. Гольцева «Кульджинский эндшпиль полковника Сидорова». – СПб.: Алетейя, 2016. 176 с.
76. Кузьминский, М. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири. Материалы для статистики Российской империи при Статистическом отделении Совета МВД. СПБ., 1839. С. 43-81.
77. Левшин А. И. Описание Киргиз-Казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб. : Тип. Карла Крайя, 1832. 264 с.
78. Леденев, Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909. [2], IV, XII, 834, 4, 10 л.
79. Ленин, В.И. О национальном вопросе : сборник. М. : Прогресс ; Афины : Синхрони эпохи, 1988. 535 с.
80. Ленин, В.И. О праве наций на самоопределение. М. : Госполитиздат, 1953. 95 с.
81. Логофет, Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб. : Рус. скоропечатня, 1909. 239 с.
82. Манифест 17 октября 1905 об усовершенствовании государственного порядка. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm. (дата обращения: 05.04.2023).
83. Материалы Всероссийских переписей 1920. Туркестанская республика. Ч.I. Поселенные итоги. Вып.III. Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области. Ташкент, Издание ЦСУ Туркреспублики, 1923. 142 с.
84. Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник; под ред. Н. А. Маева. Вып. IV. СПб. : Туркестан. стат. ком., 1876. 204 с.
85. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. : Тип. «Экономия», 1911-1916. Т. 5: Таранчи. Ч. 1, 2. Т. 5. 1914. 977 с.
86. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева / Переселенческое управление Главного управления

землеустройства и земледелия. - Санкт-Петербург : тип. «Экономия», 1911-1916. 633 с.
87. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): В 3-х томах ; пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина; предисл. и введ. И. В. Кормушина; примеч. И.В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова; Институт востоковедения РАН: Институт языкознания РАН. М. : Восточная литература, 2010. Т. 1. 460 с.
88. Мейендорф, Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару; предисловие Н. А. Халфина. Главная редакция Восточной литературы, 1975. 180 с.
89. Милютин, Д.А. О разноплеменности в населении государств. Цит. по: «Законная государственная цель – полное объединение, слияние разных племен», публ. Д. Арапова // Источник. 2003. №1. С. 50–65.
90. Неизданное письмо Н. И. Ильминского о способах обучения инородцев; предисл. С. Рыбаков. СПб. : Синод. тип., 1900. 8 с.
91. Тоган, З.В. Новая страница из жизни А.З. Валиди/ Islamic area studies project, Tokyo, Japan, 2001. 38+24 с.
92. Тоган, З.В. «Türkistan Kültür Birliği Nizamnamesive Çalışma Planı» («Устав Культурного Объединения Туркестана и рабочая программа»), 25 с.
93. Ахмет-Заки Валиди / сост. Г. А. Хисамов, Т. Н. Сагитов, Г. Г. Галимова. Уфа : Китап, 2010. 200 с.
94. О национальном размежевании республик Средней Азии // Постановления II сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета XI созыва. М. : Издание ВЦИК, 1924. С. 206.
95. Об утверждении Положения об уполномоченных по делам национальных меньшинств. 20 апреля 1929 г.: постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. №24–42. Отдел первый. М. : Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, б.г. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/392627-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-utverzhdenii-polozheniya-ob-upolnomochennyh-po-delam-natsionalnyh-menshinstv-20-aprelya-1929-g. (дата обращения: 20.07.2023).
96. Обзор Самаркандской области ... [по годам]. Самарканд : Самарканд. обл. стат. ком., 1891-1912. – За ряд лет : Прил. к всеподд. отчету воен. губернатора. 1898-1899. 195 с.
97. Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина и Народного Комиссара по Делам Национальностей И.В. Сталина ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. №6. С. 95–96.

98. Общественно-литературный журнал «Шура» ("Совет"). URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS010113736 (дата обращения 04.08.2023).
99. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года : 1-2. СПб. : паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. 2 т. (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года; под ред. Н.А. Тройницкого). Т. 1. 268, 89 с. картогр., диагр.; 417 с.
100. Ольденбург, С.Ф. «Лакамы» – прозвища жителей городов Восточного Туркестана / Сергей Ольденбург. Пг. : тип. Росийской академии наук, 1917. С. 93-96.
101. Остроумов, Н.П. Китайские эмигранты в Семиреченской области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства / [Соч.] Н. П. Остроумова. Казань : Тип. Казанского ун-та, 1879. 117, [2] с.
102. Остроумов, Н.П. Коран и прогресс : По поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Издание А. Л. Кирснера. – Ташкент : Тип. Штаба Турк. воен. округа, 1901. 248, 6 с.
103. Остроумов, Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. 1907. Ч. 7. Январь. Отд. 3. С. 20, 28, 31; он же. Что такое Коран? // https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Ostroumov/chto-takoe-koran (обращение 05.12.2024).
104. Очерки истории советских дунган / АН Кирг. ССР. Отд. общей тюркологии и дунгановедения; под ред. кандидатов ист. наук М. Сушанло и Г. Г. Стратановича. Фрунзе : Илим, 1967. 292 с.
105. Палладий (Кафаров, Петр Иванович; 1817-1878). Китайская литература магометан / [Соч.] Покойного о. архим. Палладия, нач. Пекинск. духовной миссии (1848-1858 и 1864-1878 гг.). СПб. : Изд. иером. Николай (Адоратский), 1887. 334 с.
106. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Семипалатинск, 1900. 347 с.
107. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : [кн. 1-89] / под редакцией Н. А. Тройницкого. СПб. : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. 62 с.
108. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. : [кн. 1-89]; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905. 86: Сыр-Дарьинская область. 1905. 208 с.
109. Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля - 5 марта 1926 г. : Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля - 5 марта 1926 г. : [Стенографический отчет]. - Баку : [б. и.], 1926. 68/ 552 с.
110. Переселенческое дело в Туркестане // Отчет по ревизии Туркестанского края произведенной по высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Сенатская типография. СПБ., 1910. 141 с.
111. Петровский, Н.Ф. Туркестанские письма / Отв. ред. ак. В.С. Мясников, сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 568 с.

112. Позднеев, Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. 153, [7] с.
113. Полное собрание законов Российской империей. Собрание второе (ПСЗРИ-II). Т. XL. 1865. Отд. 1. №42372.
114. Полное собрание законов Российской империи (1849). Т. 38. №29. С. 394–416. URL: http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822.htm (дата обращения: 07.10.2022).
115. Полное собрание законов Российской империи (1871). Собрание второе. Том XLII. Отделение первое. 1867 от № 44078 – 44894. СПб.:. Типография II-отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии. С. 1150. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/show_page.php?page=1150&root=2/42/1/ (дата обращения: 07.10.2022).
116. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1825–1881]. Т. 47. Ч. 1. СПб., 1875.
117. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Собрание I. Т. XIX.
118. Положение об управлении Туркестанского края : [утв. 12 июня 1886 г.. СПБ., 1886].
119. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». 24 января 1938 г. // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933-1945 / Фак. гос. упр. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, Федер. архив. агентство, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Гос. архив РФ, Ин-т рос. истории РАН, Harvard Ukrainian Research Institute, Instituto Italiano Per Gli Studi Filosofici, Ecole Des Hautes Etudes En Sciences Sociales, Maison Des Sciences De L'Homme; Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
120. Правда Востока. 1928. №270. Цит. по: Шигабдинов Р. Н. Улама и реформы 1920-х годов в Средней Азии // Pax Islamica = Мир Ислама : Мир Ислама // Издательский дом Марджани,. 2009. №1(2). 2009. С. 54-67.
121. Пржевальский Н. М. Путешествия в Центральной Азии. М. : Эксмо, 2010. 510, [1] с.
122. Проект всеподданнейшего отчета ген.-адьютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства: 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб. : Издание Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885. URL: https://www.prlib.ru/item/439610 (дата обращения: 07.10.2022).
123. Проекты устройства управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. №1.
124. Рашид ад-Дин. Сборник летописей (Джами ат-Таварих). Том. 1. Книга 1. М.-Л. АН СССР. 1952. 222 с.
125. Революция и национальный вопрос. Т. 3. Февраль-октябрь 1917. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. 462 + 42 с.

126. Революция и национальности: Журнал Совета Национальностей ЦИК СССР. М., 1930–1937.
127. Речь И. В. Сталина при открытии совещания по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики. 10 мая 1918 г. // И. В. Сталин. Сочинения, М. : ОГИЗ. 1947. С. 85–90. Впервые опубликовано в газете «Правда», №96, 18 мая 1918 г. С. 50–53.
128. Речь непременного секретаря академика С. Ф. Ольденбурга, читана в торжественном заседании / отчет о деятельности Российской Академии 1923-1926. Пг.: Рос. гос. Акад., 1922-1929. . С. 16—17.
129. Риттер, К. Землеведение Азии : география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею, т.е. Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири: [т. 1-/ соч.] Карла Риттера; пер. по поручению Рус. геогр. о-ва с доп., служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародов. с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Рус. геогр. о-ва. СПб. : Тип. Императорской Академии наук , 1856–1874. URL: https://www.prlib.ru/item/333712 (дата обращения: 05.04.2022).
130. Россия. Туркестанский край. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 19. СПб., 1913. 886 с.
131. Русско-китайские отношения в XIX веке : Материалы и док. / / Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока, М-во иностр. дел РФ, Ист.-док. упр. ; Сост. М. Б. Давыдова и др.. М. : Памятники ист. мысли, 1995. 765 (1019) с.
132. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы : В 2 т. / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Коммент. и ист. введ. С. 5-28. В. С. Мясникова; Археогр. введ. Н. Ф. Демидовой; АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. Ин-т востоковедения. Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР. Центр. гос. архив древ. актов. – М. : Наука, 1969-1972. 2 т.; 748 с.
133. Радлов, В. В. К вопросу об уйгурах. Прил. к т. LXXII «Зап. ИАН». СПб., 1893. №2. С. 1-20. URL: https://www.bookvoed.ru/files/3515/72/83/4.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
134. Русско-китайские отношения в XX веке : материалы и документы / Российская. акад. наук. Ин-т Дал. Востока и др. М. : Памятники ист. мысли, 2000. 520 с.
135. Русско-китайские отношения: 1689-1916 официальные документы. М. : Издательство восточной литературы, 1958. 142 с.
136. Рыскулов Т. Избранные труды; редкол.: А. Р. Ахметов и др. Алма-Ата : Казахстан, 1984. 259 с.
137. Рыскулов, Т. Киргизстан. Л., 1929. 112, [4] с.
138. Рыскулов, Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. 25 с.
139. Рыскулов, Т. Джетысуйские вопросы. Ташкент : Туркестанское государственное издательство, 1923. 36 с.; 18 см.

140. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб. : Военно-ученый ком. Главного штаба, 1882-1914. Вып. 35. 1888. 223 с. : табл.
141. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. / [изд. Д. Пещуров]. СПб. : Издание Министерства иностранных дел, 1889. 271 с.
142. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. URL: https://runivers.ru/bookreader/book388211/#page/2/mode/1up (дата обращения: 06.02.2022).
143. Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В.Канцелярии, 1899. С. 153–154.
144. Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 266 с.
145. Селицкий, И.В. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы : [Экон.-этногр. очерки и быт. жизнь тт. таранчей и дунган]. Казань : Типо-лит. ун-та, 1905. 82 с.
146. Сосновский, Ю.А. Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874-1875 годах СПб. : ред. журн. «Воен. сб.», 1876. С. 426-446.
147. Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. - Л. : Изд-во АН СССР, 1927. - (АН СССР. Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Труды комисии ; Вып. 13). 50 с.
148. Сталин, И.В. Марксизм и национальный вопрос. М. : Госполитиздат, 1950. 345 с.
149. Сталин, И.В. Об основах ленинизма // И.В. Сталин. Вопросы ленинизма. 4-е изд., доп. М. : Партийное изд-во, 1933. 96 с.
150. Сталин, И.В. Сочинения. Т. 2. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. URL:https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t2/t2_48.htm#p130 (дата обращения: 05.10. 2021).
151. Сталин, И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1945. С. 14-17.
152. Стенографический отчет Первого пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку от 3-го до 7-го июня 1927 года. М. : Изд-е ВЦКНТА, 1927. 92 с.
153. Степное положение 25 марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам : Степное положение двадцать пятого марта 1891 года с объяснениями по официальным источникам : [Сборник]. – СПб.: Зем. отд. М-ва вн. дел, 1891. - [4], 208 с.
154. СУ РСФСР, Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. URL: http://istmat.info/node/27646 (дата обращения: 10.01.2024).

155. Сунь, Ятсен. Избранные произведения. М. : Наука, 1985. 781 с.
156. Ташкентский курьер. 1908. №154, 155.
157. Тереньтев, М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб., 1903. 91 с.
158. Терентьев, М.А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. 361 с.
159. Тоган, А.З. Воспоминания : Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры : [Пер. с тур.] / Ахмет-Заки Валиди Тоган. – Уфа : Башк. изд.-во «Китап», 1996. Т.1. 400 с; 1998. Т. 2. 368 с.
160. Туркестанские ведомости. 14 февраля 1871. №4.
161. Туркестанские ведомости. 22 мая 1894. №36(1274).
162. Туркестанский альбом. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го / Сост. А. Л. Кун, М. И. Бродовский, М. А. Терентьев. 1871-1872. Ч. 1-6. СПб., 1872.
163. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 354–356. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 09.03.2023).
164. Усов, Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПБ., 1879. 284, 51, V с., 1 л.
165. Федоров, Д.Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края : ч. 1-2 / составлен Генерального штаба подполковником Д. Федоровым ; под редакцией Генерального штаба генерал-майора Тихменева. Ташкент : Издание Штаба Туркестанского военного округа, 1903. Ч. 2. 1903. URL: https://rus-turk.livejournal.com/161086.html (дата обращения: 01.03.2023).
166. Фитрат, А. Рассказы индийского путешественника (Бухара, как она есть); пер. с персидского А. Н. Кондратьева; под ред. проф. Д. А. Алимовой. Ташкент 2007. 102 с.
167. Ханыков, Н.В. Описание Бухарского ханства; сост. Н. Ханыковым. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1843. 282 с.
168. Хидая: Комментарии мусульманского права; перевод с англ. Т. 4; под ред.: Н. И. Гродеков. Ташкент : Типо-литография С. И. Лахтина, 1893. С. 289–293, гл. V. О браках неверных; С. 218–227; гл. VI. О распоряжениях зиммиев
169. Ходатайство Кирревкома перед ВЦИК о включении Кустанайского уезда в состав Киркрая. 13 сентября 1919 г. // ЦГА РК, Ф. И-14. Оп. 1. Д. 19. Л. 1а. Заверенная копия. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/458142-hodataystvo-kirrevkoma-pered-vtsik-o-vklyuchenii-kustanayskogo-uezda-v-sostav-kirkraya-13-sentyabrya-1919-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 18.08.2023); Советы и ревкомы в Казахстане. (Октябрь 1917-1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971.
170. Ходжаев, Ф. Избранные труды в трех томах. Т. I. - Ташкент: "Фан", 1970. 623 с.
171. Ходжаев, Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней. Азии // Избранные труды в трех томах. (Ред. колл. А. А. Агзамходжаев и др.) Т. 1. Ташкент: Фан, 1970. (АН УзССР, Ин-т философии и права АН УзССР, Ин-т истории партии при ЦК КПУз, Ин-т истории АН УзССР). 1970. 500 с.

172. Ходжаев, Ф. Очерки революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926. 152 с.
173. Хохлов, А.Н. Дунганское восстание в Китае 1860-1870-х годов и поездка академика В. П. Васильева в Кульджу в 1890 году // Восточный архив. 2013. №2(28). С. 7-20.
174. Черняков, З.Е. Об этнографическом составе СССР // Советская этнография. Л., 1933. №1. С. 38–57.
175. Чокаев, М. Туркестан под властью советов (к характеристике диктатуры пролетариата). Алма-Ата: Айкап, 1993. 127 с.
176. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац 1917–1923 гг. (вместо отчета). М. : Отдел печати и информации Н.К.Н, 1924. 228, [1] с.
177. Шкапский, О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907 №1. С. 19-52.
178. Штернберг, Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия. СПб., 1910. С. 520–533.
179. Якубовская, С.И. Ликвидация фактического неравенства наций (на примере народов Средней Азии и Казахстана) // Исторические записки. Отв. ред. А.А. Сидоров. Издательство АН СССР. 1954. № 48. С. 168-188.
180. Boulger, D.M. The life of Jakoob beg; athalik ghazi, and badaulet; ameer of Kashgar, London, 1878. 368 pp.
181. Carte de l'Asie Centrale / dressee par M. J. Klaproth. Paris, 1833.
182. Chiang, Kai-shek. China’s Destiny. New York, 1946. 260 pp.
183. Chokayev, M. The basmaji movement in Turkestan // The Asiatic Review. 1928. Vol. 24. P. 273-288.
184. Gowen, H. H. An Outline History Of China: From The Manchu Conquest To The Recognition Of The Republic. Boston. 1913.
185. Guignes, J. Histoire général des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux, & c. avant et depuis Jésus-Christ jusqu'à présent : Précédée d'une introduction contenant des tables chronol. & historiques des princes qui ont regné dans l'Asie : Ouvrage tiré des livres chinois, & des manuscrits orientaux de la bibliothèque du roi : Suite des Mémoires de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres / Par Deguignes... Paris : Desaint & Saillant, 1756.
186. Sayrami, M., Schluessel, E. The Tarikh-i Ḥamidi: A Late-Qing Uyghur History. Columbia University Press, 2023. 520 pp.
На китайском языке:
187. Бао Эрхань, Шасиди (Бурхан Шахиди). Синьцзян у ши нянь [Пятьдесят лет Синьцзяна]. Бэйцзин: Вэньши цзыляо чубаньшэ [Пекин: Издательство исторических материалов], 1983 – 254 с. (包尔汉 沙希迪.《新疆五十年》.北京:文史资料出版社,1983).

188. Гунчань гоцзи лянь гун (ши) юй Чжунго цаомин дань ань цуншу (20) мин; Гунчань гоцзи, лянь гун бу юй Чжунго гэмин вэньсянь цзыляо сюаньцзи (1938-1943) [Коминтернб его штабы и китайская революция: сборник архивных материалов (1938-1943)] / Чжунгун Чжунъян Данши Яньцзю Ши Ди и Бу бяньчжэ; Ли Япин Чжубянь. Бэйцзин : Чжунгун Даньши Чубаньшэ, 2012.
189. Лю, Сюй. Старая история династии Тан (Цзю Тан шу). URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/IX/Star_ist_Tan_1/text3.htm (дата обращения: 3.11. 2021).
190. Миньцзу вэньти вэньсянь хуэибянь [Собрание документов по национальному вопросу]. Бэйцзин: Чжунго чжуньян дан сяо чубаньшэ, 1991. (《民族问题文献集》. 北京：中国中央单校出版社). 1352 с.
191. Сюэ, Цзюйчжэн. Старая история пяти династий (Цзю Удай Ши) Повествование об уйгурах извлечения из династийной хроники «Цзю Удай Ши», гл. 138. URL: https://www.vostlit.info/Texts/
192. Чэнь, Ли, Пэн, Улинь. Чжунго цзиньдай миньцзу ши яньцзю вэньсюань: 3 цзюань. [Избранные статьи по изучению современной китайской национальной истории: 3 т.]. Бэйцзин Шэхой Кэсюэ Вэньсянь Чубаньшэ, 2013. (陈理、彭武麟.《中国近代民族史研究文选（上、中、下册）》.北京: 社会科学文献出版社,2013).1625 с.
193. Чжун-Су гуаньси цыдянь [Энциклопедия китайско-советских отношений]. Далянь, 1990. (《中苏关系词典》大连出版社, 1990). 529 с.
На узбекском языке:
194. Fitrat, A.A. She’rlar, nasriy asarlar, dramalar, publitsistika, tilshunoslik va adabiyotshunoslikka oid maqolalar [Стихи, проза, драмы, публицистика, лингвистические и литературоведческие статьи]/ Qayta nashr. Abdurauf Abdurahim o’g’li Fitrat. Nashrga tayyorlovchi va so’zboshi muallifi filologiya fanlari doktori, professor Hamidulla Boltaboyev [Пептblfybt Абдурауфа Абдурахима Фитрата. Редактор и автор предисловия — доктор филологических наук, профессор Хамидулла Болтабоев]. – Toshkent: «Zabarjad Media», 2024.
195. Said, Ziyo. O‘zbek vaqtli matbuoti tarixiga materiallar (1870–1927); Tanlangan asarlar, Toshkent, 1974.
196. Тоган, З.В. Хотиралар: Туркистонда мустакилдик ва отодлик учун курастлар харихи. Ташкент. 2014.
На таджикском языке:
197. Ализода, С. Ҳар миллат бо забони худ ифтихор мекунад // Ойина. 1914. №35. С. 836–837.
198. Адабиёти совети : журнали ҳармоҳаи омави ва адаби / Органи Наркомпрос ва Союзи Нависандаҳои Советии Ӯзбекистон. Toşkent = Тошкент : Bajroqi Mihnat = Байроки Михнат, 1935-1941.
199. Бехбуди, М. Таърихи ихтирои башар // Ойина. 1914. №39. С. 924–925.
На уйгурском языке:

200. Абдарахманов, Минәмжан. Октябрьдин илһамлинип: Улуқ Октябрь соц.революциясиниң 72 ж. Даир / Қаз.ССП «Билим» жәм-ти. Алмута : Қазақстан, 1989.
201. Vəlidup Az millətlər arasida ammavi iş/ Ujgurlaşturqucisi M.Qocqaruh. Səmərqən – Taşken, Öznəşr, 1930.
202. Яңливаштин тұғұлған уйғур хәлқи / Топлиғучи А.Әләхунов. Алмута : Қазақстан, 1989.
На турецком языке:
203. Sadri Maksudi'nin Hayat Hikayesi. İstanbul, 1979.
204. Suphi, Bey Y. Enver Paşa'nın Son Günleri (in Turkish), Çatı Kitapları. 2007.
205. Uygur Türkleri [Тюрки уйгуры]/ Erkin Alptekin. İstanbul : Bogaziçi basım ve yayınevi, 1978.
206. Togan, Ahmet Zeki Velidî. Umumî Türk Tarih'ine Giriş / İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. İstanbul: Aksiseda Matbaası, 1981.
207. Акчурин, Ю. Üç Tarzı Siyaset [Три вида политики]. Анкара, 1976.

Литература

На русском языке:
208. Абашин, С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов/ Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. С. 351–360.
209. Абашин, С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности : монография. СПб. : Алетейа : Алетейя. Ист. кн., 2007. 302 с.
210. Абилев, А.К. Казахское общество во второй половине XIX в. (на казахском языке). Караганда, 1992. 105 с.
211. Абрамзон, С.М. Этнографические исследования С. Е. Малова // Тюркологический сборник.1975. М. : Издательство «Наука», ГРВЛ, 1978. С. 12–25.
212. Абытов, Б.К. Первый всесоюзный тюркологический съезд: репрессированные и расстрелянные // Turkic Studies Journal. 2023. №2. С. 7-22.
213. Агдарбеков, Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920–1936 гг.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1990. 184 с.
214. Алексеев, И. К проблеме культурного диалога : ислам и казанское миссионерское исламоведение // сост. Р. М. Мухаметшин. Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования» (Казань, май 2003 г.). Казань : Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2004. С. 46–49.
215. Алексеенко, А.Н., Алексеенко, И.В. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997гг.) Усть-Каменогорск : РВК ПО «Полиграфия», 1999. 158 с.
216. Алексеенко, Н.В. Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870-1914 гг.). Алма-Ата, 1981. 111 с.
217. Алимова, Д.А. Джадидизм в Средней Азии: Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент : Узбекистон, 2000. 23 с.

218. Алихожиев, М.О., Тажимирзаев, Э.А. Джадидизм в Туркестане и просветительская деятельность джадидов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2016. №32. С. 72-76.
219. Аманжолова, Д.А. Некоторые проблемы национально- территориального размежевания в Средней Азии. 1920 гг. // Вестник КазНУ. Сер. Историческая. 2023. №1(108). С. 80-95.
220. Аманжолова, Д.А. Советский проект в Казахстане: власть и этничность. 1920-1930-е гг. : монография. М.–СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 480 с.
221. Аманжолова, Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920-1930-е гг. М. : Собрание, 2010. 248 с.
222. Аманжолова, Д.А. Советская этнополитика между идеологией и реальностью (1929-1941 годы) // Сервис +. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-etnopolitika-mezhdu-ideologiey-i-realnostyu-1929-1941-gody (дата обращения: 11.04.2024).
223. Аманжолова, Д.А., Красовицкая, Т.Ю. Культурная сложность советской России: идеология и практики управления. 1917-1941 гг. М. : Новый Хронограф, 2020. 383 с.
224. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
225. Арапов, Д.Ю. Гендемианский мир 1873 // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2018). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3803761 (дата обращения: 10.01.2023).
226. Арапов, Д.Ю. Записки П. А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. // Восток. 2003. №2. С. 125–128.
227. Арапов, Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721-1917 гг.) // Мусульмане в новой имперской истории: сб. Статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семенов. М. : ООО «Садра», 2017. 542 с.
228. Арапов, Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004. 381 с.
229. Асанканов, А.А. Уйгуры Кыргызстана = Uighurs of Kyrgyzstan = قىرغىزستان ئۇيغۇرلىرى . Бишкек, 2014. С. 275-285.
230. Ахунд // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. С. 154.
231. Бабаяров, Г., Асанов, Э. Был ли этническим досоветский город? О палитрах идентичности Бухары начала XX века // Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии. LAP Lambert Academic Publishing. Republic of Moldova Europe. Под ред. Ш. Камолддин. Вып. 6. 2021. С. 44-52.
232. Балтабаева, А.М., Рахматулла, Б.Ш. Вопросы народного образования среди уйгурского, дунганского населения Казахстана в советский период // Наука и

современность. 2010. №3-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-narodnogo-obrazovaniya-sredi-uygurskogo-dunganskogo-naseleniya-kazahstana-v-sovetskiy-period
233. Баранова, Ю.Г., Джондусов, А.У. О вынужденной миграции и переходе в российское подданство различных групп мусульманского населения Кульджинского края Синьцзяна // Туган Олке.Историко-краеведческий и архивный журнал. 2006. №1(6).
234. Бармин, В.А. Нераскрытые тайны дунганского «Бонапарта» (о роли советского фактора в судьбе руководителя повстанческого движения коренных народов Синьцзяна 1931–1934 гг. Ма Чжунъина) // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-2 (76). С. 27-35.
235. Бармин, В.А. О деятельности Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 20-х 30-х гг. XX века // Uyghur Initiative Papers. 2014. №9. Режим доступа: https://www.centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/05/Uyghur-papers-9-Valeri-Barmin.pdf).
236. Бармин, В.А. Политика Советского Союза в отношении Синьцзяна в 1918-1949 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 : защищена 27.01.2006 / Бармин Валерий Анатольевич. Барнаул, 2005.
237. Бармин, В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул, 1999. С. 106. Pan Zhiping. Dongfang Tujue Gongheguo: pipanxing pingjia// Ershiyi Shiji. [Восточно-Туркестанская республика: критическая оценка // Двухмесячник XXI век] 2014. №146. С. 67-70.
238. Бармин, В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг. : СССР и Синьцзян, 1918-1941 гг. : (Регион. фактор во внеш. политике Совет. Союза). Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1998; 191 с.
239. Бармин, В.А. Сотрудничество уйгурского населения Синьцзяна с народами советской Средней Азии в области социально-культурных и духовных отношений // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации = Culture in the Eurasian space: traditions and innovations : научный журнал. 2019. №1(3). С. 64-66.
240. Бармин, В. А., Дмитриев, С.В., Шматов, В. Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. 46.. М. : ИВ РАН, 2016. С. 209–244.
241. Бармин, В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг. Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул : Изд-во БГПУ, 1999. 199 с.
242. Бахавудун, И., Имин, А., Баудунов, А. Династия уйгурских интелллектуалов. Б7: ОАО «Эркин-Тоо», 2012. 162 с.
243. Бахтурина, А.Ю. Окраины Российской империи: государственое управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
244. Бауман, З. Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
245. Бекмаханова, Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М. : Ин-т российской истории РАН, СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с.

246. Бекмаханова, Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: послед. четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М. : Наука, 1980. 279 с.
247. Бекмаханова, Н.Е., Дулатова, Д.И. Народонаселение Казахстана в первой половине XIX в. в досоветской литературе // История. Вып. 6. Алма-Ата, 1973.
248. Белозерова, М.В. К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного ун-та. 2008. №308. С. 61-65.
249. Белокреницкий, В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Россия и мусульманский мир. 2017. №6. С. 83–106.
250. Бернштам, А.Н. История киргизского народа и Киргизстана. Инв. № 116. Фрунзе, 1944. 704 с.
251. Богословский, В.А., Москвалев, А.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М. : Наука, 1984. 262 с.
252. Больше доверия : сборник; сост. С. Б. Скороходов, В. С. Шабалин. Алма-Ата : Казахстан, 1990. 326 с.
253. Боронин, О.В. Двоеданничество в Сибири. XVII - 60-е гг. XIX вв. / О. В. Боронин ; Алтайский гос. ун-т, Каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед. – Барнаул : Азбука, 2002. 220 с.
254. Бочкарева, И.Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. Исторические науки и археология. 2019. №2(106). С. 22–26.
255. Бочкарева, И.Б. Национально-территориальное размежевание в Центральной Азии в 1924 г.: причины и принципы проведения // Журнал центрально-азиатских и евразийских исследований. 2021. С. 14-22.
256. Блумер, Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т. М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 173—179.
257. Блумер, Г. Коллективное поведение / Пер. Д. Водотынского // Американская социологическая мысль: Тексты / Сост. Е.И. Кравченко; под В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 90-115.
258. Блумер, Г. Социальные проблемы как коллективное поведение / Пер. И. Ясавеева // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева; 2-е изд., доп. и перераб. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 150—159.
259. Брагинский, И.С., Хамракулова, Х.Д. Айни // Большая российская энциклопедия. Т. 1. М., 2005.
260. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. 284 с.
261. Брубэйкер, Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2000. №1-2. С. 28–29.

262. Брубейкер, Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
263. Бурмистрова, Т.Ю. Ахмет Заки Валиди Тоган: жизнь и творчество : [Биогр. ученого-востоковеда. Библиография] / Т. Ю. Бурмистрова; С.-Петерб. гос. ун-т, Респ. гуманитар. ин-т. – М. : Славянский диалог, 1996. 283 с.
264. Буяров, Д.В. Национальное движение коренных народов Синьцзяна в 1931-1934 годах // Грамота, 2014, № 11(49) : В 2-х ч. Ч. I. С. 25-27.
265. Бушуев, В.А. Имперская этнополитика и модель государственно-конфессиональных отношений: консервативный доктринально-правовой проект // Философия права. 2010. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imperskaya-etnopolitika-i-model-gosudarstvenno-konfessionalnyh-otnosheniy-konservativnyy-doktrinalno-pravovoy-proekt (дата обращения: 11.04.2024).
266. Быков, А.Ю. Национально-государственное размежевание в Средней Азиии Казахстане в 1920-1930 гг.: подходы и решения / А. Ю. Быков // Евразийский ежегодник. 2024. №2. С. 141-197.
267. Васильев, А.Д. Кашгария. А.Н. Куропаткин и российская политика по отношению к Джетишаару в последней трети XIX в. // Мир политики и социологии. 2018. №5-6. С. 19-40.
268. Васильев, А.Д. Османская империя и государства Центральной Азии: политические и культурные контакты (XVI-XIX в.). М., ИВ РАН, 2014. 352 с.
269. Васильев, А.Д. Османский протекторат и российская политика в Кашгаре в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. // Мир Большого Алтая. 2016. №2(2.2) 2016. С. 373-383.
270. Васильев, Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.
271. Васильев, Д.В. Мусульманская политика российской империи в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. №2. С. 117–126.
272. Васильев, Д.В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 302, [1] с.
273. Васильев, Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг // Вестник евразийской науки. 2014. №5 (24). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-upravleniya-v-russkom-turkestane-po-proektam-polozheniya-ob-upravlenii-1870-h-gg (дата обращения: 07.10.2022).
274. Васильев, Л.С. Проблемы генезиса китайского государства: формирование основ социальной структуры и политической администрации. М. : Наука, 1983. 368 с.
275. Великая и Малая Бухария // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.
276. Великий русский географ Н. М. Пржевальский: К 100-летию со дня рождения 1839-1939; отв. ред. проф. В. В. Потемкин. М. : Моск. гос. ун-т, 1939. 602 с.

277. Виноградова, С.П. Согдийский язык // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 568.
278. Внешнеполитические концепции императорского Китая и методы их осуществления / Л. Переломов, А. Мартынов; Пер. с рус. В. Шнеерсон. М. : Прогресс, 1983. 199 с.
279. Внешняя политика государства Цин в XVII веке/ Ред. Л.И. Думан; АН СССР. Ин-т востоковедения. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1977. 385 с.
280. Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане : сборник статей ; ред. коллегия: акад. отв. ред. С. З. Зиманов и др. Алма-Ата : Наука, 1977. 147 с.
281. Воробьева, Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: вторая половина XIX века – 1917 г. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 10.06.1999 : утв. 15.09.1999 / Воробьева Елена Ивановна. — СПб., 1999. С. 38–39.
282. Воскресенский, А.Д. Генезис «Илийского кризиса» и русско-китайский Ливадийский договор 1879 г. // Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants Année. 1994. Vol. 35. Numéro 4. P. 763–786.
283. Воскресенский, А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М. : Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 405 с.
284. Воскресенский, А.Д. Современные концепции русско-китайских отношений и пограничено-территориальных проблем в России и Китае (80-90-е гг. XX в.) / А. Д. Воскресенский. М. : РНФ, 1994.
285. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические процессы: научно-методический комплекс / под ред. А. Д. Воскресенского. М. : Аспект, 2011. 685 с.
286. Востоковедение в Центральной Евразии: восемь путей развития / коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Быков, В. А. Кузнецов; науч. ред. М.А. Сучков. М.: МГИМО, ИВ РАН. 2024. 163 с.
287. Галенович, Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. : Изограф, 2010. 335 с.
288. Галузо, П.Г. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 11. Алма-Ата, 1961. С. 75-125.
289. Ганин, А.В. Генерал А. С. Бакич: от черногорского села Забрдже до Новониколаевска // Дело генерала Бакича. Сборник документов и материалов. Новосибирск : Управление государственной архивной службы Новосибирской области, 2022. С. 3-15.
290. Гасанлы, Джамиль П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане, 1931–1949 : монография. 2-е изд., стер. М.:ФЛИНТА, 2016. 360 с.

291. Гафаров, Н.У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX - начале XX вв. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 : Место защиты: Тадж. нац. ун-т./ Гафаров Нуманджон Усманжонович. Душанбе, 2013.
292. Гаффоров, Н.У. Деятельность благотворительных обществ среднеазиатских джадидов в сфере народного образования // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013. №1(34). С. 110-121.
293. Геллнер, Э. Нации и национализм. М., 1991. 320 с.
294. Глинкин, В.С. Чжуаны в контексте национальной политики Китая. Томск : Ветер, 2022.
295. Глушков, В.В. История военной картографии в России (XVIII - начало XX в.). М. : ИДЭЛ, 2007. 527 с.
296. Гомбоева, С.В. Солоны Китая // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2015. №1. С. 78–82.
297. Горшенина, С.М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. Перевод с французского М.Р. Майзульса. Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. 119 с.
298. Грамши, А. Тюремные тетради. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetradi.pdf (дата обращения: 04.05.2022).
299. Грачева, Ю.А. Особенности положения народа наси в Китае : история и современность : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / Грачева Юлия Александровна; [Место защиты: Институт востоковедения Российской академии наук]. М., 2019.
300. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
301. Губаева, С.С. Уйгуры и дунгане Ферганской долины // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана ; РАН Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: УОП Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 121–148.
302. Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М. : Наука, 2003. 763, [2] с.
303. Гумбольдт, А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии; перевод с франц. П. И. Бородзича; под ред. проф. Д. Н. Анучина. Т. 1. М. : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. 618 с.
304. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки. М. : Айрис-пресс, 2012. 504 с.
305. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : АСТ Москва, 2008. 760 с.
306. Гуревич, Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX в. М. : Наука, 1979. 311 с.
307. Даль, В.И. Юрт // Толковый словарь живого великорусского языка: Ч. 4. Р-V : [в 4 ч.]. М. : Изд. Общ-ва любителей Российской словесности, 1866 (Тип. Т. Рис). С. 612.

308. Дамешек, Л.М. Этнический фактор окраинной политики империи в региональном измерении : сибирский вариант (XVIII-XX вв.). Иркутск : Издательство ИГУ, 2022. С. 19-27.
309. Дацышен, В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи : монография. М. : Проспект, 2017. 192 с.
310. Дашковский, П.К., Шершнёва, Е.А. Ислам и империя: положение мусульманских общин Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в. : монография ; науч. ред. Т.Г. Недзелюк. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2020. 161 с.
311. Дебор, Г. Общество спектакля. М., 2000. 318 с.
312. Дмитриев, С.В. Уйгуро-дунганское восстание 1864-77 // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 726.
313. Дмитриев, С.В. Уйгуры // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/uigury-cdfb56/?v=6987244 (дата публикации: 17.04.2023).
314. Дмитриев, С.В., Кузьмин, С.Л. Империя Цин: анатомия исторического мифа // Восток (ORIENS). 2014. №1. С. 5–17.
315. Добромыслов, В.В. Инородцы в России. М. : Тип. Общества распространения полезных книг, 1907. С. 1-8.
316. Ду, Бинбин. Реформа административного аппарата Империи Цин: 1901–1911 гг. : дис. … канд. ист. наук : 07.00.03 : защищена 28.12.2006 / Ду Бинбин. — М., 2006.
317. Дубровская, Д.В. Борьба в правящих кругах Цинской империи по вопросу о политике в Синьдзяне, 60-70-е гг. XIX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1988.
318. Дубровская Д. В. Судьба Синьцзяна : Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. РАН. Ин-т востоковедения. М. : ИВ РАН, 1998. 202 с.
319. Думан, Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 256 с.
320. Думан, Л.И. Биянху – вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. // Записки института востоковедения АН СССР. Т. VII. М.-Л. 1939. С. 27–54.
321. Дунгане : история и культура: российские дореволюционные работы о дунганах; сост. М.Р. Мадиван; отв. ред. О.И. Завьялова. М. : Наука – Вост. лит., 2017. 332 с.
322. Дэвид, Д. Ван. СССР и создание Восточно-Туркестанской республики в Синьцзяне // Журнал Института современной истории. Вып. 25. 1996. С. 337–378.
323. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). СПб. : ЛИСС, 1998. 1000 с.
324. Ерзин, М. Становление и развитие уйгурской советской печати. – Алма-Ата : Наука, 1988. 149, [2] с.
325. Ерофеев, Д.Р., Погодин, С.Н., Фролова, А.П. К истории сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном Районе // Россия в глобальном мире. 2017. №11 (34). С. 168; Пилипчук Я. В. Уйгурское национальное движение и Китай в XX веке // URL:

https://ethnoglobus.az/print:page,1,1384-ujgurskoe-nacionalnoe-dvizhenie-i-kitaj-v-hh-veke.html (дата обращения: 01.04.2025).
326. Жоголев, Д.А. Малые народности и великий Китай. – М.: ИДВ РАН, 1994. 200 с.
327. Зотов, О.В. Восточный Туркестан (Синьцзян): на весах истории и геополитики // Россия и мусульманский мир. 2009. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vostochnyy-turkestan-sintszyan-na-vesah-istorii-i-geopolitiki (дата обращения: 29.05.2024).
328. Зотов, О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв.: межгосударственные отношения. М. : Наука, 1991. 169 с.
329. Игибаев, С.К. Занятия населения Семиреченской области в конце XIX века // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Материалы Международной научно-практической конференции (6-7 апреля 2001 г.). Усть-Каменогорск : ВКГУ, 2001. С. 13.
330. Императорская Россия и мусульманский мир : конец XVIII-начало XX в. : сборник статей; под ред. Д. Ю. Арапова. М. : Наталис, 2006. 480 с.
331. Ипполитов, Г.М. Системный подход к познанию истории: Дискуссионные размышления о некоторых аспектах Многоаспектной проблемы в лапидарном изложении // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. №2(19). С. 192-199.
332. Исиев, Д.А. Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877). М., : Наука, 1981. 91 с.
333. Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова) : коллективная монография ; сост. и отв. ред. Т. В. Котюкова. СПб.: Алетейя, 2021. 658 с.
334. Ислам в СССР: Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока; редкол.: отв. ред. Э. Г. Филимонов и др. М. : Мысль, 1983. 173 с.
335. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.
336. История Китая / Под ред. А. В. Меликсетова. 2-е изд., исп. и доп. М. : Изд-во МГУ, 2002.736 с.
337. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. ; гл. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука: Восточная лит., 2013. 974 с.
338. История народов Узбекистана/ Под ред. К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронец. Ташкент : Издательство АН УзССР, Т. 2. 1947. 510 с.
339. Исхаков, С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) / 2-е изд., испр. и доп. М. : Социально-политическая мысль, 2004. 600 с.
340. Исхаков, С. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М. : Социально-политическая мысль, 2007. 400 с.
341. Кабиров, М.Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана; АН КазССР, Отд. уйгуроведения при Ин-те языкознания. Алма-Ата : Наука, 1975. 285 с.
342. Кабиров, М.Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье : дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.00. / Кабиров Мурза Ниязович. Алма-Ата, 1949.

343. Кабиров, М.Н. Социальные и культурные преобразования в жизни уйгуров Казахстана. Алма-Ата : 1975. 18 с.
344. Кабузан, В.М. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. 2004. № 4(19). С. 82-91.
345. Кадиров, М. Подвижник нового мышления Бехбуди (1875-1919) // ORIENSS. 2024. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podvizhnik-novogo-myshleniya-behbudi-1875-1919 (дата обращения: 05.12.2024).
346. Кадырбаев, А.Ш. «Почтенные мусульмане» – народы хуэй и дунгане // Иран-наме, научный востоковедческий журнал. 2011. №3(19). С. 25–36.
347. Кадырбаев, А.Ш. Эволюция историко-географических и этнических названий Центральной Азии в российско-советской, западной, китайской и иранской историографии // Иран-наме. 2008. №2. С. 232-238.
348. Кадырбаев, А.Ш., Султанов, Т.И., Сыздыкова, Ж.С., Зайцев, И.В. Очерки истории Центральной Азии: Учебное пособие ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Центр Кавказа и Центральной Азии. М. : [б. и.], 2007. 360 с.
349. Кадырбаев, А.Ш., Сыздыкова, Ж.С. Страна на Тянь-Шане и в Прииссыккулье : очерки истории Кыргызстана с древнейших времен до начала XXI века : учебное пособие ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Институт Востоковедения РАН. М. : 4 Принт, 2019. 383 с.
350. Казиев, С.Ш. Переселенческий вопрос в национальной политике Советского Государства в Казахстане в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. 2014. Т. 3(26). С. 121–122.
351. Казиев, С.Ш. Политика коренизации и проблемы межэтнических отношений в Советском Казахстане (1923-1936 гг.) // Омский научный вестник. 2015. №2(136). С. 29-32.
352. Кайкова, О.К. Поворот в национальной политике 1935-1937 гг. и судьба национальных меньшинств РСФСР // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2006. №3(7). С. 116-117.
353. Калхун, К. Национализм / пер. А. Смирнова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 107-108.
354. Камалов, А.К. «Латинский путь» в интеллектуальной истории уйгуров Средней Азии и Казахстана // Journal of Oriental Studies. 2017. №3(82). С. 40-45.
355. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад ; пер. с нем. С. Червонная. М. : Прогресс-Традиция: Традиция, 2000. 342 с.
356. Керимова, Т. Съезд, объединивший тюркский мир // Известия НАН Азербайджана. Сер. общественных наук, 2016. №3. С. 29-30.
357. Кляшторный, С.Г., Султанов, Т.И. Казахстан : летопись трёх тысячелетий. Алматы : Рауан, 1992. 378 с.

358. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. - М.: Наука, 2003. 486 с.
359. Кожирова, С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000.128 с.
360. Комиссаров, С.А., Фролова, А.А. Дунгане: этнос внутри этноса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 481–484.
361. Коммиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920-1935 гг. Диссер. на сотск. уч. ст. канд. истор. наук. 07.00.02. Барнаул, 2004.
362. Котов, В.И. Народы союзных республик СССР. 60-80-е годы. Этнодемографические процессы. М., 2001. 276 с.
363. Котюкова, Т.В. Окраина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы / Т. В. Котюкова ; Институт всеобщей истории РАН. М. : НПК, 2016. 391 с.
364. Котюкова, Т.В. От Туркестанского генерал-губернаторства к советским республикам Средней Азии: как и когда начали формироваться современные границы в Центральной Азии (к 100-летию национального размежевания в Средней Азии) // Постколониализм и современность. 2023. №3(3). С. 43-77.
365. Котюкова, Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905-1917 гг.) : [монография] / Т. В. Котюкова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Российский гос. ун-т туризма и сервиса, Ин-т сервиса (г. Москвы) (Фил.). М. : Энтер-Графико, 2008. 202 с.
366. Кочетков, В.В. Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. №1. С. 5-26.
367. Краснобаева, Н.Л. Население Казахстана в конце XIX – первой четверти XX века: дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 180 с. Библиогр.: С. 202-214.
368. Крил, Х. Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу ; пер. с англ.: Р. В. Котенко. СПб. : Евразия, 2001. 480 с.
369. Крюков, М.В. Малявин, В.В., Софронов, М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М. : Наука, 1984. 335 с.
370. Крюков, М.В., Софронов, М.В., Чебоксаров, Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М. : Наука, 1978. 342 с.
371. Кузнецов, В.С. Из истории освободительноиӣ борьбы уиӣгурского народа. Восстание в Уч-Турфане (1765) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1. С. 130–136.
372. Кузнецов, В.С. К истории завоевания империеиӣ Цин Восточного Туркестана (50-е годы XVIII в.). В кн.: Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1979. 228 с.
373. Кузнецов, В.С. Цинская империя на рубежах, Центральноиӣ Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1983. 126 с.
374. Кузьмин, С.Л. Вассалитет на Западе и Востоке: проблема отношениӣ империи Цин с Монголиеиӣ и Тибетом. Восток (Oriens). 2019. № 1. С. 39–54.

375. Кулматов, К. Национально-государственное строительство в Средней Азии и Казахстане 1917–1927 гг. (проблемы истории и историографии) : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.01. М., 1992.
376. Курц, Б.Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков : Государственное издательство Украины, 1929. 158 с.
377. Кучкин, А.П. К вопросу о коренизации советского аппарата в Казахстане в первое десятилетие существования республики (1920-1930 гг.) // Исторические записки. Издательство АН СССР. 1954. № 48. С. 202-227.
378. Кычанов, Е.И. Новые материалы об этногенезе дунган // Советская этнография. 1978. №2. С. 95-99.
379. Лиджиева, И.В. Особенности системы управления инородцами в Российской империи в XIX – начале XX вв. // Политика и общество. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sistemy-upravleniya-inorodtsami-v-rossiyskoy-imperii-v-xix-nachale-xx-vv.
380. Лысенко, Ю.А. Проблема землеустройства Семиреченского казачьего войска сквозь призму этносоциального ресурсного конфликта (вторая половина XIX – начало XX в.) // Востоковедные исследования на Алтае / Алтайский государственный университет (Барнаул). 2016. №10. С. 9-12.
381. Лысенко, Ю.А., Лысенко, М.Ф. К вопросу о политике коренизации аппарата государственного управления в Туркестанской и Киргизской (Казахской) автономных советских социалистических республиках РСФСР (1919–1924 гг.): цели, этапы и итоги // Известия Алтайского госуниверситета. 2015. № 3. С. 131-138.
382. Лю, Лэй. Деятельность генерала Андрея Степановича Бакича и его отряда после отступления на территорию Синьцзяна // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. №2. С. 30-39.
383. Лю, В. Г. Этническая и культурная идентичность дунган в полиэтнической среде // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса. 2006. №3 (3). С. 191-199.
384. Лю, Сяньчжун. Плюсы и минусы политики «Коренизации» СССР в 1920-е годы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. С. 41-49.
385. Маверанахр // Большая российская энциклопедия. 2011. Т. 18. С. 301.
386. Маджун, Д.С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Известия Саратовского университа. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 404-410.
387. Маджун, Д.С. Дунгане Центральной Азии : история и документы. Бишкек. 2023. 442 с.
388. Маджун (Мусарова), Д. С. Исламское образование у дунган Киргизстана и Казахстана: Прошлое и настоящее // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. №1. С. 39-56.
389. Малявкин, А. Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования). Новосибирск : Наука, 1981. 336 с.

390. Малявкин, А. Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. ; отв. ред. Ю. М. Бутин. Новосибирск : Наука : Сиб. отделение, 1983. С. 42-48.
391. Мамедова, Э. М. Из истории взаимоотношений народов Туркестанского края и Синьцзяна : со II половина XIX века до 1917 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00. Ташкент, 1963.
392. Мартин, Т. Империя «положительной деятельности: нации и национализм в СССР, 1923-1939 ; пер. с англ. О. Р. Щёлоковой.. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.
393. Масанов, Н. Э. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. АН ССР. Наука, 1993. 320 с.
394. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учебное пособие для студентов вузов / А. Д. Богатуров, А. С. Дундич, В. Г. Коргун и др.; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
395. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1 / А. Л. Нарочницкий, А. А. Губер, М. И. Сладковский, И. Я. Бурлингас; Редкол. : отв. ред. Е. М. Жуков и др. ; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. М. : Мысль, 1973-1978. 791 с.
396. Меликсетов, А. В. История Китая в новейшее время. Ч. 1. Китай к началу новейшего времени. М. : МГИМО, 1980. 736 с.
397. Миллуорд, Дж. А. Современный Синьцзян в исторической перспективе // Вестник Евразии. 2001. №2. С. 63-82.
398. Миллер, А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии ист. исслед. М. : Новое лит. обозрение, 2006. С. 252-261.
399. Мид, Дж. Г. Философия настоящего / пер. с англ. под науч. ред. В. Г. Николаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.
400. Мирза-Ахмедова, П., Рашидова, Д. К изучению джадидского движения // Общественные науки в Узбекистане. 1990. №7. С. 30-40.
401. Моисеев, В. А. К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870-1871 гг. // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2000. Вып. II. С. 85–94.
402. Моисеев В. А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул : АзБука, 2003. 345, [1] с.
403. Моисеев, В. А., Сулейменов Р. Б. Чокан Валиханов – востоковед. Алма-Ата : Наука, 1985. 109, [2] с.
404. Моисеев, С.В. Взаимоотношения России и Уйгурского Государства Йеттишар в 1864-1877 гг. : дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 : защищена 15.12.2003 / Моисеев Сергей Владимирович. Барнаул, 2003.
405. Моисеев, С.В. Исламский фактор в русско-кашгарских отношениях в 60-70-е гг. XIX в. URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/vost/4.pdf (дата обращения: 16.02.2017).
406. Моисеев, С.В. Причины и последствия заключения русско-кашгарского торгового договора 1872 г. // Известия Алтайского государственного университета,

2019, №6(110). С. 75-80 DOI: 10.14258/izvasu(2019)6-12. URL: https://izvestiya.asu.ru/article/view/%282019%296-12.
407. Моисеев, С.В. Русско-кашгарские отношения в 60-70-х гг. XIX в. Барнаул : Азбука, 2008. 201 с.
408. Моисеев, С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йиэттишаре и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: материалы III Международной научно-практической конференции, 15—16 ноября 2001 г. / отв. ред. В. С. Бойко. Барнаул : Изд-во Барнаульского государственного педагогического ун-та, 2001. С. 21–26.
409. Моисеенко, В.М. Крестьянские переселения в 1920-е годы (Из истории миграции в России) // Демографическое Обозрение. 2015. Т. 2. №3. С. 88–141.
410. Молоков, И.Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920-1922 гг. : Учеб. пособие / И. Е. Молоков; Омский политехн. ин-т. – Омск : ОмПИ, 1991. 122 с.
411. Москалев, А.А. Нация и национализм в Китае : эволюция кит. мысли в подходах к нации и национализму / А. А. Москалев; Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока. М. : Памятники ист. мысли, 2005. 324, [1] с.
412. Москалёв, А. А. Политика КНР в национально-языковом вопросе (1949-1978). М. : «Наука», 1981. С. 89-91.
413. Москалёв, А.А., Богословский, В.А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М., 1984. 262 с.
414. Муллядженов, И.Р. Население Узбекской ССР: справочник. Ташкент : Узбекистан, 1989. 228 с.
415. Муллядженов, И.Р., Вороновский, Ю. В., Цепковская, Т. С. Население Узбекской ССР /. Ташкент : Узбекистан, 1973. 138 с.
416. Муртазина, Л.Р. «Единство языка, мысли и действий»: Вклад Исмаила Гаспринского в развитие просвещения мусульманских народов // Minbar. Islamic Studies. Т. 15. 2022. №3. С. 635-652.
417. Мусульмане в новой имперской истории : сборник статей / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения РАН ; составители: В.О. Бобровников [и др.]. М. : Садра, 2017. 422 с.
418. Мясников, В.С. «Договорными статьями утвердили». Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М., 1996. 482 с.
419. Мясников, В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 512 с.
420. Народы Средней Азии и Казахстана. Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР С.П. Толстова. Т. 2. М., 1963. Раздел от дунганах – С. 526-563.
421. Народы тунгусо-маньчжурского происхождения. Горелова Л.М. Сибо // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 138–139.

422. Наумкин, В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. №1. С. 9-27;
423. Нации и национализм на мусульманском Востоке / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М. : ИВ РАН, 2015. 488 с.
424. Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М. : Наука, 2007. 601 с.
425. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления ; под ред. С. Г. Агаджанов и др. М. : Слав. диалог, 1997. 416 с.
426. Недопекина, Е.М. Политический и социальный статус языков "старых" диаспор на территории СССР // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №4. С. 1123-1124.
427. Непомнин, О.Е. История Китая : эпоха Цин, XVII-нач. XX в. / О. Е. Непомнин ; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005. 711 с.
428. Никитина, Е.Е. Развитие идеи гражданского общества в трудах российских правоведов конца XIX - начала XX в // Журнал российского права. 2017. №3 (243). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-idei-grazhdanskogo-obschestva-v-trudah-rossiyskih-pravovedov-kontsa-xix-nachala-hh-v (дата обращения: 27.05.2024).
429. Новая история Китая / А. Н. Хохлов, И. С. Ермаченко, В. П. Илюшечкин и др.; Под ред. С. Л. Тихвинского. М. : Прогресс, 1983. 974 с.
430. Новая страница из жизни А.З. Валиди / Islamic area studies project, Tokyo, Japan, 2001. 32 с.
431. Олимов, М.В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток, № 5, 1991. URL : https://ca-c.org.ru/datarus/st_13_olimov.shtml.
432. Панарин, С.А. Национально-культурное возрождение в республиках и территориальная целостность России // Вестник Евразии. 2006. № 1. С. 45-57.
433. Переломов, Л. С. Империя Цинь - первое централизованное государство в Китае. (221-202 гг. до н. э.) [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М. : Изд-во вост. лит., 1962. 243 с.
434. Петербургский договор 1881 // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 57.
435. Пилипчук, Я.В. Уйгурское национальное движение и Китай в XX веке // URL: https://ethnoglobus.az/print:page,1,1384-ujgurskoe-nacionalnoe-dvizhenie-i-kitaj-v-hh-veke.html.
436. Позднеев, А.М. Лян // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1896. С. 274.
437. Покровский, С.Н. В.В. Куйбышев в Казахстане. Алма-Ата : Издательство Академии наук Казахской ССР, 1963. 72 с.
438. Полякова, Н. Л. “Идентичность” в современной социологической теории // Вестн. моск. ун-та. сер. 18. социология и политология. 2016. № 4. С. 22-42.

439. Постников, А.В. Об итогах пребывания российской миссии в 1841-1842 гг. в Бухаре и о судьбе английских эмиссаров Стоддарта и Конолли // Проблемы востоковедения. 2013 №1(59). С. 77-85.
440. Почекаев, Р.Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг. : между традициями и фронтирной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. №2. С. 531-542.
441. Почекаев, Р.Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. №4(181). С. 152-166.
442. Предел империи: Восточный Туркестан, Кульджа, Хунза в орбите политических интересов России. Вторая половина XIX в. ; под общ. ред. Д. В. Васильева. СПб. : Нестор-История, 2021. 240 с.
443. Разделенные народы // Словарь социолингвистических терминов ; ответственный редактор: доктор филологических наук В.Ю. Михальченко. М. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.
444. Резван, Е.А. «Милла» // Ислам: Энциклопедический словарь. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 165.
445. Ремнёв, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX - начала XX веков. Омск, 1997. 252 с.
446. Решетов, А.М. Об этническом своеобразии хуэй и уровне их этнической консолидации. «Этническая история народов Азии». М., 1972. С. 137–149.
447. Решетников, А.М. Татары в Китае // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-164-0 (дата публикации: 2014). С. 176-182.
448. Рогожинский, А.Е. От «Жетысу» до «Семиречья»: рождение и трансформация значений // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 160-170.
449. Розыбакиев Абдулла Ахметович // Алма-Ата. Энциклопедия; под ред. М.К. Козыбаева. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1983. С. 455.
450. Рощин, М.Ю. Гаспринский // Большая российская энциклопедия. Том 6. М., 2006, С. 425.
451. Рузиев, М. Возрожденный уйгурский народ. 2-е изд., доп. и испр. Алма-Ата : Казахстан, 1982. 216 с.
452. Садавкасов, Г.С. К вопросу о взаимодействии уйгурских и узбекских говоров Ферганы //Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. 233 с.
453. Садвакасов, Г.С. Алфавит литературного языка советских уйгуров // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР. М. : Наука, 1972. С. 174-182.
454. Садвакасов, Г.С. Язык уйгуров Ферганской долины / АН Каз. ССР. Ин-т языкознания. Отд. уйгуроведения. Алма-Ата : Наука, 1970. 263 с.
455. Садыкова, Б. Мустафа Чокай. Алматы: Алаш, 2004. 240 с.

456. Саидов, А.А. Советское государство и ислам: история взаимоотношений (1917–1941 гг.) // Исламоведение. 2023. Т. 14. №1(55). С. 44-47.
457. Сапожникова, Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. №1.С7 13-17.
458. Семченков, А.С., Бараш, Р.Э. Проблема разделенных народов в контексте трансформации мирового политического пространства // Полит. наука. 2009. №1. С. 137–167.
459. Сергеев, Б.Ю. Большая игра, 1856-1907. Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
460. Сергейчик, Е.М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник СПБГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 1. С. 63-71.
461. Смирнова, В. Национальная гендерная политика в СССР в конце 1920-х гг. по материалам серии брошюр «Труженица Востока». Рукопись. С. 1-6. URL: https://www.hse.ru/data/2015/04/22/1095494330.docx (дата обращения: 30.03.2025).
462. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: Критическиĭ обзор со¬ временных теориĭ нациĭ и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 466 с.
463. Соколов, О.А. Ханафиты // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/khanafity-12e797/?v=8330438 (дата публикации: 11.09.2023); С. М. Мазхаб // Ислам. Энциклопедический словарь; отв. ред. С. М. Прозоров М. : Наука. ГРВЛ, 1991. С. 152.
464. Соколов, О.А. Шафииты // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: https://bigenc.ru/c/shafiity-f0273f/?v=8334882.
465. Среднеазиатское восстание 1916 // Большая российская энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 116.
466. Ставров, И.В. Законодательная реализация этнополитики и районной национальной автономии в КНР // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-realizatsiya-etnopolitiki-i-rayonnoy-natsionalnoy-avtonomii-v-knr.
467. Стрелкова, И.И. Валиханов. – М. : Молодая Гвардия, 1983. – (Жизнь замечательных людеĭ : ЖЗЛ : сер. биогр. Вып. 6 (635). 284 с.
468. Сушанло, М.Я. Дунгане: (Ист.-этногр. очерк) / АН КиргССР. Отд. востоковедения. Фрунзе: Илим, 1971. 305 с.
469. Сушанло, М.Я. Семья и семейный быт дунган. Фрунзе : Илим, 1979. 58 с.
470. Сулейманова Д. М. Культурное строительство дунган Кыргызстана. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Бишкек, 1992. 19 с.
471. Султаналиев, Б.Т. Становление этно-конфессионального мусульманского образования на севере Кыргызстана в конце XIX – начале XX вв. // Minbar. Islamic Studies. Т. 14. 2021. №2. С. 297-309.

472. Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М. : РОССПЭН, 2019. 287 с.
473. Сыроежкин, К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Издательство «Дайк-Пресс», Алматы, 2003. 733 с.
474. Сыроежкин К. Л. Национально-государственное строительство в КНР: теория и практика. Алматы: б.и., 1993. 156 с.
475. Сыроежкин, К.Л. Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы : ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 335 с., 8 л. ил., к.
476. Ташболотова С. Переселенческая политика Российской империи (на материалах Семиреченской области) // ХАБАРШЫСЫ ВЕСТНИК. 2011. №5. Б. 53-58.
477. Темников, Е.Г. Межгосударственные отношения России и Китая во второй половине XIX в. : автореферат дис. … кандидата исторических наук : 07.00.03 : защищена 02.12.2010 / Темников Евгений Геннадьевич, Казань, 2010.
478. Темников, Е.Г. Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 149. Сер. гуманитарные науки. Кн. 4. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2007. С. 203-210.
479. Тихонов, Д.И. Уйгурские исторические рукописи конца XIX и начала XX в. // Ученые записки Института востоковедения. Т. IX. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1954. С. 146–174.
480. Тишков, В.А. Нация // Большая Российская энциклопедия; гл. ред. С.Л. Кравец. М., 2013. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/2253708 (дата обращения: 10.11. 2021).
481. Тишков, В.А. Очерки теории этноса и политики этничности. М., 1997. 532 с.
482. Тишков, В.А. Этническая общность // Большая Российская энциклопедия. ; гл. ред. С. Л. Кравец. М., 2017. URL: https://bigenc.ru/ethnology/text/4916954 (дата обращения: 10.11. 2021).
483. Тишков, В.А., Шабаев, Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М. : Издательство Московского университета, 2011. 376 с.
484. Тольц, В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период; перевод с английского. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
485. Туркестан // Большая российская энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 535.
486. Туркестан в имперской политике России : монография в документах; отв. ред. Т.В. Котюкова, ред. Б.М. Бабаджанов, О.А. Махмудов, С.Н. Абашин. М. : Кучково поле, 2016. 880 с.
487. Турсун, Н. Вопросы этногенеза уйгуров в китайской историографии / Под ред. А. И. Нарынбаева. Бишкек: Tesis, 1999. 42 с.
488. Турсун, Н. Китайская историография XX века средневековой истории уйгуров : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09./ Ин-т востоковедения РАН. М., 1995.

489. Кожирова, С.Б. Уйгуры Казахстана: история и современность // Uyghur Initiative Papers No.10. December 2014. P. 1-7.
490. Узбеки ; отв. ред. З. Х. Арифханова, С. Н. Абашин, Д. А. Алимова ; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Акад. наук Респ. Узбекистан, Ин-т истории. М. : Наука, 2011. 688 с.
491. Усманов, К.А. Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 г. // Вопросы истории. 1947. №2. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Uigur_istocn_vosst_1864/text1.htm (дата обращения: 11.01.2021).
492. Устав о сибирских киргизов 1822 // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017.
493. Фадеичева, М.А. Большевистская версия решения национального вопроса // Научный ежегодник Ин-та философии и права Уральского отделения РАН. 2002. Вып. 3. С. 331-340.
494. Фазлыев, Д.Р. Национальный состав органов советской юстиции в период с 1920 по 1930 гг. Квалификационная работа Высшей школы экономики. М., 2025. 14 с.
495. Фахрутдинов, Р.Р. Материалы и документы по истории общественно-политического движения среди татар (1905-1907). Казань : Изд-во Казанского пед. ин-та,, 1992. 128 с.
496. Ферганская долина : этничность, этнические процессы, этнические конфликты ; отв. ред.: С.Н. Абашин, В.И. Бушков. М. : Наука, 2004.224 с.
497. Фесенко, П.И. История Синь-Цзяна. М. : МИВ, 1935. 278 с.
498. Филиппов, Р.В. Советская теория этноса: историографический очерк. М. : Институт Африки РАН, 2010. 185 с.
499. Фронтир в значении рубеж. Фронтир // Большая российская энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 634.
500. Халид, А. Национализация революции в Средней Азии: Трансформация джадидизма, 1917-1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / Под ред. Р.Г. Суни, Т. Мартина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 43-113.
501. Халид, А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии. Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова. СПб.: Алтейя, 2021. С. 395–415.
502. Халид, А. Создание Узбекистана : нация, империя и революция в раннесоветский период : [12+] ; пер. с англ. К. Тверьянович, А. Рудаковой. СПб. : Библиороссика; Бостон : Academic Studies Press, 2022. 621 с.
503. Хамзин, И.Р. Разрешение русско-китайского пограничного кризиса 1870–1880-х гг. в ведомственных структурах Российской империи // Китай: история и современность : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–23 октября 2015 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. С. 398-402.

504. Хафизова, К. Международные русско-китайские съезды на границе // Мысль. 18 июня 2015. URL: https://mysl.kazgazeta.kz/news/6157 (дата публикации: 18.06.2015; дата обращения: 10.01.2025).
505. Хафизова, К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV-XIX вв. Алматы : Гылым, 1995. 284 с.
506. Хахалин, К.В. Русско-китайское разграничение в Центральной Азии в середине XVIII - середине XIX. Автореферат диссерт. На соиск. уч. ст. канд. истор. наук. СПб, 2007. [2],17 с.
507. Хисамутдинова, А. Первые татарские школы города Верного // URL: https://vernoye-almaty.kz/verny/tatar-school.shtml.
508. Ходжаев, А.Х. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан: (Колониальная политика цинского Китая во второй половине XIX века). М. : Наука, 1979. 130 с.
509. Хопияйнен, О.А., Филимонова, Н.В. Миноритарные народы в поликультурном мире // Вестник ЮГУ. 2015. № S4 (39). С. 43-46.
510. Хопкирк П. Большая игра против России : Азиат. синдром; [Пер. с англ. И.И. Кубатько]. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 266 с.
511. Хостлер, Ч. Тюркизм и Советы. Тюрки мира и их политические цели. Пер. с анг. Г. М. Мендикуловой. сост. Б. М. Сужиков – Алматы: «Санат», 2006. 286 с.
512. Хуэй // Большая российская энциклопедия. Т. 34. М., 2017. С. 238.
513. Центральная Азия в составе Российской империи / Абашин С.Н. и др.; отв. ред.: С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
514. Чернявская, О.С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник ВятГУ. 2011. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-ponyatiya-territorialnoy-identichnosti.
515. Чвырь, Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX – XX вв.: очерки нар. ислама в Туркестане / Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. М. : Вост. лит., 2006. 286, [2] с.
516. Чвырь, Л.А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX-начале XX в: очерки историко-культурных связей. М. : Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1990. 303 с.
517. Широкогоров, С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923. 136 с.
518. Шихалиев, Ш. Ш., Наврузов, А. Р. Исследование джадидизма в советской и российской историографии // Ислам в современном мире. 2023. Т. 19. №4. С. 121–140.
519. Шмидт, В. Системы народного образования среди национальных меньшинств Казахстана // Восточный архив. 2021. №2(44). С. 74-75.

520. Шнирельман, В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под ред. Е. И. Пивовара. Вып. 2. М., 1999. С.118-147.
521. Эргашев, Б.Х. Из истории становления и развития общественно-политических идей джадидизма. Идеология младобухарцев : дис. … д-ра филос. наук : 09.00.03 : защищена 15.05.1993 : утв. 20.07.1993 / Эргашев Баходур Хожикурбанович. Бухара, 1993. 316 с. Библиогр.: С. 300–316.
522. Эриксон, Э. Детство и общество / Пер. с англ. Обнинск, 1993; Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. 341, [1] с.
523. Эткинд А. Внутренняя колонизация: имперский опыт России ; пер. с англ. В. Макарова. 4-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 448 с.
524. Юсупов, И.И. Участие дунган в установлении Советской власти в Семиречье. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1959. 160 с.
525. Ян, Фань. Социально-профессиональная структура дунган. Выпускная квалификационная работа ; науч. рук.: к.с.м. доц. преп. И. В. Ивлева. СПб, 2016.
526. Ярков, А.П. «Иноземцы», «иноверцы», «инородцы» в Азиатской части России // Евразийство и мир. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inozemtsy-inovertsy-inorodtsy-v-aziatskoy-chasti-rossii (дата обращения: 27.05.2024).

На европейских языках:
527. Anderson, B. Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1983. P. 20-31.
528. Bell, D. Ethnicity and Social Change // Ethnicity Theory and Experience. Cambridge; Massachusetts, 1975.
529. Bennigsen, A., Lemercier-Quelquejay, Ch.L. Islam in the Soviet Union. New York, 1983. 305 pp.
530. Bosworth, C.E. Ṭurān // Encyclopædia Iranica. 1994. P. 203, 205-209. Термин известен еще из эпической поэмы Фирдоуси «Шахнаме» X-XI века.
531. Braude, Benjamin. Foundation Myths of the Millet System. URL: https://www.rienner.com/uploads/53e278dea4631.pdf.
532. Brophy, D. Uyghur Nation: Reform and Revolution on the Russia-China Frontier. Harvard University Press, 2016.
533. Carrère, d'Encausse H. Islam and the Russian Empire : Reform a. revolution in Central Asia / Hélène Carrère d'Encausse ; Préf. by Maxime Rodinson ; Transl. by Quintin Hoare. - London : Tauris, Cop.1988. 267 pp.
534. Clabb, O.E. China and Russia: The Great Game. New York, 1971.
535. Cleveland, William L. The Making of an Arab Nationalist, Ottomanism and Arabism in the Life and Thought of Sati' Al-Husri. Princeton : Princeton University Press, 1972. 193 pp.
536. Dillon, M. China's Muslim Hui community: migration, settlement and sects. Routledge, 1999.

537. Fairbank, J.K. The great Chinese revolution:1800-1985. New York, 1986.
538. Forbes, A.D. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911–1949. Cambridge, England: CUP, 1986.
539. Friederich M. Ostturkestan? Xinjiang? Uyghurestan?. Köln, 1995. P. 6–7.
540. Hall, J. Nationalisms, Classified and Explained // Notions of Nationalism. Budapest, 1995. P. 8-28.
541. Hamada, M. La transmis sion du movement nationalist au Turkestan oriental (Xinjiang) // Central Asian Studies, 1990. Vol. 9. No.1. P. 29–48
542. Haugen, A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. — Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2003. 276 pp.
543. Hobsbawm, E. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
544. Kamalov, A. Birth of Uyghur National History in Semirech'ye. Näzärγoja Abdusemätov and His Historical Works // Oriente Moderno. No. 96. 2016. P. 181–196.
545. Kamalov, A. Links across time: Taranchis during the uprising of 1916 in Semirech'e and the "Atu" massacre of 1918 // The Central Asian Revolt of 1916: A Collapsing Empire in the Age of War and Revolution; editors Chokobaeva Aminat, et al.1st ed. Manchester University Press, 2020.
546. Kamalov, A. Uyghur Studies in Central Asia: A Historical Review // Asian Research trends. New Series. № 1. Tokyo: The Toyo Bunko, 2006. P. 3—32.
547. Kamalov, A., Clark, W. Uighur migration across Central Asian frontiers // Central Asian Survey. № 23(2). 2004. P. 167—182.
548. Keddie, Nikki R. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyid Jamal ad-Din "al-Afghani". University of California Press, 1983.
549. Khalid, A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2021.
550. Khalid, A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca and London : Cornell University Press, 2015.
551. Kim, Hodong. Holy War in China: The Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864-1877. Stanford University Press, 2004. Lipman J. N. Familiar strangers: a history of Muslims in Northwest China. Hong Kong University Press, 1998.
552. Koçunyan, Aylin. The Millet System and the Challenge of Other Confessional Models, 1856–1865 // Ab Imperio. 2017. Vol. 2017, no. 1. P. 59–85. Project MUSE, doi:10.1353/imp.2017.0004.
553. Kohn, H. The Idea of Nationalism. New York, 1994.
554. Kymlicka, W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford University Press, 1995.
555. Lattimore, O. Return to China's Northern Frontier // The Geographical Journal, Vol. 139, No.2 (Jun., 1973), P. 233–242.
556. Lee, Yee Lak Elliot. "Muslims as 'Hui' in Late Imperial and Republican China. A Historical Reconsideration of Social Differentiation and Identity Construction." Historical

Social Research / Historische Sozialforschung, vol. 44, №3(169). 2019. С. 226–263. URL: https://www.jstor.org/stable/26747456.
557. Marc, E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la societé. P., 2009
558. Millward, J. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. NY : Columbia University Press, 2007.
559. Morse, H. B. International relations of the Chinese empire. New York, 1917.
560. Rawski, Evelyn Sakakida. Chinese society in the eighteenth century. New Haven; London : Yale univ. press, Cop. 1987.
561. Smith, J. Four Generations of Uyghurs: The Shift towards Ethnopolitical Ideologies among Xinjiang's Youth // Inner Asia. 2000. Vol. 2. No.2. Special Issue: Xinjiang. P. 195–224.
562. Shao, Dan. Chinese by Definition: Nationality Law, Jus Sanguinis, and State Succession, 1909–1980, Twentieth-Century China, 35:1, 2009.
563. Wang, Ke. The East Turkestan Independence Movement, 1930s-1940s. Hong Kong : Chinese University Press, 2018.

На турецком языке:
564. Tursun N.. 1933 ve 1944 Yıllarında Kurulan Doğu Türkistan Cumhuriyetleri Hakkındaki Kaynaklar ve Bu Kaynakların Değeri // Uluslararası Uygur Araştırmaları Dergisi. 2020. №16. С. 233-257. [Турсун Н. Источники о республиках Восточного Туркестана, созданных в 1933 и 1944 годах, и их значение // Международный журнал уйгурских исследований].

На узбекском языке:
565. Асанов Г. Р. Узбекистон ССР ахолиси. Ташкент : Узбекистан, 1987. 39 б. (УзССР «Билим» жамияти) / Население Узбекской ССР. Ташкент : Узбекистан, 1987.
566. Атзамхужаев С. Туркистом мухторняти: Миллий-демократик давлат-чилик курилиши тажрибаси [Туркестанская автономия : опыт строительства национально-демократического государства] // гл.редактор Д. Алимова. Ташкент : «Маънавият», 2000.
567. Eshpulatova N. S. XX asr boshida Turkistonning ijtimoiy-siyosiy va ma'naviy ahvoli, tarixiy shart-sharoitlar [Социально-политическое и духовное состояние, исторические условия Туркестана в начале XX века] // International scientific journal of Biruni. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/xx-asrda-turkistonning-ijtimoiy-siyosiy-va-ma-naviy-ahvoli-tarixiy-shart-sharoitlar.
568. Туркистон Россия ва Хитой оралиғида [Туркестан между Россией и Китаем]/ Др. Боймирза Хайит [Доктор. Баймирза Хаит]. Таржимон: Б. Исабек-Урдабекли. Тақризчилар: Н. Каримов ва бошқ. Масъул мухаррир: Қ. Ражабов. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2023.

На казахском языке:

569. Қазақстан ұйғырлары [Уйгуры Казахстана] / Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, А.К. Камалов. Астана. 2016.
570. Қазақстан дүнгендері [Дунгане Казахстана]/ Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, А.К. Камалов, З.С. Имярова. Астана. 2016.
571. Татимов М. Т. Летопись в цифрах. Алма-Ата : Наука, 1968.
572. Мұқаметханұлы Н. Ізденіс: тарих және замана. Алматы : Мерей баспасы, 2014.

На китайском языке:
573. Ван, Кэ. Гоцзи чжэнчжи шие ся дэ «Синьцзян Цзяншэн» [Создание провинции Синьцзян в международно-политической перспективе] // Эрши и шицзи [Двадцать первый век], 2007. №2(99). С. 40-53. (王 柯《國際政治視野下的 ┌ 新疆建省 ┘》. 二十一世紀雙月刊 2007 年 2 月號 總第九十九期)
574. Ван, Кэ. Сяоши дэ «гомин» цзиньдай чжунго «миньцзу» юй шао шу миньцзу дэ гоцзя жэнь тун [Исчезающая нация: дискурс «нации» в современном Китае и национальная идентичность национальных меньшинств]. – Сянган: Издательство Китайского университета, 2017. (王柯. 《消失的「國民 近代中國的「民族」話語與少數民族的國家認同》. 香港: 中文大学出版社,2017).
575. Ван, Кэ. Чжунго, цун «тянься» дао минь цзу го цзя [Китай: от Тянься к национальному государству]. Тайбэй: Чжэнчжи дасюэ чубаньшэ, 2017. (王柯.《中国，从天下到民族国家》. 台湾: 政治大学出版社, 2017.
576. Вэйуэрцзу цзяньши. [Краткая история уйгуров]. Улумици. Синьцзян Жэньминь Чубаньшэ [Урумчи: Народное издательство Синьцзяна], 1989. (《维吾尔族简史》新疆人民出版社, 1989). 418 с.
577. Гэ, Чжаогуан. Сун дай «Чжунго» иши дэ тусянь — гуаньюй цзиньдай миньцзучжуи сысян дэ игэ юаньюань [Выраженность сознания «Китая» в эпоху Сун: к одному из дальних истоков современного национализма] // Миньцзу шэхойсюйэ яньцзю тунсюнь = Sociology of Ethnicity. 2019. Вып. 301. С. 1–10. (葛兆光.《宋代“中国”意识的凸显——关于近代民族主义思想的一个远源 》// 民族社会学研究通讯.
578. Инь, Чжигуан. Чжэнчжи шицзянь чжун дэ “Чжунхуа миньцзу” гуаньнянь: Цун лисянь дао гэмин Чжунго дэ сань чжун цзычжи [Идея «китайской нации» в политической практике: три модели автономии от конституционализма до революционного Китая] // Legal Theory. 2018. URL: https://www.legal-theory.org/?mod=info&act=view&id=23796 (дата обращения: 07.10.2024). (殷之光.《政治实践中的“中华民族”观念：从立宪到革命中国的三种自治》// Legal Theory. 2018).
579. Ли Жудун. Диюй гуаньнянь юй миньцзу жэньтун и Чжун я Хуйэцзу [Dongganren] вэй чжун синь дэ као ча // Сибэй Миньцзу Яньцзю. [Пространственные представления

и этническая идентичность: исследование на пример хуэйцзу (дунган) // Северо-Западное этнологическое обозрение]. 2015. №3. С. 145–158. (李如东《地域观念与民族认同：以中亚回族（东干人）为中心的考察》// 西北民族研究, 2015).
580. Ли, Сяосю. Вань Цин фаньи юй миньцзу гоцзя сянсян: и сянсян дэ гунтунти лилунь вэй цзи чу [Перевод в конце династии Цин как способ воображения нации: на основе теории «воображаемых сообществ»]: диссертация на соискание ученой степени PhD / руководитель Gregory B. Lee, Dongfeng Wang. Lyon; Гуанчжой: Universite Jean Moulin (Lyon 3); Universite Sun Yat-sen, 2013. – Дата защиты: 29.05.2013. URL: https://scd-resnum.univ-lyon3.fr/out/theses/2013_out_li_x.pdf. (《晚清翻译与民族国家想象：以“想象的共同体”理论为基础》, 2013). 200 с.
581. Линь, Гань. Опыт исследования относительно происхождения и формирования дунганской нации // Синь цзянынэ [«Новое строительство»]. 1952. №2, 3. Пер. с кит. Г. Н. Райской. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/1954/01/eoarchive_1954_1_042_lin-gan.pdf (дата обращения: 07.10.2022).
582. Линь, Тао. Чжун я Дунганьюй яньцзю [Исследования по дунганскому языку Средней Азии]. Гонконг : Сянган цзяо юй чубаньшэ дэ тушу [Гонконгская образовательная пресса], 2003. (林濤. 《**中亚东干语研究**》香港: 香港教育出版社, 2003). 322 с.
583. Лю, Лили. Хуэй(Хой)Минь Улумуци юйянь чжи [Описание языка хуэй, живущих в Урумчи]. Урумчи : Синьцзян дасюэ чубаньшэ [Издательство Синьцзянского университета], 1989. (刘俐李. 《回民乌鲁木齐语言志》乌鲁木齐:新疆大学出版社, 1989). 265 с.
584. Мацумото, Масуми. Чжунго миньцзу чжэнцэ чжи яньцзю: и Цинмо чжи 1945 Нянь Дэ Миньцзулунь Вэй Чжунсинь [Исследование национальной политики Китая: с акцентом на «теории нации» с конца династии Цин до 1945 года]. Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 2003. С. 56-64. (松本真澄.《中国民族政策之研究——以清末至 1945 年的“民族论”为中心》. 北京：民族出版社 2003) (на кит. яз.).
585. Мяо, Пушэн, Тянь, Вэйцзян. Синьцзян шиган [Очерк истории Синьцзяна]. Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. (苗普生,田卫疆.《新疆史纲》新疆人民出版社, 2004). 485 с.
586. Оуян, Юньцзы. Синьцзян дицюй дэ синчжэн чжэнхэ юй гоцзя тун и (1912–1916) [Административная интеграция и национальное единство в Синьцзяне (1912–1916)] // Western Regions Studies. 2025. № 1. С. 67–81. (欧阳云梓.《新疆地区的行政整合与国家统一（1912—1916年）》//西域研究, 2025).
587. Рахметулла, А. Синьцзян Вэйуэрцзу Чжайцзидэ Цзяоюй Яньцзю [Исследование джадидского образования уйгуров в Синьцзяне]: Шоши суэ вэй луньвэнь / Синьцзян Шифань Дасюэ [Синьцзянский педагогический университет]. Улумуци, 2009. (热合木吐拉·艾山《新疆维吾尔族扎吉德教育研究(硕士学位论文,新疆师范大》, 2009) 51 с.

588. Синьцзян цзяньчжи. Ди и цэ. [Краткая история Синьцзяна. Т.1]. Улумици. Синьцзян Жэньминь Чубаньшэ. [Урумчи: Народное издательство Синьцзяна], 1978. (《新疆简史. 第一册. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社,1978》). 354 с.
589. Сюй, Цзяньин. Дун ту вэньти дэ лиши юй сяньчжуан шулунь [Вопрос Восточного Туркестана: история и современное состояние] // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) [Журнал Синьцзянского педагогического университета. Серия: Философия и общественные науки]. 2016. Т. 37. №6. С. 1–10.(许建英. 《东突”问题的历史与现状述论》).
590. Тянь Чжань, Ин. Лунь Вань Цин Си Бэй Бянь Цзян Вэй Цзи Юй Цин Тин Чу Ли Дуй Цэ [О кризисе на северо-западной границе в конце правления династии Цин и контрмерах правительства Цин] // Open Journal of Historical Studies, 2023, 11(1), С. 55-60.(田占营《论晚清西北边疆危机与清廷处理对策》)
591. У, Цинэ. Синьцзян: Миньцзу жэньтун, гоцзи цзинчжэн юй чжунго гэмин, 1944-1962. Голи Тайвань Дасюэ лиши сюэси яньцзю со боши луньвэн. [Синьцзян: национальная идентичность, международная конкуренция и китайская революция, 1944–1962 гг. – Phd, Национальный Тайваньский университет]. 2006. (吳啟訥.《新疆：民族認同、國際競爭與中國革命 1944 – 1962. 國立臺灣大學歷史學研究所博士論文) 827 с.
592. У, Цинэ. Цун до юань до ти дао до юань и ти цзу цюнь чжэн чжи син тай дэ лю бянь юй Чжун го ли ши дэ цзинь дай чжуань син [От «множества» к «единству в многообразии» – эволюция этнических политических моделей и современная трансформация истории Китая]. URL: https://mingqing.sinica.edu.tw/en/Academic_Detail/922 (дата обращения: 11.04.2024) (吳啟訥.《從「多元多體」到「多元一體」——族群政治型態的流變與中國歷史的近代轉型》.
593. Хань, Син. Хуа и чжи бянь цзи ци цзинь дай чжуань син. [Различия между китайцами и варварами и их трансформация в современную эпоху] // Дунфан Луньтань [Восточный форум] – Бэйцзин : Чжунго жэньминь дасюэ госюэюань, 2014 (5) [Пекин: Школа китайских исследований, Китайский университет Жэньминь, 2014, №5]. С.1–8. URL: https://inlnk.ru/VoLlJ6 (дата обращения: 11.12.2024). (韩星《华夷之辨及其近代转型》//东方论坛 - 北京:中国人民大学国学院, 2014, 5 期).
594. Хао, Цзяньин. Миньго шици гуаньюй Чжунго Синьцзян дуй вай гуаньси яньцзю [Исследование внешних отношений Синьцзяна в период Китайской Республики] : Phd. – Сиань : Shaanxi Normal University, 2012. (郝建英.《民国时期关于中国新疆对外关系的研究》博士学位论文). 197 с.
595. Цзинь, Бингао (чжу бянь). Чжунго миньцзу лилунь байнянь фачжань: 1900-1999 [Сто лет развития китайской национальной теории: 1900-1999]. Шэньян: Ляонин Миньцзу Чубаньшэ, 2008. (金炳镐（主编）.《中国民族理论百年发展：1900-1999》，沈阳：辽宁民族出版社 2008 年版). 677 с.

596. Цянь, Боцюань. Вэйуэрцзу дэ цзуюань цзи ци фасянди вэньти яньцзю // Синьцзян шэхуэй кэсюэ. [Исследование происхождения уйгуров и вопроса их прародины//Социальные науки Синьцзяна]. 2010. № 4. С.129-135, 142. (钱伯泉. 《维吾尔族的族源及其发祥地问题研究》// 新疆社会科学, 2010).
597. Чжао, Юньтянь, Чэн, Чуньдэ. Люэлунь циндай цяньци дэ “инь су эр чжи”. Цинхай Миньцзу Сюэюань Сюэбао. [Описание концепции раннецинского периода «Управлять с учетом [местных] традиций». Цинхайский институт национальностей. Вестник (гуманитарная серия)]. 1983, №2. С.72-75. (赵云田、成崇德：《略论清代前期的“因俗而治”》，《青海民族学院学报》1983 年第 2 期).
598. Чжун-Су Гуаньси Шиган (1917-1991) / Шэнь Чжихуа Чжубянь – Beijing : Синьхуа Чубаньшэ. [Обзор китайско-советских отношений (1917-1991) / под ред. Шэнь Чжихуа. Пекин : Издательство Синьхуа], 2007. С. 189–234 ()《中苏关系史纲（1917–1991）》//新华出版社). 489 с.
599. Чэнь, Хуэйшэн, Чэнь, Чао. Миньго Синьцзян Ши [История Синьцзяна в период Китайской Республики]. Урумчи : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. (陈慧生、陈超《民国新疆史》乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1999). 468 с.
600. Чэнь, Шуюй. 1919—1921 Нянь Ша Э байвэйцзюнь цаньбу дуй Синьцзян дэ циньжао [О набегах остатков Белой армии на Синьцзян в 1919–1921 гг.] // Сибу сюэкань. 2023. № 20. С. 24-26. (陈姝羽《 1919—1921 年沙俄白卫军残部对新疆的侵扰》//西部学刊, 2023).
601. Ша Э Цинь Хуаши. [История вторжения царской России в Китай]. Цзилинь жэньминь чубаньшэ, 1976. (《沙俄侵华史》吉林人民出版社, 1976). 382 с.
602. Ша Э юй Дунбэй [Царская Россия и Северо-Восточный Китай]. Чанчунь : Цзилинь вэньши чубаньшэ, 1985. (《沙俄与东北》长春:吉林文史出版社, 1985). 677 с.
603. Юй, Цзыдун. Лунь Цинчаодэ миньцзу чжэнцэ [Об этнической политике династии Цин] // Маньцзу яньцзю, 2005, 0(3). С. 41-51. (余梓东. 《论清朝的民族政策》. 满族研究, 2005).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Переводы материалов первого татарского литературного журнала «Шура», посвященных истории уйгуров и дунган

Включает в себя несколько статей, переведенных со старотатарского о китайском Туркестане, помещенных в журнале Шура с 1908-1912 год.

1908 год

Кульджинский султанат и кто такие таранчи?

(перевод с русского)

Часть 1.

Эту историю о возникновении среднеазиатских таранчей и учреждении ими независимого Кульджинского султаната на берегах реки Или поведал своим знакомым покойный ‘Абд ал-Басит, который является сыном сына первого султана Кульджи ‘Абд ар-Расуля.

Г.Ф.

По словам историков, в 1758 году китайцы переселили в область Кульджа из кашгарского Учтурфана шесть тысяч семей кашгарских сартов. Их цель заключалась в том, чтобы поселить крестьян, которые бы выращивали достаточное количество продуктов для обеспечения [китайских] войск, что будут размещены в Кульдже (маньжурцы). В качестве материальной помощи китайцы выделили этим сартам зерно для посева, по два быка и по двенадцать «лан» (один лан равен двум рублям) на семью. Тогда же этим сартам было дано официально название «таранчи», что буквально переводится как «сеятель». Каждая семья должна была ежегодно отдавать китайскому правительству 12 ху (48 пудов) зерна в качестве налогов. Эти таранчи были поселены в Кульджа и деревнях Ямату, Арстан[929], Хунухай, Каргус, Чулукай, Каш, Сиптай, Улантай, Китмин[930], Ушнаху и Дабун. Жителям Дабуна было велено защищать таранчей от нападения с запада, то есть со стороны русских.

Управление упомянутыми таранчи было поручено назначаемому китайским правительством «хаким-беку». Этот человек отчитывался за таранчи перед китайским правительством. За свою службу хаким-бек получал из китайской казны ежегодное жалование размером в 300 лан серебром. Кроме этого он имел право взимать налоги со своих соплеменников в том объеме, в котором он был в силах их собрать. Хаким-бек обладал очень большой властью и очень значительными полномочиями, он мог арестовать любого таранчи и конфисковать без суда и следствия его имущество, или даже лишить его жизни. Китайцы никогда не принимали жалоб на него.

Хаким-бек как правило выбирал себе в качестве помощников несколько человек из числа своих родственников. Один из них назывался «ишкага» и исполнял роль советника, второй – «шанбики» – был казначеем, третий - «мураб» - выполнял поручения. Хотя эти четыре чиновника и были из числа мусульман, они принуждались отращивать волосы и заплетать их в косы, подобно китайцам. Остальные таранчи именовались китайцами «джан-ту» и не имели права носить косы. Хотя китайское правительство и не ущемляло религию подвластных себе мусульман, но все же категорично не разрешало таранчи носить чалму.

Если не принимать во внимание, что ежегодно несколько сотен таранчей лишались своих голов китайцами и «уважаемыми» хаким-беками, то можно сказать, что жизнь текла в спокойном русле. Так продолжалось вплоть до китайско-французской войны. Как известно, во время этой войны китайское государство испытало множество бед и понесло большие расходы, что привело к оскудению казны. Государство временно не смогло высылать жалование кульджинской армии. Поскольку 48 пудов зерна, собираемых с каждой таранчинской семьи, не хватало для содержания кульджинских войск, [подати] были увеличены до 32 ху (128 пудов). Помимо этого в качестве налога начали брать ежегодно с каждого дома по

929 В оригинале (ارستان — A-P-C-T-A-H).

930 В оригинале (كتمن — K-T-M-H)

одной курдючной овце. Выдача армии дров, соломы для подстилки и других вещей была возложена опять же на таранчей. Упомянутые налоги легли тяжким грузом на таранчей, достигших к тому времени восьми тысяч семей (домов). Само собой очевидно, что за короткий промежуток времени у множества таранчей скопилось крайне много недоимок. Хаким-беки силой и гнетом заставляли своих единоверцев и соплеменников выплачивать налоги, а тех кто не мог расплатиться с недоимками, они начали отдавать в качестве слуг китайцам и дунганам, жившим в районе Кульджи. Дунгане по некоторым причинам были богаче таранчей. В этот период среди таранчей начали появляться признаки недовольства своим положением. Они терпели из последних сил, скрывая то, что творится у них в сердцах.

Наступил 1864 год. Мусульмане-дунгане внутренних областей Китая[931] подняли бунт и начали побеждать китайцев. В отместку за это китайцы Кульджи неожиданно совершили нападение на дунган крепости (*кальга*) Таранчи[932]. Эти дунгане жили тихо и не причиняли ни какого вреда китайцам. Услышав об этих событиях, таранчи очень сильно пожалели своих единоверцев дунган. Так как данное нападение представляло собой месть со стороны китайцев, последние в случае победы перебили бы всех дунган. Предводитель дунган Ягур, собрав три тысячи своих товарищей, оказал крайне ожесточенное сопротивление китайцам и не отдал им крепость. Китайцы ощутив такую силу у противника, оказались в растерянности. Воспользовавшись этим, Ягур отправил посланцев хаким-беку таранчей, коим был мой дед ‘Абд ар-Расул (читатели, наверное, помнят, что об этом событии рассказывает ‘Абд ал-Басит ага), с просьбой оказать помощь против китайцев. Ягур полагал, что китайцы, перебив дунган, примутся истреблять таранчей.

В то время, когда эти посланники передавали просьбу моему деду, у того находился в гостях один крупный китайский чиновник. Он разобрал и намотал на ус сказанное дунганами. Мой дед понял это по лицу китайца и предпринял хитрость, прокричав: «Я не разделяю мнение Ягура, китайцы не станут угнетать смиренных таранчей», но в то же время дал дунганам знак пальцем. Дунгане тут же вскочили и схватили китайского чиновника, а затем, выведя его во двор, отрубили ему голову. После этого они сразу же вошли в другой дом и убили пировавших в нем китайских солдат. Мой дед ни словом, ни знаком не воспрепятствовал дунганам, так как в то время был занят тем, что повелевал всем таранчам Кульджи надевать чалмы.

(продолжение следует)

Часть 2.

Кульджинский султанат и кто такие таранчи?

(номер 17)

Таким образом начался таранчинский бунт. Все эти события произошли ночью.[933] Мой дед собрал некоторое количество таранчей и отправил их на помощь дунганам в Тарджи. Остальным же он велел атаковать квартал (*махалля*) китайских торговцев в Кульджа. Таранчи тут же выполнили возложенное на них поручение и не оставили ни одной живой души в китайской махалле, [всех] перебив. Уже на следующий день восставшие, вооружившись топорами и вилами, лопатами и палицами, напали на располагавшуюся недалеко от них крепость (*кальга*) Чихпанза (چیحپانزه)[934]. Китайский гарнизон этой крепости быстро сдался в плен, хоть и был хорошо вооружен. Данное нападение происходило под руководством моего деда. Таранчи, овладев здешним оружием, окружили более значительную крепость Баяндай. На помощь баяндайскому гарнизону из крепости Кульджа (город Кульджа и его крепость отдельные [объекты]) вышло четырнадцати тысячное китайское войско. Осадившие Баяндай таранчи сразились и с этими четырнадцатью тысячами, обратив их в бегство. Лишь немногим из этого войска удалось выжить, бросив свое вооружение, все припасы и обоз, они укрылись в крепости Кульджа. Вполне естественно все это имущество попало в руки таранчей. Таранчи взяли их (*укрывшихся в крепости — Примеч. пер.*) в окружение. Войска Кульджи после долгой осады начали голодать и осознали, что помощи ждать не стоит, после чего сдались на милость таранчей. Таранчи проявили к ним азиатское милосердие и заклали их всех как овец. Однако эти китайцы не сожалели о том, что были зарезаны: ведь находясь в осаде внутри крепости около года, они от голода начали есть не только мясо собак

---

931 В оригинале буквально «внутри Китая».

932 Из текста следует, что крепость называлась Таранчи.

933 Имеется в виду описание событий из прошлой части в номере 16.

934 Возможно, в тексте опечатка, дана по буквенную транслитерацию.

и пойманных кошек, но даже и своих товарищей, убитых по жребию. Таранчинские мечи избавили их разом от тяжких мук голода. После трех-четырех месяцев осады Баяндая «мина», заложенная таранчи по имени Садр, разрушила одну из стен городской крепости и таранчи проникнув через [образовавшийся пролом] с боем, овладели крепостью. После захвата Кульджи, мой дед ‘Абд ар-Расул, который считался прежде продавшимся Китаю чиновником, объявил себя султаном восставших таранчей. Восставшие согласились с этим. Китайские торговцы и земледельцы этих краев уже давно сбежали во внутренние области Китая, а их войско оказалось поверженным. Таранчи ничего не мешало объединиться и создать единое государство.

Однако не прошло много времени, как некий неизвестный человек убил моего деда ‘Абд ал-Расуля. Вместо него султаном объявил себя некто по имени Мазамат (‘Азамат), занимавший пост губернатора (*хаким-бек*) до моего деда. Народ не стал протестовать и против этого. Тогда же среди людей получила распространение весть, что ‘Абд ал-Расуля убил один из приближенных Мазамата по имени Амин-хан Худжа (*или Ходжа - Примеч. пер.*), который называл себя сеййидом из числа потомков пророка. Таранчи считали этого человека мелким обманщиком. После того, как Мазамат стал султаном Амин Худжа сильно возвысился, сей факт продемонстрировал ясным образом каждому как наличие связи между убийством ‘Абд ал-Расуля и восшествием на престол Мазамата, так и причастность к этому Амин Худжа. Первое, что сделал султан Мазамат, - убил происходившего из рода ахундов дворцового врача муллу Наср Амин ахунда, который пользовался большим уважением и почитался ученым среди таранчей. Кери (كرى)[935] Худжа из числа «сеййидов», лицемерничая при Мазамате, резко пошел наверх и был назначен на пост главнокомандующего армии султаната. Народ оказывал этому человеку большое доверие, несмотря на его молодость и персидское происхождение (*‘аджам миллатендан*)[936]. Кери Худжа организовал для Мазамата постоянное подразделение (*фирка - буквально дивизия — Примеч. пер.*) армии таранчи, хотя численность последнего насчитывала всего лишь сто человек, оно одевалось в прекрасное обмундирование на европейский манер. Для того, чтобы показать армию более сильной были изготовлены деревянные пушки и, хотя из них так никогда и не стреляли, правители и военачальники таранчей были уверены, что благодаря им государство таранчи будет всегда находиться в безопасности от нападения Китая и России на Кульджу. Поскольку Кери худжа считался среди таранчей врачевателем и ясновидцем, его положение в Таранчинском султанате было очень высоким. Где он овладел врачеванием? Учился ли он, обладает ли познаниями? Получал ли кто-нибудь от него пользу? Этого ни кто не проверял, но каждый таранчи верил как в Аллаха, что если Кери Худжа пожелает, то он повернет течение вод Или вспять.

Для того, чтобы продемонстрировать сущность Кери худжа, вероятно, будет достаточно поведать о следующем событии. Однажды ему выстрелили в бедро. Пуля проникла в его плоть. Кери Худжа позвал двух брадобреев и велел им извлечь эту пулю.

(Продолжение следует)

Часть 2.

Кульджинский султанат и кто такие таранчи?

(номер 18)

Брадобреи извлекли пулю, попавшую в бедро Гери[937] худжа. Отчего-то он не хотел, чтобы люди узнали о попадании пули в его бедро и… тут же отрубил головы упомянутым брадобреям. Пока Гери худжа залечивал рану, каким-то человеком был убит Мазамат. Тогда Гери худжа взял и объявил себя султаном. Народ не стал протестовать. Ведь народ был безжизненным, подобно ягненку страшась любого обладателя власти. Не прошло много времени, как самого Гери худжа убил некто по имени мулла Шукут[938], который затем объявил себя султаном. Народ не протестовал и против этого. Мулла Шукут назначил главой армии не умеющего читать и писать, но считавшегося среди тарачей очень смышленым и остроумным ‘Абдаллах углы.

---

935 Можно прочитать как Кири, Кари или даже Гирей.

936 Под термином «‘аджам» понимаются или вообще неарабы или именно персы, но здесь используется слово «миллат» (нация или национальность).

937 В третьей части статьи используется буква Г (گ), а не К (ك). Поэтому может это и Герей.

938 Возможно, Шаукут или Шавкат, в оригинале «شوقوت».

Единственным недостатком последнего было чрезвычайное хвастовство и безостановочная ложь. Однако по какой-то причине войсковой судья (*кадиаскер*) и ахунд деревни Арстан, располагающейся на берегу реки Или, выдал упомянутому ‘Абдаллах углы фетву о дозволенности умерщвления муллы Шукута и убийцы моего деда Амин хан худжи, а также лично оказал тому содействие. ‘Абдаллах углы очень быстро лишил жизни их обоих и в 1867 году объявил себя султаном под именем Ибрахим углы.

Ибрахим углы правил Кульджинским султанатом в здравии до 1870 года[939]. Несмотря на то, что за эти четыре года появлялось множество людей, желавших его убить, ни одному из них не удалось добиться своей цели, так как сей султан держал около себя сильную охрану и платил тайным агентам (*хафийа*). Те, в ком Ибрахим углы сомневался или кого, он не любил, быстро лишались головы, его несправедливости не было предела.

В это время в Кашгарии появился знаменитый Я‘куб хан и стал добиваться независимости для кашгарских мусульман, он отправил гонцов также и к Ибрахим улы, предложив тому совместную войну против китайцев. Однако Ибрахим углы, будучи восхищенным своими деревянными пушками, отверг данное предложение. Он мечтал победить китайцев силами армии Таранчи, а затем завоевать Кашгар и Туркестан. (В то время как численность таранчи не превышала пятидесяти тысяч). Ибрахим углы был сильно увлечен мыслью о захвате военным путем Семиречья (*Жидесу*), Туркестана, Бухары и многих других азиатских областей и государств. Все окружавшие его чиновники также крепко верили в осуществимость этих планов.

Настал 1870 год. Летом того года в Кульджу прибыл человек по имени Таза-бек, сбежавший с русской территории. Оказалось, что он совершил побег из тюрьмы Алматы. Губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский потребовал от Ибрахима углы задержать и выдать этого человека. Ибрахим углы был оскорблен тем, что Колпаковский, не испытывая перед ним страха, выдвинул столь категоричное требование. Ругаясь, он дал ответ такого содержания: «Колпаковский не хан и не султан, поэтому я не стану унижаться, рассматривая его требования». Ожидая начала войны, он принялся готовить к ней собственное население, распространяя среди него такие слухи: «Русские совершенно не умеют воевать, хотя они и захватили Среднюю Азию, но сделали это не посредством силы и умения, Аллах сам вверил мусульман за их грехи в руки русских. Русские войска еле видят даже в ясные и светлые дни, их очи слепы. Если при встрече с ними мы прочтем суру «Фатиха», то они совершенно ослепнут и рухнут, споткнувшись. Если русский солдат сядет на лошадь, он тот же час свалится наземь, не умея скакать...». Таранчи начали с радостью ожидать начала войны, считая, что русская армия слабее китайской и, что если начнется война, то таранчи несомненно одержат верх и возьмут Туркестан, изгнав русскую армию из Средней Азии.

Весной 1871 года неожиданно пришла весть, что русская армия подошла к деревне Дабун, расположенной на левом берегу реки Или. Ибрахим углы спешно начал подготовку своих войск. Против русской армии выступило войсковое соединение (*фирка*) таранчинской армии под командованием человека по имени Тукулак. Вооружение этой армии состояло из палиц, лопат и топоров, а также нескольких ружей. Началась война. Таранчи убили несколько русских и обезглавили четверых из них. Война усилилась, многие таранчи погибли, остальные разбежались кто куда. Когда головы этих четверых русских доставили Ибрахим углы, он сказал: «Теперь русские в огромном горе. Они не стерпят. Вся Россия встанет против нас».

Неожиданно русские без боя взяли крепости Каргуси, Субдун и Баяндай. Хотя их гарнизоны и хотели бы стойко сражаться с русскими, но они не смогли выдержать грохота пушек. Пришла весть, что они сдались в плен, испугавшись шума. «Султан султанов» Ибрахим углы совершенно об этом не беспокоился, говоря: «Если в дороге выпадет чека [телеги], то это к добру». Вскоре тот же грохот пушек раздался и в Кульдже. Султан быстро вскочил на лошадь и, выйдя вместе с визирем визирей к русской армии, окружившей город, стал умолять: «Ради Бога, не стреляйте из пушек! Ведь мои жены ужасно боятся этих звуков. Какие бы условия вы не выдвинули я приму их все и сдамся в плен, только остановите грохот пушек!»

Таким образом прекратил свое существование собиравшийся захватить половину Азии «Великий» султанат Кульджи (который состоял из 10-15 деревень). Его деревянные пушки после нескольких выстрелов превратились в щепки, а ядра не смогли вылететь даже за пределы крепости. Несчастные таранчи не смогли найти свободы и счастья ни под властью Китая, ни в период независимости, ни в наши дни…

Переводчик: Г. Ф.

Шура. 1912. № 6. С. 177.

939 Возможно, опечатка.

Таранчи

В «Шура» (1 том, 503 страница)[940] было написано следующее: «Китайцы переселили в Гульджу из кашгарского Учтурфана шесть тысяч семей сартов...». Упоминание здесь Учтурфана ошибочно. Если бы господин историк ограничился лишь словами «из Кашгарии», то привел бы верные сведения. Так как китайцы переселили шесть тысяч тюрков, отобрав по 4-5 семей сартов не из города Учтурфан, а из всех городов и деревень кашгарского вилаята (1)[941]. Больше всего переселенцев было из таких городов как Кашгар, Аксу, Дулан, Хотан, Куна (كونه), Турфан и т. д.

Тюрки таранчи до сих пор называются в связи со своими исходными городами: кашгарцами, дуланцами, аксунцами, хотанцами, турфанцами.[942] Все это очевидно и ясно всем от стариков и до детей таранчи. Но никому не известно, чтобы хоть кто-то переселился из Учтурфана.

Еще в одном месте «Шура» говорится, что тюрков таранчи в 1864-70 годах было 8 тысяч семей и их численность не превосходила 50 тысяч человек. И здесь закралась ошибка. Данная ошибка господина историка кроется в популярном в те времена среди тюрок таранчи и чиновников[943] выражении «8 тысяч дворов» («*или 8 мең*») и незнании смысла слова «таранчи». Ведь в ту пору численность тюрок таранчи должна была быть намного выше и говоря «восемь тысяч дворов» подразумевалось не 8 тысяч семей, а 8 тысяч таранчей. Дело в том, что в те времена было много бедных людей, не являвшихся земледельцами[944] (дехкан), они не подпадали под термин «таранчи» и освобождались от албан ясак. Из тех, кто относился к числу земледельцев (*таранчи*), две семьи назывались одним таранчи, к ним присоединялась еще и третья семья именуемая «била» (то есть помощники). Таким образом три семьи носили одно название «таранчи». Даже в наши дни следуя манере прошлого среди более бедных земледельцев (*таранчи*) две семьи считаются одним домом (тутун). Албан ясак также считается от одного дома. Следовательно в те времена таранчи должны были насчитывать более 20 тысяч семей. Несмотря на то, что современная численность тюрок таранчи не известна, но если исходить из количества таранчей Гальджата, можно предположить, что их не менее 400 тысяч. Однако в мире нет других тюрок, которые бы испытали на себе столько же повторяющихся всеобщих несчастий, сколько тюрки Гальджата. Оставим в стороне получившие среди них распространение в последние три года такие инфекционные заболевания как оспа, корь и тиф[945], которые каждый год уносят в могилу сотни людей, а также калмыков, которые вырезали и убивали их в ужасающем количестве в пору Гульджинского ханства. Уже сразу после прибытия в Гальджат умерла половина переселенцев. По высказываниям предков, слово «Гальджат» якобы означает «истребляющий». А Аллаху известно лучше.

Назар Худжа. Гальджат.

---

940 Имеется в виду первый год выпуска – 1908.

941 (1) После этого открылся путь к переселению в вилаят Гульджа и до сих пор не переставая время от времени появляются переселенцы. Вполне естественно они смешиваются с местным населением и становятся таранчи.

942 В оригинале автор использует довольно странную форму этих слов, в буквальном переводе «кашгарство, дуланство, аксунство, хотанство, дуланство».

943 В оригинале – «государство».

944 В оригинале – «таранчи».

945 В некоторых словарях переводится как «гонорея».

Приложение 2. Сводная таблица численности уйгуров и дунган

Год	*Уйгуры (или самоназвания таранчи, кашгарцы, алтышахарцы и др.)*	*Дунгане (хуэй)*
Вторая половина XIX века	55 999 (таранчи, Семиречье) 28 (таранчи, Самаркандская обл.) 425 (Мервский уезда Закаспийской области)	499(Сырдарья), 14130(Семиречье) 1640 (Ферганской области)
1870-х годах в Кульдже	51 000 (таранчи)	4 000 (дунгане)
По Первой всеобщей переписи 1897 года по родному языку распределение населения было таким: таранчинское – 56 412 чел.; кашгарское – 71 350 чел., китайское (возможно под него попадали и дунгане) – 16 303 чел.; еще одна категория, под которую могли попасть как уйгуры из Алтышахара, дунгане и представители других этнических групп, именовалась «тюркская народность без распределения». В ней оказалось 236 134 чел.		
Численность тюркской общины китайского Туркестана на начало XX века	Тюркоязычное (уйгурское) население - 320 000 чел.	
Переселенцы	Так, в 1883 году было зафиксировано 45 373 человека, в 1892 году — 51 097, в 1897 году — 55 999, в 1900 году — 62 044, в 1905 году — 63 407, а в 1910 году — 86 426 чел.	1000 чел. 1130 чел. 3314 чел. 1308 семей дунган Кульджи, в 1882 году – 587 семей численностью 2457 чел.
	Уже к 1883 году число переселенцев достигало 70 000 чел., включая таранчей, дунган и киргизов	
1917 год	300,000 (на территории современного Узбекистана)	Западном Туркестане - проживало 17 646 дунган, причем 6 052 из в городах Верном и Джаркенте
1920-1924 годы	По данным на 1922-1924 год: 40 000 таранчи, 300-400 тысяч алтышахарцы; К 20-ому году 62 303 чел. и кашгарцев (кашгарлыков), численность которых оценивалась комиссией в 39 528 чел. Т.е. суммарно численность уйгуров в 1920-х годах составляла не менее 101 831 чел.	20,000 (Семиречье) с февраля по март 1920 года из Китая в РСФСР уехало 500 семей дунган, в начале 1921 года к ним присоединились еще 165 семей
1926 год	Уйгуры - 42 555, таранчи – 53 010, кашгарцы – 13 010;	14 600 чел.

Составлено автором по архивным и историографическим материалам.